

Министерство образования и науки Российской Федерации
Амурский государственный университет

Фольклорно-диалектологический альманах

СЛОВО

Материалы научных экспедиций

Выпуск 8,
специальный

РУССКО-КИТАЙСКОЕ ЯЗЫКОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ РЕГИОНЕ

Благовещенск
2010

*Печатается
по решению ученого совета Амурского государственного университета*

Рецензенты:

*Самойлов Н.А., канд. ист. наук, доцент (Санкт-Петербургский госуниверситет)
Шенкевец Н.П., канд. филол. наук, профессор (Благовещенский гос. пед. университет)
Коломенская В.В., канд. филол. наук, доцент (Благовещенский гос. пед. университет)*

- С48 **Слово:** Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 8, специальный. Русско-китайское языковое взаимодействие в дальневосточном регионе / Под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. – Благовещенск: АмГУ, 2010. – 280 с.

Главной темой настоящего выпуска альманаха «Слово» является русско-китайское языковое взаимодействие в Дальневосточном регионе. Выбор темы обусловлен важным событием: 2010 год – Год китайского языка в России, поэтому в выпуске публикуются научные статьи не только по проблемам русского, но и китайского языка. К эксклюзивным следует отнести представленные в выпуске речевые портреты потомков от смешанных браков русских и китайцев, родившихся в России и в Китае. Китайская тема продолжена и в разделе «Школа», где в методических публикациях, во-первых, продемонстрирован пример подачи школьникам актуального для региона материала, связанного с древней культурой соседнего государства, и, во-вторых, собран опыт преподавания русского и китайского языков как иностранных в средних и высших учебных заведениях. Традиционно в разделах «Речевые жанры», «Лингвогеография», «Словарь», «Язык фольклора», а также в новом разделе «Когнитивная диалектология» содержатся собственно диалектные и фольклорные материалы. Публикации выпуска представляют интерес не только для лингвистов, но и для широкого круга читателей. К альманаху прилагается компакт-диск, включающий образцы речи и фольклора, получившие научную интерпретацию в выпуске, а также фото- и видеоматериалы, выполненные во время фольклорно-диалектологических экспедиций.

ББК 822.3(2Рос) – 67

Редакторы: Е.А. Оглезнева, д-р филол. наук
 Н.Г. Архипова, канд. филол. наук

Редакция компакт-диска: А.В. Бородатов, Д.Н. Галимова

Ответственный за выпуск: Н.А. Сосина

В оформлении обложки использована работа дальневосточного художника Николая Орлова.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-43194 от 24 декабря 2010 г.

© Амурский государственный университет, 2010
© Кафедра русского языка, 2010
© Лаборатория региональной лингвистики, 2010
© Оглезнева Е., Галимова Д., Белоусова Е., фото

ОТ РЕДАКТОРОВ

Выпуск альманаха, который читатель держит в руках, – особенный. Основная тема номера интересна в социалингвистическом и собственно лингвистическом отношении – межъязыковое взаимодействие в регионе, а именно – русско-китайское взаимодействие в Дальневосточном регионе. Кроме того, 2010 год – Год китайского языка в России, что делает основную тему выпуска вдвойне актуальной.

Сосуществование на сопредельных территориях двух народов, русского и китайского, вылилось в существование особых языковых фактов, в частности, особых типов языковых личностей, чья лингвистическая компетенция сложилась в обусловленности как объективных, так и субъективных факторов. Этой теме посвящен историко-лингвистический очерк Е.А. Оглезневой, отражающий как важные исторические вехи в жизни русского и китайского народов на Дальнем Востоке, а именно в Приамурье, так и результат языкового взаимодействия, проявившийся в разном уровне языковой компетенции тех дальневосточников и их потомков, которые оказались связанными узами смешанного брака. Эта публикация открывает раздел «Современные лингвистические исследования», в котором анализируются как различные аспекты межъязыкового, главным образом, русско-китайского лингвокультурного взаимодействия (статьи И.А. Кунгушевой, Н.Г. Архиповой, В.В. Коломенской, Н.В. Прощенковой), так и проблемы русской диалектологии (статьи А.П. Майорова, Л.А. Инютиной, Л.В. Кирпиковой, О.Ю. Галуза, Т.Ю. Игнатович, Е.И. Пляскиной, В.П. и Э.В. Васильевых), китайского языкознания (статьи И.Б. Кейдун, Ю.С. Сухиной, А.В. Шатравка), а также оказывается представлен один из научных проектов, связанный с региональным языковым существованием (статья Л.М. Шипановской). Присутствие на страницах альманаха статей китаеведов делает контекст лингвистических публикаций предельно широким.

В разделе «Речевые портреты» (ведущий раздела Н.Г. Архипова) представлен опыт речевого портретирования потомков от смешанных браков русских и китайцев, проживающих в России и Китае: Чжао Минся, 1968 г.р. и Валентины Белоусовой, 1936 г.р.

Третий раздел посвящен речевым жанрам (ведущий раздела Н.В. Лагута). Представленные материалы показывают тематическое и функциональное своеобразие жанра автобиографического рассказа в речи амурских старожилов. Китайская тема продолжена в одном из автобиографических рассказов, опубликованных в настоящем выпуске. Речевой жанр «Воспоминание», вербализующий прошлый духовный и исторический опыт, является неотъемлемой частью речи диалектоносителей. Подборка рассказов-воспоминаний, записанных в селах Амурской области в 2000-2009 гг., приурочена к памятной дате 65-летия Победы нашего народа в Великой Отечественной войне.

Материалы к Словарю русских говоров Амурской области (буква Л) содержат лексикографически обработанные результаты экспедиций 2000-2008 гг. в приамурские и призейские села (ред. Г.М. Старыгина, Н.Г. Архипова, Е.А. Оглезнева). Большинство слов и значений не зафиксировано в вышедшем ранее «Словаре русских говоров Приамурья» (М., 1983; Благовещенск, 2007).

В разделе «Лингвогеография» (сост. Е.Е. Рачко) в таблицах представлены материалы к диалектологическому атласу Амурской области. Таблицы составлены по результатам обследования ряда сел Михайловского и Свободненского районов Амурской области в 2008 и 2009 гг.

В настоящем выпуске – дебют раздела «Когнитивная диалектология» (ведущий – Д.Н. Галимова). В разделе предполагается анализировать диалектный материал в русле актуального и активно развивающегося научного направления, что поможет дополнить и расширить когнитивные исследования на материале других форм существования языка, а также консолидировать круг единомышленников – специалистов в области когнитивной диалектологии.

Раздел «Язык фольклора» (ведущий раздела А.В. Блохинская) включает систематизированное собрание фольклорных жанров, записанных в 2008-2009 гг. в селах Михайловского и Свободненского районов Амурской области: лирических и обрядовых песен, частушек, заговоров, оберегов, гаданий, пословиц, приговорок, дразнилок. Публикуемые материалы демонстрируют особенности бытования фольклорных жанров в начале XXI вв. в сельской глубинке. В данный раздел включены и так называемые «народные стихи», записанные в с. Дим Михайловского района от народной сочинительницы Е.Н. Кавардиной, поскольку особенности бытования этих стихов близки к фольклорным.

В раздел «Школа» наряду с методическими публикациями для учителей русского языка (И.В. Королькова, Г.К. Алексеева) и преподавателей русского языка как иностранного (Н.П. Шенкевец) включены методические материалы по китайскому языку как иностранному (О.А. Масловец, Н.С. Стародубцева, И.Е. Яценко, Н.В. Добровольская), что, как нам представляется, станет методическим подспорьем для преподавателей китайского языка, активно изучаемого в настоящее время в ряде школ и гимназий г. Благовещенска и Амурской области, а также в высших учебных заведениях региона. Специальных изданий по методике преподавания китайского языка в Амурской области нет, и наша методическая публикация в известной мере восполнит этот пробел.

К настоящему изданию прилагается компакт-диск, включающий образцы русской речи потомков от смешанных браков русских и китайцев, проживающих как в России, так и в Китае, а также записи диалектной речи старожилов сел Амурской области, хранящиеся в фонотеке архива лаборатории региональной лингвистики Амурского государственного университета. Составители альманаха не подвергали литературной правке диалектный текст, в нем сохранены все особенности спонтанной устной речи: паузы раздумий и подбора слов, переходы от одной мысли к другой и самоперебивы, повторы и грамматические неточности, обилие препозитивных и постпозитивных частиц, вводных слов и выражений и др.

Устная спонтанная речь передается в орфографической записи с отражением диалектных особенностей речи информантов. Такая запись принята в ряде работ по диалектологии¹.

Для передачи спонтанной речи используется система обозначений, принятая в работах по разговорной речи Е.А. Земской, М.В. Китайгородской, Н.Н. Розановой, Е.Н. Ширяева (1973, 1981, 1983, 1995, 1999 и т.д.): напр., для членения текста используются знаки препи-

¹ См., напр., сборник текстов «Живая речь русских старожилов Сибири» Е.В. Иванцовой (Томск, 2007).

нения, соответствующие правилам русской пунктуации и авторской интонации; новое высказывание начинается с заглавной буквы; при пропуске компонентов высказывания нереализованный компонент текста берется в круглые скобки: *г(ово)рит, (в)от, (о)гурцы*; неразборчивые при расшифровке аудиозаписи отмечаются сокращением (*нрзбр.*); пропуск фрагмента текста – знаком <...>; «чужая» речь в высказываниях информантов подается в форме прямой речи и др.²

Работу над альманахом предварял сплошной набор диалектной речи с магнитофонных кассет и цифровых носителей и последующая систематизация материалов, исходя из принципов цельности, связности, культурно-исторической значимости и диалектной показательности записанных текстов. Тексты, включенные в разделы «Речевые портреты» и «Речевые жанры», подвергались многократному прослушиванию и компьютерному анализу для уточнения особенностей речи информантов.

Техническая правка альманаха осуществлялась Н.А. Сосиной, выверка текстов и создание звуковой версии разделов «Речевые портреты» и «Речевые жанры» – Д.Н. Галимовой и А.В. Бородатовым; создание электронной версии картотеки для словаря – Н.А. Сосиной, А.В. Блохинской; создание исторических справок о селах, собирателях материала и кратких сведений об информантах – Д.Н. Галимовой.

Работу по сбору диалектного и фольклорного материала вели сотрудники лаборатории региональной лингвистики и студенты филологического факультета Амурского государственного университета.

Представленные в альманахе материалы могут стать объектом научного исследования и выступать как источник для изучения языка и культуры русского народа.

Настоящее издание и компакт-диск можно приобрести на кафедре русского языка и в лаборатории региональной лингвистики Амурского государственного университета по адресу: 675027, Амурская область, г.Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21, корпус 7, каб. 112 и каб. 407.

Телефон: 8-(4162)394583, 8-(4162)394588.

E-mail: slovoamgu@yandex.ru

Авторы альманаха будут признательны за отзывы, критику и конструктивные предложения.

² См. более подробно Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 4. Благовещенск, 2006. С. 4.

СОВРЕМЕННЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

МЕЖЪЯЗЫКОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Е.А. Оглезнева

РУССКО-КИТАЙСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НА ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ РОССИИ:

Историко-лингвистический очерк

Приамурье, как и весь Дальний Восток, представляет собой довольно пеструю в этнонациональном плане территорию.

Славянское заселение этой местности началось сравнительно недавно – с середины XIX в., и ему немногим более ста лет, причем происходило заселение с разных территорий России, Украины, Белоруссии в несколько этапов, что обусловило неоднородность в социальном и языковом (диалектном) отношении внутри славянской части населения Дальнего Востока. Заселение Дальнего Востока следует считать славянским в этническом плане (переселялись с целью освоения земель главным образом русские, украинцы, белорусы), но чаще это заселение характеризуют как русское, поскольку оно было инициировано и осуществлено Российским государством [1, с. 268].

Коренным населением края являлись ороchonы, гольды, манегры, тунгусы (эвенки) и некот. др. Эти народы и их языки также внесли свою лепту в языковую картину края, составляя неотъемлемую ее часть и, кроме того, оставили заметный след в местной топонимике.

Китайское и маньчжурское население – население граничащего с Россией государства – Китая также повлияло на язык региона и качественно изменило его языковую ситуацию, которая, в частности, с конца XIX в. характеризуется наличием в ней контактного языка – русско-китайского пиджина [См. об этом 2].

Языковой аспект русско-китайского взаимодействия находится в центре нашего внимания в данной статье, поэтому остановимся более подробно на исторических обстоятельствах этого взаимодействия.

1

Краткие исторические сведения о китайском присутствии в Приамурье в связи с проблемой межъязыкового взаимодействия со славянским населением в регионе³

1.1. Русско-китайское взаимодействие в дальневосточном регионе в конце XIX – начале XX вв.

На территории современного Дальнего Востока китайцы появились как следствие планомерной политики китайского правительства по переселению китайцев в Маньчжурию [3,

³ В разделе частично использованы материалы из монографии автора «Русско-китайский пиджин: опыт социолингвистического описания» (Благовещенск: АмГУ, 2007).

с. 186-187] и постепенно по своей численности стали доминировать над маньчжурами. Так, «в конце XIX– начале XX вв. доля китайского населения на Дальнем Востоке России составляла 10% общего населения региона. Китайцы представляли здесь вторую по численности (после русских) этническую группу населения и играли заметную роль в хозяйственной и духовной жизни Дальневосточного региона» [3, с. 170]. Происходила постепенная ассимиляция маньчжурского населения китайским: Маньчжурия, а также маньчжурское население в России окитаивались. По замечанию современника этого явления Евтюгина, во второй половине XIX в. «окитаивание Маньчжурии идет настолько успешно, что теперь уже опытные люди с трудом могут отличить маньчжура... от китайца. Начиная с одежды, устройства жилища, образа жизни и кончая языком – все китайское» [цит. по 3, с. 186].

Безусловно, такое положение дел не могло не отразиться на языковой ситуации. Известно, что маньчжуры постепенно утрачивали свой язык под влиянием китайского либо, сохраняя родную речь, использовали много китайских слов и выражений [3, с. 188].

В обыденном понимании дальневосточников китайцы и маньчжуры, как правило, тогда не различались: их всех считали и называли китайцами. Другим названием китайцев, активно функционировавшим на Дальнем Востоке, было «манзы» («манцзы»). Манзы, или манцзы – оседлые китайцы, проживавшие временно в Уссурийском крае, Приморской области на заработках [4, с. 238]. Такое название китайцы имели потому, что в Маньчжурию попали те из них, которые «спасались от наказаний и бежали из своего государства, или такие, которые не хотели подчиняться законам империи и желали жить в полнейшей свободе, на воле. Отсюда и название «манцзы», что значит полный или свободный сын» [5, с. 67]. В.К. Арсеньев в своей книге «Китайцы в Уссурийском крае» упоминал и о другой версии названия, ссылаясь на Е.А. Федорова: манцзы означает «выходец из Маньчжурии» [5, с. 67]. Еще одно толкование слова «манза» мы находим и в комментарии Е. Витковского и Ли Мэн к одному из стихотворений харбинского поэта А. Несмелова: *манза* (кит.) – букв. «дикий», «дикий человек»; в стихотворении – «житель дикого края» [6, с. 534].

«Лучший элемент», «самый смирный народ» – это характеристики китайцев, являющихся предметом бесконечных разговоров о них среди славянского населения Дальнего Востока. Китайцы располагали к себе своим трудолюбием и миролюбием, но пугали масштабами своего участия в общем трудовом процессе.

См., например, как пишет о китайцах русский путешественник и исследователь начала XX в. А.А. Кауфман после посещения Амурского края: «...никого не трогают, не пьянствуют, как наш брат русский рабочий; нетребовательны, работаючи – только цену русским рабочим сбивают». Это, быть может, главная причина той готовности, с которою русские жители Приамурья в 1900 году приняли участие в «усмирении» попадавших им под руку, нередко и вполне мирных, китайцев»⁴ [7, с. 6].

Или: «Говорят о них (китайцах – Е.О.) все без исключения чуть что не восторженно. Один расхваливает честность китайского рабочего, его верность данному слову, его методичность и аккуратность, другой рассказывает чудеса о земледельческом и огородном хозяйстве китайцев. «Не им у нас культуру перенимать, а нам у них», – говорит пассажир,

⁴ Речь идет об Ихэтуаньском восстании в Северном Китае в 1899 – 1901 гг.

едуший из Кяхты, и рассказывает, как около Кяхты китайцы на голом песке развели превосходные огороды. Третий распространяется насчет коммерческих способностей китайцев: «Появится китаец в деревне, товару у него на пять рублей, а через два-три года, глядишь, еврей бежит из этой деревни – ему не выдержать конкуренции китайца». И среди восторгов явственно проглядывает страх перед «мирным нашествием желтой расы», от которого местные люди не рассчитывают отбиться так легко, как в девятисотом году отбились от вооруженного нападения [7, с. 18].

Или: «В Хабаровске, да пожалуй и везде на Дальнем Востоке, мужик – это не тот «мужик», который кормил двух генералов в известной щедринской сказке. Обязанности этого мужика на Дальнем Востоке всецело перешли к китайцу, который кормит здесь не только генералов, но пожалуй что и того русского мужика-переселенца, который таким франтом разгуливает по улицам Хабаровска или Владивостока. «Китайский вопрос» – это больной вопрос у нас на Дальнем Востоке: бесправный, презираемый, отовсюду изгоняемый, китаец, однако, побивает всякую конкуренцию на почве упорного, методического труда, ограниченности своих потребностей и векового приспособления к условиям местной природы и хозяйства. И вот, одни придумывают всяческие способы, чтобы оградить Уссурийский край от мирного, но неудержимого нашествия «желтой расы»; другие хотят, напротив, взять с нее все, что она может дать, и воспользоваться ее руками для упрочения в крае русской культуры и русского благосостояния. Третьи – и очень многие – рассуждают приблизительно так, как рассуждал печатно один очень известный и даже весьма культурный местный коммерсант: он горячо доказывал необходимость допущения в край китайцев как земледельцев и чернорабочих, но не с меньшей горячностью требовал самых решительных мер против китайских «купецза», осмеливающихся – не страшно ли, в самом деле, подумать! – продавать товары значительно дешевле, нежели это благоугодно владивостокским и благовещенским монополистам» [7, с.107-108].

Китайцы и маньчжуры были прекрасными земледельцами, и их способы возделывания земли отличались от традиций славянского земледелия: выращивание злаковых и овощных культур маньчжурским способом было более трудоемким (поэтому русские земледельцы не хотели перенимать маньчжурский земледельческий опыт), но в то же время и оптимальным в дальневосточных климатических условиях:

«Паши по преимуществу обычного крестьянского типа; местами однако поля разработаны по-китайски, правильными грядками или гребешками, с посевами кукурузы, бобов, чумизы и с обязательною полоскою мака» [7, с. 140]. Вот что говорят сами русские крестьяне о китайцах-арендаторах и их культуре: «– Шибко хорошо для земли, – говорят они, – не выпахивается, пятьдесят лет пашню пахать можно; у них ведь, где нонче борозда, там на будущий год грядка с хлебом – вроде, значит, пара выходит, земля силу и держит. Для дождей тоже хорошо; по здешнему месту хлеба всё больше дождями портит: как польют дожди – хлеб поляжет да подопрет, а у них сколько дождя ни выпадет – все по бороздам стечет, да ветром обдует, хлеб и не ложится. А ежели и полег, тоже такой вреды нет, как на наших полях.

Как ни хороша китайская культура, однако сами петропавловцы ее не перенимают: «Нам, – объясняют они, – ихние порядки не годятся: китаец – он весь на пашне, и умирает

на пашне, то он ее полет, то пропахивает, то мотыжит, а нам этого нельзя, особенно ежели который одинокий, и без того не успеваем с сеном убраться, так где уж тут по-ихнему землю работать!..» [7, с. 141-142].

Кроме земледелия, занимались китайцы и своими национальными промыслами: добывали женьшень в амурской тайге, охотились на тигра, о чем также сохранились воспоминания современников.

Восстание ихэтуаней в Северном Китае, начавшееся в столичной провинции Чжили, а через месяц после начала – в июле 1900 г. – достигшее русской границы [8, с. 53] и проявлявшееся там наиболее ожесточенно из-за противоречивых интересов России и Китая в борьбе за Амур, не изменило массового отношения к китайцам как к трудолюбивой нации, пребывание которой на Дальнем Востоке России необходимо и не представляет значительной опасности.

Самым трагическим событием этой войны было насильственное выселение китайцев из Благовещенска в июле 1900 г. из-за опасений внутреннего китайского восстания [8, с. 58-59]. Выселение носило жестокий характер, а потому вызвало чувство вины у русской части населения и обострило понимание необходимости китайского присутствия в регионе:

«Но теперь китайские кварталы опустели, китайские деревни выжжены, а обитатели их либо перебиты и перетоплены, либо ушли за Амур, на китайскую сторону. Впрочем, Благовещенск недолго будет обходиться без китайцев: уже и теперь, меньше года после погрома, множество китайцев расхаживает по Благовещенским улицам, и мало-помалу они, конечно, опять обоснуются в городе и около города, опять сделаются главными поставщиками рабочей силы и разнообразных, особенно огородных, продуктов. А пока что благовещенцы без китайцев кряхтят и охают: в городе ни за какие деньги нельзя достать никакой зелени, кроме лука, проросшего на разоренных китайских огородах, яйца, которые китайцы продавали по 10-15 копеек, теперь от 30 до 50 копеек, а зимою стоили и до рубля десятков. Страшно вздорожал всякого рода труд: из китайцев благовещенцы брали домашнюю прислугу, дворников, чернорабочих, китайцы были дешевыми и аккуратными плотниками, каменщиками, малярами, печниками, и с уходом их за всякого рода поделки приходится платить буквально втридорога. Вообще в Благовещенске «без китайцев жить нельзя», в этом согласны, по-видимому, все благовещенские обыватели. Продолжает волновать благовещенцев и прошлогодняя «переправа», или расправа с китайцами. Одни оправдывают или извиняют ее, другие резко осуждают, но все, кто более, кто менее, конфузятся, всем хочется знать, «что говорят об этом», и все признают, что под флагом предупреждения и усмирения немало ненужно-жестокое и возмутительное» [7, с. 22].

См. также следующее высказывание одного из современников тех событий, переданное Кауфманом:

«– А знаете ли, – добавил рассказчик, – хорошо ведь китайцы с нашими казаками жили, дружно, накануне еще некоторые сюда в гости приходили: «не знаем, говорят, как мы ваша воевай буди». Можно было с китайцами жить по-соседски, только обижать их не очень. Вот наши раддевские всегда и косили у них, и скот пасли за Амуром – из наших никого и не тронули, даже когда начались беспорядки в Маньчжурии. Екатерино-Никольским, тем спуску китайцы не давали, потому те сами только и норовили, как бы китайца пристрелить да ограбить...» [7, с.97].

Множество примеров межнационального общения мы можем встретить в газетах начала XX в. См., напр., несколько комическое сообщение об упившихся незаконно переправленной маньчжурской ханшиной жителях Благовещенска в «Амурской газете», вышедшей в 1902 г.:

«16 ноября на реке Амуре против Станичной улицы у переправлявшихся в этом пункте китайцев в 4 часа вечера отобрано и вылито в яму до сорока лонков ханшины. Узнав об этом радостном событии, некоторые любители до выпивки из окрестных жителей с жадностью накинулись на источник, ложились на животы и пили, таскали ведрами, котелками, бутылками, черпали ковшиками и т.п. Одним словом, дошли до состояния добравшихся к хорошему корму свиней. В результате до поздней ночи здесь раздавались песни, производилась пляска, ругань и драка. В числе упившихся с неба свалившейся ханой наблюдались дети и подростки. На завтра, т. е. в воскресенье, 17 числа, многие из накануне упившихся ходили опохмеляться и за недостатком ханшины, исчезнувшей за ночь, лизали лед языками, ели снег и т. п.»[9].

1.2. Русско-китайское взаимодействие в дальневосточном регионе в 20-30 гг. XX в.

1.2.1. Китайцы на Дальнем Востоке России в 20-30 гг. XX в.

В послереволюционное время Российский Дальний Восток оставался чрезвычайно пестрым по национальному составу регионом, где активно контактировало разноязычное население: славянское – переселенцы и их потомки из России, Украины, Белоруссии; азиатское (так называемые «восточники») – китайцы и корейцы; аборигенное – нанайцы, удэгейцы, эвенки и др.

Численность пришлого китайского населения была значительной и постоянно менялась вслед за изменениями в российском обществе и в отношениях между Россией и Китаем.

В начале XX в. в связи с печальными событиями 1900 г., когда русско-язычное население Амурской области самочинно расправилось с мирными китайскими земледельцами и торговцами, произошел отток китайцев из Дальневосточного региона. Если в начале 1900 г. китайцев в крае насчитывалось около 23 тыс., то в 1901 г. их осталось всего 6 тыс. [10, с. 40]. Однако уже после 1905 г. приток китайцев в регион усилился, и, по официальным данным, в Приамурье и Приморье в 1910 г. находилось уже около 90 тыс. китайцев, а «фактически намного больше; подсчитать их не представлялось возможным, поскольку большинство прибывало в регион нелегально и нигде не регистрировалось» [11, с. 62].

Особенностью китайской иммиграции на Дальнем Востоке был ее временный характер (в отличие от корейской, например) [10, с. 40; 12, с. 14; 13, с. 163]. Китайцев не рассматривали в крае как колонистов. «Китайские рабочие, не задерживаясь надолго в крае, не создавали проблем с местным населением: они выполняли наименее квалифицированную работу в промышленности – именно ту, на которую русские рабочие, подчас имея какую-то, пусть небольшую, квалификацию, не соглашались (напр., в золотопромышленности, на частных предприятиях, где в основном применялся мускульный труд)» [13, с. 163].

В 20-е гг. численность китайского населения составляла в среднем 55 тыс. человек. По данным исследователей, на 1 января 1933 г. китайцев насчитывалось 57711 чел., в том числе

20709 рабочих, 158 служащих, 2975 колхозников [10, с. 40-41]. По другим данным, китайская община в советской России в 20-30-е гг. XX в. насчитывала более 100 тыс. человек [14, с. 171].

После 1917 г. присутствие китайцев в крае не воспринималось так напряженно, как до революции: идеи интернационализма, воспитания нового человека, «которому будет чуждо чувство великодержавного шовинизма, антисемитизма и местного национализма», как указывала Т.А. Лескова, прочно завоевывали позиции [15, с. 371]. Советская власть пропагандировала отношение к китайцам как к части мирового пролетариата.

Применение китайской рабочей силы в условиях ее дефицита на Дальнем Востоке в 20-30-е гг. XX в. было насущной необходимостью. Китайцы были заняты в сельском хозяйстве: выращивали зерновые и занимались огородничеством – возделывали пшеницу, чумизу, просо, сузу, мак, огурцы, помидоры, фасоль, сою, дыни, капусту; занимались таежными промыслами – добычей пушного зверя, пантов, струи кабарги, грибов, женьшеня и др. Некоторые из них нанимались в работники к русским крестьянам. По дальневосточным деревням было много китайских лавок, где продавали продукты, мелкую галантерею, спирт; осуществлялась китайцами и передвижная торговля, – как правило, в обмен на продукты. Некоторые китайцы держали маслобойни [12, с. 15-16]. Известно также, что китайцы выращивали опиумный мак на полях, арендуемых у переселенцев-новоселов. Нанимались они и на сезонные работы в городах.

Китайцы были активно задействованы в золотодобыче, восполняя недостаток в рабочей силе на золотых приисках: вербовку их осуществляли как на внутреннем, так и на внешнем рынке труда (в Сахалине, Сычагоу, Харбине) [16, с. 379-383]. Использовался труд китайцев и в угольной промышленности. Однако в целом по сравнению с дореволюционным периодом численность китайских рабочих как в угольной, так и в золотопромышленности снижалась [13, с. 165].

20-30-е гг. XX в. – время послереволюционных перемен в жизни России, в которые было вовлечено и китайское население: партийно-советская работа, внедрение пролетарских идей распространилось и на китайцев, что определило специфику их пребывания на дальневосточных территориях России.

Исследователи указывают, что большое количество китайцев приняло активное участие в гражданской войне на стороне советской власти [10, с. 41]. В послереволюционный период среди корейцев и китайцев создавались комсомольские и партийные ячейки [15, с. 371], велись политпросвещение и культурная работа, обеспечивалось их участие в социалистическом соревновании [16, с. 384-385]. В 1935 г. на Дальнем Востоке на учете состояло 14 китайских колхозов [10, с. 41].

Необходимость в труде «восточников» (китайцев и корейцев) и желание приобщить их к коммунистическим идеям побуждали местные власти проявлять заботу об их культурно-общественной жизни и образовании. Так, в 1926 г. в Хабаровске был решен вопрос о создании корейско-китайской типографии [15, с. 371].

Советская власть испытывала трудности при вовлечении китайского населения в советское строительство и связывала это с низким уровнем образованности местного китайского населения. На рубеже 20-30-х гг. XX в. на Дальнем Востоке были открыты новые и рефор-

мированы старые учебные заведения для китайцев, – напр., Дальневосточная китайская советско-партийная школа и постоянно действующие курсы для подготовки и переподготовки китайского партийного и комсомольского актива [14, с. 172-173]. Однако коренных изменений в этом направлении не произошло, и исследователи связывают это с особенностями китайской общины в России и спецификой русско-китайских отношений в регионе [14, с. 174].

Во второй половине 30-х гг. наметилась четкая тенденция к уменьшению численности китайцев на Дальнем Востоке, отчасти обусловленная и политикой местных властей к вытеснению китайского населения за пределы региона [10, с. 41]. Одной из причин этого было политическое положение России на Дальнем Востоке в то время: боязнь шпионажа, невозможность использовать китайское население для защиты СССР [13, с. 163].

Политика возвращения китайцев на родину стала проводиться правительством СССР в 30-е гг. По переписи населения 1937 г. китайцев насчитывалось 38,5 тыс., в том же году китайцы были в большинстве своем выселены в Китай, а около 10 тыс. репрессировано [11, с. 62]. Таким образом, территория края освобождалась от «неблагонадежных, классово чуждых элементов» [10, с. 41-42].

Тем не менее неофициальные контакты между русскими и китайцами на приграничных территориях не были прекращены, несмотря на запреты властей и охрану государственной границы. Осуществлялся обмен товарами между русским и китайским населением, случались и смешанные браки. Об этом свидетельствуют воспоминания старожилов современных амурских сел.

См., напр., воспоминания Поздняковой Любови Григорьевны, 1921 г.р., жительницы села Красный Луч Архаринского района Амурской области, записанные нами в 2003 г.:

Китайцы (...) зимой-то ходили, зимой ходили, вот. Перяходили и, эта, жили оны, как перейдут. Оны оттуда нясуть спирт, нясуть, эта, самогонку, и всё такая банки пудовые на плячах, вот, нясуть. А куда? В Казановку. Отсюда у их тропочка была до Казановки. В Казановке там шкуры бяруть овчинные, лисие, барсучие, тама, эта, набирають, нясуть у китайщину. Конечно, солдаты поймають, эта, всё отбирають, вот, а куда, хто их знае, куда? (...). Оны (китайцы) чёрные. Оны по-своему гиргочат, вот. Я сама грэшная, ходила раза тры на тую сторону. Ёны очень чистоплотные. (...). У их хоть зямлянка, вот, выкопанные зямлянки такыя исделаны, ну очэнь чисто. В складах у их чисто. По эту сторону ляжить крупа, на эту мука ляжить, тут проходка такая, вот. В дру́гий склад прыходишь, там ляжить сахар, вот сахарын, вот чай. А чай плитами, вот такыя вот плиты, вот такыя толициной. (...). У каждого магазин свой, вот. Материи какой хочешь, и платки, и всё, вот. (...). А эта, я хóдила... мы хóдили, зимой хóдили туды (в Китай – Е.О.). Нас отец покойный отвязёт, и, эта, с китайцем мы хóдили. Китаец день ляжить под койкой, вот, чтоб солдаты... Ша! – вечером: «Запрягай, батька, коня». И нас вязёт, до Амура дово́зе, мы пошли. Ну, конечно, зимой идёшь, вот тут ямка, тут крига. Идём, идём: «Ложись!» «Как?» «Солдаты едут!».. Тут отъедут, вот, поляжишь, он опять послухае: «Пойдём». Ну, перяходишь. Оны вот сечас живут по берягу́, тут построены дома, а раньше за сопкой жили. За сопку и над сопку на етую залазышь, туды спускаеся, и там ровчачок такой, с Амура протока проходе. Ну, ров, ну вода проходя к им. И оны там живут, и тут понабираешь уже. Оны по-своему гиргочат, оны не разговаривали. Гр-гр-гр – вот и понимай, как хочешь.

Оны по-русски не говорили, нет. Ночь поночуешь там, набярёшь, это, всяго товару, вот, и спирту всяго и, эта, уходишь оттуда. (...). А деньги... Мы без денех. Вот просто мы отсюда набирали яйца, курэй дяржали мы много. Отец был охотник у мене покойный, и он набивал птиц, а здесь птиц очень много былó, вот, косачей, всяго набивал... Мы туды мясо, оттуда товары нясли, вот так, взамен, взамен, и так мы жили. Жили хорошо мы. (...).

Хванза (фанза), хванза – это у их дом. Заходишь, у их ну как бы дверы, вот так – дверы. Вот заходишь туды, вот тут так нары, китаешка сидить тут. Я уже тры разы ходила, я уже видела: у китаешки ноги вот такие маленькие. Ляжат китаичаты, двое, третья маленькая, ёна (китаянка) держить. Китаец сам, эта, старый, вот, коса вот такая, до задницы, да толстая, сивая, заплётена. Вот ён готовить, а ёна сидить с дядями. Плита вот, бак стоять, вода кипить у етом баке, на етом баке сетка такая положена, вот, а на плите тут варя ён. Чё уже ён варя, я ня знаю. У их первая закуска – лягуши, вот. (...). Так мы ня ели, вот, ночевали с сястрой, но мы ня ели. (...). Но мы ня спали, мы боялися, всё-таки чёрт знае. И в трэтий раз и пошла моя сестра-покойница, и она уже, эта, познакомилась. Китаец хотел её взять, вот, с собой. Дак мы уже не боялися. Иваном яго звать былó, вот дак мы не боялися, у яго мать русская, отец китаец был [17].

1.2.2. Русские в Маньчжурии в 20-30 гг. XX в.

Другим аспектом русско-китайского (шире – славяно-китайского) взаимодействия в 20-30 гг. XX в. на Дальнем Востоке и в Приамурье, в частности, было переселение части русского населения в Китай. Переселение носило вынужденный характер и по сути являлось бегством зажиточной части населения в приграничный Китай с целью избежать репрессий со стороны властей и раскулачивания.

Известно, что в Китае, в районе так называемого Трехречья – долине рек Ган, Дербул и Хаул – к середине 20-х гг. XX в. существовало 19, а по другим данным – 25 русских поселений [8, с. 134]. Русское население Трехречья в 20-е гг. составляло до 5 тыс. чел., в 1939 – 6 800 чел., в 1945 г. – 11 тыс. чел. Беженцами в Трехречье в основном были забайкальские казаки, покинувшие свои родные станицы. См., например, публикацию в одном из значимых для русской восточной эмиграции изданий – журнале «Рубеж» – о Трехречье:

«На западе Маньчжурии, к северу от линии ж. д., между реками Ганн, Дербун и красавицей Аргунью, плавно несущей свои прозрачные волны в зарослях тополя и ивника, разметался привольный край, называемый русскими Трехречьем... <...>. Нужно сказать, что жители русского берега Аргуни всегда тяготели к «китайской стороне» и, когда грянула революция и после отчаянной борьбы всеудушающий большевистский строй утвердился в Забайкалье, Трехречье увидело у себя русских беженцев. Это были бежавшие от преследований новой власти забайкальские казаки, перешедшие границу со своим скотом и осевшие на привольных трехреченских землях» [18].

Много бежавших из России русских поселилось и по другую сторону Амура, в приграничных китайских селах.

Эта страница российской истории, связанная с русской эмиграцией в Китай, до настоящего времени остается практически закрытой. Ведь восточная ветвь русской эмиграции не исчерпывается диаспорами наших соотечественников в крупных городах Китая – Харбине,

Шанхае, Тяньцзине – и по линии КВЖД. В последние годы стали появляться публикации в центральных и региональных СМИ о русских в Китае и их потомках, проживавших в XX веке по другую сторону границы [См. 19; 20]. Приграничная эмиграция получила эстетическое осмысление и в некоторых произведениях русских литераторов восточного зарубежья, в частности А. Несмелова. Так, его повесть «Драгоценные камни» [21], как и рассказ «Ламоза» [22], – о судьбах потомков русских в Китае, теряющих свою национальную идентичность. Повесть впервые опубликована в 1943 г. в еженедельном литературно-художественном журнале «Рубеж» (№ 32-33) [23, с. 723]. Ее главная героиня – Вера – русская девушка, чья история – «не единичная в Маньчжурии»: *«...в дни бегства русских из-за Амура от красных эта девушка, тогда еще ребенок, скрылась с матерью, а может быть, и с отцом на китайскую сторону. Отец умер или был убит, а мать стала женой китайского крестьянина. За следующие годы девочка, жившая в этом глухом углу, если и видела русских, то это были только красные во время их набегов на маньчжурскую сторону. И страх ее, как и всего населения деревни, перед «ламозами»⁵ вполне понятен. Собственное же русское происхождение ей только в тягость, и она, бедная, всячески старается его скрыть, насколько это возможно, для чего и красит свои, судя по ее ресницам и голубоглазости, светлые волосы»*. Несмелов пишет от имени своего героя также и о большом количестве встреченных ими за свой путь от Сахалина⁶ «белокурых и сероглазых китайчат, ни слова не говорящих по-русски»⁷.

Указанные произведения А. Несмелова – о необходимости приспособления к жизни в совершенно иной социокультурной и языковой среде.

Известно, что в Китае, в приграничных селах и городах, в настоящее время проживают потомки бежавших в 20-30-е гг. из Советской России русских. Они рождены в смешанных браках, пережили Культурную революцию. По-русски эти люди не говорят или говорят плохо, их дети и внуки также не знают русского языка [19]. Мы не располагаем данными об их численности в приамурских китайских селах, однако есть сведения о примерной численности подобного контингента населения в другом, находящемся недалеко от границы с Россией регионе – на северо-западе Китая: в городе Урумчи и его окрестностях проживает 20 тыс. потомков от смешанных браков русских и китайцев. Их предки – русские казаки, ушедшие

⁵ Ламоза – кит. просторечн. «русский». «Русские дети в Маньчжурии иногда попадали в китайские семьи и воспитывались в них, однако кличка «ламоза» обычно так и оставалась с ними на всю жизнь. На Северо-Востоке Китая русских и сейчас называют ламозами» [24, с. 525]. Слово **ламоза** имеет коннотацию «презрительное» в отличие от слова **капитан** «белый человек, европеец, «хозяин» (уважительное), также используемого китайцами для обозначения русского [23, с. 723]. Другое значение слова **ламоза** – «большевик» («да и пугают тут ребят ламозами, то есть большевиками» [21, с. 487]. «Словами «ламоза лайла» – русский пришел – китайки пугали своих капризничавших детей <...>. ...с именем «ламоза» сочеталось представление о людях, наделенных колдовской силой, о людях страшных, пугающих, о которых взрослые говорили недоброжелательно» [22, с. 509].

⁶ Сахалин – старое название современного города Хэйхэ (провинция Хэйлунцзян, Китай), находящегося на правом берегу Амура напротив Благовещенска.

⁷ См. о судьбе русского мальчика, описанной в рассказе А. Несмелова «Ламоза»: «Много лет назад в Маньчжурию бежал один русский человек с женой и ребенком. Проводником их был китаец. Когда четверо этих людей подходили к реке, разделявшей владения России и Китая, их увидели русские пограничники и стали по ним стрелять. Женщина с ребенком на руках и китаец успели благополучно перебежать через реку (это было зимой, реку покрывал лед), а мужчина упал на русском берегу, раненный пулей. Услышав его крик о помощи, женщина, бывшая уже на китайской земле, передала ребенка в руки проводнику, а сама бросилась обратно, на русскую сторону, чтобы помочь своему мужу. Оба они были схвачены русскими солдатами, ребенок же остался в Китае. И на другой день Чжан, случайно оказавшийся в этих местах, купил его у проводника, так как не имел мужского потомства» [22, с. 512-513].

из России в 20-е гг. [20]. Известно также, что и в районе Трехречья в селах Драгоценка, Дубовое и некот. др. в настоящее время также живут потомки русских казаков.

1.3. Русско-китайское взаимодействие в дальневосточном регионе во второй половине XX в.

1.3.1. Русские в Маньчжурии во второй половине XX в.

В 50-е гг. и в начале 60-х гг. XX в. – до Культурной революции в Китае – в отношениях между Россией и Китаем наступила своего рода «оттепель», и этот период прошел под лозунгом «Русский и китаец – братья навек», который стал афоризмом своего времени. Причиной такого потепления в межгосударственных отношениях была помощь Советского Союза в освобождении Маньчжурии в 1945 г. от японской оккупации, а также дорогой подарок Страны Советов Китаю в виде Китайско-Восточной железной дороги, которая была построена русскими в начале XX в. и которая, согласно договору 1896 г. между Китаем и Царской Россией, должна была находиться 80 лет в совместном пользовании двух стран, но в 1952 г. была безвозмездно передана в пользование Китаю.

Китай того времени дружно учил русский язык (он преподавался как иностранный в средних школах и высших учебных заведениях), и в настоящие дни еще живо поколение китайцев, помнящих со своих школьных лет хоть несколько слов на русском языке.

Государственные границы России с Китаем в то время обрели некоторую условность. Так, по воспоминаниям благовещенцев старшего поколения, на льду Амура русские из Благовещенска и китайцы из находящегося по ту сторону реки Хэйхэ встречали Новый год, катались с горок, устраивали гулянья под гармошку, а в семейных альбомах хранятся фотографии домашних праздников, запечатлевшие участвующих в застолье друзей-китайцев. Это время на приграничных территориях также можно охарактеризовать как своеобразную «оттепель».

К сожалению, в настоящий момент мы не располагаем документальными материалами об особенностях языкового общения между русскими и китайцами в 50-е-60-е гг. XX в., о смешанных браках этого времени. Поиск и комплексный научный анализ этого материала является ближайшей перспективой нашего исследования, поэтому ограничимся лишь общей характеристикой этого периода.

Ситуация резко изменилась к 1966 г., когда в Китае случилась Культурная революция. В стране сложилась обстановка нетерпимости ко всему «культурному», инациональному. Так, быть русским и говорить по-русски во время Культурной революции стало опасным.

Именно в Культурную революцию совершались надругательства над православными святынями в Харбине – городе русских эмигрантов, выстроенном ими в связи со строительством КВЖД: был разрушен хунвэйбинами Николаевский собор – главный православный храм Харбина, в Свято-Покровской церкви под куполами занимались цирковые акробаты, последние русские подвергались унижениям на улицах Харбина, были вынуждены прятаться [25]. Многофункциональный на протяжении всего XX в. в Харбине русский язык [26, с. 27-37] стал средством общения лишь в диаспоре – узком социальном коллективе русских. Потомки от смешанных браков в Харбине в то время старались дистанцироваться от русской

диаспоры и идентифицировали себя как принадлежащих к китайской нации с целью избежать гонений от официальных властей. Позднее, в 80-е гг., жизнь диаспоры нормализовалась, но русский язык так и остался средством общения внутри диаспоры, выполняя, кроме прочих, очень редкую языковую функцию – этническую.

Во время Культурной революции перестала звучать русская речь и на пограничной с Россией китайской территории, где проживали оказавшиеся там по разным причинам русские (бегство от советской власти в 20-30-е гг., смешанный брак и др.). Владеть русским языком и относиться к этнической группе русских было небезопасно, и для самосохранения ушедшие в Китай русские в то время по-русски не говорили. Безусловно, это обстоятельство повлекло за собой постепенную утрату родного русского языка и у исконных русских, и у их потомков, рожденных в смешанных браках.

Военные конфликты на границе России с Китаем в конце 60-х гг. XX в. лишь усугубили неблагоприятную ситуацию с национальной идентичностью русских, проживающих в приграничном к России Китае, и их русским языком. Русский язык в таких условиях безнадежно утрачивался, и даже новое урегулирование отношений между двумя государствами, следовавшее за периодом отчуждения и военных конфликтов, не исправило ситуации.

В настоящее время, в начале XXI в., оставшиеся в приграничном Китае русские в целом демонстрируют плохое владение русским языком, а их потомки не говорят по-русски, если только не изучали русский язык специально для использования его в своей профессиональной деятельности.

С другой стороны, в современный период, характеризующийся толерантностью российского и китайского государств к этнической принадлежности своих граждан, наблюдается всплеск этнического самосознания у потомков, рожденных в смешанных браках как в Китае, так и в России. Это проявляется, например, в поиске своих китайских или русских родственников, в желании выяснить свою родословную, составить семейное древо, а также в стремлении выучить язык своих предков в память о них, в желании связать свою жизнь и жизнь своих детей с родиной предков.⁸

Интересен и достоин уважения факт проявления этнической толерантности на государственном уровне: некоторым китайским приграничным селам⁹, в которых ранее проживало по несколько сотен пришедших в 20-30-е гг. из России русских, присвоен статус национальных сел. Этим селам ежегодно выделяется один миллион юаней из государственного бюджета для поддержания их благосостояния [19].

1.3.2. Китайцы на Дальнем Востоке России во второй половине XX в.

С 90-х гг. XX в. увеличивается численность китайцев на территории Дальнего Востока. Это связано с нормализацией китайско-советских, а затем китайско-российских отношений и связанным с этим облегчением пересечения границы. Высокая доля Китая в миграционном процессе на Дальнем Востоке определяется «его географической близостью к России; наличием одной из самых протяженных границ; геополитическим положением Дальнего Востока,

⁸ См. материалы о Чжао Минся в настоящем выпуске альманаха.

⁹ Например, село Хатаян, находящееся в 30 километрах от города Хэйхэ

удобным для транзитного перемещения; высоким уровнем незанятого населения в приграничных районах Северо-Восточного Китая, в том числе провинции Хэйлунцзян; внешнеэкономической стратегией Китая, направленной на поддержку экспорта рабочей силы; преобладанием экономических мотивов в международных миграциях в приграничных регионах Дальнего Востока» [27, с. 309].

На Дальнем Востоке России сейчас широко применяется китайский труд, главным образом в торговле и общепите, в строительстве и сельском хозяйстве, причем в этих сферах велика доля ручного труда.

Как указывают исследователи, в первоначальный период основная масса мигрантов приезжает на время, чтобы поддержать свои семьи на родине. Но, как правило, с течением времени формируются постоянные общины, что способствует развитию китайской диаспоры на пограничных российских территориях [28, с. 321].

Демографический дисбаланс (на юге Дальнего Востока России проживает 5 млн. человек, а в трех приграничных провинциях Китая – 107 млн.) может инициировать постепенное наращивание демографического давления со стороны Китая и привести к китайской экспансии на территории России [28, с. 322-323]. Проблемы такой экспансии на протяжении ряда лет обсуждаются российской общественностью, но не имеют однозначного решения. Между тем объем китайских товаров на российском рынке увеличивается, на Дальнем Востоке остается очень развитой сеть китайских рынков; увеличивается и китайское население в городах [29, с. 324]. Китайские товары заполнили российский рынок; очень развитой остается сеть китайских рынков и торговых центров на Дальнем Востоке. В дальневосточных городах оседает все больше китайцев, многие из них заняты сельскохозяйственным трудом на российской территории.

По данным МВД, в 2001 г. на Дальнем Востоке официально зарегистрировано 237 тыс. китайских граждан, а количество нелегально пребывающих колеблется от 400 до 700 тыс., однако точных данных нет [29, с. 324].

Есть и другие данные, несколько отличающиеся от представленных выше. По данным Федеральной миграционной службы, в 2007 г. на территории Амурской области проживало 12,7 тыс. иностранцев, главным образом, китайцев, имеющих разрешение на занятие трудовой деятельностью (при общей численности населения области около 800 тыс. чел.), а вид на жительство имели 83 гражданина КНР [30]. Столь противоречивые сведения (даже если учитывать, что одни цифры характеризуют Дальний Восток в целом, а другие – Амурскую область) однозначно свидетельствуют о присутствии китайцев в дальневосточном регионе, но не определяют действительного масштаба этого присутствия.

Исследователи отмечают психологическую комфортность китайских граждан на дальневосточных российских территориях. Отчасти это происходит из убеждения, что дальневосточные территории исторически принадлежат Китаю, а царская Россия вооруженным путем захватила их. С этим связаны и «ошибки» на китайских географических картах, где участки российской территории оказываются на китайской стороне [29, с. 326], а Айгуньский договор до сих пор считается национальным позором Китая [31].

Лингвоперсонологический аспект межъязыкового взаимодействия

2.1. Ситуативная и персонологическая составляющие межъязыкового взаимодействия

Межъязыковое взаимодействие проявляется прежде всего на уровне языковой личности, и, безусловно, лишь совокупность лингвоперсонологических характеристик позволяет говорить о результатах межъязыкового взаимодействия как социолингвистических фактах.

Социолингвистический ракурс рассмотрения межъязыкового взаимодействия высвечивает ситуативную и персонологическую составляющие в объекте исследования. Каждая из этих составляющих, в свою очередь, демонстрирует свой результат межъязыкового взаимодействия.

Русско-китайское взаимодействие в дальневосточном регионе в ситуативном плане демонстрирует функционирование на этой территории контактного языка – русско-китайского пиджина, который возникает всякий раз при возобновлении контактов между двумя государствами в ситуациях неофициального общения русских и китайцев примерно в одном и том же по своим лексико-грамматическим характеристикам обличье. История возникновения и собственно языковые особенности различных территориально-хронологических вариантов русско-китайского пиджина подробно описаны нами в [2].

Персонологическая составляющая межъязыкового взаимодействия проявляется в такой характеристике языковой личности, участвующей в межъязыковом взаимодействии, как ее языковая компетенция. Языковая компетенция носителя языка рассматривается нами как совокупность языков и их форм, находящихся в активном и пассивном владении языковой личности. Под активным использованием языка мы понимаем говорение на нем в различных коммуникативных ситуациях, пассивное же использование предполагает понимание речи на языке, а способность говорить проявляется слабо либо утрачена вовсе.

2.2. Языковая компетенция личности в смешанном браке и обуславливающие ее факторы. Уровни языковой компетенции

Условия приграничного существования русского и китайского населения неизбежно приводили и к более стабильным и прочным формам его взаимодействия, чем ситуативное прагматически направленное деловое (торгово-предпринимательское) общение, сопровождавшееся пиджином как средством коммуникации. Стабильной формой межэтнического взаимодействия в дальневосточном регионе являлся (и является) **смешанный русско-китайский брак**. Следует отметить, что модель смешанного русско-китайского брака асимметрична и соответствует в подавляющем большинстве известных случаев следующей схеме: муж-китаец – жена-русская. Другими словами, китайские мужчины брали замуж русских женщин, русские же мужчины на китайках женились очень редко.

Представляет безусловный научный интерес исследование языковой компетенции членов таких семей. Априори определим круг факторов, способных повлиять на уровень языковой компетенции членов семей, сложившихся в результате межэтнических браков.

Во-первых, место (страна) проживания семьи. В нашем случае – это Россия или Китай. Полагаем, что сильным членом оппозиции из двух языков, являющихся родными для вступивших в смешанный брак, будет язык, совпадающий с языком страны проживания супругов, поскольку он будет поддерживаться ситуациями официального и неофициального общения вне семьи и, следовательно, вынужденно доминировать в речевой практике. Обычно этот язык становится языком домашнего общения, на нем говорят с детьми и родственниками. Язык страны проживания может входить в состав языковой компетенции супруга нетитульной национальности, а может и отсутствовать, снижая ее уровень.

Во-вторых, общественно-политическая обстановка в стране проживания вступивших в смешанный брак и проводимая этой страной языковая политика. Лояльная по отношению к лицам нетитульной национальности языковая политика способствует сохранению родного языка супруга, живущего вне этнической родины, и, следовательно, поддерживает высокий уровень его языковой компетенции.

В-третьих, для сохранения носителем своего родного языка вне этнической родины важно наличие среды родного языка, выходящей за рамки семейного круга: например, общение с соотечественниками схожей судьбы на языке своей родины. Коммуникация на родном языке в своей этнической группе способствует сохранению этого языка личностью в пределах своей языковой компетенции.

В-четвертых, сохранению родного языка вне этнической родины способствует осознание высокого социального и культурного статуса языка, престижности знания этого языка его носителем, что также поддерживает высокий уровень языковой компетенции личности.

Максимальный уровень языковой компетенции личности, вступившей в брак с лицом другой национальности и говорящей на чужом языке, может быть выражен как $1/1$, где 1 – родной язык и 1 – родной язык супруга.

Такой уровень языковой компетенции может быть достигнут личностью, во-первых, если страной ее проживания является страна супруга и постоянное нахождение в чужеродной языковой среде способствует изучению языка страны, являющейся родиной супруга; во-вторых, если на родном языке возможно общение в группе этнически близких людей, а также если отсутствуют ограничения и запреты на такую коммуникацию со стороны государства, что в совокупности способствует сохранению родного языка в арсенале языковой личности. Кроме того, поддержанию максимального уровня языковой компетенции способствует такой субъективный фактор, как признание высокого социально-культурного статуса обоих языков: родного и языка супруга.

Уровень языковой компетенции личности по набору языков, находящихся в ее арсенале, может быть максимальным, но степень владения этими языками при этом может быть неодинаковой в пользу, как правило, родного языка.

Минимальный уровень языковой компетенции личности, вступившей в брак с лицом другой национальности и говорящей на своем языке, может быть выражен как $1/0$, где 1 – родной язык личности, а 0 – родной язык супруга. Личность с таким уровнем языковой компетенции не знает родного языка своего супруга. Это возможно, если второй супруг владеет неродным для себя языком, как правило, являющимся в такой ситуации и языком страны проживания супругов, и домашним языком, и, кроме того, обладающим достаточно высоким социально-культурным статусом.

Безусловно, эти общие схемы могут быть представлены различными своими вариациями, обусловленными сочетанием конкретных исторических обстоятельств и персональных характеристик языковых личностей. У потомков, родившихся в смешанных браках, данные схемы, характеризующие их языковую компетенцию, могут быть представлены в трансформированном виде.

2.3. Краткая характеристика языковой компетенции потомков от смешанных браков русских и китайцев в условиях российско-китайского приграничья

2.3.1. Языковая компетенция потомков русских в Китае

Потомки от смешанных браков русских и китайцев на приграничных территориях обладают, как правило, минимальным уровнем языковой компетенции и показывают владение языком, совпадающим с языком страны проживания, являющейся в настоящее время их родиной. Возникает вопрос о причинах данного явления, о том, насколько такое положение дел естественно.

В нашем распоряжении оказались записи речи некоторых потомков от смешанных браков во II поколении [32], а также мы использовали материалы современных средств массовой информации [19; 20].

Кратко охарактеризуем несколько языковых личностей, сформировавшихся в русско-китайском приграничье в XX в.

Николай, 1940 г.р., проживает в китайском селе на берегу Амура (*метис во II поколении*).

Отец – русский, в 1937 г. бежал из Пояркова (Амурская обл.) в Китай после расстрела двух своих братьев.

Мать – «полукровка» – метиска, рожденная в русско-китайском браке.

До 10 лет Николай говорил по-русски. В настоящее время говорит по-китайски, русский язык не помнит.

Имеет троих детей. Дети русского языка не знают (*II поколение метисов*).

Мария, родилась в 20-х гг. XX в., проживает в китайском селе на берегу Амура (*I поколение метисов*).

Отец – китаец, мать – русская, из села Коршуновка (Амурская обл.).

Мать в 20-е гг. вышла замуж за китайца.

Мария говорит по-китайски, это ее основной язык. По-русски она тоже говорит, но плохо. По собственному признанию, «мамкин язык забыла», «сорок лет не говорила по-русски, с того дня, как мама умерла».

Муж Марии – **Николай** – «полукровец», 1927 г.р. (*I поколение метисов*). Муж говорит по-китайски, по-русски не говорит. Следовательно, домашний язык – китайский.

Мария с мужем имеют семерых детей. Дети заняты сельскохозяйственным трудом, русского языка не знают (*II поколение метисов*).

Борис, примерно 30-х гг. рождения, год и место рождения неизвестны, т.к. во время Культурной революции родители сожгли все документы. Живет в Китайском городе Урумчи (*I поколение метисов*).

Отец – китаец, мать – русская.

Борис говорит по-китайски. Это его основной язык. Достаточно хорошо говорит и по-русски.

Надежда, родилась в 1969 г. в городе Хума провинции Хэйлунцзян (КНР) (*II поколение метисов*).

Мать – «полукровка», родилась в Китае от русской матери (*I поколение метисов*). Отец – китаец. Говорила по-китайски (основной язык) и по-русски (язык матери).

Бабушка по материнской линии родилась в России, в семилетнем возрасте с матерью ушла в Китай. Говорила по-русски и по-китайски. В браке с китайцем родила мать Надежды.

Прабабушка по материнской линии говорила по-русски и по-китайски (плохо), «смешивает язык», как отмечала ее правнучка Надежда [32].

Основной и родной язык Надежды – китайский.

Русский язык Надежда знает на уровне, достаточном для понимания ее русской речи исконным носителем русского языка, но допускает ошибки на разных уровнях языковой системы. Надежда сознательно ориентирована на изучение русского языка в память предков – русской бабушки, русского деда, русской матери, а также с прагматической целью – жить и работать в стране русского языка. Русский язык изучала в китайской школе.

Надежда профессионально связана с Россией – руководит китайской строительной компанией, работающей на российском строительном рынке услуг, постоянно проживает в России. Оформила документы для присвоения российского гражданства.

Имеет дочь 4 лет, которая говорит и по-китайски, и по-русски, и Надежда сознательно это поддерживает (*III поколение*).

Даже примеры этих немногочисленных языковых личностей позволяют сделать некоторые выводы о языковой компетенции членов смешанных семей в китайском приграничье и ее эволюции.

В половине случаев мы видим утрату русского языка уже у детей, рожденных в смешанном браке, т.е. во втором поколении. Полагаем, что таких случаев большинство. Причины видятся в следующем.

Во-первых, для членов смешанной семьи (жена – русская, муж – китаец), проживающих в Китае, доминирующей языковой системой, обслуживающей и неофициальное, и официальное общение, является китайский язык – язык страны проживания, на территории которой проходит жизнь семьи, а родной язык при этом постепенно становится неактуальным, он утрачивает даже статус домашнего языка (русская мать разговаривает на своем родном языке с детьми, но не с мужем-китайцем; дети в таких семьях в детстве владеют двумя языками – языком матери – русским, но основным для них становится китайский язык, который они, становясь взрослее, используют в подавляющем большинстве коммуникативных ситуаций (см. Николай, 1940 г.р.; Мария, 20-х гг.р.; Борис, 30-х гг.р.).

Во-вторых, на забывание и утрату русского языка русскими и их потомками на приграничных китайских территориях повлияла крайне нелояльная языковая политика Китая по отношению к русскому языку во время Культурной революции¹⁰. Запрещенный язык оста-

¹⁰ «Это еще чудо, что я вообще говорю по-русски. Отец мне наотрез запрещал даже одно слово сказать. Можно было по-казахски, по-киргизски, а вот русский – под жестоким запретом! Но мама-покойница со мной украдкой все-таки разговаривала» (слова принадлежат Борису)[20].

вался в пассивном владении у оказавшихся в Китае русских, обучать же ему своих детей становилось делом безрассудным.

Указанные причины позволяют считать закономерным забывание и утрату русского языка потомками от смешанных браков русских и китайцев уже в первом поколении метисов. Языковая компетенция метисов в первом поколении: а) может быть тождественна языковой компетенции родителя титульной национальности, ее составляет владение только одним языком – китайским; б) языковую компетенцию составляет язык родителя титульной национальности – китайский (активное пользование) и язык родителя нетитульной национальности – русский (пассивное пользование).

Русский язык не был забыт теми, кто был рожден в России и для кого этот язык был родным. Они навсегда сохранили память о родине, тосковали о ней (плакала и тосковала по родине мать Марии, очень тосковал по родному Пояркову отец Николая, 1940 г.р.[19]).

Заслуживает внимания противоположный факт, когда во втором поколении метисов мы можем наблюдать тенденцию к возрождению своей этнической памяти, и это возрождение происходит главным образом через сознательное восстановление в своей речевой практике родного языка своих предков – русского языка, расширение в своей жизнедеятельности сфер использования этого языка.

Примером такой языковой личности является Надежда, 1969 г.р. Рожденная в Китае от полурусской женщины и китайца, воспитывавшаяся в участии русской и китайской бабушек, она впитывала в себя два языка и две культуры, но, естественно, с преобладанием китайской: китайский язык и культуру знает лучше, более того, ее можно рассматривать как представителя китайского этноса. Русский язык Надежды нельзя назвать безупречным, к постижению языка и глубинному знанию культуры русских она стремится.

Период формирования личности Надежды пришелся на 80-е гг., когда отношение к русскому языку и сопредельному государству в Китае стало более терпимым, а период профессионального становления нашего информанта совпал с 90-ми гг., когда контакты между нашими странами восстановились и Надежда могла связать свою жизнь с Россией.

Уровень языковой компетенции Надежды можно квалифицировать как максимальный: 1/1, где 1 – китайский язык, родной, основной, используемый во всем многообразии форм и стилистических регистров, и 1 – русский язык, язык этнических предков, широкому использованию которого она стремится.

Однако пример данной языковой личности, формирование и эволюция ее языковой компетенции имеют частный, субъективный характер и, к сожалению, не относятся к явлениям закономерным.

2.3.2. Языковая компетенция потомков китайцев в России

Факты, интересные для нашего исследования, можно отыскать и на российской территории: здесь мы наблюдаем людей с китайскими фамилиями среди благовещенцев; здесь же мы отмечаем у людей с обычными славянскими фамилиями восточные черты во внешности, выдающие их происхождение. В то же время в пограничных китайских населенных пунктах (напр., в Хэйхэ) мы встречаем мужчин и женщин славянской внешности, говорящих только

по-китайски. В любом случае это все приметы территории, на которой осуществляется активное межэтническое, а значит, и языковое взаимодействие.

Нам доподлинно известно о потомках смешанных русско-китайских браков, проживающих в городе Благовещенске. Среди них нет таких, которые выучили бы китайский язык в семье; подавляющее большинство китайского языка не знает. Некоторые учат китайский с целью профессионально реализовать себя в Китае либо проявляя интерес к своим этническим предкам.¹¹

В целом в российском приграничье ситуация с языковой компетенцией в смешанных семьях та же, что и в китайском: потомки уже в первом поколении не знают языка того родителя, который не относится к титульной нации и для которого язык страны проживания не является родным¹².

Охарактеризуем языковую личность такого типа и ее языковую компетенцию.

Валентина Васильевна Белоусова, 1936 г.р. (*I поколение метисов*). Родилась в Приморье, в настоящее время живет в г. Благовещенске.

Русский язык у Валентины Васильевны – родной и основной. Китайского языка не знает.

Мать – украинка, из полтавских крестьян, переселившихся на Дальний Восток.

Отец – китаец Чан-ун-чан, русское имя – Василий. Мог говорить по-русски (или на русско-китайском пиджине? – Е.О.). Сознательно не учил своих детей китайскому языку.

Домашний язык в семье родителей – русский.

Внуки не говорят по-китайски. Одна из внучек изучает китайский язык в университете (*III поколение*).

Таким образом, уровень языковой компетенции у потомков этой семьи минимальный: ее составляет только один язык – русский.

Есть основания считать такое положение дел типичным. Объяснение этому схоже с объяснением причин минимального уровня языковой компетенции потомков смешанных браков русских и китайцев, проживающих в Китае.

Полагаем, что на формирование языковой компетенции личности, рожденной в смешанном русско-китайском браке на территории России, оказывали влияние следующие факторы.

Во-первых, влиял язык страны проживания – русский, многофункциональный и престижный. Он нивелировал значимость китайского языка как малофункционального в России, что вело к исключению этого языка из языковой компетенции потомков от смешанных русско-китайских браков.

Во-вторых, в России в 30-е гг. сложились неблагоприятные для проживавших китайцев факторы: подозрения в шпионаже, из-за чего в 1937 г. китайцы с Дальнего Востока были депортированы на родину или репрессированы и сосланы в северные районы (в том числе и

¹¹ Ср. с примером из п. 2.3.1. – языковая личность Надежды, 1969 г.р.

¹² Сравни с ситуацией в русском Харбине в XX веке: первое поколение метисов – потомков от смешанных браков русских и китайцев – сохраняло русский язык, совпадавший с материнским языком, несмотря на проживание в стране другого языка. Первопричина этого в высоком статусе и многофункциональности русского языка в Харбине в начале и середине XX в.

отец нашего информанта Валентины Васильевны). Отторжение народа не может сопровождаться привитием языка этого народа, чего и не произошло¹³.

Однако отраден факт возникающего и нескрываемого интереса к своим этническим корням и у «ославянившихся» потомков от смешанных браков русских и китайцев, что проявляется в их стремлении установить связь с родственниками в Китае, выучить китайский язык.

ЛИТЕРАТУРА

1. Самойлов Н.А. Россия и Китай // Россия и Восток / Под ред. С.М. Иванова, Б.Н. Мельниченко. СПб.: Изд-во С-Петербург. ун-та, 2000.
2. Оглезнева Е.А. Русско-китайский пиджин: опыт социолингвистического описания. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2007.
3. Аниховский С.Э., Болотин Д.П., Забияко А.П., Пан Т.А. «Маньчжурский клин»: история, народы, религия / под общ. ред. А.П. Забияко. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2005.
4. Кириллов А. Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей со включением некоторых пунктов сопредельных с ними стран. Благовещенск. Типография т-ва Д.О.Мокинъ и К°, 1894.
5. Арсеньев В. Китайцы в Уссурийском крае. Историко-этнографический очерк. М.: Крафт, 2004.
6. Несмелов А. Собрание сочинений. Т. 1. Стихотворения и поэмы. Владивосток, Альманах «Рубеж», 2006.
7. Кауфман А.А. По новым местам. Очерки и путевые заметки. 1901-1903. СПб.: Издание товарищества «Общественная польза», 1905.
8. Абеленцев В.Н. Амурское казачество XIX-XX вв. Сборник статей и публикаций. Изд. 2-е, доп. и испр. Благовещенск: Амурский областной краеведческий музей им. Г.С. Новикова-Даурского, 2005.
9. «Амурская газета». 1902. № 126.
10. Головин С.А. Положение китайского населения на Дальнем Востоке России в 60-е гг. XIX в. – 30-е гг. XX в. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. 2. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2001.
11. Завалишин А.Ю. Национальные отношения и национальный вопрос на Дальнем Востоке: история и современность // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Вып. IV. Этнические контакты. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2001.
12. Аргудяева Ю.В. Межэтнические контакты коренного населения, восточных славян и народов Восточной Азии в Дальневосточном регионе // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Вып. IV. Этнические контакты. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2001.
13. Лескова Т.А. К вопросу о применении «желтого труда» на территории Дальнего Востока: 20-е гг. XX в. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. 5. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2003.
14. Дацышен В. Г. Развитие образования для китайцев в Дальневосточном крае в начале 30-х гг. XX в. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. 5. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2003.
15. Лескова Т.А. О положении китайского и корейского населения на юге Дальнего Востока в 20-30-е гг. XX в. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. 3. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2002.
16. Кочегарова Е.Д. К вопросу использования китайских рабочих в золотопромышленности Дальнего Востока (20-30-е гг. XX в.) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. 3. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2002.

¹³ Ср. с периодом Культурной революции в Китае в 60-е гг. XX в., когда осуществлялись гонения на русских и русский язык.

17. Фоноархив лаборатории региональной лингвистики Амурского госуниверситета. Диалектологический фонд.
18. Рубеж. Харбин, 1941. № 4.
19. Ярошенко А. Другой берег судьбы // «Город». 12.09. 2007.
20. Ворсобин В. Китайцев не надо бояться, у них надо учиться // «Комсомольская правда». 26.06.2007.
21. Несмелов А. Драгоценные камни. Повесть // Несмелов А. Собрание сочинений. Т. II. Рассказы и повести. Мемуары. Владивосток, «Рубеж», 2006.
22. Несмелов А. Ламоза. Рассказ // Несмелов А. Собрание сочинений. Т. II. Рассказы и повести. Мемуары. Владивосток, «Рубеж», 2006.
23. Комментарий Е. Витковского, А. Колесова, Ли Мэн, В. Резвого // Несмелов А. Собрание сочинений. Т. II. Рассказы и повести. Мемуары. Владивосток, «Рубеж», 2006.
24. Комментарий Е. Витковского и Ли Мэн // Несмелов А. Собрание сочинений. Т. I. Стихотворения и поэмы. Владивосток, «Рубеж», 2006.
25. Фоноархив лаборатории региональной лингвистики Амурского госуниверситета. Харбинский фонд.
26. Оглезнева Е.А. Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009.
27. Понкратова Л.А. Особенности динамики и структуры международных миграций в приграничных регионах Дальнего Востока // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. 3. / Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2002.
28. Баженова Е.С. Приграничные районы Дальнего Востока: современные проблемы миграции и пути их решения // Там же.
29. Мотрич Е.Л. Китайцы на российском Дальнем Востоке: проблемы и перспективы // Там же.
30. Волхонский Б. До Китая рукой подать // Власть. 31.07. 2006. № 30 (684).
31. Ярошенко А. Русских не пускают в китайский музей // «Город». 11.09.2007.
32. Фоноархив лаборатории региональной лингвистики Амурского госуниверситета. Китайский фонд.

И.А. Кунгушева

КИТАЙ И КИТАЙЦЫ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ АМУРЧАН

При рассмотрении языка и культуры обращает на себя внимание проблема этнокультурного сознания и речевого поведения человека, с особой силой проявляющаяся при межкультурном и межкультурном взаимодействии. К данным вопросам обращались представители широкого круга социальных и гуманитарных наук: психологи, социологи, философы. В конце XX в. возникло множество новых научных дисциплин, изучающих этнокультурные феномены: этнопсихология, этноконфликтология, этнопедагогика, этносоциология и др. Наряду с ними активно развивается этнолингвистика и этнопсихоллингвистика, постулирующие мысль о том, что язык – это не только главное средство осуществления диалога между культурами, но и средство формирования мировоззрения говорящего, включая представление о том, что значит принадлежать к той или иной этнической группе.

Проблемы осмысления межкультурного и межнационального общения, выявления специфики когнитивных моделей, используемых представителями различных наций, находятся в фокусе внимания многих исследователей: А.А. Залевской, Ю.Н. Караулова,

Е.С. Кубряковой, А.А. Леонтьева. Все больший интерес у специалистов вызывает реконструкция ментальных структур, определяющих восприятие и осознание одной нации другой (В.Ф. Петренко, Ю.А. Сорокин, Н.В. Уфимцева). Дискуссиям по поводу представления национального «себя» и «образа другого», функционированию в данном контексте разнообразных (социальных, национальных, идеологических и иных) стереотипов посвящено множество публикаций Ю.Д. Апресяна, В.В. Воробьева, В.В. Красных, Ю.Е. Прохорова, Ю.А. Сорокина, Ю.С. Степанова, В.Н. Телия и др.

По мнению Е.Ф. Тарасова, постижение образов чужой культуры ведётся либо через «эквивалентный» образ своей культуры, либо через поиск различий в образах своей и чужой культур [1, с. 98]. В рамках изучения социально-психологических аспектов межэтнического взаимодействия обычно исследуются этнические стереотипы, которые еще со времен первобытного строя формировались в силу разделения человечества на «мы» – «они». Народное самосознание обостряется в ситуации межэтнического общения, когда происходит деление на «наше» и «не наше». Людям свойственно более высоко ценить «свое» и ниже, чем оно того заслуживает, «чужое». Традиционно в научном дискурсе это явление обозначается оппозицией «свой – чужой». В языковой картине мира при национальной идентификации эксплицитными средствами выражения данной оппозиции являются этнонимы как «особый разряд исторической лексики, названия различных видов этнических общностей: наций, народов, народностей, племен, племенных союзов, родов и т.п.» [2, с. 113].

В данной работе представлено описание этнонима *китаец* и этнотопонима *Китай* как лингвокультурологических элементов единого этнонимического поля, являющегося некой совокупностью мыслительных образов, которые возникают в языковом сознании говорящих при взаимодействии с окружающим миром и закрепляются в словесных знаках.

Лексика – наиболее насыщенный культурной информацией о жизни того или иного народа пласт национального языка. В ядро лексикона человека в связи с национальными приоритетами попадает то, что значимо для ментальности данного народа. Неисчерпаемым источником изучения русского мировосприятия является языковое сознание говорящих. Оно эксплицирует стереотипное видение русскоязычным населением представителей китайского этноса и выявляет специфическое к ним отношение. Китай и его народ в силу исторических, территориальных, внешнеэкономических и других экстра-причин оказался под пристальным вниманием русского человека. Сегодня национальные представления россиян о Китае исследуются в качестве фрагмента русской этнолингвистической картины мира, формирование которой напрямую связано с коренными преобразованиями в российской экономике, политике, науке в последние годы. Все это определяет актуальность исследования и позволяет на языковом материале выявить особенности современного этнонимического тезауруса, играющего значимую роль в межкультурном общении.

Примером диагностирующего исследования о взгляде россиян на Китай и китайцев с целью выявления языковых стереотипов служат результаты ассоциативного эксперимента, проводимого в различных социально-возрастных группах. Респондентам, общее количество которых составило более 300 человек, предлагалось выполнить задания: построить ассоциативный ряд, связанный с понятием «Китай» и ассоциативный ряд, связанный с понятием «китаец, китайцы». Результаты эксперимента позволили выявить соответствующее этнони-

мическое поле, имеющее закономерности парадигматической организации и синтагматического функционирования единиц, которые могут быть потенциально реализованы в естественной речи амурчан.

В толковом словаре русского языка С.И. Ожегова отмечены фразеологизмы и свободные словосочетания с этнонимическим прилагательным *китайский*: *Китайская стена, китайская грамота, китайские церемонии, китайское письмо, китайские фонарики, китайский шелк, китайская вышивка, китайский чай, китайский фарфор, китайский болванчик* [3, с. 275]. Образ китайца практически не закреплён в народных выражениях национальной культуры. В использованных источниках («Русский ассоциативный словарь» Ю.Н. Караулова, «Словарь русской фразеологии» А.К. Бирих, «Словарь сравнений русского языка» В.М. Мокиенко, сборник «Пословиц русского народа» В.И. Даля) [4; 5; 6; 7] встретились лишь единичные выражения, приблизительно характеризующие образ китайца и фиксирующие стереотипное отношение говорящих к представителям данной нации. К ним относятся следующие выражения: *глаза как у китайца* «о чьих-либо узких, щёлочками глазах», *хитрый как сто китайцев* «прост.ирон. Об очень умном, проницательном, хитром, находчивом человеке», *как китайская грамота* «неодобр. О чём-либо абсолютно непонятном, неизвестном».

Современный этнонимический корпус слов с исходными лексемами *Китай, китаец* невелик. В него входят только прилагательное *китайский*, наречие *по-китайски* и более многочисленный ряд синонимических эквивалентов, которые в основном представляют собой экспрессивные лексемы ненормативного фонда с пренебрежительной и уничижительной коннотацией: *киты, китайка* «китайка», *китайка* «кафе китайской кухни», *куня, китаёза, китайчонок*. Расовые признаки национальности спровоцировали появление в речи русских образование адъективных номинаций *узкоглазый, узкоплечный, чина, рисовая морда*. В результате наблюдений было выяснено, что прилагательное *китайский* в современном дискурсе значительно расширяет свой семантический объём, оно имплицитно содержит потенциальные семы «плохой, некачественный, дешёвый» и, соответственно, приобретает дополнительную негативную коннотацию. Данная лексема в словосочетаниях типа *китайская обувь, китайские яблоки, китайский телефон, китайский рынок* и т.п. вступает в новые синонимические ряды: *китайская обувь* – *некачественная обувь, подделка*; *китайские яблоки* – *плохие, невкусные, вредные яблоки*; *китайский телефон* – *дешёвый, недорогой, доступный по цене телефон*.

В поле зрения русского человека сегодня находятся различные сферы жизни Китая (территориальные, экономические, производственные) и этнокультурные аспекты существования китайцев (быт, поведение, внешность и т.п.). Как показывает исследование, в современном языковом сознании амурчан создается некий лингвокультурный типаж китайца (термин В.И. Карасика), который может быть дефинирован по социальным, визуальным и другим аспектам, характеризующим личность. Данный этнонациональный стереотип есть совокупность двух составляющих: природно-биологических и социокультурных характеристик. Рассмотрим более подробно эти составляющие.

1. *Внешность, портрет*. Анализ ассоциативных высказываний, отражающих представление о «чужом» этносе, позволяет выявить наполненность понятий «мы-русские» и «они-

иностранцы», в данном случае китайцы. Говорящие, описывая представителя «не своего» мира, заостряют внимание на тех параметрах, которым, в первую очередь, не соответствует иностранец: внешность, речь, привычки, нравственно-этические ориентиры. И поскольку всю систему ценностей человек ведет «от себя», характеристика «чужого» происходит путем сопоставления, часто не в пользу последнего. В связи с предельной непохожестью восточного и русского этноса образ китайца является прямо противоположным идеалам русского населения и обретает не всегда положительные оценки. В сознании россиян рисуется образ китайца как человека *с узкими глазами, жёлтого, маленького, низкого, низкорослого*. Этнонимическая единица *китаец* на уровне синтагматических связей функционирует преимущественно с денотативно и коннотативно отрицательными лексемами: *грязный, неаккуратный, нечистоплотный, неряшливый, неухоженный, неопрятный, неприятнопахнущий, дурнопахнущий, вонючий*, что напрямую связано с образом жизни, традициями, спецификой питания, родом занятий китайцев на территории России, ведь в дальневосточном регионе китайцы занимаются в основном не интеллектуальным трудом, а мелкой торговлей, строительством, сельским хозяйством.

2. *Поведение, образ жизни*. Ассоциативный ряд, характеризующий данный семантический блок, весьма неоднороден, что говорит о полифонии мнений о китайцах, сложившихся у современных представителей русского этноса. В этом ряду можно условно выделить две тематические группы слов с общим семным составом: 1) тематическая группа лексических и фразеологических единиц, характеризующих культуру поведения китайцев и национальный характер; 2) тематическая группа лексических и фразеологических единиц, характеризующих отношение китайцев к материальным ценностям и к труду.

Концептуальное содержание этнонима *китаец* в русской языковой картине мира связано со стереотипом, определяющим китайскую национальную черту – хитрость. Отсюда, вероятно, берет свое начало известный фразеологизм *хитрый как сто китайцев* «прост.ирон. Об очень умном, проницательном, хитром, находчивом человеке». Дополняют этот стереотипный образ следующие в основном неодобрительные характеристики: *китайцы хитрые, подлые, лживые, коварные, сами себе на уме, обманывают, дурят*. Роль денег и материальных средств в отношениях людей нашла отражение в коллективном сознании россиян, которые видят представителей соседнего государства *расчётливыми, накопительными, жадными, меркантильными, они обогащаются в России, наживаются, скупают все*. В то же время в российской культуре материальное является вторичным, считается неприличным демонстрировать заинтересованность в обогащении, личной выгоде в тех или иных финансовых операциях.

Позитивный эмоциональный контекст, окружающий этноним *китаец*, формируют лексемы со значением «речевое поведение». В сознании русских китайцы *общительные, коммуникабельные, дружелюбные, гостеприимные*. Однако современные торгово-рыночные отношения двух народов и условия их существования наложили отпечаток на образ китайских частных торговцев-предпринимателей. Предлагая купить определённые товары и услуги, китайцы разрушают принятую у русских модель поведения покупателя и продавца, нарушают принятые в русской среде нормы торговли, что влечет за собой появление осудительных ха-

рактизирующих высказываний в их адрес: *китайцы навязчивые, назойливые, пристающие, наглые, обнаглели, достали*.

Языковое сознание русских демонстрирует и явно осудительное отношение к физиологическим особенностям поведения китайцев, которые у русского человека традиционно считаются дурными манерами и признаками недостаточного воспитания человека. Это доказывают глагольные лексемы, называющие действия, связанные с нарушением этики поведения в общественных местах: *орать, кричать, толкаться, плевать, сморкаться, харкаться*.

В контексте оппозиции «свой – чужой» активно функционируют лексемы, отражающие такие национальные качества китайцев, как фанатичное трудолюбие и дисциплинированность. В системе традиционных ценностей русских труд выступает лишь как средство заработка, тогда как у китайцев он характеризует не только образ жизни, но и генетический характер народа, что вызывает открытую положительную оценку со стороны российского общества. В ассоциативных рядах с высокой частотностью повторялись выражения такого плана: *китайцы трудолюбивые, работающие, выносливые, терпеливые, трудяги, работают с утра до ночи, вкалывают день и ночь, впахивают за гроши*.

На языковом уровне общественного сознания этнопоним *Китай* формирует богатое идеографическое поле, включающее множество традиционных лексико-семантических групп: «национальная кухня», «знаковые имена», «географические объекты», «национально-культурные ценности» и др. Однако доминирующее положение занимает лексико-семантическая группа «торговля и производство». Близость государственных границ России и Китая, активные торгово-рыночные отношения этих стран как на территории России, так и за ее пределами сформировали в русском сознании образ Китая как государства, в котором значительная часть населения включена в международные приграничные производственно-коммерческие отношения. Этим обусловлено формирование соответствующей разноплановой ассоциативной парадигмы: *Китай – таможня, граница, загранпаспорт, виза*. Можно также выделить немногочисленный тематический ряд, в который входят сугубо региональные единицы, называющие лиц, участвующих в процессе доставки товара – *фонари, челноки, кирпичи, камазисты, помогайки*. Микрополем с большим количеством элементов является группа лексем, указывающих на предметы торговли и все, что с этим связано – *товар, вещи, одежда, адидасы, обувь, шанхайки, сапоги, кроссовки, тапочки, сумки, баулы*, причем некоторые разговорно-просторечные единицы содержат дополнительную негативную коннотативную сему – *шмотки, ширпотреб, барахло, тряпки*.

Как показывает исследование, российский народ дает высокую оценку Китаю как стране с мировым признанием и с активно развивающейся экономикой, наукой, техникой, что доказывают многочисленные ассоциативные выражения типа *быстрый рост, мощный подъём, лучшая экономика, сильное государство, развитие, промышленность, китайцы все могут, у них надо учиться, они далеко пойдут, все завоюют*.

Лексическое наполнение других семантических групп в общем виде представлено в таблице.

Знаковые имена	Географические объекты	Национальная кухня	Население	Национально- культурные ценности
<i>Мао Цзэдун, Будда, Конфуций</i>	<i>Великая китай- ская стена, Пе- кин, Харбин, Шанхай, Гонконг, Желтое море, Хэйхэ, провинция Хэйлуцзян, Ху- афу</i>	<i>Палочки, зеле- ный чай, сливоч- ный чай, пиво, рисовая водка, пельмени, рис, соя, тофу, пе- кинская утка, крахмальная лапша, чисанчи, вэйсу, маласянь, чеснок, куколки, креветки, чи- фанька, китай- ка, китайская забегаловка.</i>	<i>Многолюдный, многочисленный, многонаселённый, густонаселённый, многомиллиардная страна, большое количество лю- дей, много китай- цев</i>	<i>Фарфор, бумага, порох, сложный язык, иерогли- фы, смертная казнь</i>

С одной стороны, представление российского народа о Китае на протяжении веков является константным. Стереотип о том, что Китай – это древнейшая цивилизация, которая подарила миру великие умы и великие открытия, сохраняется сегодня неизменным. Эти ядерные знания, как уже было сказано, закреплены в лексикографической практике: *Китайская стена, китайская грамота, китайские церемонии, китайское письмо, китайский шелк, китайская вышивка, китайский чай, китайский фарфор*. Данные выражения носят нейтральный безоценочный характер, однако имеют явный положительный денотативный характер. Формирование подобного стереотипа связано со знанием русскими истории Китая, его традиций, демографической ситуации, религиозных и общественных деятелей. В сознании русских людей прочно закреплена информация о том, что китайцы первыми изготовили бумагу, фарфор, шёлк и порох, построили Великую китайскую стену и до сих пор применяют смертную казнь.

С другой стороны, наблюдается наличие явно измененных стереотипных представлений, вызванных общественными преобразованиями в России в конце XX – начале XXI вв. Трансформация языкового сознания в первую очередь обусловлена тем, что для русских стало доступным посещение приграничного государства, россияне приобщились к национальной культуре китайцев, появилась возможность наблюдать их повседневную жизнь. С этим связано пополнение лексико-семантической группы «географические объекты» такими собственными существительными, как *Желтое море, Хэйхэ, провинция Хэйлуцзян, Хуафу, Пекин, Харбин, Шанхай, Бэйдайхэ*. В языковом сознании говорящих стали актуализироваться лексемы с семантическим компонентом «населенность»: *многолюдный, многочисленный, многонаселённый, густонаселённый, многомиллиардная страна, большое количество людей, много китайцев, они по всему миру*.

На примере анализа обширной лексико-семантической группы «национальная кухня» можно увидеть неплохое знание русскими гастрономического своеобразия китайской куль-

туры, где даются общие впечатления о восточной кухне: *палочки, экзотическая еда, острые блюда, кисло-сладкий вкус, резкий запах*. В данном семантическом пространстве выделяется несколько тематических парадигм, значимых для русского сознания в плане отличий от русской национальной кухни: 1) наименования продуктов питания: *рис, кукуруза, соя, тофу, крахмальная лапша*; 2) наименования блюд: *китайские пельмени, пекинская утка, чисанчи*; 3) наименования приправ и соусов: *маласянь, вэйсу, соевый соус, кисло-сладкий соус*; 4) наименования напитков: *зеленый чай, сливочный чай, пиво, рисовая водка*; 5) наименование помещений, в которых происходит потребление пищи: *чифанька, китайка, китайская забегаловка*. Количественный состав лексических единиц, их семантическая детализация и отсутствие каких-либо коннотаций свидетельствует о тесном проникновении в данную область китайской культуры и неподдельном интересе к ней русского народа.

Таким образом, функционирование этнолексем, характеризующих Китай и его население, в сознании россиян подвержено заметной эволюции как в количественном, так и качественном отношении, что напрямую связано с изменениями в реальности российского бытия. Формирование нового этностереотипа – это результат личного контакта русскоязычного населения с носителями китайских традиций, который нередко являет собой обрывочные, поверхностные представления о китайском народе. Субъективность употребления этнонимических номинаций и их контекстуального окружения обусловлена резкой, сформированной на протяжении многих веков оппозицией «свой – чужой».

ЛИТЕРАТУРА

1. Кармин А.С. Культурология. СПб.: Лань, 2002.
2. Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод. М.: МГЛУ, 2002.
3. Толковый словарь русского языка / под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. М., 2005.
4. Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь / Ю.Н. Караулов, Г.А. Уфимцева, Н.В. Уфимцева и др. М.: АСТ, 2002.
5. Бирих А.К. Словарь русской фразеологии: историко-этимологический справочник. СПб., 1998.
6. Мокиенко В.М. Словарь сравнений русского языка. СПб., 2003.
7. Даль В.И. Пословицы русского народа. Сборник. М., 1999.

В.В. Коломенская

КИТАЙСКАЯ РЕКЛАМА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ: К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВОЙ СПЕЦИФИКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ВЫВЕСОК В Г. ХЭЙХЭ, КНР)

В связи с улучшением российско-китайских отношений в 90-е гг. XX в. увеличился поток русских и китайских граждан через границу. Это туристы, торговцы, представители государственных, культурных, спортивных делегаций и т.п. Несмотря на то, что два больших города, Благовещенск и Хэйхэ, располагаются буквально лицом друг к другу, в Благовещенске не так явно ощущается стремление русских коммерсантов привлечь жителей Поднебес-

ной в свои торговые центры: в нашем городе можно найти совсем немного вывесок на китайском языке. Иная ситуация в соседнем Хэйхэ. Это город, приспособленный для русских туристов и коммерсантов. Почти на каждом здании в Хэйхэ можно увидеть вывески на русском языке, предназначенные для русских гостей.

Источником для лингвистического анализа послужили рекламные визитные карточки и вывески на русском языке в городах Хэйхэ и Сюнькэ Китайской народной республики, отмеченные в 2010 г. В наши **задачи** входила характеристика их языковой специфики, представляющей любопытное для лингвистики явление.

Вывески в Китае на русском языке, составленные китайскими предпринимателями самостоятельно или с помощью своих русских друзей, часто являются поводом для улыбок русских туристов, прибывающих на отдых или за покупками в соседний Хэйхэ.

Возникает вопрос о том, насколько непрогнозируема, бессистемна, необъяснима эта «китайско-русская грамота»? Возможно ли обнаружить какие-либо языковые закономерности в комичных текстах-вывесках на «великом и могучем», предлагаемых русским покупателям услужливыми китайцами?

Укажем на тематику вывесок и рекламных визитных карточек, связанную с составом сфер жизнедеятельности, актуальных для обеих сторон – предлагающей товары и услуги и принимающей эти товары и услуги:

– сфера торговли: это названия магазинов, торговых центров (*магазин Коля, женские трикотажки, косметика-магазин* и др.);

– сфера услуг: названия парикмахерских, косметических кабинетов, бань, ресторанов, кондитерских (*Парикмахерская «Шэн Мин», стричь волосы, вводить волос в моду, ресторан Цзяннань Сюнькэ* и др.);

– сфера медицинских услуг: названия поликлиник, аптек, больниц, где в основном предлагаются недорогие стоматологические услуги (*Лида Аптека, аптека Вася, больница ротовой полости* и др.).

Главной особенностью русских вывесок на китайском языке является их **неправильность**, демонстрирующая нарушение норм русского языка на разных уровнях языковой системы. Возникает вопрос: в чем конкретно проявляется эта неправильность и насколько она может быть объяснена лингвистически?

Мы предприняли попытку проанализировать китайские вывески и тексты визитных карточек с точки зрения нарушения языковой нормы русского языка на разных уровнях его системы.

ФОНЕТИКА

Укажем на типичные нарушения нормы в области фонетики, которые нашли отражение в графике.

1. Согласные.

В письменной речи находят отражение особенности артикуляции согласных звуков в китайском языке.

А. Переднеязычные передненебные звуки [р] и [р'] часто заменяются на переднеязычные зубные звуки [л] и [л'], и наоборот. Например, *сигалеты (сигареты), сторовая посуда (столовая)* и т.п.

Отмечено также присутствие в одном и том же рекламном тексте звука [р] наряду с его заменой на [л]: *лукоделие лозы травы (рукоделие)*. Дело в том, что звук [р] представляет трудность для китайских носителей, так как он отсутствует в китайском языке. Китайцы заменяют его на достаточно близкий в артикуляционном отношении и имеющийся в их родном языке звук [л].

Б. В вывесках частотно неразличение русских звонких и глухих согласных, когда одни используются вместо других. Так, отмечено неразличение [б]-[п]: *забчасти*; [д]-[т]: *одежта* Саньцай; [г]-[к]: *в кориках (гориках)*.

Известно, что различие по звонкости-глухости, характерное для русского языка, в китайском языке отсутствует. Следовательно, пары [б]-[п], [д]-[т], [г]-[к] для китайцев звучат практически одинаково, для них несущественно в данном случае различие по звонкости-глухости. В китайском языке смычные согласные дифференцируются по другому признаку: они делятся на полувзвонкие и глухие придыхательные, и разницу между придыхательными и не придыхательными согласными носители китайского языка явственно слышат [1, с. 47].

В вывесках мы видим отражение китайского произношения, в котором не различаются парные звонкие-глухие не только в слабых позициях, но и в сильных, а именно перед гласными.

В. Отмечается неразличение [ц]-[ч]: *розничу (розницу), фабричная цена (фабричная), специальная цифровая печать (специальная), гарантия три месяца (месяца), низкие чены (цены)*.

Данный факт можно объяснить особенностями артикуляции аффрикат в русском и китайском языках. В русском языке аффриката [ц] зубная, а в китайском языке при образовании данного звука язык более приподнят к альвеолам. Смычно-щелевой, переднеязычный звук [ч] в русском языке – мягкий, а в китайском – твердый, и в момент раскрытия щели весь язык отодвигается несколько назад [4, 48]. Таким образом, артикуляция аффрикат Ц и Ч в китайском языке является схожей, поэтому и в устной речи эти звуки не различаются и, как следствие, на письме буквы Ц и Ч часто выступают как взаимозаменяемые.

2. Слог.

А. Отмечается тенденция к окончанию русского слова в китайской вывеске на гласный, в то время как в русском языке это слово оканчивается на согласный, а также внедрение гласных в сочетания согласных: *химичистка, пелемена (пельмени), магазин ковера трикотажу, текстили, жемчуга и др.* Можно предположить, что это связано стремлением закончить слог гласным под влиянием стандарта родного языка: как известно, китайский слог заканчивается гласным либо носовым, согласный его «не закрывает».

При этом, если говорить о появляющемся конечном гласном А или Ы у имен существительных, можно предположить, что такое употребление может быть сигналом того, что форма множественного числа в вывеске выбрана сознательно с целью подчеркнуть большое количество и разнообразие какого-либо товара (см., например, *трикотажу, текстили, жемчуга и т.п.*). Другое дело, что ряд существительных в русском языке не может иметь формы множественного числа в соответствии с грамматической нормой русского языка, о чем создающие вывески китайцы не знают.

Б. Отмечено стремление к сокращению количества слогов в многосложных русских словах до двух. Напр., *отличные това (товары), копченые колба (колбасы), разный палат (палатки)* и др.

Возможно, это происходит потому, что в китайском языке в большинстве своем слова немногосложные, и сложившееся под влиянием родного языка представление о количестве слогов в слове оказывает влияние на употребление слов чужого языка в соответствии с этим представлением. Причем при сокращении количества слогов ударный слог оказывается сохранен, а все, что после него, для китаеязычного создателя вывески или рекламы становится неактуальным: сохраненный ударный слог достаточен для смысловоразличения.

ГРАММАТИКА

Китайский язык относится к языкам изолирующего (аморфного) типа, в которых слова характеризуются неизменяемостью. По этой причине, полагаем, китайцами трудно усваивать систему словоизменения русского языка, что приводит к ошибочному употреблению форм русских слов, в том числе и в нашем материале.

Отмечены следующие ошибочные употребления:

А. Употребление И.п. вместо косвенных падежей, в частности, в конструкциях с предлогом: *милирование волосы, наращивание волосы, магазин продукты, одежда для женици-на;*

Б. Употребление косвенного падежа вместо именительного: *запчасти сотовых телефонов оптом (запчасти сотовых телефонов оптом);*

В. Несогласованность форм существительного и прилагательного: *детский обувь люкс, мужские и детские обувь, разный палат.*

Г. Особенностью китайских вывесок на русском языке является частотное употребление в них **инфинитива** в номинативном значении, в качестве имени: *изготавливать пуховики на месте, поменять рубли на юани, завить волосы, продавать разные женские туфли, красить волосы, заказать костюм в комплекте.*

В русском языке таким образом тексты для вывесок составлять не принято. Возникает вопрос о том, почему же это делает китайский составитель текста.

Известно, что в китайском языке неактуально различие глагола и имени, так как «для китайского языка характерна способность большого количества глаголов образовывать путем конверсии отглагольные существительные, совпадающие в исходной форме, но различающиеся грамматическими функциями» [1, с.10].

По сути, инфинитив в китайских вывесках на русском языке присутствует там, где в русском языке было бы отглагольное имя: *изготовление, обмен, завивка, продажа, заказ* и т.п.

ЛЕКСИКА

Многочисленные лексические ошибки в китайских вывесках и рекламных визитных карточках на русском языке как раз и создают впечатление «нерусского русского языка».

А. Основным принципом при составлении русских названий у китайцев остается калькирование, т.е. буквальное воспроизведение средствами русского языка китайского стандарта. Следствием этого становятся лексически несочетаемые с точки зрения исконного носителя русского языка сочетания: *лавка свежая мясная, прием ротовой полости, теплые про-*

дукты питания, татуировка **красоты**, **паровая** сумка. Таким образом, налицо нарушение лексической сочетаемости.

Крайним случаем проявления этого становятся наименования, которые непонятны русскому человеку, хотя именно на него они и рассчитаны: *отопостьностьнос*, *нога лечит массаж здоровья*.

Б. Следует отметить в составленных китайцами вывесках ориентацию на словарное употребление, а не реальное русское частотное словоупотребление. Напр., *писчебумажный магазин* (относящийся к бумагам и другим принадлежностям для письма); *скобяной магазин* (относящийся к производству или продаже мелких железных изделий: скоб, крюков, задвижек, костылей [3,519]. Данные прилагательные зафиксированы в словарях, но не являются широкоупотребительными в русском языке. Создатель же вывесок ориентировался именно на словарь.

Словосочетание *мелочная лавка* в значении «магазин промышленных и хозяйственных товаров повседневного спроса» [3,350] является устаревшим. Такое название, возможно, является более ранним, относящимся к началу прошлого века заимствованием из русского языка, когда оно широко использовалось.

В. В некоторых случаях отмечается употребление в вывесках лексики, более низкой по своему регистру, чем того требует описываемое наименование: напр., *хозмаг с наименьшей прибылью*. Вероятнее всего, такое употребление является следствием усвоения лексической единицы в непосредственном речевом общении с русскими, не нацеленном на выяснение стилистически дозволенного в данном случае употребления.

Г. Особо отметим лексические единицы, самостоятельно создаваемые китайцами на русском языке для использования в вывесках. Во-первых, это слова, созданные по потенциальным словообразовательным моделям, напр., *несахарный супермаркет еды* (т.е. супермаркет для диабетических больных). Во-вторых, это сложные составные наименования, которые исследователи отмечают также и в русско-китайском пиджине [2, с. 139] и относят к словообразовательным калькам с китайского языка: *косметика-магазин* (магазин косметики), *холод-пиво* (холодное пиво), *мир-брюки* низкой цены.

Д. К особенностям номинации в вывесках и рекламных визитных карточках китайцев на русском языке следует отнести соединение в одной вывеске или визитной карточке русских и китайских слов, переданных средствами русской графики: *гостиница и сауна Цзин Бай Хе*, *магазин-ателье «Саньмао»* и многие другие. В таких «русско-китайских» наименованиях, как правило, русская часть словосочетания является видовым названием именуемого объекта (сауна, магазин, ателье), а китайская представляет собой собственно индивидуальную номинацию, общую для русских и китайских потребителей.

ГРАФИКА И ОРФОГРАФИЯ

Многочисленные орфографические ошибки в вывесках и рекламных визитных карточках китайцев на русском языке связаны с правописанием безударных гласных:

А. Отмечено неправильное написание безударных гласных в корнях русских слов: *кампьютеры*, *милирование*, *багатый ы вбор*, *мелкого кридита*, *манитор*.

Б. Отмечены ошибки в безударных окончаниях существительных: *по выдачи мелкого кридита*.

В. Неправильно пишутся соединительные гласные в сложных словах: *кашиварки, микрасхема*.

Все случаи демонстрируют тенденцию к фонетическому написанию.

Г. Реже встречаются ошибки в правописании гласных в сильной позиции: *профилактигеская соуна, оптом и в разницу*.

Среди графических ошибок необходимо отметить следующие:

А. Замена одних букв другими, вставка лишних букв, пропуск букв: *ангента, специальный автобус, ремонт тенефона, конфемы, профилактигеская, элекроводонагревателю, женская сумеа (сумка), ремонт сотовых тенефонов (сотовых)*.

В ряде случаев ошибки связаны с тем, что заменяемые буквы имеют похожий графический облик: *п-л, т-м, ч-г*.

Б. Замена Ъ на Ь и наоборот: *пельмени, въезд*, что также связано с графическим неразличением похожих по начертанию буквенных знаков и их функций.

В. Частотной является ошибка, связанная со слитным написанием нескольких слов: *джинсовый мироптомиврозницу, салондлярусскогошитьяодежды, домторговли «Шан Лень», напитокиишашлыки*. Полагаем, это обусловлено слитным написанием слов в пределах китайского предложения и переносом данного стереотипа, касающегося оформления предложения, на русский язык.

Г. Отмечено также немотивированное разбиение слов на части: *кондитерская, запчасти для мобилыньиков, зимнейохоты*.

При анализе русского языка китайских вывесок и рекламных визитных карточек естественно возникает вопрос о том, кто же является их создателем? Каковы его социальные характеристики и какова его языковая компетенция? Наши наблюдения над языковым материалом позволяют сделать некоторые наброски к портрету нашего автора-героя. Это китайцы, изучавшие русский язык в образовательных учреждениях Китая и/или России и владеющие не только устной, но и письменной формой русского языка. Однако недостаточно высокий уровень грамотности в создаваемых ими на русском языке вывесках и рекламных текстах свидетельствует о том, что китайцы, выступающие в роли их составителей, не считают нужным перепроверить известное для них слово по русскому словарю. Однако в последнее время наметилась тенденция к редактированию составленной вывески на русском языке или текста для рекламной визитной карточки исконными носителями русского языка по просьбе китайских составителей. Вследствие этого вывески и рекламные тексты на русском языке в Китае становятся все более грамотными. Сравним два рекламных объявления, исходящие от одного предприятия, но разделенные небольшим отрезком времени: *Наш специальный бесплатный микро-автобус* и *Наш специальный бесплатный микро-автобус*. Приведем еще пример: встретившиеся в китайском рекламном объявлении слова *сгол, смул* через некоторое время в рекламном объявлении той же кампании представлены в соответствии с принятым в русском языке графическим исполнением: *стол, стул*.

Подведем некоторые итоги. Итак, в ходе анализа языковых особенностей китайских вывесок и рекламных визитных карточек на русском языке в приграничных китайских городах Хэйхэ, Сюнкэ и типичных ошибок, встретившихся там, мы пришли к выводам о том, что эти ошибки в большинстве своем обусловлены, во-первых, влиянием системы родного языка

(фонетической, грамматической, лексической), а во-вторых, ориентацией при выборе нужного слова на словари, а не на практику словоупотребления. В целом же наблюдается динамика к более грамотному оформлению китайских вывесок и рекламных визитных карточек на русском языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Задоев Т.П., Хуан Шуин. Основы китайского языка. Вводный курс. 2-е изд., испр. М.: Наука, 1993.
2. Оглезнева Е.А. Русско-китайский пиджин: опыт социолингвистического описания. Благовещенск: АмГУ, 2007.
3. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: «А ТЕМП», 2004.
4. Спешнев Н.А. Фонетика китайского языка: Учебное пособие. Л., 1980

Н.Г. Архипова

ТЕМА ИСХОДА В КИТАЙ В РАССКАЗАХ СТАРООБРЯДЦЕВ (СЕМЕЙСКИХ) АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Семейские – особая этноконфессиональная группа русского населения, появившаяся на территории Приамурья, главным образом, путем миграции из Забайкалья и Восточной Сибири и противопоставленная другим группам христианского населения по ряду признаков: отношению к канонам веры, соблюдению религиозных и бытовых обрядов, особой этнопсихологии и мировоззрению.

В настоящей статье мы рассмотрим тематическое наполнение рассказов об исходе старообрядцев (семейских) в Китай путем анализа диалектных текстов, записанных во время диалектологических экспедиций 2005-2007 гг. в старообрядческие села Амурской области: Заган, Желтоярово, Ключи, Новоандреевку [1]. Из текстов мы выявили две основные причины появления старообрядцев в Китае, а именно: 1) бегство от репрессий и коллективизации в 30-50 гг. XX в.; 2) целенаправленное движение на Восток в поисках «Земли Обетованной» – Беловодья.

Разрушение старообрядчества как целостного этноконфессионального образования в Амурской области связано с окончательным установлением Советской власти и последовавшей всеобщей коллективизацией. Как вспоминают жители старообрядческих сел, каждой семье полагалось отдать государству 30 пудов зерна, полпуда масла с коровы, 50 яиц. Вводились денежные налоги с охоты, пчеловодства, рыболовства – основных промыслов семейских. Естественно, это нарушало традиционный крестьянский уклад жизни старообрядцев и вызывало ответную негативную реакцию, которая выливалась в массовые волнения, приводившие к репрессиям и гонениям в старообрядческой среде со стороны новой власти, к надругательствам над религиозными святынями. Так, в воспоминаниях семейских сохранились сведения о том, что в 1953 г. в с. Бичура Свободненского р-на офицеры НКВД сутками топили печи древними иконами [2, с. 82].

Основная семантическая доминанта в рассказах о бегстве семейских в Китай под угрозой репрессий – тайна: «исход семейских в Китай был тайным», «шли тайными тропами».

См., напр.: *«Тайно шли в Китай. Собирались недолго. Все оставляли на месте: и избы, и хозяйство. Тайно готовили провиант, тайно сговаривались»* [1, 84 (2)¹⁴, с. 44].

Путь через русско-китайскую границу был налажен еще раньше, до того, как граница с Китаем оказалась закрытой. Семейские активно торговали с китайцами: продавали им пушнину, а от них получали спирт, ткани, товары быта. Так, например, в 20-е гг. XX в. одежда семейских шилась преимущественно из китайской ткани: китайки, канфы, канчи, дабы и др.: *«Атласы были такие. У нас был красный такой атлас. Сарафан был из китайки. Голодовка была. Мы с мамой унесли в Князевку, нам два ведра капусты наложили. Сарафаны были из дабы тяжелые. Дабу, канчу из Китая везли»* [Там же, с. 30-31].

В записанных нами рассказах-воспоминаниях русские семейские и китайцы противопоставляются по признакам веры, быта, нравов, что отражается в скрытой оппозиции «свой – чужой». Однако «чужой» не рассматривается как «плохой», но только как «другой»: *«У них друга вера, идолам моются», «Там, в Китае, девки и бабы в штанах ходят, наши – в сарафанах все, юбках», «Голову замужние не убирают, платков не носят», «В избах грязно, посуды мало», «Мы у них не ели – грешно», «К нам не звали – незачем»* [Там же, с. 76-81].

Сохранились воспоминания о хитрости китайцев, о том, как незаконно выкашивались покосы семейских, пропадал скот. Однако семейские не шли на открытый конфликт, полагая, что выгоды от общения с китайцами гораздо больше, чем вреда. Известные старообрядческие заповеди «не пить, не курить табак, не брить бороды, не блудить, трудиться», с точки зрения семейских, нарушались китайцам, за что те осуждались: *«мужуки косы позаплетут, а остальную голову и бороду бреют. С косами, что бабы»* [Там же].

В рассказах об исходе в Китай второго типа – о поисках Обетованной Земли – повествуется о Беловодье.

У многих народов существовала легенда о некой чудесной стране, где царствует всеобщее счастье, справедливость, благоденствие и равенство. В рассказах семейских такая страна называется Беловодием, или Беловодским царством. Однако, скажем, что если рассказов об эмиграции старообрядцев в Китай в результате гонений достаточно много, то тексты о Беловодье единичны. Так, было записано только два повествования: путешествие инок Марка и путешествие преподобного Сергия. Обе записи сделаны в 2006 г. в с. Новоандреевка Белогорского района от брата и сестры Зайцевых: Николая Еремеевича, 1936 г.р., и Сары Еремеевны, 1930 г.р.. История семьи Зайцевых примечательна. Они называют себя кержаками – выходцами с реки Кержа (Керженец). Известно, что по реке Керженец (Нижегородская область) существовали поселения старообрядцев, скрывавшихся от властей. Наибольшую известность получил Комаровский скит, описанный в романах П.И. Мельникова-Печерского. По названию реки старообрядцев называли кержаками. Это была одна из самых крепких в православной вере групп старообрядцев.

Зайцевы занимали высокое общественное положение в Новоандреевке, были уважаемыми людьми. Еремей Зайцев возглавлял старообрядческую общину, вел службу, крестил детей, разбирал ссоры между соседями, воспитывал в своих детях и односельчанах любовь к православной вере. Может быть, поэтому именно Зайцевы сохранили воспоминания о Беловодье.

¹⁴ Указан номер полевого дневника.

Охарактеризуем текстообразующие особенности рассказов о Беловодье.

Оба рассказа весьма пространны и развернуты: 9 и 12 минут звучания соответственно. В них описывается маршрут следования в страну Беловодье. В рассказе о хождении инок Марка точно описан сам маршрут следования (Москва – Казань – Екатеринбург – Тюмень – Каменогорск, далее вверх по реке Катунь в Красноярск, а далее – по селениям, где есть тайные подземные проходы в Китайское царство, которыми идти 44 дня через Гоби). В повествовании же о хождении Сергия маршрут абстрактен: три года пути через горы, реки, преодолевая большие потери спутников и другие серьезные испытания. Информанты относят Беловодье то к Опоньскому царству (Япония), то к Тибету (Китай), однако сходятся в том, что «среди моря-океана», раскинувшись на семидесяти островах, во всей своей чистоте сохранялась православная вера Христова». Там, где Беловодье отождествляется с Японией, Китай воспринимается как промежуточная остановка на пути следования в Беловодье: *«Есть на свете такая чудесная страна, называется она Беловодье. Три года или больше надо идти. За Сибирью ли, или еще где-то в Китае она. Через степи, горы, тайгу, на восход, к солнцу надо тебе идти и, если Бог даст, увидишь Беловодье самолично»* [Там же, с. 94].

С одной стороны, в Беловодье семейские искали веру Христову, с другой – искали страну, где «православным житье привольное», где «злата и серебра не есть числа, дорогого бисера и камня весьма много»: *«Земли в ней много, земли тучные, дожди теплые, пшеница целый год растет, зверя в лесах много. Православным житье привольное»* [Там же, с. 84-85].

Рассказы о Беловодье тяготеют к фольклорному типу дискурса. В них присутствует много фольклорной символики. Так, например, на пути к Беловодью Сергей постоянно встречает препятствия и стоит перед выбором, по какой из трех троп идти. Змеи, камни, ручьи, горы, имеющие вид истукана и сильно освещенные солнцем, порхающая бабочка – это символы, направляющие движение героя [Там же, с. 86].

Люди, населяющие Беловодье, – все праведники. Они говорят на непонятном языке, но все их понимают. В рассказе отмечен большой ряд эпитетов, характеризующих старцев Беловодья: лучезарные и кроткие, смиренные и милосердные: *«Населяют его лучезарные, кроткие, смиренные, милосердные старики. В них Дух Божий живет, как в Храме Своем. Они все время работают, трудятся на благо и пользу всего народа»* [Там же, с. 89].

В рассказе о путешествии Сергия Беловодье – это *«Царство Духа чистого, красоты, чудесных огней, возвышенных, чарующих тайн, радости, света, любви, покоя и непостижимых величий»* [Там же, с. 84].

Таким образом, рассказы об исходе семейских в Китай по причине гонений со стороны власти отнесем к разговорно-бытовому диалектному типу дискурса с семантическими доминантами «быт» и «вера», что проявляется в оппозиции «свой – чужой». Рассказы же о Беловодье – к народно-поэтическому типу дискурса, где тема «Китай» практически не актуализирована, а реализуется только в локативном значении, как место нахождения желанной страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фоноархив лаборатории региональной лингвистики Амурского государственного университета.
2. Слово. Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 4. Амурское старообрядчество / Под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: АМГУ, 2007.

РУССКО-УКРАИНСКОЕ ЯЗЫКОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НА ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

Изучение и описание лексики любого языка в первую очередь основывается на том, что именно в ней синхронно отражаются все исторические и социальные преобразования общества, материализуется культура народа. Специфические особенности этого процесса находят свое выражение в национальной языковой картине мира, проявляясь, в частности, в семантических различиях лексических единиц, демонстрирующих уникальность и неповторимость образа мира каждой культуры. Сопоставление семантических пространств разных языков позволяет увидеть как универсальные явления, так и национально-специфическое многообразие языковой картины мира.

Исследуя лексику близкородственных русского и украинского языков, мы пришли к выводу, что национальная специфика семантики близкородственных лексем проявляется:

1) на уровне сем:

а) несовпадением отдельных сем по семным конкретизаторам в денотативном, коннотативном, функциональном макрокомпонентах;

б) лакунарностью сем;

в) безэквивалентностью сем;

2) в аспекте лакунарности;

3) в аспекте безэквивалентности семем.

Объектом внимания настоящей публикации являются в первую очередь областные лексемы как межъязыковые соответствия литературным в сопоставляемых русском и украинском языках. Методом двунаправленного контрастивного анализа имён существительных названных языков установлено, что нередко безэквивалентной единице украинского литературного языка соответствует лакуна в русском литературном языке, но выявляется межъязыковое соответствие в русском диалекте, например:

русская лексема			украинская лексема	
литературное	областное		литературное	
	ЛЕКСЕМА	СЕМЕМА	ЛЕКСЕМА	СЕМЕМА
Ø	бабинец	в старину отдельное помещение в церкви с западной стороны, где стоят женщины	бабинець	окреме місце в церкві, де стоять жінки
Ø	брыкун	кто имеет склонность брыкаться	брикун	про декого, що любить брикати-ся

русская лексема			украинская лексема	
литературное	областное		литературное	
	ЛЕКСЕМА	СЕМЕМА	ЛЕКСЕМА	СЕМЕМА
Ø	вечерницы	вечерние собрания молодёжи	вечорниці	вечірні зібрання молоді
Ø	вешняк	мельница, действующая только во время весеннего разлива	вешняк	водяний млин, що працює лише під час повені
Ø	воловина	мясо вола	воловина	мясо вола
Ø	дымарь	труба печная <i>камышовая, обмазанная глиной</i>	димар	труба для відведення диму з печі житлового приміщення, <i>заводу</i>
Ø	зажин	жатва, начало жатвы	зажин	місце, з якого починає роботу жнець, косар
Ø	лубянка	короб или сундук из лубка	луб'янка	изделие из лубка
Ø	маковник	пирог с маком пряник из мака с мёдом	маківник	пирог с маком пряник из мака с мёдом
Ø	нетель	корова молодая <i>ни разу не телившаяся</i>	нетель	тільна телиця (<i>отелившаяся</i>)
Ø	пампушка	род хлебного <i>печенья</i> <i>вроде хлеба</i> или <i>оладьей</i> круглой формы из <i>пшеничной</i> муки	пампушка	невелика кругла булочка з пшеничного, <i>житнього</i> або <i>гречаного</i> борошна
Ø	перейрка	кураца после первого года носки яиц	перейрка	курка, <i>гуска, качка</i> після першого року несіння
Ø	писанка	яйцо куриное пасхальное расписное	писанка	розмальоване великоднє куряче або декоративне, <i>звичайно дерев'яне</i> , яйце

Наличие и функционирование данных лексем, на наш взгляд, может быть объяснено непосредственной близостью территорий в условиях русско-украинского пограничья и миграцией представителей того или иного лингвокультурного сообщества, где, в данном случае, русские областные лексемы представляют собой локальный элемент бытовой культуры.

На следующем этапе значительную группу лакун в русском литературном языке выявили украинские областные слова – 202 единицы, например: насмешливое название, которое дают херсонские крестьяне захожему человеку из более северной Малороссии (Подольской губернии и т.п.) (ср. укр. **буц, буцівка, обл.**); группа из 8-10 дворов, вместе нанимавшая одного пастуха (ср. укр. **постріш, зап.**); работник, заканчивающий верх скирды/стога (ср. укр. **вершій, обл.**); пастух волов, воловий пастух (ср. укр. **волар, обл.**); пастух овец (ср. укр. **гайдар, обл.**); пастух рогатого скота у гуцулов (ср. укр. **гайдей, обл.**); лесник в горах (ср. укр. **горарь, обл.**); день, наступивший после праздника (ср. укр. **попразен, диал.**); окончание базара, торговли (ср. укр. **розбазар'я, диал.**); возвышенное место без растительности (ср. укр. **голостьоб, обл.**); заселенное место (ср. укр. **жилля, обл.**); круглая поляна в лесу (ср. укр. **гало, обл.**); молодая ель (ср. укр. **гітинка, обл.**); ель, пораженная молнией (ср. укр. **громівка, обл.**); гора с безлесой вершиной (ср. укр. **кичера, обл.**); ливень, преимущественно с бурей (ср. укр. **плова, обл.**); густой мелкий лес из елочек (ср. укр. **туршник, зап.**); вол с короткими тупыми рогами (ср. укр. **герун, обл.**); вол, трудно откармливаемый и худой (ср. укр. **гостяк, обл.**); собирательно: овцы и козы (ср. укр. **дробелячів'я, обл.**); жеребенок, родившийся во время цветения гречихи (ср. укр. **млиця, обл.**); рыжий с темными полосками вол (ср. укр. **моругий, обл.**); темно-серый с темными полосками вол (ср. укр. **моругий, обл.**); косматый/лохматый конь (ср. укр. **муштай, обл.**); корова светло-серой масти (ср. укр. **шадуля, зап.**); круглая, вырезанная из дерева посуда для масла (ср. укр. **рафка, зап.**); вышитый рушник/полотенце, который стелят на скатерть вдоль стола (ср. укр. **столівка, зап.**); зимнее жилище дроворубов-гуцулов (ср. укр. **колиба, обл.**); жилище пастухов-гуцулов на горных пастбищах (ср. укр. **стая, обл.**); гуцульские шерстяные вязаные носки (ср. укр. **капчурі, обл.**); верхняя меховая одежда без рукавов у гуцулов (ср. укр. **кептар, обл.**); у гуцулов – крашеные в красный цвет суконные штаны (ср. укр. **крашениці, обл.**); мужская короткая верхняя одежда, обычно без рукавов (ср. укр. **лейбик, обл.**); головной убор замужней женщины Галиции – белый тонкий платок/покрывало (ср. укр. **рантух, зап.**); юбка из набивной ткани (ср. укр. **шарафан, зап.**); пирог из кукурузной муки с сыром (ср. укр. **мантули, зап.**); наливка из черники (ср. укр. **афиняк, обл.**) и т.д.

Обнаруженные в диалектах украинские безэквивалентные единицы классифицированы как немотивированные, а также немотивированные *видовые* лакуны в русском литературном языке. Именно они объективируют этническое своеобразие и способствуют выявлению значительной части национальной специфики семантики лексических единиц.

Приведённые в качестве примеров аспекты лакунарности и безэквивалентности, несомненно, выявляются при анализе денотативного макрокомпонента значения, однако специфику лексической единицы можно обнаружить и в функциональном макрокомпоненте, в частности территориальном микрокомпоненте значения. Несмотря на то, что функциональные семы входят в состав семантической структуры любой лексической единицы, их обычно принято считать дополнительными по отношению к денотативным, однако именно с помо-

щью данного вида сем зафиксированы значительные различия, связанные со структурно-языковой спецификой лексических единиц русского и украинского языков. Нами обнаружен интересный факт: русские лексемы, являющиеся общераспространенными, в украинском – областные (40), а украинским общераспространенным лексемам часто соответствуют областные и региональные в русском языке (22).

рус. **галушки** – укр. **галушки**

<i>областное</i>	<i>общераспрстраненное</i>
------------------	----------------------------

рус. **голицы** – укр. **накожні**

<i>областное</i>	<i>общераспространенное</i>
------------------	-----------------------------

рус. **жилет** – укр. **камізелька**

<i>общераспространенное</i>	<i>областное</i>
-----------------------------	------------------

рус. **исподница** – укр. **спідниця**

<i>областное</i>	<i>общераспространенное</i>
------------------	-----------------------------

рус. **лакомство 1** – укр. **мантулки**

<i>общераспространенное</i>	<i>областное</i>
-----------------------------	------------------

рус. **левша** – укр. **бальога/шульга**

<i>общераспространенное</i>	<i>областное</i>
-----------------------------	------------------

Установленный факт может свидетельствовать о функционировании данных лексем в условиях интеграции культур и языков, как правило, в условиях русско-украинского пограничья.

Таким образом, близкородственные русский и украинский языки, в условиях пограничных территорий, бесспорно, взаимно пополняют словарный состав обоих языков, тем самым репрезентируя национальную языковую картину мира.

РУССКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

Л.А. Инютина

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ В СИБИРСКИХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТАХ XVII – XVIII вв.

В.Я. Пропп, подводя итог двухвековым изысканиям в фольклористике, констатировал: вопрос о пространстве в фольклоре должен стать предметом особого исследования [1, с. 95]. Он наметил две линии поисков: 1) собственно фольклористическую – сравнительное изучение пространства в художественном мире фольклора и в индивидуально-авторском творчестве; 2) ономаσιологическую – изучение отражения фольклором реальной действительности и особенностей человеческого мышления («фольклор и действительность») [1, с. 92-93].

В статье понимание пространства и особенности его выражения в семантике лексико-фразеологических единиц (ЛФЕ) русского языка Западной Сибири в период XVII – XVIII вв. рассмотрены на региональном фольклорном материале, относящемся к этой поре.

В качестве источника использованы тексты Сборника Кирши Данилова (КД) [2], который, как известно, стал первым и на долгие годы единственным изданным собранием былин и исторических песен XVII – XVIII вв. [3, с. 514]. Сборник несет на себе ясную печать сибирского происхождения и был создан в одном из юго-западных районов Сибири, примыкающих к Приуралью. Кроме того, тексты исторических песен в КД, отражающие эпизоды завоевания и освоения Сибири, рассматриваются фольклористами как созданные именно в эту эпоху и, следовательно, отражающие язык XVII в. [4; 5; 6; 7].

Основным методом анализа лексических парадигм различного объёма и типа является полевое описание лексики, предполагающее группировку единиц на основании общности инвариантного смысла и наличия семантических связей. Понятие семантического поля, история его изучения, типология семантических полей восходит к исследованиям Й. Трира, Л. Вайсгербера, В. Порцига, Э. Косериу и др. [8; 9] и развивается в современном отечественном языкознании в исследованиях Ю.Н. Караулова, Г.С. Щура, А.В. Бондарко, Е.Л. Березович, Е.В. Падучевой, И.Я. Пак, Е.А. Шенделевой (Юриной) и др. [10; 11; 12; 13; 14; 15; 16].

Для изучения лексического отражения семантического поля пространства материал – ЛФЕ, которые обозначают место, перемещение,местилище, объекты, занимающие определённое место или имеющие протяжённость¹⁵, – отбирался методом сплошной выборки из произведений КД, посвящённых событиям освоения Сибири («Поход селенгинским казачком», «Ермак взял Сибирь», «Во сибирской уkraine, во даурской стороне» и др.). Выборка составляет около 760 ЛФЕ-употреблений. Они классифицированы по трём семантическим сферам: I «Перемещение в пространстве»; II «Русь, Московское царство»; III «Физическое пространство, простор».

ЛФЕ, имеющие количество употреблений в анализируемых текстах КД больше 10, во-первых, определяются в качестве ключевых слов семантического поля пространства в этих текстах, во-вторых, подтверждают правильность выделения трёх семантических сфер, в-третьих, помогают выявить ключевые слова ядра этого поля. Количество употреблений ключевых слов первой семантической сферы значительно превосходит (почти в два раза) такой же показатель для ЛФЕ второй и третьей семантических сфер (Таблица 1). Это даёт основание полагать, что ядро семантического поля пространства в «сибирских» текстах КД формируется понятиями первой семантической сферы. Лексической репрезентацией ядерной семантической парадигмы (СП) 'Пространство – путь' являются ЛФЕ: *путь* (5)¹⁶, *дорога* (2), *поход* (5), *похождение* (1), *переход* (1), *река* (33), *море* (14).

В работе описаны ряды ЛФЕ, значение которых выражает СП ближней периферии первой семантической сферы «Перемещение в пространстве»: СП 'Путь – идти' (перемещение субъектов): *пойти* (19), *идти* (10), *бежать* (3), *выплыть* (4), ... всего 106 ЛФЕ-употреблений; СП 'Путь – везти' (перемещение объектов): *вывезти* (2), *вести* (1), ... всего

¹⁵ Так называемое лейбницево понимание пространства [17, с. 85 – 90; 18, с. 19, 31, 64].

¹⁶ В скобках указано количество употреблений той или иной ЛФЕ в исследуемых текстах.

15 ЛФЕ-употреблений. Особенностью данных СП семантического поля пространства является то, что они сформированы значениями только глаголов.

Таблица 1

ЛФЕ	Семант. сфера	Кол-во	ЛФЕ	Семант. сфера	Кол-во	ЛФЕ	Семант. сфера	Кол-во
Река	I	33	Русь	II	10	Сторона	III	12
Пойти	I	19	Москва (город)	II	13	Быть	III	12
Море	I	14	Московский	II	10	Острог	III	11
Идти	I	12	Царство	II	10	Тут	III	10
Гулять	I	10	Всего:		43	Всего:		45
Всего:		88						

Глаголы в КД обозначают перемещение во всех средах: земля, воздух, вода – и с помощью всех возможных средств: пешком, на коне, в повозке, на корабле и пр. Наиболее представлены в текстах глаголы с корнем –ид- (41 пример: *идти, пойти, зайти, дойти, пройти, уйти* и др.).

Глагол *идти* (10) зафиксирован в анализируемых текстах КД в трех значениях (из отмеченных 19-ти в [19, вып. 6, с. 356 – 357]): в значении ‘идти, передвигаться пешком’: *...а по палю итти /не посвистовати а ꙗ по бору итти не покашливати // ко двору ево итти непошарковати...* [2, л. 94 об.–95, с. 495]¹⁷; *...с печали царь по царству пошелъ по темъ / широкимъ по улицамъ а те бояра годуновы / идуть с царемъ...* [2, л. 76, с. 448]. Другое значение у глагола *идти* в текстах КД – ‘направляться, отправляться куда-л.’ [19, вып. 6, с. 356 – 357]: *...идеть боидоской князець онъ / со силою поганою / со силою поганою / ко острогу комарскому...* [2, л. 73 об., с. 444]; *... на якъ/ итъти перехотъ великъ в Казань идти грозенъ царь/ стоитъ...* [2, л. 22, с. 343]. Данный глагол отмечен в ещё одном значении ‘иметь место, происходить’ [19, вып. 6, с. 356 – 357]: *... а ныне у царя в каменной / москве что пиръ идетъ у него навеселе / а пиръ идетъ про князеи про бояръ про велможы гости богатые про техъ купцовъ / про сибирскихъ...* [2, л. 74, с. 448].

У глагола *пойти* (19) в текстах КД зафиксировано четыре значения (из отмеченных 20-ти в [19, вып. 16, с. 137–140]). Во-первых, глагол *пойти* обозначает ‘начать перемещаться в определённом направлении пешком или по воде’ [19, вып. 16, с. 137]: *... самъ онъ ермакъ пошелъ усьемъ верхнемъ...* [2, л. 22 об., с. 344]; *... и тутъ / скопинъ скоро со пиру пошелъ онъ садился ско/пинъ на добра коня побежалъ к родимой / матушке.* [2, л. 63, с. 418]. Второе значение, в котором употреблен в текстах КД глагол *пойти* – ‘направиться, отправиться куда-л. с какой-л. целью’ [19, вып. 16, с. 137]: *...поидемтя мы в усолья ко строгоновымъ ко тому/ григорью Григорьевичу к темъ господамъ к вороновым /возмемъ мы много свинцу пороху и запасу хлебнова/...* [2, л. 22, с. 343]. Употребление слова *пойти* с предлогом *по* и названием места, по которому происходит перемещение, является экспликацией третьего значения ‘пройти, переместиться по какому-л. месту’ [19, вып. 16, с. 139]: *...пошли оне / казаки по протоке по ахтубе вверхъ по матушке волге / реке...* [2, л. 21 об., с. 342]; *...пошли вверхъ / по чюсовой рекѣ...* [2, л. 22, с. 343].

¹⁷ Сначала указан лист рукописи, затем – страница названного в списке литературы издания КД.

Наконец, в исследуемых текстах зафиксировано употребление глагола *пойти* в устойчивом сочетании *пойти походом (в поход)* – ‘начать войну, действия против кого-л.’: *...скопинъ онъ заутреню отслужилъ отслужилъ самъ / в походъ пошолъ подымавши знаменье / царские...* [2, л. 62, с. 417]; *... вся тута сила небесная в восточную / сторону походомъ пошли оне вырубили чють / белоглазую и ту сорочину долгополую...* [2, л. 62 об., с. 417].

Дериваты глагола *идти* с пространственными префиксами обозначают в исследуемых текстах действие перемещения соответственно значению приставки. *Дойти* (4) – ‘дойти, попасть куда-л.’ [19, вып. 4, с. 289]: *...по серебрянной пошли до жаравля дошли...* [2, л. 22, с. 344]; *... атаманъ ермакъ тимофѢвичъ со своею дружиною / тою лукою соуксанскую дошелъ усья сибирки/ реки...* [2, л. 22 об., с. 345]. *Зайти* (2) – ‘зайти внутрь, углубиться в пределы чего-л.’ [19, вып. 5, с. 205]: *... j нашли оне печеру каменну на тои чюсовой рекѢ/ на висячемъ болюмъ каменю и зашли оне сверхъ/ того каменю опускалися в ту пещеру...* [2, л. 22, с. 344]. *Отойти* (1) – ‘отойти, уйти’ [19, вып. 13, с. 288]: *...отшедши дурень версту другу нашель онъ дурень / две избы...* [2, л. 89, с. 481]. *Прийти* (3) – ‘идя, следуя куда-л., достичь какого-л. места; прибыть’: *...в то же время пришолъ / атаманъ ермакъ тимофѢвичъ со своею дружиною...* [2, л. 22 об., с. 345]; *...атаманы казачия ермакъ тимофѢвѣ с товарищи / к твоему царскому величеству с повинностью пришли / и стоять на красной площади...* [2, л. 23, с. 345]. *Пройти* (1) – ‘пройти, проследовать по какому-л. месту’ [19, вып. 20, с. 143]: *... а нельзя ни протти ни проехати / ни конному ни пешему ... а из силна царства московска...* [2, л. 61 об., с. 415]. *Уйти* (1) обозначает ‘покинуть какое-л. место; удалиться, отправиться куда-л.’: *... кто це/ркви покрадетъ мужика ли убьетъ а хто у жива / мужа жену уведетъ и увидетъ во село во боярское / ко старому Никите Романовичу...* [2, л. 76 об., с. 449].

Глаголы с корнем *-ход-* обозначают такое же действие, как и *идти*, но повторяющееся, совершающееся в разных направлениях или в разное время. Глагол *ходить* (3): *...на великих / техъ на радостяхъ служили обедки с молебнами / и кругомъ города ходили в каменной Москвы...* [2, л. 62 об., с. 417]. Приставочные дериваты глагола *ходить* обозначают перемещение, направление и цель которого уточнено значением, привносимым префиксом. Глагол *приходить* (1) – ‘приходить, прибывать’ [19, вып. 20, с. 67]: *...не за чемъ почтарь не замешкался / приходилъ во полаты белокаменну...* [2, л. 62, с. 416]. *Выходить* (1) – ‘уйдя откуда-л., приходиться, появляться где-л.’ [19, вып. 3, с. 208]: *... выходили молодцы оне / на славну амуру реку / с неводочками шелковыми...* [2, л. 73 об., с. 443]. *Сходиться* (1) – ‘приходить в одно место, собраться’: *...Во славномъ понизовомъ городе астрахане ... сохотилися тут удалы/ добры молодцы донския славны атаманы казачия/ ермакъ тимофѢвичъ самбуръ андреевичъ анофрей/ степановичъ...* [2, л. 22, с. 343]. Глагол *походить* (3) зафиксирован в исследуемых фольклорных текстах в двух значениях: а) ‘пребывать, находиться’: *... воевода походилъ у нихъ федоръ / молодой дементьяновичъ, есауломъ походилъ у нево братъ родной, а по имени прокопеи козѢвѣ / молодецъ...* [2, л. 68 об., с. 429]; б) ‘пойти, отправиться, направиться’ [19, вып. 18, с. 55]: *... приезжалъ онъ скопинъ на съезжеи дворъ / походилъ во избу во съезжую садился скопинъ на ременчетъ стуль...* [2, л. 61 об., с. 416]. Глагол *похаживать* (2) – ‘расхаживать, ходить, прохаживаться’ [19, вып. 18, с. 46]: *... по базарамъ казаки оне похаживают, а и хвастаютъ казаки...* [2, л. 68 об., с. 430].

Глагол *гулять* (10) употреблён в значении ‘быть в отлучке; бродяжничать, скитаться’ [19, вып. 4, с. 157]: *... некорыстна у насъ шу(т)ка зашучена гуляли мы/ по морю синему j*

стояли на протоке на ахтубе убили/ мы посла персицкова... [2, л. 22, с. 343]; ... *гои ты еси ермакъ тимофѢвѣ / сынъ гдѢ ты бывалъ сколко по воли гулялъ и напра/сныхъ душъ губиль и ... кучума царя полонилъ...* [2, л. 23, с. 346] и др. Типовая сочетаемость этого глагола с лексемами, обозначающими широкое, неограниченное пространство (*Русь, море, воля*), отражает специфику структуры его лексического значения, содержащего сочетание сем движения, перемещения наряду с семами «простора, воли, приволья, свободы». Как отмечает Д.С. Лихачев, «особое отношение к простору и пространству в былинах» обусловлено пониманием русскими людьми природы как свободы, а воли как свободы, соединённой «с простором, с ничем не ограниченным пространством» [20, с. 509].

Глаголы с корнем *-ex-/-езд-/-езж-*. Глагол *ездить* (3) зафиксирован в значениях: а) ‘совершать поездку (с определённой целью); ездить куда-л. для чего-л., разъезжать’ [19, вып. 5, с. 38]: ...*а и ездитъ боидоской князець / на своемъ на добром / коне/ какъ черной воронъ летаетъ/ кругъ/ острогу комарскова...* [2, л. 73 об., с. 444]; б) ‘охотиться’ [19, вып. 5, с. 38]: ...*оне ездили за зверями обловами...* [2, л. 68 об., с. 429]; ...*ездитъ дюкъ подле синя моря и стреляет / гусей белыхъ, лебедей, перелетныхъ серыхъ малых утачакъ...* [2, л. 5 об., с. 302]. Глагол *ехать* (1) употреблён в значении ‘отправляться (отправиться) куда-л., держать путь куда-л.’ [19, вып. 5, с. 66]: ...*Кострома городъ хохочетъ в поездѣ / ехать не хочетъ.* [2, л. 97, с. 499].

Семантика дериватов глагола *ехать* (*ездить*) также обусловлена значением префиксов, участвовавших в их образовании. Глагол *выезжать* (несов. к *выехать*) (1) обозначает ‘выехать; продвинуться вперёд на какое-л. расстояние’ [19, вып. 3, с. 200, 202]: ...*выезжалъ / воевода московской князь скопинъ князь ми/хаила васильевичъ онъ походъ чинилъ ко нову / городу...* [2, л. 61 об., с. 415]. Глагол *отъезжать* (несов. к *отъехать*) (2) употреблён в значениях: а) ‘ехать откуда-л., от чего-л.’ [19, вып. 14]: ...*отезжаи боидоской князець от острогу комарскова...* [2, л. 73 об., с. 444]; б) ‘уехать, отбыть откуда-л.’: ...*и убравши ермакъ со всемя казаки / отезжалъ в камену Москву ко грозному царю ивану / васильевичу...* [2, л. 23, с. 345]. Глагол *проехать* (1) – ‘ехать через, сквозь что-л.’ [19, вып. 20, с. 128]: ...*а нельзя ни протти ни проехати / ни конному ни пешему и ни соколомъ вонъ вылетити / а из силна царства московскова...* [2, л. 61 об., с. 415]. Глагол *поехать* (1) – ‘отправиться куда-л., к кому-л.’ [19, вып. 16, с. 91]: ...*и по тому приказу государеву поехалъ ермакъ / тимофѢвичъ со своими казаками в ту сторону сибирскую...* [2, л. 23 об., с. 346]. Глагол *приезжать* (несов. к *приехать*) (1) – ‘прибыть куда-л., к кому-л.’: ...*какъ и будетъ скопинъ во нове граде / приезжалъ онъ скопинъ на съезжеи дворъ / походилъ во избу во съезжую...* [2, л. 61 об., с. 416].

Глагол *поскакать* (1) синонимичен глаголу *поехать* – ‘скакать (на коне) куда-л.; начать скакать куда-л.’ [19, вып. 117, с. 168]: ...*поскакалъ за матушку Москву за реку...* [2, л. 75, с. 447].

Как видим, все перечисленные выше глаголы с корнем *-ex-/-езд-/-езж-* и глагол *скакать* в текстах КД употребляются для обозначения передвижения на коне (конной повозке) в определённом направлении, с определённой целью.

Для обозначения перемещения по воде в исследуемых текстах употребляются глаголы с корнем *-плы-/-плов-/-плав-*. *Выплыть* (4) – ‘плывая, появиться где-л.’ [19, вып. 3, с. 235]: ...*и скоро оне выплыли на тагиль реку у тово медведя камня (...)* и выплыли два атамана

/казачия самбуръ андревичъ ꙗ анофрей степановичъ/ со своими товарищами на иртышь реку под саму/ високу гору тоболскую... [2, л. 22 об., с. 344]; ... а не ярыя гоголи на сине море выплыли выгребали тутъ / казаки среди моря синева противъ матицы острова... [2, л. 20 об., с. 340]. Поплыть (3) – ‘передвигаться по воде, поплыть’ [19, вып. 17, с. 89]: ...и какъ/ имъ путь надлежалъ совсемъ в коломенки убиралися/ и поплыли по тагиль рекѢ... [2, л. 22 об., с. 344]. Приплыть (2) – ‘прибыть по воде в какое-л. место; закончить плыть’: ...поплыли по тоболь реку/ в мяденски юрты приплыли... [2, л. 22 об., с. 344].

В отличие от глаголов с корнем -плы-, обозначающих передвижение по реке (озеру, морю), глагол *переправиться* (*переправляться*) (2) обозначает движение через реку, с одной её стороны на другую: ...*оне стали казаки перепра/влятися, на другу сторону за селенгу за реку...* [2, л. 68 об., с. 429].

Перемещение в воздушной среде обозначено в исследуемых текстах глаголами с корнем -лет-: *летать* (2), *вылететь* (2), *налетывать* (1). В качестве субъекта действия *летать* названы птицы. Однако в эпических фольклорных произведениях такого рода контексты содержат риторическую фигуру – сравнение героя былины или песни с соколом, кречетом, орлом и под., а его врага (врагов) – с черным вороном: ...*что есенъ соколь вонъ вылетывалъ какъ бы / белой кречеть вонъ выпархивалъ выезжалъ / воевода московской князь...* [2, л. 61 об., с. 415]; ...*какъ бы / черныя вороны налетывали, набегали тутъ мунгалы /из чиста поля, учинилася бои драка тутъ великая...* [2, л. 68 об., с. 430]; ... *а и ездитъ боидоской князець/ на своемъ на добром / коне/ какъ черной воронъ летаетъ/ кругъ/ острогу комарскова...* [2, л. 73 об., с. 444].

Первую ближнюю периферию семантической сферы «Перемещение в пространстве» структурирует также семантика глаголов, обозначающих передвижение, перемещение объектов (судов, грузов, товаров, военной добычи, в том числе людей (если это не сами активно действующие герои). Лексические значения таких глаголов формируют СП ‘Путь – везти’.

Глаголы с корнями -*вез-/воз-* (4) обозначают действие ‘перемещать, заставлять перемещаться какие-л. средства передвижения, а также перемещать что-л. при помощи средств передвижения’ [19, вып. 2, с. 52]; с корнем -*вед-* (2) – действие ‘принуждать идти, вести силой’ [19, вып. 2, с. 116]: ...*положили любимова конюха на те / на телеги на ординския привезли до ивана великова (...)* онъ царевича на добра коня посадилъ / увесъ во село свое романовское... [2, л. 75 об. – 76, с. 447 – 448]; ...*а и вывезите менѢ казаки к силу царству московскому...* [2, л. 21, с. 341]; ...*и опять заидемъ и тебя убьемъ и твоихъ дочереи уведемъ...* [2, л. 95, с. 496].

Глагол *разослать* (2) обозначает ‘послать в разные места (многих, нескольких)’: ...*втапоры у ермака были казаки / разосланы по разнымъ далнымъ странамъ...* [2, л. 23 об., с. 346]. Глагол *послать* (1) обозначает ‘отправить кого-л. или что-л. с какой-л. целью; послать’ [19, вып. 17, с. 174]: ...*послалъ онъ сто чловкъ / всю ту правду розспрашивати...* [2, л. 21 об., с. 342]; глагол *отослать* (1) называет действие ‘отправить, послать, препроводить куда-л.’ [19, вып. 13, с. 293]: ...*понесли казну соболиную и бурыхъ лисицъ сибирскихъ/ и принималъ ермакъ у нихъ неотсылаючи...* [2, л. 23, с. 345]. Глагол *отправить* (1 словоупотребление) выражает понятие, синонимичное глаголу *послать* – ‘отправить, отослать, послать’

[19, вып. 13, с. 304]: ...а честны король честны карлусы показаль ему / милость великую от-
правляет силы со трехъ / земель... [2, л. 62, с. 416].

Ещё один глагол *тащить* (1) обозначает ‘перемещать, передвигать с усилием, не отрывая от поверхности чего-л.; волочить’: ...оставили оне тут лотки коломенки на тои баран-
ческой переволоке одну тащили да надселилися... [2, л. 22, с. 344]. Действие, обозначаемое в
текстах глаголом *выдергивать* (1) – ‘вырывать что-л. силою; вытаскивать’ [19, вып. 3,
с. 199], также объектом имеет средства передвижения по воде (лодку, корабль и пр.):
...казаки среди моря синева противъ матицы острова / лехки струги выдергивали и весе-
лечки разбрасавали... [2, л. 20 об., с. 340].

Итак, обращает на себя внимание тот факт, что семантика рассмотренных в работе гла-
голов обусловлена в том числе их словообразовательной структурой. Конкретное значение
однокоренных глаголов передвижения, перемещения определяется приставкой с простран-
ственным значением. Значение префикса (генетически связанного с пространственным пред-
логом): ‘направление движения’, ‘цель перемещения’, ‘место’ – усиливается в тексте значе-
нием постпозитивного предлога, также выражающего пространственные отношения: *дойти*
до; *поплыть* (*поехать*, *пойти*, *похаживать*) *по*; *выплыть* (*выйти*) *на*; *отъезжать* *от* (*к*);
приплыть к; *приехать на*; *выезжать к* (*на*); *поехать в* и др. «Концепт пространства форми-
рует основу предлогов, – пишет Е.С. Кубрякова, – получает в языке широкое отражение на
других уровнях существования языка¹⁸ и в разных классах языковых явлений» [17, с. 84].

Таблица 2

Семантика	Ряды однокоренных глаголов	Глаголы с другими корнями
Перемещаться пешком, ступая шаг за шагом, по земле (и по во- де)	<i>Пойти</i> (19), <i>идти</i> (10), <i>дойти</i> (4), <i>прий- ти</i> (3), <i>зайти</i> (2), <i>пройти</i> (1), <i>уйти</i> (1), <i>отойти</i> (1); <i>ходить</i> (3), <i>походить</i> (2), <i>похаживать</i> (1), <i>приходить</i> (1), <i>выходить</i> (1), <i>схо- диться</i> (1).	<i>Гулять</i> (10); <i>валить</i> (1).
Перемещ. по земле на коне или в повозке	<i>Ехать</i> (4), <i>отъезжать</i> (2), <i>выезжать</i> (1), <i>выезжать</i> (1), <i>поехать</i> (1), <i>приехать</i> (1), <i>проехать</i> (1).	<i>Поскакать</i> (1).
Перемещ. по воздуху/быстро перемещаться	<i>Лететь</i> (2), <i>вылететь</i> (2).	<i>Выпархивать</i> (1).
Перемещаться по воде	<i>Выплыть</i> (4), <i>поплыть</i> (3), <i>приплыть</i> (2).	<i>Грянуть</i> (1); <i>выгрести</i> (1); <i>переправиться</i> (2).
Перемещать ко- го-л. или что-л.	<i>Вывезти</i> (2), <i>привезти</i> (1), <i>увезти</i> (1); <i>вести</i> (1), <i>увести</i> (1); <i>разослать</i> (2), <i>послать</i> (1), <i>отослать</i> (1).	<i>Отправить</i> (1); <i>тащить</i> (1); <i>представить</i> (2); <i>выдерги- вать</i> (1).

Проведённый анализ и классификация (Таблица 2) глагольных ЛФЕ позволяет предста-
вить их не только как репрезентанты СП, формирующих семантическое поле пространства,

¹⁸ Не только лексемно-лексикологического.

но и как компоненты лексико-семантических парадигм¹⁹ (например, синонимических), образуемых ими в исследуемых текстах: *ходить* – *гулять*, *идти* – *валить*, *поехать* – *поскакать*, *вылететь* – *выпархивать*, *пойти* – *поплыть*²⁰, *выйти* – *выплыть*, *выплыть* – *выгрести*, *послать* – *отправить* и др.

Несмотря на то, что обычно при использовании полевой методики исследования семантики объектом оперирования оказываются слова именных частей речи и атрибутивные словосочетания, наш анализ выявил значительное количество глаголов и глагольных словосочетаний, значения которых структурируют семантическое поле пространства в упомянутых текстах КД.

В работе описано выражение ближней периферии семантической сферы I «Перемещение в пространстве» исключительно глагольной лексикой (всего 121 словоупотребление). Отметим, что семантика глаголов также участвует в формировании СП других семантических сфер анализируемого поля. Например, СП 'Путь – драка' дальней периферии этой же семантической сферы I: *драться* (8), *полонить* (5), *покорить* (3), *учинить бой* (1), *лезть в глаза* (1) и др. (всего более 65 глагольных словоупотреблений) наряду с: *драка* (9), *бой* (2), *баталия* (2), *побоище* (1), *ратное дело* (2) и др. СП 'Поселение – ставить, жить' ближней периферии III «Физическое пространство, простор»: *жить* (6), *стоять* (6), *зимовать* (2), *поставить (острог, крепость)* (3), *пахать* (1), *молотить* (1) и др. (всего более 45 глагольных словоупотреблений) наряду с: *острог* (11), *город* (8), *крепость* (2), *улица* (1) и др. Однако, во-первых, глаголы в этих лексических рядах являются средством выражения значения СП наряду с именами; во-вторых, представлены, как видим, меньшим количеством словоупотреблений, нежели описанные в статье.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пропп В.Я. Фольклор и действительность // Фольклор и действительность: избран. статьи. М., 1976. С. 83-115.
2. КД – Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / отв. ред. Д.С. Лихачев. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958.
3. Путилов Б.Н. Сборник Кирши Данилова и его место в русской фольклористике // Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / отв. ред. Д.С. Лихачев. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 513-565.
4. Горелов А.А. Исторические песни о Ермаке – поэтический пролог и спутник первой крестьянской войны в России // Русская литература. 1961. № 1. С. 141-159.
5. Колотова Н.И. Своеобразие собрания былин Кирши Данилова и проблемы его изучения // Фольклор в контексте современной культуры: Юдинские чтения – 2005: материалы Всероссийской научно-практ. конференции. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2006. С. 97-100.
6. Пропп В.Я. Русский героический эпос: изд. 2-ое, испр. М.: Гос. изд. худож. литературы, 1958.
7. Путилов Б.Н. О некоторых проблемах изучения исторической песни // Русский фольклор: материалы и исследования. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 1. С. 63-78.
8. Косериу Э. Лексические солидарности // Вопросы учебной лексикографии. М., 1969.

¹⁹ Или, другими словами, лексико-смысловых парадигм, лексико-семантических групп, семантических микрополей и под. Среди терминологического многообразия мы выбираем термин, наиболее согласующийся с логикой предпринятого исследования.

²⁰ С учётом семантических различий, на которые указывают И.И. Макеева и Е.В. Рахилина: *идти* употребляется, когда «эксплицитно указывается цель или направление»; *плыть* – когда «акцент делается на движении как таковом» [21, с. 182].

9. Гальперин И.Р., Колшанский Г.В., Слюсарева Н.А. О методах структурной лингвистики в исследовании словарного состава языка // Филологические науки. 1962. № 2.
10. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976.
11. Щур Г.С. О новом и старом в теориях поля в лингвистике // Уч. зап. Ярослав. пед. ин-та. Вып. 73. Ярославль, 1970.
12. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. Л., 1976.
13. Березович Е.Л. К этнолингвистической интерпретации семантических полей // Вопросы языкознания. 2004. № 6. С. 3-24.
14. Падучева Е.В. К структуре семантического поля «восприятие» (на материале глаголов восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. 2001. № 4. С. 23-33.
15. Пак И.Я. Языковое воплощение образа дерева (растения) в русском языке: Автореф. ... дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Томск, 2006.
16. Шенделева Е.А. Ассоциативно-образное семантическое поле как единица анализа образного строя языка // Актуальные проблемы русистики: Сб. статей / под ред. Т.А. Демешкиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. С. 116-128.
17. Кубрякова Е.С. О понятиях места, предмета и пространства // Логический анализ языка. Языки пространств. М.: Языки русской культуры. 2000. С. 84-92.
18. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994.
19. Словарь русского языка XI – XVII вв.: Вып. 1-28. М.: Наука, 1975-2008.
20. Лихачев Д.С. О русской природе // Лихачев Д.С. Раздумья о России: статьи о культуре России, заметки и наброски, приложения. Санкт-Петербург: Logos, 1999. С. 505-512.
21. Макеева И.И., Рахилина Е.В. Семантика русского *плыть – плавать*: синхрония и диахрония // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура: Сборник статей в честь Н.Д. Арутюновой. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 176-187.

А.П. Майоров

ТЕРМИНЫ ЖИВОТНОВОДСТВА В «СЛОВАРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА XVIII В.: ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ. ЗАБАЙКАЛЬЕ»

Среди многочисленных тематических групп региональной лексики, представленной в словаре, выделяется терминология животноводства.

Эта лексика неслучайно занимает одно из главных мест в словарном составе забайкальского региона, поскольку занятие животноводством являлось основным видом хозяйственной деятельности у коренного населения края и жизненно важным у русских в процессе освоения забайкальского региона. В региональном узусе того времени функционировали древние, восходящие к праславянскому периоду наименования домашних животных, их древнерусские и старорусские названия, пришедшие вместе с их носителями с самых разных территорий Московской Руси, и новообразования, представляющие собой заимствования из языков коренных народов Сибири. Войдя в словарный состав забайкальского региолекта XVIII в., они образовали своеобразную лексическую систему, обладающую яркими чертами в отличие от общенародной. Тематически группы слов, обозначающих домашних животных, многообразны. В исследуемых памятниках богато представлена лексика мастей животных. Данные слова были очень актуальны в повседневной жизни людей, населяющих край. Ука-

зание масти животного, подробное перечисление отличительных примет были обязательными в случаях нередких краж скота и лошадей, конфискации имущества и передачи скота и лошадей в «государев табун». Чаще всего встречаются названия мастей лошадей, из которых наряду с распространенными общерусскими словами *буланный, саврасый, игрневый* отмечаются региональные лексемы *голубой* ‘пепельный, светло-серый’, *крылатый* ‘чалый, с темными лопатками’, *халзанный, халюный* и др. Из названий мастей других домашних животных отмечены слова, характеризующие масти представителей рогатого скота – *бабровый, коурий*. Специальную вербальную характеристику имели детеныши домашних животных: их различали по возрасту (*селеток, годовик, жеребчик, кобылка* и др.), по масти (*коуренькой, гнединькой* и т.п.). Употребительны в забайкальских документах такие наименования различных отметин на шерсти животных, как *иверень, выскирь, ремень, пестрина, чубарина, чатина* и др. Кроме того, тексты забайкальских деловых бумаг содержат названия частей тела животных, слова, обозначающие половозрастные признаки животных и особенности их поведения.

Примечательной чертой словарного состава забайкальской деловой письменности данного периода являются названия верблюдов, характеризующие их по половозрастным признакам – *атан, ботогонок, верблюдок, бура, инга*. В XVIII в. верблюдов содержали в хозяйстве каждого более или менее зажиточного бурята, что было связано с развитием товарного хозяйства у бурят, и это животное было необходимо для перевозки грузов через пустынную и степную Монголию. Впоследствии они выходят из хозяйственного обихода, и их исчезновение объясняется тем, что буряты перестали совершать дальние перекочевки, при которых выючные животные были весьма полезными. Данные слова в основном представляют собой заимствования из бурятского языка.

Принципы лексикографической обработки слов, применяемые в словаре, достаточно традиционны: однако словарь будут отличать некоторые особенности, проявляющиеся в структуре словарной статьи. Так, в словаре регулярно и последовательно показываются парадигматические связи слов. В частности, отношения синонимии (абсолютных или точных синонимов и квазисинонимов) обозначаются посредством пометы *Ср.: БЕЛИЗЕНКА, -и, ж. Небольшое белое пятно на шерсти животного. Ср. звездка, сединка.*

Одной из животрепещущих проблем регионального исторического словаря является проблема подтверждения толкования лексического значения слова. Для ее решения в словарной статье используются в основном три способа подтверждения дефиниции слова.

1) Ссылка на другой источник (лексикографический труд, научную монографию и т.п.). Она применяется, когда иллюстративный материал недостаточно информативен, а в других источниках слово, которое приводится в словаре, фиксируется с дефиницией более или менее полно раскрывающей семантические признаки лексического значения, подтверждая. Например, **ЛОНСКОЙ**, -ая, -ое. *Двухлетний, двухгодовалый (о домашнем животном)* (Сл. XI-XVII, вып. 8, 282).

2) Включение в словарную статью контекстов-дублетов, содержащих синонимические замены слова. Та же бедная информативность контекстов, иллюстрирующих толкуемое лексическое значение слова, может быть компенсирована контекстом, который описывает ту же реалию, но с синонимической заменой словарного слова на другое, подтверждающее его дефиницию. Например: **СИНЕЙ**, -ая, -ее. *Пепельно-серый, сивый (о масти лошади).* – Четырех

лошадей с телегами и всякой конскою упряж[ь]ю шерстью шаргулая рыжая и две синих (ф. 20, 1785) <Ср. в другом документе дела в описании этих же угнанных лошадей замену слова синей на слово сивой: четыре лошади шерстью шаргулая рыжая и две сивых (ф. 20, 1785)>.

3) Этимологическая справка. Она применяется к заимствованиям, которые не зафиксированы в этимологических, исторических и областных словарях русского языка, а контекст в иллюстративном материале не позволяет подтвердить толкуемое значение заимствованного слова. Например: **ИНГА**, -и, ж. *Самка верблюда*. ▪ *Ср. бур. энги(н) I '1) верблюдица 2) лосиха'* (БРС, 766).

АТАН, -а, м. *Кастрированный двугорбый верблюд*. – Здохло казенных верблюдовъ и лошадей <...> февраля „10,“^{го} одинъ конь саврасопэгой <...> „14,“^{го} одинъ атанъ коурай кочки на праву сторону (ф. 1092, 1755). – А верблюда атана тот Гантимуровъ к себе во взятокъ получил ли за что: подлинно не знаю (ф. 1092, 1764).

▪ *Ср. бур. атан в слвсч. атан тэмээн 'кастрированный верблюд'; атан буура 'холощенный и нехолощенный верблюды' и др.* (БРС, 64).

БАЕРОК, -у, м. *Болезнь домашних животных*. – А оные здохли кобылы болшие <...> а инные от болезни <sic!> называемой по иноземчески баероку (ф. 1092, 1754).

БЕЛИЗЕНКА, -и, ж. *Небольшое белое пятно на шерсти животного*. *Ср. звездка, сединка*. – У задней левой ноги под щеткой белизенка (ф. 31, 1777). – Между ноздрей и на переносье малинкие белизенки (там же).

БЕЛОБРУХОЙ (БѢЛОБРУХОЙ), -ая, -ое. *С белой шерстью на брюхе (о домашнем животном)*. – Пала корова болшая черная бѣлобрухая комолая (ф. 262, 1760).

БЕЛОПАХОЙ (БѢЛОПАХОЙ), -ая, -ое. *С белой шерстью в пахах (о домашнем животном)*. – Пять коровъ яловых одна бура бѣлопаха (ф. 10, 1769). – <Бык> бурой белохрептой белобрухой и белопахой (ф. 31, 1777).

БЕЛОПОЯСОЙ, -ая, -ое. *С белой шерстью по поясу (о домашнем животном)*. – <Бык> красной белопоясой <...> рога крутые напередъ поклапы (ф. 31, 1777).

БЕЛОРОЖЕЙ (БѢЛОРОЖЕЙ), -ая, -ее. *С белой шерстью на морде (о домашнем животном)*. – Рогатого скота корова черна рогата <...> бура белорожа рогата (ф. 262, 1760). – Третьячинъ телокъ одна бура вторая бура шея красная <...> четвертая красная бѣлорожа (ф. 20, 1784).

БЕЛОСЕРЕДОЙ (БѢЛОСЕРЕДОЙ), -ая, -ое. *С белой шерстью посредине туловища (о домашнем животном)*. – Пала корова бѣлосереда болшая рогата голова красна (ф. 262, 1760).

БЕЛОХРЕБТОЙ (БѢЛОХРЕБТОЙ, БЕЛОХРЕПТОЙ), -ая, -ое. *Со спиной самой светлой масти (о домашнем животном)*. – Бычковъ кладеных подростковъ <...> красной бѣлохребтой (ф. 482, 1749). – Коровы бура белохрепта (ф. 482, 1748). – Оных коровъ болшихъ <...> черная бѣлохребтая (там же).

БЕЛОХРЯСЦОЙ, -ая, -ое. *С белыми хрящами (о домашнем животном)*. – <Бык> чалой белобокой и белохрясцой (ф. 31, 1777).

БОРОВОК, -вка, м. *Молодой боров*. – Подростков полугодовых и ниже боровков и свинокъ сорокъ (ф. 262, 1748).

БОРОВЧАК, -а, м. *Теленок по второму году. То же, что боровчан. Ср. бурун, качарик.* – Боровчаков и трет[ь]еков дватцать (ф. 10, 1769).

БОРОВЧАН, -а, м. *То же, что боровчак.* – Боровчань бурой бэлохрептой на одинь рубль на педдесят копеек (ф. 10, 1769).

БОТОГОНОК, -нка, м. *Верблюд, по возрасту не пригодный для транспортировки грузов; верблюжонок. Ср. верблюдок.* – Верблюдовъ – 204 в них одинь ботогонокъ кроме ботогонка каждой по 14 ру <...> а ботогонок за малостию в оценку не положень (ф. 1092, 1755). – Здох звер[ь] ботогонокъ сегодней (ф. 1092, 1755).

▪ *Ср. бур. ботого(н) 'верблюжонок' (БРС, 107).*

БУРА, -ы, м. *Верблюд-самец.* – От нынэшняяго каравана казенныхъ верблюдовъ здохли майя «10»^{го} один бура да одна инга по 2-му году от болезни (ф. 1092, 1755). – Родились от казенныхъ верблюдовъ три ботогонка в нихъ два буры да одна инга (там же).

▪ [досиб.] *Из тюрк., ср. казах. буга, алт. буга, тув. бѹга, др.-тюрк. буҫа 'верблюду-самец' (Аникин 2000, 142).*

БУРЕНЬКОЙ (БУРИНЬКОЙ), -ая, -ое. *Бурый (о масти детенышей домашних животных).* – Корова красна бэлобока одинь рогъ сломлень – 1 бычекъ буринькой – 1 (ф. 262, 1760). – Жеребець чалой грива стрижена – 2 кобылка буринька – 1 (там же).

БУРО-ПЕСТРОЙ, -ая, -ое. *С бурыми пятнами, крапинами (о шерсти животного).* – Бычекъ буропестрой – 1 (ф. 262, 1760). – Нетель буропестрая двухъ лэть (ф. 262, 1764).

БУРУН, -а, м. *Теленок по второму году. Ср. боровчак, качарик.* – Две коровы

пестра да белобока з двумя <sic!> бурунами (ф. 20, 1785).

▪ *Из бур. буруун 'телка-двухлетка', буруу 'теленка до года; в возрасте до одного года (о звере)' (Аникин 2000, 145).*

БУРУНЧИК, -а, м. *Уменьш. к бурун.* – Телокъ одна бура <...> два бурунчика (ф. 20, 1784).

ВГНЕДЕ (ВГННДh), нареч. *С оттенком гнедой масти на фоне какой-л. другой.* – Кобыла вгнэдэ каряя (ф. 1092, 1730).

ВГОЛУБЕ (ВГОЛУБh), нареч. *С оттенком светло-серой масти на фоне какой-л. другой.* – Жеребчикъ вголубэ пегой (ф. 1092, 1730).

ВЕРБЛУД, -а, м. *Верблюд.* – Отдает <...> ко мне рабу вашему за мой искъ <...> одного верблуда (ф. 10, 1729). – Привел с собою и об[ъ]явилъ шатающегося вербуда <sic!> которой де там уже шатается дня з два (ф. 1092, 1755).

ВЕРБЛЮДОК, -дка, м. *Верблюжонок. Ср. ботогонок.* – Купил де я Цоктай у нево Санарчая Будариева годового верьблютка под матерью купил (ф. 10, 1729).

ВИНОХОДА, -ы, ж. *Иноходец.* – И подарено семь лошадей в том числе две виноходы (ф. 783, 1784).

ВИНОХОДОЙ. *См. иноходой.*

ВКАРЕ, нареч. *С оттенком карей масти на фоне другой.* – Жеребець двухъ летъ вкаре пегой (ф. 1092, 1730).

ВКОУРЕ, нареч. *С оттенком каурой масти на фоне какой-л. другой.* – <Конь> вкоуре чалой грива направо (ф. 31, 1777).

ВМУХОРТЕ, нареч. *С оттенком гнедой с желтоватыми подпалинами масти на фоне какой-л. другой.* – <Конь> вмухорте пегой (ф. 31, 1777).

ВРЫЖЕ, нареч. *С оттенком рыжей масти на фоне какой-л. другой. То же, что срыжа.* – Кобылка начале врыже (ф. 1092,

1730). – <Конь> врыже чалой грива направо у правого уха сзади четверть вынята (ф. 31, 1777).

ВТЕМНЕ (ВТЕМНН), нареч. *С оттенком темной масти, более темного цвета на фоне какой-л. другой масти, какого-л. другого цвета. То же, что **стемна**.* – Усь и борода втемнэ русые (ф. 262, 1752). – Меринъ втемне рыжей грива на обе стороны (ф. 20, 1784).

ВЫПУСК, -у, м. *Выгон для скота; пастбище. Ср. **кормовище**, **поскотина**.* – И скоцкого выпуску противъ пахоты вдвое (ф. 88, 1770). – Велено ему Бурдуковскому пахотную землю и сенные покосы и скоцкой выпускъ <...> при вышеписанной Уналэю рэчкэ отвестъ (там же). – И отцамъ велено сенные покосы и скоцкие выпуски имэть при кочевныхъ их мэстах (ф. 88, 1775).

ВЫСКИРЬ, -я, м. *Клином выстриженная метка на ухе домашнего животного. Ср. **иверень** (во 2-м знач.).* – Конь чалой грива направо левое ухо снизу выскирь (ф. 1092, 1730). – Конь сивой ноздри пороты грива налево с отметомъ право ухо сбоку выскиремъ вырезано (ф. 1092, 1731).

ГНЕДЕНЬКОЙ (ГНЕДИНЬКОЙ), -ая, -ое. *Гнедой (о масти жеребенка).* – <Кобыла> рыжа грива на леву сторону с отметомъ под ней жеребчикъ гнединкой грива на леву сторону селетокъ (ф. 88, 1789).

ГНЕДЧИК (ГНЕТЧИК), -а, м. *Конь гнедой масти.* – Они отвечали ему что у насъ проворных лошадей нетъ; на то Раздобре-евъ сказалъ что у него гнетчикъ увезютъ (ф. 31, 1793).

ГОДОВИК, -а, м. *Домашнее животное по второму году.* – Бычковъ годовиковъ бычекъ черный голова и брюхо бэлое - 1 (ф. 282, 1762).

ГODOVOЙ, -ая, -ое. *По второму году (о возрасте животного).* – Два теленка волки съели один годовой другой селэтной (ф. 262, 1740). – Годовых жеребчиковъ – 16 кобылокъ – 21 приплодных сего году жеребчиков – 23 (там же).

ГУРЕГАШЕК, -шка, м. *Ягненок.* – Баранъ одинатцать овецъ <...> семь гурегашковъ разные шерстью (ф. 20, 1784).

▪ *Ср. бур. хурага(н) ~ н.-монг. хуриγан, хугаγан, монг. хурга(н), бур. хурьга(н) 'ягненок, барашек' (Аникин 2000, 627).*

ДВОЮГОДОВОЙ, -ая, -ое. *Двухгодовалый.* – Пятнатцат[ь] двоюгодовыхъ жеребчиковъ пятнатцат[ь] же годовых некладеных двенатцат[ь] жеребчиковъ (ф. 262, 1734). – Изгибли два жеребчика двоюгодовыхъ (ф. 262, 1740).

ДОМОКОРМЛЕННОЙ, -ая, -ое. *Выращенный в домашних условиях; доморощенный (о домашних животных). То же, что **доморослой**.* – Продаль в Нерчинску в рознь всякимъ людемъ двенатцать скотинъ рогатых средних в томъ числэ четыре скотины домокормленыхъ (ИСВЗ, 198, 1700). – Продаль в Нерчиньску три скотины рогатыхъ своихъ домокормленыхъ (ф. 10, 1710).

ДОМОРОСЛОЙ, -ая, -ое. *То же, что **домокормленной**.* – При томъ мнстрэ конюшенной двор в нем доморослых и прикладных работных сорок мериновъ (ф. 262, 1732).

ЖЕРЕБЧИК (ЖЕРЕПЧИК), -а, м. *Жеребенок мужского пола в возрасте до трех лет.* – Годовыхъ жеребчиков одиннатцать одинъ изгиблъ свою <sic!> смертию (ф. 262, 1734). – Родилось сего года жеребчиков и кобылокъ тритцать (ф. 262, 1755). – Жеребцов четырехъ лэть десять жеребчиков трех лэть шеснатцать (там же). – Изгиб жерепчикъ годовой (там же).

ЗВЕЗДКА (ЗВhЗДКА, ЗВЕСКА), -и, *ж.* *Небольшое светлое пятно на лбу животного. Ср. белизенка, сединка.* – Конь голубой во лбе звеска грива направо с отметомъ (ф. 1092, 1730).

ЗВЕРЬ (ЗВhРЬ), -я, *м.* 1. *Верблюд.* – Здох казенной зверь атанъ коурой кочки на розметъ (ф. 1092, 1755). – И об[ъ]явилъ что де вашъ куриеръ едетъ из Пекину на шти звєрях (там же).

2. *Самец верблюда.* – Два зверя верблюда один звер[ъ] другой инга (ф. 1092, 1760).

ИВЕРЕНЬ, -я, и -рня, *м.* *Метка, вырезанная за ухом домашнего животного. Ср. выскирь.* – <Конь> белой <...> у леваго уха сзади иверень вырезанъ ноздри поро-ты (ф. 31, 1777). – <Бык> красной под шей подресь право ухо вырезано ивернемъ (там же). – Сего числа об[ъ]явил <...> ка-зак Иванъ Разгилдеевъ прибудную ло-шадь меринъ рыжей грива направо у пра-ваго уха зади иверень вырезанъ (ф. 88, 1779).

ИВЕРЕШЕК (ИВЕРЕШОК), -шка, *м.* *Небольшой иверень.* – Конь голубой грива направо с отметомъ у леваго уха <...> зза-ди иверешокъ вырезанъ (ф. 31, 1777).

ИНГА, -и, *ж.* *Самка верблюда.* – Имзетца у курского купца Григорья Пчелина в про-дажу <...> атанов семь ингъ восемь, буръ тринадцать (ф. 1092, 1754). – От ннэшняго каравана казенныхъ верблюдовъ здохли майя „10,, го один бура да одна инга по 2^{му} году от болезни „28,, инга бурая болшая от старости <...> инга коурая болшая от бо-лезни (ф. 1092, 1755).

▪ *Ср. бур. энги(н) I '1) верблюдца ...2) ло-сика'* (БРС, 766).

ИНОХОДОЙ (ВИНОХОДОЙ), -ая, -ое. *Бегущий иноходью (о лошади).* – Жеребецъ серой виноходой грива направо с отметом (ф. 1092, 1730). – Покрадена у него изо

двора лошадь мерин чалой иноходой уши оба сверху немного пороты (ф. 31, 1755). – Просил у меня в дружбу коня виноходого (ф. 1092, 1760). – Конь карей виноходой грива на обе стороны (ф. 262, 1761). – Дай-те ему Гантимурову коня иноходого (ф. 1092, 1764).

КАЛАЧИКОМ, *нареч. То же, что кала-чом.* – <Бык> красной право ухо вырезано ивернемъ рога калачикомъ (ф. 31, 1777).

КАЛАЧОМ (КАЛАЧЕМ), *нареч. Полу-круглой формы, в виде калача (о рогах). То же, что калачиком.* – <Телка> ковурая рога калачем (ф. 282, 1728).

КАЧАРИК (КАЧЕРИК, КАЧАРЫК, КАЧЕРЫК), -а, *м.* *Теленок по второму году. Ср. боровчак, бурун.* – Бычков каче-рыков дватцат[ъ] (ф. 482, 1752). – Качари-ков бычков и телокъ дватцат[ъ] девять (ф. 121, 1755). – Вверхъ иркутской заимкэ ро-гатого скота коров, нетелей, быковъ и ка-чериков и малых теленков девяносто одна (там же). – Одиннатцать качарыков ро-дившихся в 754 году (там же). – Пал бы-чекъ качарикъ (ф. 262, 1760).

▪ *Связано с бур. хашараг 'двухгодовалый телок, двухлетний бычок'* (БРС, 565). *“Трудность состоит в объяснении -ч-. Проще всего допустить, что качарик из тюрк. источника типа казах. қаһар ‘двух-летний теленок’ с прибавлением рус. суф. -ик при одновременной контаминации с формами с -ш-, т.е. каширик и др.”* (Ани-кин 2000, 274).

КАШАРЫЧЕЙ, -чья, -чье. *Отнщ. к те-ленку по второму году (качарику).* – Вы-дана одна кожа юфтяная кашарыч[ъ]я ко-нюху Крылову которая употреблена на крышки седелных (ф. 262, 1759).

КЛАДЕВО (КЛАДИВО), -а, *с.* и **КЛА-ДЕНЬЕ**, -я, *с.* *Действие по глаг. класть; холощенье домашних животных. Ср. ко-*

новалство, легчение.— Выдано иноземцу Дебенгу за кладиво жерепцов и верблюда восемь алтынъ (ф. 282, 1718). — Выдано брацкому Матюшкэ за кладево бычков од-нэ переды ювтенные (ф. 262, 1755). — Име-етца годныхъ х кладеву верблюдовъ буръ до тритцати (ф. 1092, 1755). — За кладенье из монастырского конного табуна молодых жеребцов — 2 [рубля] (ф. 262, 1763).

КЛАДЕНЕЦ, -нца, м. *Кастрированный самец домашнего животного.* — Семнат-цет[ь] бычковъ кладенцовъ (ф. 262, 1740). — Два жеребца молодых кладенцов двенат-цать (ф. 121, 1755). — Продано из мнстр-ского табуна дватцат[ь] кладенцовъ каж-дой по пяти рублевъ (ф. 282, 1759).

КЛАДЕНОЙ, -ая, -ое. *Кастрированный (о животном).* — Кладеных коней три (ф. 262, 1742). — Посланы в монастырь для прода-жи коней кладеныхъ восемь два жеребчика трех годовъ (ф. 262, 1755).

КЛАСТЬ, -аду, -адет; *несов., перех. Холо-стить (домашних животных). Ср. лег-чить.* — Степан Осколковъ клал казенных телят дватцат[ь] шесть выдано ему за оную работу дватцат[ь] три копейки (ф. 262, 1735). — Коновал наемной клал казенных жеребца да прошлогодных дватцат[ь] пят[ь] бычков (ф. 262, 1736).

КОБЫЛКА, -и, ж. *Жеребенок женского пола.* — Селэтокъ кобылка голубая (ф. 1092, 1730). — Годовыхъ кобылокъ — 19 (ф. 262, 1742). — Пала одна кобылка сегодая (ф. 262, 1755). — Жеребенокъ кобылка шер-стию карея — 1 (ф. 262, 1760).

КОНОВАЛСТВО, -а, с. *Холощение, ка-страция животного. Ср. кладево, легче-ние.* — Ивану Шубину за коновалство даны подошвы дубленные (ф. 262, 1740).

КОНЬ, -я, м. 1. *Самец лошади; жеребец.* — Новоопределенному крестьянину Еремэю Кобычеву конь да вмэсто коровы кобыла

работные (ф. 262, 1742). — Принято за про-дажныхъ коней и кобыль а именно за два коня за жерепчика четырехъ лэть да за де-вять кобыль болшихъ за восемь кобылокъ трехъ лэть всехъ за дватцать лошадей <...> девеносто два рубли (ф. 262, 1752). — Оста-точных от 756 года коней и кобыл болших и малых сто шестьдесятъ шесть (ф. 262, 1757).

2. *Верховая лошадь* (СРНГ, вып. 14, 274). — Шестъ лошадей мериновъ добрыхъ взялъ ли в том числе одинъ кон[ь] а другой жере-бець в шахматы (ф. 1092, 1764). — А о коне точно показать не знаю токмо жеребець шахматой (там же).

КОРМЛЯ, -и, ж. *Кормление скота.* — Мнстрской скоть пас и кормиль за кото-рую пасбу и кормлю дано ему в додачу два рубли (ф. 262, 1737).

КОРМОВИЩЕ, -а, с. *Пастбище; выгон для скота. Ср. выпуск (в 1-м знач.), по-скотина.* — У устья есть кормовище изряд-ное (ОИН, 234, 1792).

КОУРЕНЬКОЙ (КОУРИНЬКОЙ), -ая, -ое. *Каурый (о масти детенышей домаш-них животных).* — Кобыла голубая грива нестрижена — 1 жеребенокъ коуринькой — 1 (ф. 262, 1760).

КОУРОЙ (КОВУРОЙ), -ая, -ое. *Светло-каштановый, каурый (о масти домашних животных).* — Конь коурой грива стриже-на (ф. 1069, 1725). — <Телка> ковурая рога калачем (ф. 282, 1728). — Кон[ь] коурой крылатой ноздри пороты (ф. 262, 1760). — Не явилось кобылы шерсти коурой (ф. 88, 1792).

КОЧКА, -и, ж. *Верблюжий горб.* — Здохло казенныхъ верблюдовъ и лошадей <...> атанъ бурой кочки на обе стороны (ф. 1092, 1755).

КРАСНЕНЬКОЙ (КРАСНИНЬКОЙ, КРАСИНЬКОЙ), -ая, -ое. *Рыжий (о ма-сти детенышей домашних животных).* —

Бычекъ красинькой — 1 (ф. 262, 1760). — Тіолка краснинка ж шіоки белинкия лево ухо вырезано иверенемъ (ф. 88, 1789). — Тіолка краснинка лево ухо резано иверенем (там же).

КРЫЛАТОЙ (КРЫЛАТАЙ), -ая, -ое. *С темными лопатками на фоне более светлой масти (о домашнем животном, чаще — о саврасой или чалой лошади).* — Кобылок годовых саврасая крылатая — 1 (ф. 482, 1749). — Ис приплодных жеребчикъ голубинной крылатой (ф. 31, 1759). — Кон[ь] коурой крылатой ноздри пороты (ф. 262, 1760). — Оставил я <...> для прекормления мою собственную корову шерстью бурую крылатую с рогами (ПЗДП, 84, 1773).

ЛЕГЧЕНИЕ, -я, с. *Действие по глаг. легчить; холощение. Ср. кладево, коновалство.* — Братскому мужыку за легчение 4^x жеребенков дано — 40 [копеек] (ф. 262, 1731).

ЛЕГЧИТЬ (ЛЕХЧИТЬ), -чу, -ит; несов. и сов., перех. *Холостить/выхолостить домашних животных; кастрировать. То же, что подлегчить. Ср. класть.* — Коновал Семен Хромов лехчилъ шесть жереппцовъ (ф. 482, 1742).

ЛЕДВЕЯ (ЛЕДВѣя), -и, ж. *Ляжка задней ноги у животного; бедро. Ср. окорок.* — С лугу уведень собственной ево лошадь светло серой в приметы ноздри мало пороты грива с отметом на обе стороны на правой ледвее да на том же и паху от обжеговъ пятна (ф. 88, 1773). — <Конь> соловой во лбе звеска грива на праву сторону <...> на обеих ледвеях по два тавра (ф. 31, 1777).

ЛОНСКОЙ, -ая, -ое. *Двухлетний, двухгодовалый (о домашнем животном)* (Сл. XI-XVII, вып. 8, 282). *Ср. сегодней, селетней.*

— Двэ кобылы с лонскими жеребенками (ф. 10, 1707). — Отпущены были собственных ево лошадей два мерина две кобылы и при нихъ два жеребенка лонскихъ в казачей табунъ (ф. 88, 1792).

ЛОНШАК (ЛОНЧАК), -а, м. *Двухлетнее животное, животное прошлогодного приплода. То же, что лонщина.* — Продать одну корову с теляткою <...> да одного теленка ж лоншака (ф. 1092, 1748). — Жеребятъ лоншаков десять в том числѣ четыре кобылки (ф. 121, 1750). — Лоншаков жеребчиковъ и кобылокъ одиннатцать (ф. 482, 1752). — При усолье на заимкѣ <...> конного табуна <...> жеребятъ лоншаков шесть (ф. 121, 1766). — Рогатого скота коровъ быков и с лоншаками всѣхъ семдесятъ пят[ь] (ф. 121, 1786). — Лончаки тіолка красинка лево ухо резано иверенем (ф. 88, 1789).

ЛОНЩИНА, -ы, ж. *То же, что лоншак* (Сл. XI-XVII, вып. 8, 282). — Бычков и телокъ лонщинъ девять (ф. 262, 1745)

ЛОШАДЬ ♦ **заводная лошадь.** *Запасная лошадь.* — И усмотрел что братцкие иноземцы едутъ и ведут лошадей заводных простых (ф. 1092, 1731). — А ис того числа под проводниками по две да заводных по три и по четыре лошади и то для трудного и дальнего пути (ф. 88, 1767). — А подводъ де в то время мною взято под меня и крестьянъ четыре да для де такого дальнего и трудного проезда заводных две (там же).

♦ **подъемная лошадь.** *Лошадь, предназначенная для перевозки грузов, тяжестей; ломовая лошадь.* — Вывожено на полковых под[ъ]емных лошадях из лесу къ Селенгѣ рекѣ на плодбища и из оногo выплавлено к Архангелской слободѣ (ф. 88, 1767). — И ежели необходимо в ту перевозку под[ъ]емные лошади востребуютца то оныя из находящихся при селенгинском

гарнизоне <...> с упряшкою и с указным их доволствиемъ для той перевоски отосланы <будут> (ф. 88, 1769).

◇ **СОШНАЯ ЛОШАДЬ**. *Лошадь, предназначенная для запрягания в соху* (Сл. XI-XVII, вып. 26, 271). – Покрали у меня <...> четырех лошадей сошныхъ добрыхъ (ф. 1092, 1730). – Покрали у него из деревни невѣдомые воры четырех лошадей сошныхъ (там же).

МОЛОСНИК, -у, м. *Болезнь лошадей, проявляющаяся в виде нарывов под горлом* (Сл. Эл., 207). – А оные лошади здохли болшие от болезни нутренного нохтя а малые от болезни молосников (ф. 1092, 1755). – А хотя и издохли у сказанного Титова две лошади; первая от нохтю а второй жеребенокъ от молоснику о коих болезнях известно что не по реткости бывають оныя приключении (ф. 88, 1793).

МУХОРКО, м. *О лошади мухортой масти(?)*. – Продана на Кударе лошад[ь] малой мухорко цены взято – 6 [рублей] 75 [копеек] (ф. 262, 1731).

НАБУЛАНЕ, нареч. *С оттенком другого цвета на фоне буланой масти*. – Селзтокъ жеребчикъ набулане пѣгой (ф. 1092, 1730).

НАГОЛУБЕ (НАГОЛУБѣ), нареч. *С оттенком другого цвета на фоне чалой (голубой) масти*. – <Конь> наголубе пѣгой грива на лѣву сторону с отметомъ тавро казенное (ф. 262, 1764). – Наголубѣ пѣгой грива на обѣ стороны тавро казенное (там же).

НАКАРЕ, нареч. *С оттенком другого цвета на фоне карей масти*. – Инкыжин Бурин опознал одну лошад[ь] шерстью накаре пегу (ф. 1092, 1748). – <Конь> накаре пѣгой (ф. 31, 1777).

НАКОУРЕ (НАКОУРѣ), нареч. *С оттенком другого цвета на фоне каурой масти*. – <Конь> накоурѣ пѣгой грива стрижена

(ф. 262, 1760). – Кобыла накоурѣ пѣга – 1 (ф. 262, 1760).

НАРЫЖЕ (НАРЫЖА), нареч. *С оттенком другого цвета на фоне рыжей масти*. – Кобыла нарыже чала (ф. 1092, 1730). – Коня нарыжа пѣгово по осмому году (ф. 262, 1745). – <Конь> нарыже пѣгой грива налево (ф. 31, 1777).

НАСАВРАСЕ, нареч. *С оттенком другого цвета на фоне саврасой масти*. – Паль жеребчикъ двухъ лѣтъ шерстью насаврасе пѣгой (ф. 262, 1755).

НЕКЛАДЕНОЙ, -ая, -ое. *Не кастрированный*. – Пятнатцат[ь] двоюгодовыхъ жеребчиковъ пятнатцат[ь] же годовыхъ некладеныхъ двенатцат[ь] жеребчиковъ (ф. 262, 1731). – Боровов кладеныхъ тритцать некладеныхъ пять (ф. 262, 1748).

НОВОКЛАДЕНОЙ, -ая, -ое. *Недавно кастрированный (о животном)*. – Отпущено въ Троцкой <sic! – Троицкий> Селенгинской мнстръ коней новокладеныхъ семь (ф. 262, 1755).

НОГОТЬ (НОКОТЬ), -гтя (-хтя) и -хтю, м. *Болезнь лошадей; ороговение века* (Даль, II, 552). – Степан Осколков у казенныхъ <...> лошадей чистил насосы и ногти сымал (ф. 262, 1736). – А оные лошади здохли болшие от болезни нутренного нохтя (ф. 1092, 1755). – А хотя и издохли у сказанного Титова две лошади; первая от нохтю а второй жеребенокъ от молоснику о коих болезнях известно что не по реткости бывають оныя приключении (ф. 88, 1793).

ОКОРОК (ОКАРАК), -а, м. *Бедро, ляжка задней ноги животного. Ср. ледвея (во 2-м знач.)*. – Меринъ рыжъ <...> на левом окараку тавро кругъ мерою одинъ аршин (ф. 88, 1767). – <Конь> на левом окараку два круга (ф. 31, 1777).

ОСТОЖЬЕ, -я, с. 1. *Огороженный участок земли со стогом сена. То же, что стожье. Ср. городьба (во 2-м знач.).* – Увез у меня из остожья сена воровски (ф. 10, 1729). – Испужався оногo бэжалъ и жил в остож[ь]е в сенэ (ф. 31, 1747). – И по приезде к пустому остожью остоновясь обжидали братских (ф. 11, 1791).

2. *Стог сена(?)*. – Отдано за работу Алэксандру Забоеву с товарищем что огораживали остож[ь]я два дни по два алтына обоим на день (ф. 262, 1740).

ОТЧЕС, -у, м. *Болезнь чесотка у домашних животных. То же, что перечес.* – На лечение у оных верблюдовъ болезни от шулудей [и] отчесу выдано мною казенного пороху четыре фунта (ф. 1092, 1755).

ПАСЕБ, -у, м. *Присмотр за скотом на подножном корму; пастьба.* – Тунгусу Пилэ за годовой пасебъ табуна выдано досталныхъ четырэ рубли (ф. 282, 1758). – Находящейся у пасебу казеннаго табуна казакъ Данило Смороденниковъ же не принимая оных <лошадей> в табуны и неоднократно выгонялъ (ф. 88, 1792). – На что тот пастухъ Тожиноевъ ему сказалъ что те быки отданы ему под пасебъ от господина коллежского регистратора Ивана Седыхъ (ф. 11, 1798).

ПЕГАННОЙ (ПЯГАННОЙ), -ая, -ое. *Пятнистый, пегий (о масти животных).* – Коровъ нетелей <...> черная пеганая во лбэ бэло (ф. 482, 1749). – <Бык> красной пеганой (ф. 31, 1777). – <Лошадь> шерсть рыжая пеганая пятны белыя (ф. 88, 1792). – Одну гнедую привель и привезаль за шею къ имеющему у меня в поводу пеганому коню (ф. 11, 1794).

ПЕНЬ ♦ **пнем**. *Наполовину, наподобие пня (об обрезанных ушах лошади).* – Конь рыжей <...> уши оба пнем срезаны (ф. 1092,

1730). – Чалой <конь> во лбе звеска грива направо с отъметом ухо пнем (ф. 31, 1777).

ПЕРЕЧЕС, -у, м. *То же, что отчес.* – Здохло от болезни от перечесу и от старости верблюдовъ атановъ двенатцать (ф. 1092, 1755).

ПЕСТРИНА, -ы, ж. *Пятно другой масти на шкуре животного. Ср. чатина (во 2-м знач.), чубарина.* – А быкъ в шерсти белой от передних лопатокъ по шэе пестрины бурые (ф. 1092, 1730).

ПОДБРЮШИЦА, -ы, ж. *Нижняя часть брюха у животных.* – А другая наледь на той же реке Селенге <...> была глубока коню до подбрюшицы (ф. 88, 1769). – И хотя другая <наледь> была немного поглубже толко лошади не до подбрюшицы (там же).

ПОДЛЕГЧИТЬ (ПОДЛЕХЧИТЬ), -чу, -ит; сов., *перех.*; **подлехченной**, -ая, -ое, стр. прич. *То же, что легчить.* – По скаске коновала Портнягина о подлехченных на Байхаре тритцати пяти жеребцах (ф. 1092, 1754). – Не повелено ль будетъ показанныхъ верблюдовъ буръ ннэшной осени подлехчить и для того кладева определить коновала (ф. 1092, 1756).

ПОДПАЗУХИ, подпазух, мн. *Внутренняя часть верхнего сгиба передних ног у животных.* – Бурой <бычок> паха и подпазухи бэлые – 1 (ф. 482, 1749).

ПОДПАРИНА, -ы, ж. *Кожа у лошади, сбитая седлом или частями конской упряжи.* – Первой меринъ карей грива стрижена нозри пороты на левом боку подпарины (ф. 88, 1768). – Меринъ рыжъ <...> на спине седелные подпарины (ф. 88, 1770). – Меринъ коурой <...> во весь лоб лысина от седелной подпарины (ф. 88, 1789).

ПОДРОСТОК, -стка (-ска, -зка), м. *Молодое животное.* – В том дворэ дойных и недойных шестьдесятъ коровъ три пороза

подрозковъ неболших быковъ и нетелей пятьдесятъ одинъ (ф. 262, 1735). – Бычковъ кладеных подрошковъ <...> красной бздохребтой – 2 (ф. 482, 1749). – Подршковъ егнать полугодовыхъ и ниже семдесятъ четьре (там же).

ПОЖИЛОЙ (ПОЖЫЛОЙ), -ая, -ое. *Старый (о животном)*. Ср. **престарелой**. – Конь буланой грива стрижена без отмету пожилой кобыла буланая пожилая жъ (ф. 20, 1789). – За проданную монастырскую того ж года пожилых лэтъ лошадь получено всего денегъ три рубли (ф. 262, 1792).

ПОРОЗ (ПОРОС), -а, м. *Бык-производитель*. – Пришелъ в Чикойскую Стрелку действительно ево Сухих чернопегой порось подлинно нездаровой которой в третей день издохъ (ф. 88, 1794). – После того пороза в дватцать три дни подошли быков шесть одинъ трехъ одинъ же двухъ годовъ три сегоднях телят пятнатцать итого сорокъ пять скотинъ (там же).

ПОРОЗОК, -зка (-ска), м. *Молодой пороз*. – К мясному убою дватцать поросков бычков одиннатцеть (ф. 262, 1732). – Имевшей мой собственной всякой скоть в том числе и оной порозокъ ходилъ в пасебъ у иноземца Ганжитки (ф. 10, 1733).

ПОСКОТИНА, -ы, ж. *Пастбище, выгон, непосредственно прилегающие к деревне и со всех сторон огороженные изгородью* (Ср. в Сл. перм., вып. 4, 129). Ср. **выпуск** (в 1-м знач.), **кормовище**. – Сенных покосов от поскотины Васил[ь]я Коширина вверхъ по Урулге (ф. 10, 1737). – За горожение огородовъ и поскотины за работу денегъ два рубли (ф. 262, 1752). – После чего я пошел <...> своротил в сторону в левую руку и доходилъ до Розводинской малой поскотины в которую вошел воротами а в деревне Розводинской не был (ф. 783, 1784).

ПОСКОТИННОЙ, -ая, -ое. *Отнси. к поскотине. То же, что поскотской*. – Не далее двухъ или трех сажень от поскотинных воротъ отъехал и встре[ти]лись <ти подписано над строкой> означенные люди (ф. 783, 1785).

ПОСКОТСКОЙ, -ая, -ое. – *То же, что поскотинной*. – Поймалъ я <...> каня у поскотских воротъ (ф. 88, 1794).

ПРЕСТАРЕЛОЙ (ПРЕСТАРѢЛОЙ), -ая, -ое. *Старый (о животном)*. Ср. **пожилой**. – Иеромонаху Серапиону продали коня престарѣлого (ф. 262, 1728). – Лошадей престарѣлыхъ десять трилѣтнихъ жеребцовъ одиннатцать (ф. 262, 1740). – В котором числе в лошадях и скотѣ есть престарелые (ф. 20, 1797).

ПРИПУСК ♦ **роплодной (разплодной) припуск**. *Случка*. – К роплодному припуску два жеребца (ф. 262, 1732). – К разплодному припуску четьре жеребца (ф. 262, 1735). – К роплодному припуску жеребцовъ --- 7 (ф. 262, 1740).

ПРОПАРИТЬ, -рю, -ит; *сов., перех.*; **пропарен**, -а, -о, *кр. стр. прич.* *Сбить кожу на спине лошади седлом*. Ср. **осаднить**. – На обеих боках пятна белые пропарено от седла (ф. 1069, 1725).

ПУТО, -а, с. *Перевязь, которой стягивают передние ноги лошади во время пастбы; путы* (Сл. XI-XVII, вып. 21, 64). Ср. **треног**. – И далъ за подстреленных лошадей кабылу <...> два седла с потниками путо ременное (ф. 783, 1785).

РАЗНОРОГОЙ (РОЗНОРОГОЙ), -ая, -ое. *С рогами неодинаковой величины; с разными рогами*. – Корова красноестра рознорога (ф. 482, 1748).

РАСПЛОД (РОСПЛОД), -а, м. *Произведение на свет потомства; размножение*. – Дойных коров двенатцать к росплоду одинъ порос (ф. 262, 1732).

РАСПЛОДНОЙ ◇ **росплодной** (**разплод-ной**) **припуск**. См. **припуск**.

РЕМЕНЬ, -мня, м. *Темная полоса вдоль хребта у лошади.* – Конь гнедой грива на лэвую сторону по спинэ черной ремен[ь] (ф. 482, 1749). – <Конь> половой грива стрижена по спине черной ремень (ф. 31, 1777).

РОЖА, -и, ж. *Морда животного. Ср. рыло.* – <Конь> сивой черногривой на леву сторону с отъметомъ <...> рожа ряба (ф. 31, 1766).

РЫЛО, -а, с. *Передняя часть головы животного; морда. Ср. рожа (во 2-м знач.).* – <Бык> светлорыжей с черными пятнами рыло белое (ф. 31, 1777). – <Конь> саврасой грива стрижена <...> рыло белое (там же).

РЫСЯК, -а, м. *Рысак.* – И упоминал коня рысяка и пятнатцать рублей денегъ (ф. 20, 1785). – Коня рысека (там же).

САДНО, -а, ср. *Натертая кожа; мозоль, ссадина. Ср. сапина.* – Конь бэлой <...> на спинэ старое садно (ф. 1092, 1730). – Конь бэлой грива налэво с отмэтом <...> на спинэ на правом боку садна (там же). – Покрадена со степи одна лошадь <...> на спине от садень белые пятна (ф. 1092, 1745).

СБУРА (ЗБУРА), нареч. *С бурым оттенком.* – А шерстью оная лошадь сбуре чала (ф. 1092, 1730). – Дватцат[ь] пят[ь] коровъ черных збура (ф. 121, 1750).

СГНЕДА (СГНѢДА, ЗГНЕДА), нареч. *С оттенком гнедой масти.* – Жерепчикъ згнеда чалой (ф. 1092, 1730). – Вель <...> жеребца шерстью сгнеда вороного (там же). – Лошадей згнеда пегая одна (ф. 88, 1767).

СГОЛУБА (ЗГОЛУБА), нареч. *Со светло-серым оттенком (о масти лошади).* – Покрадено у него с Ыльинского острогу

лошадь в шерсть зголуба сива (ф. 88, 1789).

СЕГОГОДНОЙ (СѢВОГОДНОЙ), -ая, -ое. *То же, что сегодней (сегодней).* – Принято сэвогодных приплодных бычковъ и телокъ всего тритцать шесть (ф. 262, 1752).

СЕГОДНОЙ, -ая, -ое и **СЕГОДНЕЙ**, -ая, -ее. *В возрасте до одного года (о животном).* Ср. **селетней**. – А скота де было при нем <...> коров одиннатцат[ь] теленковъ малых сегодных десять (ф. 1092, 1730). – Пятнатцать телятъ сегодныхъ (ф. 282, 1733). – В дватцать три дни подошли <...> одинъ трехъ одинъ же двухъ годовъ три сегодных телятъ (ф. 88, 1794).

СЕДИНКА, -и, ж. *Небольшая проседь в мехе. Ср. белизенка, звездка.* – Быкъ бурой середка бэлая левое ухо порото во лбу сединка (ф. 1092, 1730).

СЕЛЕТНЕЙ, -ая, -ее и **СЕЛѢТНОЙ**, -ая, -ое. *В возрасте до одного года. Ср. сегодней.* – Селэтныхъ кобылокъ и жеребчиковъ дватцать (ф. 262, 1742). – У крестьянина Григорья Дружинина собственная кобыла сивая и под нею жеребенокъ селетней (ф. 31, 1793).

СЕЛЕТОК (СЕЛѢТОК), -тка, м. *Домашнее животное по первому году (о теленке, жеребенке).* – Жеребята селетки жеребчикъ коурой (ф. 1092, 1730). – Жеребятъ селэтковъ восемьдесятъ пять (ф. 282, 1733). – Селэтковъ телятъ быковъ и телокъ пятнатцат[ь] (ф. 121, 1754).

СИВЕНЬКОЙ (СИВИНЬКОЙ), -ая, -ое. *Сивый (о масти жеребенка).* – Сива <кобыла> грива на леву сторону под ней кобылка сивинка грива на леву сторону селетокъ (ф. 88, 1789).

СИВО-ЖЕЛЕЗОЙ (СИВО-ЖЕЛѢЗОЙ), -ая, -ое. *Темно-серый с бурым или рыжим отливом (о масти лошади).* – Конь сиво-

желэзой лэвое ухо порото (ф. 1069, 1727). – И оной на сивожелезом конэ приезжалъ къ дому (ф. 783, 1785).

СИВОЙ, -ая, -ое. *Серовато-сизый (о масти, окраске шкуры домашних животных).* – Свиныя бэла два поросёнка сивы (ф. 262, 1760).

СИНЕЙ, -ая, -ее. *Пепельно-серый, сивый (о масти лошади).* Ср. **голубой**. – Четырех лошадей с телегами и всякой конскою упряж[ь]ю шерстью шаргулая рыжая и две синих (ф. 20, 1785) <Ср. в другом документе дела в описании этих же угнанных лошадей замену слова синей на слово сивой: четыре лошади шерстью шаргулая рыжая и две сивых (ф. 20, 1785)>.

СКАРЯ, нареч. *С оттенком карей масти (о лошади).* – Кобыла серая скаря мухортая (ф. 1092, 1730).

СКОТОВСТВО, -а, с. *Скот; скотина.* – Имевъ свое скотовство не держа за пасебомъ в самые нужные времена то есть в сенокосъ и в хлебные урожаи розламываетъ поскотины врывается въ их крестьянские сенокосные луга вытаптываетъ а хлебъ выедаеть (ПЗДП, 103, 1796).

СРЫЖА, нареч. *С рыжим оттенком (о масти лошади).* – И отбили ис под него лошадь срыжа игренюю (ф. 1092, 1731). – Третьей <конь> срыжа игриней (ф. 31, 1793).

ССИВА, нареч. *С оттенком сивой масти.* – Хвостъ ссива черной (ф. 1069, 1729). – Конь съсива пега[ной] левой передней ногой храмой (ф. 10, 1752). – За учиненное им <...> мерина шерстью съсива голубова вороства <sic!> (ф. 20, 1785).

СТЕПЬ, -и, ж. *Холка лошади.* – Конь чалой грива на лэвую сторону на правую подле степь с отметомъ (ф. 482, 1749). – Кобыла буланая грива на правую сторону на лэвой подле ухо и у степи отметы (там

же). – <Конь> темносерой грива стрижена отъметъ на лэву сторону подле степи бело (ф. 31, 1777).

СТОЙБЕ, -а, с. *Место отдыха животных, находящихся на пастбищах; стойбище.* – И покинули они воры на стойбе своей <sic! – далее в тексте от стойба> пят[ь] лошадей (ф. 10, 1758). – Обыскано пять зарезанных скотинъ напримеръ в трехъ верстахъ от стойба ево Намхая (ф. 10, 1769). – Покрадено отъ стойба речки Илки шесть быковъ (ф. 11, 1798).

СУВОРОСТЬ, -и, ж. *Упрямство, норовистость (о домашнем животном).* Ср. **урос**. – Да из данных мне казенных шести лошадей меринъ сивой которой к воске за суворостию и за присталью не способенъ и в работу не употребляетца (ф. 88, 1770).

ТАБУН, -а, м. *Стадо (коров, лошадей, верблюдов и т.п.).* – И о приеме вышеписанных быков в гсдрев табун к гсдну подполковнику посланъ ордер (ф. 1092, 1730). – В казенном караванном верблюжьем табуне (ф. 1092, 1756). – Лишь де теперь согнал в табунъ корову и хочеть де в могазейнъ итьти (ф. 88, 1790).

ТЕЛЕТНИК, -а, м. *Выгон для телят (Ср. телетник в СГСЗ, 469).* – Вниз по течению речки Теленгую по лэвую сторону от телетника и от мелницы ясашого Гаврила Беломэстных (ф. 10, 1729). – И от того зимовья внизъ по протоке по лэвую сторону под огород и телетникъ на небольших двух забоках <...> оказалось в доимке оброчных денегъ по рублю (ф. 88, 1776).

ТЕЛИЦА, -ы, ж. *Теленок женского пола; молодая корова (Сл. перм., вып. 6, 15).* – Украли неведомые воры две животины быка да телицу (ИСВЗ, 247, 1752).

ТРЕНОГ, -а, м. *Конские пута для трех ног. Ср. путо.* – У Степана Мисайлова <...> треногъ ветхой (ф. 1092, 1730). –

Уздъ – 75 треногов рваных – 125 (ф. 1092, 1755). – Выдано кож сырыхъ на треноги две (ф. 262, 1755). – При том же онъ Коро-таев взялъ у меня силно треногъ конской и одинъ чунбуръ (ф. 88, 1786).

ТРЕТЬЯК, -а, м. *Домашнее животное по третьему году*. – Также третьяков и лоншаковъ с жеребцами сорокъ девят[ъ] голов (ф. 10, 1769).

ТРЕТЬЯЧИНА, -ы, ж. *Молодая корова по третьему году*. – Куплено <...> пятнатцат[ъ] скотинъ рогатых в том числе <...> пят[ъ] третьячин в шерсти разных (ф. 262, 1739). – Третьячин телокъ одна бура (ф. 20, 1784).

ТРИЛЕТНЕЙ, -ая, -ее и **ТРИЛѢТНОЙ**, -ая, -ое. *Трехлетний*. – Трилѣтныхъ кобыль – 16 жеребцовъ трилѣтныхъ – 6 (ф. 262, 1742).

ТРОЮГОДОВОЙ, -ая, -ое. *Трехлетний*. – Изгибли жеребчикъ да кобылка троюгодовые своею смертию (ф. 262, 1735). – Троюгодовую кобылу волки съели (ф. 262, 1742).

УРОС, -а, м. *Упрямство, необузданность, норов (о животном)*. Ср. **суворость**. – Купленные в полку якуцкомъ двѣ лошади шерстми голубые нами свидѣлствованы и оказались упряшкою в саняхъ за уросомъ их <...> непрочны и неспособны (ф. 88, 1772). – Двѣ лошади <...> в повоскахъ и упряшкахъ неспособны затѣм што имѣють в себѣ крайней уросъ (там же).

ХАЛЗАНОЙ, -ая, -ое. *Имеющий белые отметины на лбу и на ногах (о лошади)* (СГСЗ, 495). – Халзаной коурой конь (ф. 10, 1729). – Конь соловой халзаной грива направо с отмѣтом (ф. 1092, 1730).

▪ Из бур., ср. бур. халзан ‘лысый, плешистый (о человеке)’, ‘с полоской на лбу (о животном)’ ~ п.-монг. *halzan*, *halzin*, монг. халзан ‘лысый, лысина; звездочка на лбу (например, у лошади)’ (Аникин 2000, 605).

ХАЛЮНОЙ (КАЛЮНОЙ), -ая, -ое. *Светло-серый, игрневый (о масти лошади)*. – При мнстрѣ конного табуна <...> к[онь] халюной грива на обѣ стороны по прозванию Карпуша (ф. 121, 1755). – Дали коня иноходого шерстью калюного (ф. 1092, 1764). – <Конь> калюной грива налево ухо порото (ф. 31, 1777).

▪ Из бур., ср. бур. халюун ‘выдра’, ‘игрневый (о масти)’, монг. халиу(н), п.-монг. *halüün* ‘выдра’, монг. халиун ‘буланный’ (Аникин 2000, 606).

ХАЛЮНО-ПЕГОЙ, -ая, -ое. *Игрневый с пежинами (о масти лошади)*. – Покололи де в том табуне архиерейского коня халюно пѣгова грива на праву сторону (ф. 262, 1745).

ХОЛКА, -и, ж. *Бедро животного*. – У четырех лошадей по заднимъ холкамъ зжены тавры железомъ (ф. 1092, 1734).

ЦЕЛОУХОЙ, -ая, -ое. *С необрезанными и не проколотыми для метки ушами (о лошади)*. – А примѣтами де оной конь <...> на передних ногах был мокрець ноздри пороты степь высока целоуха (ф. 1069, 1725).

ЧАНКИРОЙ (ЧАНКЫРОЙ), -ая, -ое; *Пегий, с белыми мордой, ресницами и копытами (о масти лошади)*. – Увели двух лошадей шерстми Десевул белого чанкырого Зормадей вороного (ф. 1092, 1756). – Коня ж по пятому году шерстью чанкырого с чюбаринами отдал ли того я подлинно не знаю (ф. 1092, 1764).

ЧАТИНА, -ы, ж. *Пятно другого цвета на шерсти животного*. Ср. **пестрина**, **чубарина**. – Конь серой <...> на лбу чатина (ф. 1092, 1730). – Оных коровъ болших <...> бурая бока бѣлые с чатинами (ф. 482, 1749). – <Корова> бѣлая на головѣ и пошее чатины красные (там же).

ЧУБАРИНА (ЧЮБАРИНА), -ы, ж. *Пятно другой масти на шерсти живот-*

ного. Ср. **пестрина, чатина** (во 2-м знач.). – Коня ж по пятому году шерстью чанкирого с чюбаринами отдал ли того я подлинно не знаю (ф. 1092, 1764).

ЧУБАРОЙ (ЧЮБАРОЙ), -ая, -ое. С пятнами шерсти другого цвета (о масти домашних животных). – Пять коровъ яловых одна бура бэлопаха другая бурая чюбара (ф. 10, 1769).

ШАРГУЛОЙ, -ая, -ое. Соловый, палевый (о масти лошади). – Четырех лошадей с телегами и всякой конскою упряж[ь]ю шерстью шаргулая рыжая и две синих (ф. 20, 1785).

ШАТУН, -а, м. Болезнь лошадей (какая?). – А оная лошад[ь] здохла от болезни шатуна (ф. 1092, 1756).

ШАХМАТОЙ, -ая, -ое. С пятнами, похожими на шахматный рисунок (о масти лошади). То же, что в шахматы. – А о коне точно показать не знаю токмо жеребец шахматой (ф. 1092, 1764).

ШАХМАТЫ ◇ в шахматы (шахмат). То же, что шахматой. – Мериновъ добрых взялъ ли и в том числе одинъ кон[ь] а другой жеребецъ в шахматы (ф. 1092, 1764).

ШЕЛУДИ, шулудей, мн. Струпья, коросты; парша (у домашних животных) (СГСЗ, 525). – На лечение у оных верблюдовъ болезни от шулудей [и] отчесу выдано мною казенного пороху четыре фунта (ф. 1092, 1755).

ШКИРД (ШКЫРД), -а, м. Скирд сена. Ср. **зарод, обмет**¹. – Соизволили ценою договариватца с Баяханом от котораго я персонально <...> то сено и принель одинъ шкырдь <...> он Баяхан об[ь]явилъ что в томъ шкырде сто копень (ф. 88, 1770). – Выносили и сметали в шкирды <...> сто копень (там же). – И отвезли в степь к шкырду сена (ф. 31, 1793).

ЯМАН, -а, м. Домашний козел. – Изгибло ямановъ четыре (ф. 262, 1740). – Также баранов и яманов по равным частям взял (ф. 10, 1769). – Онъ Онхожиновъ былъ въ пяти приводах 1^е покрал коня у крестьянина 2^е у братского овцу 3^е ямана <...> (ф. 413, 1781).

▪ Ср. бур. (монг.) ямаа(н) 'коза', калм. jamān 'коза, козел' (Аникин 2000, 725).

ЯМАНЕЙ (ЕМАНЕЙ), -нья, -нье. Изготовленный из шкуры ямана. – Федору повару дано <...> шесть мерлушекъ яман[ь]их на малахай (ф. 262, 1739). – На немъ собственного платья даха еманья шапка опушка белая (ф. 88, 1777). – Тулунъ еманей в пятьдесятъ копеекъ (ф. 88, 1787).

ЯМАШЕК, -шка, м. Детеныш ямана; козленок, а также шкура этого животного. – Содрали тулупъ под лазоревой китайкой меху мелких ямашковъ (ф. 1092, 1764).

Сокращения:

Аникин 2000 – Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Москва; Новосибирск: Наука, 2000.

БРС – Бурятско-русский словарь / Сост. К.М. Черемисов. М., 1973.

Даль, II – Даль В.И. Толковый словарь живого русского языка. В 4-х томах. Т. II. М., 1989.

ИСВЗ – Исторический словарь Восточного Забайкалья (по материалам нерчинских деловых документов XVII-XVIII вв.) / Авторы-сост. Г.А. Христосенко, Л.М. Любимова. Т. I. Чита, 2003.

ОИН – Описание Иркутского наместничества 1792 г. Новосибирск, 1988.

- ПЗДП – Памятники забайкальской деловой письменности XVIII в. / под ред. А.П. Майорова. Сост. А.П. Майоров, С.В. Русанова. Улан-Удэ, 2005.
- Сл. перм. – Словарь пермских памятников XVI – начала XVIII вв. / Сост. Е.Н. Полякова. Вып. 1-6. Пермь, 1993-2001.
- Сл. XI-XVII – Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 1-26. М.: Наука, 1975-2003.
- Сл.Эл. – *Элиасов Л.Е.* Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. М.; Л.: Наука, 1965-2004. Вып. 1-37.

Л.В. Кирпикова

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ПРИАМУРЬЯ. МАРК АЗАДОВСКИЙ

Источниковедческая база амурского лингвокраеведения небогата. Приамурье – территория позднего распространения русского языка, что и объясняет ситуацию. По крупицам приходится собирать отдельные замечания об амурской речи и выделять текстовые фрагменты исторического, этнографического, фольклорного содержания в записях первопроходцев, путешественников, в научных исследованиях, поэтому тем ценнее становятся немногочисленные работы, в которых отражается топонимика Приамурья (как заимствованная, так и русская) [1], даются этнографические зарисовки о забайкальских и амурских казаках [2], представлена преимущественно экзотическая лексика амурских казаков [3, с.1-20], а также словарные материалы фольклориста [4].

Сближает авторов глубокий интерес к народной жизни, к истокам российской словесности, особенно усилившийся под могучим влиянием подвижнической деятельности В. Даля.

В этом плане пристального внимания заслуживают научные поиски Марка Константиновича Азадовского. Истоки их таковы. Выпускник Санкт-Петербургского университета, будущий собиратель сибирского фольклора, Марк Азадовский отправился на личные средства летом 1913 г. в фольклорную экспедицию на Амур. Но средств продолжить экспедицию не было, и по ходатайству сокурсников Л. Бианки, Сидорова и Троицкого Академия наук предоставила ему средства на зимнюю фольклорно-этнографическую экспедицию 1914 г.

Эти поездки М.Азадовского следует считать и первой амурской лингвистической экспедицией. Экспедицией одного человека, основной целью которого был сбор местного фольклора, попутно же ему удалось записать около 2000 (!) диалектных слов.

Для молодого человека амурская экспедиция не была первой. «Еще студентом М.К. Азадовский участвовал в экспедиции Общества изучения Сибири и ее быта, а в 1913-14 гг. совершил самостоятельные поездки» [5, с.177]. Факт существенный.

В начале XX в. в Санкт-Петербургском университете преподавали выдающиеся русские лингвисты И.А. Бодуэн де Куртенэ и А.А. Шахматов – непосредственный учитель Азадовского. По инициативе А.А. Шахматова Московской диалектологической комиссией велась (особенно активно в 1909-11 гг.) подготовка диалектологической карты русского языка

в Европе, названной составителями Опытом (1915 г.). Сибирь и Дальний Восток оставались «неизвестной землей» – *terra incognita*.

Появившийся в Известиях императорской Академии наук «Сборник слов, синонимов и выражений, употребляемых амурскими казаками», Ахила (так! – Л.К.) Бонифатьевича Карпова, хорунжего Амурского казачьего полка, содержал ценные филологические замечания и получил широкую известность среди любителей российской словесности [3, с.1-20]. Интерес к далеким неизведанным землям возрастал.

Такова была общественно-культурная ситуация, несомненно, сформировавшая научные интересы молодого человека.

Судьба ценнейших материалов, собранных в короткий срок, оказалась трагичной.

В отчете М.К. Азадовский сообщал: «Записал я также около 100 частушек, несколько десятков похоронных причитаний, около 50 заговоров» [6]. Известна публикация М.К. Азадовского «Заговоры амурских казаков» [7].

Одновременно на Амуре М. Азадовский вел диалектные наблюдения, в последующие годы готовил материалы к публикации. С рукописью в 300 страниц ознакомился В.К. Арсеньев, высоко оценив ее в письме к М.К. Азадовскому от 15.01.1916 г.: «Ваши работы об изучении народной словесности и диалектологических особенностей в Амурском крае оригинальны и единственны. Я не знаю, кто бы еще когда-либо работал в этой области... Все, что Вы пишете, я исполню и в Совете доложу о необходимости печатать Вашу работу, ибо она, как я полагаю, глубоко научно интересна» [8, с.182].

Рукопись была утрачена в 1918 г. Об этом пишет М. Азадовский В.К. Арсеньеву 7 апреля 1922 года: «У меня, между прочим, – крупное несчастье. В сейфе в Питере погибли все мои рукописи, в том числе и материалы по этнографии амурских казаков» [9, с.193].

О судьбе архива М.К. Азадовского детально сообщала его жена Л.В. Азадовская: «Не смотря на то, что этот фонд почти целиком в 1965 году поступил в Ленинскую библиотеку, на сегодняшний день (1968 г. – Л.К.) он все же разрознен». И далее с горечью: «Так, совершенно неизвестно, где находятся материалы амурской экспедиции 1914 г.» [10, с.174].

Возможно предположить, что часть архива из банковского сейфа оказалась в Словарном секторе Института русского языка АН СССР, так как, согласно описи, около 2000 карточек с диалектной лексикой, собранной на Амуре М.К. Азадовским, влиты в картотеку «Словаря русских народных говоров» (СРНГ), но они «растворились» в огромной картотеке, оказавшись на своем алфавитном месте. В разделе «Источники. 2. Рукописи в картотеках» первого выпуска Словаря значится: «Азадовский М.К. Материалы для словаря говора амурских казаков. 1913-1914. Около 2000 карточек» [11, с.107].

Информация об истории архива М.К. Азадовского изложена в статье «Первые исследователи говоров Приамурья» [12, с.95-101], а особенности карточек, скопированных в картотеке СРНГ, фактически не охарактеризованы. Для оценки амурских говоров начала XX в. и вклада первого их исследователя карточки в разрозненном виде мало информативны. Небольшая часть их (около 70) скопирована мною во время командировки в картотеку СРНГ, некоторые из них привлекались в кандидатской диссертации для сопоставления с современным амурским словоупотреблением [13].

В статье предлагаются наблюдения над имеющейся частью карточек, чтобы представить уникальные записи.

Естественно, большинство имеющихся слов объединяет употребление их в народно-поэтической речи. Глубокой архаикой веет от перечисленных далее в скобках Азадовским вариантов местных названий заговоров («шопоты», «шопты», «шоптанья») и объектов заклинаний – человеческих недугов, представленных в записях Азадовского двумя рядами слов: «урóки, призóры, стра́сти, переполо́хи, младенческие скорби / скорбные болезни, по́рчи и уроки, и зевы, и переполохи». Как правило, они мотивируются указанием на предлагаемую причину недомогания, болезни или на ее проявление, признак.

В ситуацию накопления фольклора вовлекались окружающие. Любопытно замечание М. Азадовского: «Записано 3 заговора мужем одной из «шептуний». Иногда под диктовку, а часть переписана с каких-то старых бумажек». И далее сокращенно: «запис. по сред. теч. между Б. и Хаб.» [7, с.105]. Это указание на место записей – «от Благовещенска до Хабаровска».

К основной группе относятся лексические единицы, извлеченные Азадовским из самих заклинаний, заговоров, песен. Меньшая часть – слова общего употребления, не содержащие стилистической окраски. Это названия явлений природы, бытовых предметов и т.п. Разграничение этих подгрупп слов затруднительно, так как встречаются они и в текстах обрядовых, сакральных, и в бытовых диалогах.

Поражает точность толкований, подтвержденных примерами из песен, частушек, заговоров. Например. *Залом*. Особый вид заговора червей в растениях. Для этого пригибают траву к земле и читают над ней заговор.

Стой, трава татарин, и др. *Заломить червей*. (Амур. Азадов., 1913-1914)

Кстати, в словарной картотеке дальневосточного краеведа, делавшего записи в Приамурье в 20-е гг. XX в., Г.С. Новикова-Даурского (СКНД) обряд описан детальнее:

«Заламывание червей – особый знахарский обряд сгибать и завязывать на огороде или хлеб на поле, где появились вредные насекомые. Обряд делается шептуном-знахарем и сопровождается соответствующим заговором» [14, с.73].

Отмечены синонимичные единицы: *пользовать* – «лечить»; *выпользовать* – «вылечить»; *ладить* – «лечить». Объединяя знахарские приемы глаголом *ладить*, Азадовский определяет его однозначно – «лечить», а затем сопровождает контекстом, который включает и само народное обозначение «порчи»: «От хомута старухи хорошо ладят, шепчут там али что» (Амур. Азадов., 1913-1914). Пояснений к слову *хомут* нет, его смысл воспринимается читателем из контекста, да и сохранилась на Амуре привычная народно-разговорная форма родительного радежа существительных с причинно-целевым значением «от рака», «от сердца», «от поносу». Возможно, карточка с загадочным *хомутом* благополучно устроилась на своем алфавитном месте, но в одном из заговоров, записанным Азадовским на Амуре, находим: «... сойди, хомут, внутренней, верховой, со раба (упётъ имя)».

В 20-е гг. XX в. детальную информацию о *хомуте* дал Г.С. Новиков-Даурский: «Хомут. Болезнь половых и мочевых органов, якобы напускаемая злыми людьми через посредство колдовства. *Хомут недели* – говорят про заболевшего человека. Хомут может быть надет и на животного, и даже на неодушевленные предметы» [14, с.183].

Возникает мысль о целом комплексе суеверных представлений о болезнях и их исцелении, о чем предлагал написать М. Азадовский в книге по этнографии амурских казаков.

Известно, что в период фиксации слово в живом употреблении может уже отсутствовать, а народные песни и сказания его, «законсервировав», сохраняют. Например,

Затака́ть. Подвести, погубить.

Не сама собой взамуж вышла.

Не сама собой взамуж вышла.

Запоручила родима матушка,

Затака́ли братья-сестрицы

(Амур. Азадов., 1913-1914).

Прилу́ка - присушка любовная.

Потёма. Слово представлено лишь в частушке:

Уж ты, милка моя,

Чистая потёма,

Оборвала кружева

С белого запона.

Потёма сопровождается замечанием собирателя: «Только в контексте», то есть это глубоко устаревшее слово.

Несомненна ценность подобных народно-поэтических слов.

В поэтические строки нередко вовлекаются названия бытовых предметов, частей дома и т.п. К примеру:

Ты катись, катись,

Мой золот перстень,

Что *во куть* катись

Под занавесочку

(Амур. Азадов., 1913-1914).

На Амуре, как и во многих местах Сибири, *кутью* называли хозяйственный угол. У Азадовского пояснение: «Угол» и пример:

Марья Павловна *в куть* бросается,

Птицы райские разбегаются.

Опоэтизирован даже обычный фартук: *Запо́н*. Передник.

Я скроила, шить не буду

Коленкоровый запон

(Амур. Азадов., 1913-1914).

Роста́нь. Гадание на ростань.

Роста́нь (ни). Перепутье, перекресток

(Амур. Азадов., 1913-1914).

Слово *ростань* - символ прощания, правда, в народной мифологии *ростаням* приписывается и недобрая сила - там нечисть собирается.

Явно, что на Амуре, как и в Забайкалье, *роста́нь* совмещало и конкретное, вполне мотивированное, и мифологическое значение.

Ср. пример из Словарной картотеки СРНГ: «Роста́нь. Место, до которого обыкновенно провожают отъезжающего (чаще всего новобранца)» (Забайк. Арсентьев, 1960 г.).

Показательна карточка:

Здох (?). Здохи. Вдох, легкие.

Здухи, мои здухи,
Тижолые мои,
Полетайте, мои здухи,
Куда я вас пошлю.

Он-то по здухам-то обухом

(Амур. Азадов., 1913-1914).

Первый пример в карточке, вероятно, из заговора, заклинания, а второй иллюстрирует реальное бытовое употребление слова в говоре. Здесь и сомнение в существовании формы единственного числа, выраженное вопросом, и неразграниченность семантики (*вдох, легкие*).

И наоборот, в бытовой ситуации возникают ассоциации, звучит образная фраза: «Иди к Миронихе, у ей, как в тулуне, песен».

Примеры позволяют судить о слабой стилевой расчлененности речи на Амуре в начале XX в., о наличии региональных признаков в текстах заговоров, песен, частушек.

Уроженец Иркутска, М.К.Азадовский «любил Сибирь, хорошо знал ее и понимал громадное значение ее как своеобразного очага культуры русского народа» [15, с.12]. Так справедливо оценены мотивы деятельности фольклориста-собиранья и его заботы о сохранении литературного наследия Сибири. И в этом аспекте понятно стремление молодого исследователя зафиксировать то, что в слове отражает специфику громадной земли за Камнем (за Уралом).

К примеру, «*Накипень*. Зимой в сопках часто подземные ключи выбиваются наружу и замерзают. Эта вода, выбежавшая на поверхность, называется «талец», а самое место – «накипень». Вода подбегает и наливает» (Амур. Азадов., 1913-1914).

Детальные энциклопедические толкования обычно короче, чем у Карпова. Например, «*Улово*. Котловина в речке, где вода вертится, как в воронке» (Амур. Азадов., 1913-1914). Иногда он ограничивается отсылкой: «*Сайба*. См. описание этого слова у Богораза и Карпова» или «*Залом*. См. Логин...»

В ряде случаев с сокращением текста толкования слова утрачивается экзотичность представления о явлении. Например, *тулун* определяется Азадовским как «кожаный мешок у скотоводов», а ведь известно, что в тулунах могли хранить кумыс, так как они (тулуны) делаются из шкуры животного, снятой целиком, не распоротой по брюху. Или *затуран*, о котором А.Карпов сказал, что «без него амурский казак немислим», определяя его большой статьей. У Азадовского дается самая общая характеристика: «*Затуран*. Напиток, состоящий из чая, масла и молока, сваренных (вернее, вскипяченных) вместе» (Амур. Азадов., 1913-1914).

В любом случае, очевидно, что молодой ученый работал в русле сложившихся в начале века лексикографических представлений регионального слова. Материалы подчеркивают историческую близость забайкальских и амурских говоров. Вот широко употребительный в Забайкалье и на Амуре глагол *бежать* в значении «ехать на чем-л. на суше или воде (обычно быстро)» и его производные *бегунец* – «скаковая лошадь (обычно рысак)», фразеологизм *бежать парохомом* (я парохомом бежал).

Содержание карточек полностью переносится из картотеки в «Словарь русских народных говоров» с пометой «Амур. Азадов. 1913-1914».

Важно отметить высокий филологический уровень карточек. Обычно молодой исследователь дает амурскому слову точный литературный эквивалент (*быгать* – «испаряться», *послухмянный* – «послушный», *казёнка* – «кладовая», *заполошный* – «взбалмошный» и т.п.) или определяет через синонимы (*рясный* – «обильный, увешанный плодами», *ятный* – «ясный, отчетливый»). Возможны характеристики разных значений, но не отделенные: *озойный* – «неуклюжий, слишком большой («нудный, тягостный»)). Озойная работа».

Применяется описательный способ (см. примеры выше).

Словарные карточки М. Азадовского сохраняют признаки полевых: не даются грамматические характеристики к словам, в одной карточке могут оказаться примеры однокоренных, но разных слов (*ревёт* – *поревет*). *Ревёт*. Кричать, звать. – Онька, иди-ка пореви отца. – М.К. (Марк Константинович – Л.К.), вас тятя ревет (Амур. Азадов., 1913-1914).

Или: *Зóрить*. Смотреть. – Что уставился? Куво узорил? (Амур. Азадов., 1913-1914).

Бережно фиксировалось словоупотребление, но в тех случаях, когда установить значение было затруднительно, Азадовский ставил вопрос: *Здымный* [Знач?] Здымной немочи не видел (Амур. Азадов., 1913-1914).

Отмечались варианты акцентологические, фразеологизма. *Зáрники* и *зарникí*. Молния без грома. Зарница, зарники играют (Амур. Азадов., 1913-1914).

Закljučая наблюдения, отмечаем следующее:

1. М.К. Азадовский внес значительный вклад в амурскую региональную лексикографию, оставив около 2000 полевых карточек с высококачественной предварительной обработкой.

2. М. Азадовским описан своеобразный пласт народно-поэтической лексики, в том числе группа архаичных слов, отмеченных только в культовой, обрядовой лексике, мало известной современному читателю. Возможный путь изучения этой части наследия М. Азадовского – извлечение из словаря русских народных говоров. Таким кодом может быть помета «Амур. Азадов. 1913-14 г.» или «Амур. 1913-14 г.».

3. В записях обнаруживается параллельное употребление лексических единиц как в бытовой сфере, так и в народно-поэтической речи. Это свидетельствует о слабой стилевой расчлененности народной речи на Амуре в начале XX в. Местные слова выступают показателями регионального варьирования устного народного творчества на Амуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кириллов А.В. Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей с включением некоторых пунктов сопредельных с ними стран. Благовещенск, 1894.

2. Логиновский К.Д. Материалы к этнографии забайкальских казаков // Записки Общества изучения Амурского края. Т.IX. Вып.1, 1903. Владивосток, 1904.

3. Карпов А.Б. Сборник слов, синонимов и выражений, употребляемых амурскими казаками (кроме пословиц, поговорок и шуток) // Сборник отделения русского языка и словесности Академии наук. Т.87. 1909. № 1. СПб., 1910.

4. Азадовский М.К. Материалы для словаря говора амурских казаков. 1913-1914. Около 2000 карточек. Хранятся в Картотеке «Словаря русских народных говоров» (СРНГ). СПб.

5. Петряев В.Д. М.К.Азадовский и Сибирь // Литературное наследство Сибири. Т.1. Новосибирск, 1969.

6. Красноштанов С.И. Амурская экспедиция М.К.Азадовского // Вопросы русской, советской и зарубежной литературы. Т.1. Хабаровск, 1972.
7. Азадовский М.К. Заговоры амурских казаков // Живая старина. 1914 г. Вып. III-IV. СПб., 1915.
8. Арсеньев В.К. Письмо М.К.Азадовскому // Литературное наследство Сибири. Т.1. Новосибирск, 1969.
9. Азадовский М.К. М.К.Азадовский. Статьи и письма. Неизвестное и забытое. Новосибирск, 1978.
10. Азадовская Л.В. Предисловие // Литературное наследство Сибири. Т.1. Новосибирск, 1969.
11. Словарь русских народных говоров. СРНГ. Вып.1. М.-Л., 1965.
12. Кирпикова Л.В. Первые исследователи говоров Приамурья // Записки Амурского областного краеведческого музея и общества краеведов. Вып.7. Благовещенск, 1992.
13. Кирпикова Л.В. Непредметная лексика говора села Новоандреевки Белогорского района Амурской области. Дисс.... канд.филол.наук. Красноярск, 1972.
14. Словарная картотека Г.С.Новикова-Даурского (СКНД). Благовещенск, 2003.
15. Путилов Б.Н. Предисловие. М.К.Азадовский. Статьи о литературе и фольклоре. М.-Л., 1969.

Т.Ю. Игнатович

АФФРИКАТЫ /Ц/ И /Ч/ И ИХ РЕАЛИЗАЦИИ В РУССКИХ ГОВОРАХ СЕВЕРНОРУССКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ

Данная статья является фрагментом описания фонетических особенностей современных русских говоров севернорусского происхождения на территории Восточного Забайкалья. Исследуемые говоры являются вторичными, сформировавшимися на основе говоров переселенцев в Забайкалье в основном из северных областей Российского государства, начиная со второй половины XVII века. Предметом рассмотрения являются аффрикаты и их модификации, методом исследования – традиционный структурно-семантический метод. Материал исследуется с целью выявления территориальной распространенности диалектных модификаций аффрикат, что в дальнейшем предполагает их лингвогеографическое описание. Диалектные данные получены в результате проводимых в течение последних 6 лет экспедиционных исследований говоров Восточного Забайкалья и данных анкет по разосланной в населённые пункты края «Программе собирания сведений для изучения современного состояния говоров Восточного Забайкалья (фонетика, морфология)» [1].

В исследовании приняты следующие условные сокращения 54 сёл из 11 районов Забайкальского края:

Балейский район: КБ – с. Колобово, БКБ – с. Большое Казаково, УБ – с. Унда, УПБ – с. Ундино-Поселье, ЖБ – с. Журавлево, ДжБ – с. Джиды, ИБ – с. Ильдикан, НИБ – с. Нижний Ильдикан, ЁлКБ – с. Ёлкино, ОнБ – с. Онохово; Нерчинский район: ЗН – с. Зюльзя, ЗарН – с. Заречное, ЗнН – с. Знаменка, Он – с. Олекан, ПН – с. Пешково, СН – с. Савватеево; Ононский район: ВЦО – с. Верхний Цасучей, НЦО – с. Нижний Цасучей, СЧО – с. Старый Чинданта, УБО – с. Усть-Борзя, КО – с. Кубухай, ТХО – с. Тут-Халтуй, ИО – с. Искарал;

Шилкинский район: КШ – с. Кироча, БерШ – с. Беря, КазШ – с. Казаново, МакШ – с. Макарово, МитШ – с. Митрофаново, МирШ – с. Мирсаново, НШ – с. Номоконово, УАШ – с. Усть-Ага, ЧШ – с. Чирон, ВТШ – с. Верхний Теленгуй, УТШ – с. Усть-Теленгуй, УНШ – с. Усть-Ножовая, КазШ – с. Казаново, БогШ – с. Богомягково; Чернышевский район: АЧ – с. Алеур, СОЧ – с. Старый Олов, КмЧ – п. Комсомольское; Карымский район: УКар – с. Урульга; Борзинский район: КБор – с. Ключевское, КурБор – с. Курунзулай; Приаргунский район: МП – п. Молодёжный; Кыринский район: БК – с. Билютуй; Калганский район: Калг – с. Калга, ВККалг – с. Верхний Калгукан, НККалг – с. Нижний Калгукан, ЧКалг – с. Чупрово; Газимуро-Заводский район: БГЗ – с. Будюмкан; Александрово-Заводский район: АЗ – с. Александровский Завод, НААЗ – с. Ново-Акатуй, СААЗ – с. Старый Акатуй, ЧАЗ – с. Чиндагатай.

Зубная аффриката /ц/ повсеместно реализуется в аллофоне [ц] в большинстве позиций:

- перед гласными непереднего ряда: *сп'ицал'нъ, цаннула, горн'ицъ, пръкуд'есн'ицъ, два м'ес'ъцъ, голубица, брусница, кур'ица, ти'ен'ица, кур'ицу* и др.;
- перед гласными переднего ряда: *цэл'йъ, цэрква, цэркоф', цэп', цэл'и цэлицъ, ф канцэ канцоф, цэны, цыт', цыпнула, цыпк'и, кур'ицы, цълавацъ, м'ил'ицыйу* и др.;
- на конце слов: *ат'ец, ав'ец, съвран'ец* и др.;
- на стыке слов перед глухими и сонорными согласными: *ав'ец стр'икт'и* и др.

На стыке слов перед звонкими согласными при размеренном темпе произношения остается произношение [ц]: *ат'ец ж'ил*, при быстром темпе речи, как и в литературном языке, /ц/ манифестирует в [дз]: *ат'едз бал'ел*. Произношение долгого [ц:] встречается на морфемном шве на месте [тс] в формах возвратных глаголов: *н'и наслацъ, н'и ад'ецъ, тр'ебуйъ, к'идацъ, уч'ицъ, дивацъ, развал'ивацъ, в'ес'ицъ, называцъ, баицъ*, на месте [тц]: *ф карыцъ* и т.д. Долгое [ц:] как результат ассимиляции по способу образования отмечается на месте сочетания [тс] внутри корня: *у ац'а, с ац'ом*.

Аффрикаты /ц/ и /ч/ в современных исследуемых говорах различаются: *цаннут' – ч'апушка, куцаишк'и – ч'аишк'и, цэфкъ – ч'евр'и*. В 80-е годы исследователь Э.А. Колобова в говоре Ёлкино Бaleyского района и Макарово Шилкинского района зафиксировала следы твердого цоканья, сохранившегося в произношении нескольких лексем: *цэрдакам'и* (ЁлкБ) [2, с. 25], *цэло, цэлч'ык, пр'ицал'ат, цолов'ек, в'енцац'а, нацал'и, сцас* [3, с. 39]. По данным О.Л. Абросимовой, в Ононском районе в 80-е годы встречались следы мягкого цоканья, но лишь в говоре с. Старый Чиндант мягкое цоканье было отражено довольно последовательно: *сц'ас, руц'на, пълуц'ат, ц'о, конц'илъ* [4, с. 32]. В с. Митрофаново в речи диалектоносителя преклонного возраста мы встретили: *у старушьк цэлч'ик'и* (чепчики) *был'и* (МитШ). Зафиксирован, и тоже в речи пожилого информанта, единичный случай мягкого произношения [ц']: *ц'еп'и* (НШ).

В говорах спорадически отмечается: *ач':ип'и т'ил'онка* (ДжБ), *ач':ап'ис' / а то зар'ежу* (ЧШ) – на стыке приставки и корня, т.е. на морфемном шве в сочетании /тц/, при произнесении [ц] вне этой позиции: *н'и цан'инк'и, н'и царан'инк'и, пацана, кур'ица, цыпл'атн'ица, сцел'иц'а* (ДжБ). При основном произношении суффикса –иц- в названиях ягод в речи диалектоносителей преклонного возраста также эпизодически встречается произношение суффикса -ич-: *голубица, брусница – бруснича*.

Г.А. Христосенко в Нерчинских памятниках деловой письменности второй половины XVII – первой половины XVIII вв. находит свидетельства различия аффрикат в говоре писцов, а мену букв *ц* – *ч* в единичных случаях: *в увеще, ф генварю месячу*, да в слове *целованью* была написана буква *ч*, а затем исправлена на букву *ц*. [5, с. 157]. А.П. Майоров, исследователь забайкальской деловой письменности XVIII в., отмечает лексикализированный характер неразличения аффрикат [ц] и [ч]: *чапли, чепь, цепец*. Но предполагает, что о чоканье как живой фонетической черте забайкальского региолекта может свидетельствовать вариантное написание заимствованного слова *цейхгауз*: *в мирскомъ чехаузе* [6, с. 197-198].

Однако в настоящее время, как показывают современные данные исследуемых говоров, древние явления – твёрдое и мягкое цоканье, чоканье – утратившиеся диалектные черты.

В забайкальских говорах в речи архаического слоя диалектоносителей на месте [ц] в определенных словах встречается произношение звука [с]: *јаџисы свои был'и* (УБ), *сарапъль, св'иточ'к'и, св'ет, св'еты, св'еток* (УПБ, ЧШ, СОЧ, СН), *б'елы св'еты* (НШ), наряду с *цв'еты, цв'иты, цв'иточк'и*. Например: *св'и'тк'и из гумаг'и назапас'иџл'и* (ЧШ), *св'итк'и л'убила, цв'еты разнасв'етны* (ЧШ), в последнем случае возможно наблюдается замена корня *цвет-* корнем *свет-*. Следы существовавшей ранее в говоре мены [ц] – [с]: *носл'ек, св'еточ'к'и, сарапайут* – отмечала в макаровском говоре Э.А. Колобова [3, с. 39], *сарапац'а, сасуч'ей, св'итк'и* – в борзинских говорах фиксировала Е.И. Пляскина [7, с. 44]. Нами зафиксирован случай обратной замены [с] на [ц]: *канцэрвы* (КШ).

Г.А. Христосенко приводит небольшое количество примеров употребления буквы *с* на месте этимологически оправданной *ц*, например: *пансыри, осарапано, лоскут пессовой* и др. – предполагает отражение произношения [с] на месте [ц] [5 с. 158]. В современных говорах Восточного Забайкалья, как было рассмотрено выше, случаи употребления [с] вместо [ц] весьма немногочисленны. Явление ослабления и утраты затвора аффрикатой /ц/ для забайкальских говоров стало неактуальным, имеет лексикализированный характер.

В отличие от литературного языка в русских говорах Восточного Забайкалья севернорусского происхождения фонема /ч/ может реализовываться в твердом, полумягком и мягком звуковых вариантах.

В настоящее время повсеместно в речи всех возрастных групп распространен вариант мягкого произношения [ч'] независимо от позиции, но в ряде говоров наряду с ним встречаются варианты твердого [ч] и полумягкого [ч']. В исследуемых говорах Восточного Забайкалья произношение твердого [ч] – постепенно утрачивающаяся диалектная особенность, этот вариант употребляется в основном в речи диалектоносителей старшего поколения.

В настоящее время исследуемые русские говоры Восточного Забайкалья в зависимости от состояния твердости-мягкости фонемы /ч/ можно разбить на две группы:

1. Говоры (БКБ, УБ, ДжБ, УПБ, ОН, ЗН, КШ, МакШ, НШ, МитШ, УАШ, УТШ, ЧШ, АЧ, АЗ, СААЗ, НААЗ), в которых, наряду с реализацией передненёбной фонемы /ч/ в мягком звуке [ч'], представлена реализация в твёрдом [ч].

Мягкий [ч'] встречается в любой позиции, но активнее – перед гласными переднего ряда, например:

- перед гласными переднего ряда: *ч'есный, кот'ач'ий, уч'ил'ис', кл'уч'и, врач'и* (БКБ), *ч'еш'иц'а, ч'етв'ьрт', ч'ер'омку, л'еч'ит', в'еч'ера, уч'ил'иса, куръч'ьк, т'ил'онъч'ьк,*

афч'ины, кълаколч'ик'и, бубенч'ик'и, дъ Ч'ирныш'овъ, н'и муч'иц'ъ, фч'ирас', волч'и (ЗН); закач'ер'ит', муж'ич'ишка, угурч'икам'и, знач'ит, к рыбач'их'ъ, ф чуш'ьч'ъм, уч'илас, л'ич'ен'ъ, ч'исоф (ДжБ), уч'ил'ис, св'еч'и, доч'ър'и, к ч'ему, н'е хоч'ьш, фч'ира, ноч'ьват' (УБ), афч'ины, в ыч'игъх, ч'уманч'ик'и, кл'уч'ик (УПБ), ч'ис'т'ин'ка, уч'ит'ил'ша, за-пракч'и прикач'ивный (КШ), фкл'уч'и, кач'ил'и, ич'игах (НШ), б'идонч'ик, цэпч'ик'и, к'ирп'ич'и, из гр'еч'и, калач'и, ич'иг'и, фклуч'и (МитШ), афч'ины, ич'иг'и, ч'уманч'ик'и, л'уч'ик (УТШ), нач'иш'ат, ч'ер'омка, ч'елав'еж, м'ишоч'ек, пам'акч'е, кож'ьн', ат'еч'исв'ьну (ЧШ), фч'ира, пач'иуьм, выпуч'ила, нынч'и, палуч'ит', н'и ум'ејуч'и, на ч'иты'ри, уч'иц'а, ф Ч'ернышэвъ, пач'иму, нонч'ъ, захоч'ит, Ч'ернышэвъ (СЧ) и др.;

- перед мягкими согласными: пач'т'и, стыч'к'и, в начнуш'ьч'к'ъ, картч'к'и, луч'иш'ъ (ЗН); ф куч'к'ъ (ДжБ), јаич'к'и, јеич'к'и (УБ), ч'аш'ьч'н'ик, у п'еч'к'и, скат'орч'к'и, на р'еч'к'ъ (УПБ), в'илоч'к'и (КШ), ич'м'ен' (НШ), у п'еч'к'и, на р'еч'к'ъ (УТШ), тапач'к'и, картч'к'и (СЧ) и др.;

- перед гласными непяреднего ряда: ш'ич'ас, тапч'аны, нач'ал'и, нач'ал, пр'ицэпи'ич'алъ, ч'арп'ежл, т'ип'ер'ич'а, гъдъв'ич'ок, валч'онък, ч'о, ч'о ж'ъ, ч'уш'ьк, ч'улки (ЗН); как ч'о, н'ич'о, ч'о-тъ, барафч'ана, пъч'арн'ел, пъч'ајуьт (ДжБ), ч'ай, ч'айу, поч'ајуьм, нач'авал'ис, канч'ай, с'еч'ас, с'ич'ас, ш'ич'ас, ч'ас'т'и, д'ефч'онкам-тъ, ч'о, н'ич'о, фч'ора, ч'ушка, н'е хач'у (УБ), выкач'ажвывъл'и, ч'улк'и, ч'уманч'ик'и (УПБ), ч'ап'иж'и (НШ), выкач'авывъл'и, ч'аш'ьч'н'ик, м'ърлушч'атују, ч'уманч'ик'и, ч'улк'и (УТШ), ч'арн'илам'и (ЧШ), ф ч'ас, ч'астъ, чо', ч'о-тъ, с'ич'ас, барадач'а, ч'айу, с уч'ота, палуч'аит, нач'авала, п'ич'ад' забрал'и (СЧ) и др.;

- перед твѣрдными согласными: нач'нут, п'еч'ка, нъ санъч'къх, ун'ич'тож'ил'и, палъч'ку (ЗН); нач'нут (ДжБ), вруч'нују (УБ), палъч'към'и, съдамайъч'къ, крыл'еч'къ, на п'еч'ку (УПБ), кас'инъч'ку, к'ип'иточ'ку (НШ), на п'еч'ку, крыл'еч'къ (УТШ), ф тар'елач'ку, вад'ич'ку, малч'ком, Гл'епач'ка (СЧ) и др.;

- на конце слова: ноч', доч', кл'уч' (ЗН, ДжБ, УБ, УПБ, МитШ, НШ, ЧШ), доч', ноч', п'еч', м'елъч' (УТШ), доч', Андр'еич', Вас'ил'йич', Т'имаф'еич', Ал'иксандрыч' (СЧ) и др.

Твѣрдый [ч] встречается:

- перед гласными непяреднего ряда: чалнок, укачавал'и, къчават', часоф, начават', чабр'еи, чарк'и, п'ър'икачавал'и, чолдона (БКБ), закачавал'и, доча, случайнъ, начал'и, в'ел'ичал'и, пр'ичал'ивъц'а, закачавал'и, п'ичал'ил'ис', с'ичас, палучайу, н'идастача, ку-чам'и, д'ифчонку, учо^тчикъм, Чупровым (ЗН), началаса, начавад' будут, чалдон, укачавал'и, ф чарочках, н'е хочат, палучат, канчат под учотъм, начуйу, ш' чупъм, чуман, п'ичуркаф, чом д'ель-тъ, ноч'важ (ДжБ), ш'ичасный, туча, на учотъ, н'ичо, почо, ну чо, н'и начъи-вал'ис'н'и, н'и к чамуж, к чаму, исп'ечот, стар'ичок, д'ифчонк'и, д'ефчонкам, хрушчова, н'е к'ип'ечона-тъ, начуйеиш (УБ), чуркъ, чуш'ьк (УПБ), пъ часам, пр'икачавал'и п'ър'ькачават' (ОН), чо за час', чо вздумат, разварочал'и, качай, доча, гр'ичуху (КШ), пчола (КШ, УТШ), чорнуш'ый (УТШ), чай, чарочк'и, чарк'и, качал'и, ръгачом, на качул'ах, гр'ичуху, чугунку (НШ), чай, чаиш'и, кърчаг'и, муж'ичонък, бачонъчк'и, чуиш'ьк, чун'и, пъ калачу, ф чугун, чу-маш'ьк, чъбатной, (МитШ), в'ичорк'и, в'инчал'ис', ш'ичас, пачајују, начават', пъкачавал, частаколъм, палучат, т'ип'ер'ича, качул'у, р'ичушка, чуш'иц'ьму (ЧШ), чатыр'ьстъ, ча-

тыр'ь (АЧ), *чувствуи'и д'ифчонк'и, ја чо-тъ чувстуйу, мучац'ъ, чужу, нидастачу (СЧ), начават', п'чајуйьт (АЗ), начават' (НААЗ), качагар'ил, началас', накачавной (СААЗ), укачаваль (ЧАЗ) и др.;*

- перед твердыми согласными: *точнъ, д'евъчкъ, в нлчнуи'ъч'к'ъ (ЗН), мал'ън'ъчкъ, пучкал'и, мамачка, па лавачкам-та, п'ечка (ДжБ), за п'эчкъм (УПБ), мнучка, дочка (КШ), кручком, кл'учкъ(НШ), ручкъ, к'ип'иточку (МитШ) и др.;*

- на конце слова: *врач, ноч (ЗН), ноч, доч была (ДжБ), к'ирп'ич (КШ), п'драгач, рагач (МитШ) и др.*

Перед гласными переднего ряда: *чытыр'ь (ЗН, МакШ), покочэвал, ночэват', кч'лав'еку (ДжБ), откочэваэл (БКБ), чэтыр'ь (ЗН), тар'елачък (2 – наряду с мягким произношением СЧ), и перед мягкими согласными: сп'ичк'и (ДжБ), тапачк'и, качк'и, м'исъчк'и (НШ), нъкан'ечн'ик, ручк'и (МитШ) – произношения [ч] твердого встречается редко.*

Произношение твердой аффрикаты отмечается в речи диалектоносителей старшего возраста наряду с произношением мягкого звука. Среди носителей диалекта встречаются информанты, в речи которых употребляется только мягкий звук [ч'], есть информанты, в речи которых мягкий и твердый звуки сосуществуют. На наш взгляд, сохранение твердости обусловлено позицией перед гласными непереднего ряда, перед твердыми согласными, например: *мнучата, чай, чушку, чуш'ък, чуркъ, чугушка, зап'ечкъм, тогда как гораздо реже фиксируется произношение твердого звука [ч] перед гласными переднего ряда, например: афчыны (УПБ).*

В синтагме на конце слова перед словом, начинающемся со звонкого согласного наблюдается произношение [ч^{дж}]: *сын да доч^{дж} бы пр'ијехал'и, фс'у ноч^{дж} до б'елъвъ (ЗН).*

2. Говоры (КБ, ИБ, ЗарН, ЗнН, ПН, СН, УКар, СЧО, УБО, НЦО, КО, ТХО, ИО, КазШ, БШ, МирШ, ВТШ, УНШ, ЧШ, КЧ, СОЧ, МП, БГЗ, ЧАЗ), в которых отмечается только мягкое произношение [ч'] независимо от позиции.

Например: отмечается реализация фонемы /ч/ в мягком аллофоне [ч']:

- перед гласными переднего ряда: *ч'ытв'оэръ (ЗН), нъч'илас', закон'ч'илъс', к'ирп'ич'икъф, св'еч'и, крадуч'и, т'ич'ен'ийу, ч'орнърыб'ицы, ч'ърнърабоч'ый, ч'итыр'ь, ч'ълав'ек, в'еч'ъръм, са сп'ич'ъч'ну, нон'ч'ъ (ЗарН), ч'ис'т'ил'и, уч'илъс, уч'илс'и, луч'ит', уч'ит'ил'а, ич'иг'и, намоч'иш, ч'ем, в'еч'ъръм, гор'ъч'и, до нъч'и, (ПН);*

- перед мягкими согласными: *таръч'к'и, п'еч'к'и, ач'к'и (ЗарН), пач'т'и, (ПН); 3) перед гласными непереднего ряда: в'ин'ч'ал'и, посл'ъ в'ин'ч'ан': ъ, фстр'ич'айут, д'ифч'онк'и, нъ в'ич'орк'и, ч'о, пач'о, къ врач'у (ЗарН) снач'алъ, с нач'алъм ч'ай, карч'аг'и, ф карч'агъх, вълач'айъфк'ъ, ч'арк'и, ръзвароч'ъл'и, д'ифч'онк'и, нъ в'ич'оркъх, ч'о, н'ич'о, (ПН);*

- перед твердыми согласными: *дългав'еч'ный (ЗарН), п'еч'къ, т'ихн'ич'к'ый, (ПН);*

- на конце слова: *п'еч', доч' (ЗарН), ноч', врач' (ПН).*

В говорах [ч'] произносится при проявлении предударного иканья: *нъч'ила, нъч'инайьт, ч'ибан'ил, п'ча'ијуйьт'ъ, тр'и ч'исовн'и, и при проявлении остаточного заударного ёканья: б'из род'ич'оф (ПН).*

3. В ряде говоров (ЗН, ДжБ, УБ, СЧ, НЦО, МакШ, МитШ, ВТШ, УНШ, КШ УАШ, УТШ, БШ, МирШ, НШ, КазШ) отмечается также вариант – полумягкий [ч']:

Полумягкий [ч] встречается в любой позиции:

- перед гласными непяреднего ряда: *ч'ас, полч'аса, ч'ас'т'и, л'есауч'аст'к, с'и'ч'ас, а'м'ч'ай'ный, п'л'уч'альс', ч'ас'т'ам, нач'алас', нач'ал'и, доч'а, ч'о, уч'от, начава'т', н'ч'ава'т'и, п'р'р'нач'овыв'л'и, Тунгокач'онск' (ТунгокОченская), з'кл'уч'он'ый', хл'чу, ч'ужой' (ЗН), бармоч'ат, уч'ац'а, кан'ч'ала, ч'олдо'т'н'ч'ик (ДжБ), вари ч'ай, ч'айник, поч'аиват', ч'аиват', ш'и'ч'ас, ш'ч'ас, мнуч'ок, л'и ч'о л'и, н'и'ч'о?, а ч'о, чушонку, боч'уш'ку (УБ), поч'айу'т'и (УБ), ч'орны, ч'ай, ч'орну, нач'ал'н'ика, в Букач'ач'у, уч'оба, н'и ч'о (СЧ) и др.;*

- перед твердыми согласными: *ижим'ес'ич'н'ь, доч'к'ь, п'а'ич'ка (ЗН), рубашон'ч'ка, жар'ч'ка (ДжБ), руч'ны (УБ), с'ирд'эч'к'ь (СЧ) и др.;*

- на конце слова: *иха доч', ноч', маскв'ич' (ЗН), куз'м'ич' (ДжБ), до ч', Фад'еи'ч', к'ирп'ич' (УБ), маскв'ич' (СЧ, МакШ) и др.;*

- перед гласными переднего ряда: *нач'исл'ил'и, уч'илас', уч'ит'ел'а, выплач'ивам, р'ср'идаточ'ит', да Н'ерч'инска, учо'м'чик'м, читв'ор'ь, уч'н'икоф, бубенч'ик'и, конч'иш', ч'илав'ека, нынч'ь (ЗН), п'алуч'илса, ф'чуш'ьч':ьм, памоч'ит, с'ем'еч'ьк (ДжБ), промоч'ила, гор'ач'ьй, к ч'ьму (УБ) и др.;*

- перед мягкими согласными: *нав'льч'к'и, с'ем'ьч'к'и (ДжБ), л'еноч'к'и (УБ) и др.*

Отметим, что произношение полумягкого [ч'], как и твёрдого [ч], встречается перед [а] и [о] в ударных, предударных и заударных слогах, например: *нач'ават', н'ч'авал'и, с'нач'авой, н'ч'авал, ч'алав'ек, Ван'ушка плач'у'ай, С'ен'ушка в'езуч'ай, Сав'ушка ловуч'ай (ЗН); п'ч'оловод'ьм (ЗН) и др.*

Наши данные подтверждаются исследованием Э.А. Колобовой, которая в говорах с. Джижа (ДжБ), с. Ёлкино (ЁлкБ) также определяла, что фонема /ч/ выступает в аллофонах – твёрдом, полумягком и мягком [2, с. 25].

В говоре с. Макарово (МакШ) в 70-е годы, по данным исследователя Э.А. Колобовой, реализация фонемы /ч/ не зависела от фонетических условий, но они были не равноценны по частоте употребления в типах Д и С. В типе С выделялись информанты двух подгрупп: 1-я – информанты, в речи которых преобладали полумягкая и мягкая разновидности; 2-я – информанты, в речи которых сосуществовали мягкая, полумягкая и твёрдая разновидности, последняя сохранялась там, где условия не способствовали появлению мягкости: перед гласными непяреднего ряда, твердыми согласными и на конце слова, а мягкая и полумягкая разновидности встречались в любых условиях. У информантов типа Д все три разновидности употреблялись в любых условиях, только полумягкость перед [и] не встречалась, сочеталась только с [ы]. В речи типа Д большую распространенность имела твёрдая разновидность, а в типе С – мягкая разновидность фонемы /ч/. Э.А. Колобова предположила, что в макардовском говоре шипящая аффриката развивается по пути смягчения твёрдой аффрикаты, появившейся в свое время в результате отхода от твёрдого цоканья, которое было принесено предками макардовцев из европейской части [3, с. 34 – 37].

В настоящее время в исследуемых говорах, в том числе и в говоре с. Макарово, затруднительно чётко выделить типы Д и С, так как архаичные диалектные черты, к которым относятся и твёрдый [ч], встречаются в речи диалектосителей преклонного возраста наряду с развившимися новациями, в данном случае [ч'] мягком при более активном употреблении последнего варианта. По сути дела, тип Д утратился.

По данным О.Л. Абросимовой, в русских говорах Ононского района /ч/ репрезентируется мягким аллофоном, твердым, а также невелиаризованной, непалатализованной разновидностью [ч], невелиаризованным, с неполно проявляющимся признаком палатальности звуком [ч^ч] и непалатализованным, с неполно проявляющимся признаком велярности звуком [ч^ч]. Некоторые информанты на месте /ч/ употребляют звуки [ч^ч], [т']. В Старом Чинданте ведущим является употребление [ч^ч], а в Нижнем Цасучее – [ч] [8, с. 9-10]. Исследователь считает, что в основе ононских говоров были цокающие говоры, в которых ещё до перенесения на сибирскую почву начались процессы преобразования: в некоторых из них произносился твердый [ч], в других – палатализованная аффриката, средняя между [ц] и [ч'] как ступени перехода от цоканья к различению аффрикат. Употребление разновидностей [ч], [ч^ч], [ч^ч], по мнению диалектолога, является следствием влияния литературного языка, наслоением нецокающих говоров и может свидетельствовать о постепенном смягчении аффрикаты [8, с. 10].

На наш взгляд, полумягкий [ч'] выступает как промежуточное звено в процессе смены твердого [ч] на мягкий [ч']. Наличие полумягкого [ч'] в говорах, в которых не зафиксировано произношение твердого [ч], например НЦО, БШ, МирШ, КазШ, свидетельствует о том, что в данных говорах процесс смены твердого согласного на мягкий находится в завершающейся стадии.

Исследователь Нерчинских памятников деловой письменности второй половины XVII – первой половины XVIII вв. Г.А. Христосенко на основе написаний в текстах сочетаний *ча, чу, чя, чю* делает вывод о том, что в Нерчинском говоре XVII века аффриката /ч/ была мягкой, на основе написаний после *ц* букв *а, у, ы* – аффриката /ц/ была твёрдой [5, с. 153-154]. На наш взгляд, написания *чя, чю* могут свидетельствовать о мягком произношении [ч'], а вот написания *ча, чу* сложно интерпретировать однозначно, объясняя только стремлением писцов следовать орфографической традиции и не отражать живого произношения [5, с. 153]. Произношение твердого [ч], которое встречается в речи диалектоносителей преклонного возраста в современных забайкальских говорах, возможно, и было обозначено этими сочетаниями букв. Можно предположить, что в тот далёкий период уже существовала вариантность в модификациях фонемы /ч/. Тогда мы имеем основание предположить, что начавшийся еще ранее (вероятно, в материнском говоре), т.е. более трёхсот лет назад, процесс смены твердого [ч] на мягкий [ч'] только в настоящее время находится в стадии завершения.

Данные о состоянии твердости-мягкости фонемы /ч/ в исследованных русских говорах Восточного Забайкалья показаны в таблице 1.

Таблица 1

мягкий [ч'] перед гласными непереднего ряда	твёрдый [ч] перед гласными непереднего ряда
КБ, БКБ, УБ, ДжБ, УПБ, ИБ, НИБ, ЗН, ЗарН, ЗнН, ОН, ПН, СН, УКар, СЧО, УБО, НЦО, КО, ТХО, ИО, НШ, КазШ, БШ, КШ, МирШ, МитШ, ВТШ, УТШ, УНШ, УАШ, ЧШ, МакШ, АЧ, КЧ, СОЧ, МП, БГЗ, АЗ, СААЗ, НААЗ, ЧАЗ	БКБ, УБ, ДжБ, УПБ, ОН, ЗН, КШ, МакШ, МитШ, НШ, УАШ, УТШ, ЧШ, АЧ, СЧ, АЗ, СААЗ, НААЗ,
мягкий [ч'] перед гласными переднего ряда	твёрдый [ч] перед гласными переднего ряда

КБ, БКБ, УБ, ДжБ, УПБ, ИБ, НИБ, ЗН, ЗарН, ЗнН, ОН, ПН, СН, УКар, СЧО, УБО, НЦО, КО, ТХО, ИО, НШ, КазШ, БШ, КШ, МирШ, ВТШ, УТШ, УНШ, УАШ, ЧШ, МакШ, АЧ, КЧ, СОЧ, МП, БГЗ, АЗ, СААЗ, НААЗ, ЧАЗ	БКБ, ДжБ, ЗН, МакШ,
мягкий [ч'] перед твердыми согласными	твердый [ч] перед твердыми согласными
КБ, БКБ, УБ, ДжБ, УПБ, ИБ, НИБ, ЗН, ЗарН, ЗнН, ОН, ПН, СН, УКар, СЧО, УБО, НЦО, КО, ТХО, ИО, НШ, КазШ, БШ, КШ, МирШ, ВТШ, УТШ, УНШ, УАШ, ЧШ, МакШ, АЧ, КЧ, СОЧ, МП, БГЗ, АЗ, СААЗ, НААЗ, ЧАЗ	ЗН, МакШ,
мягкий [ч'] перед мягкими согласными	твердый [ч] перед мягкими согласными
КБ, БКБ, УБ, ДжБ, УПБ, ИБ, НИБ, ЗН, ЗарН, ЗнН, ОН, ПН, СН, УКар, СЧО, УБО, НЦО, КО, ТХО, ИО, НШ, КазШ, БШ, КШ, МирШ, ВТШ, УТШ, УНШ, УАШ, ЧШ, МакШ, АЧ, КЧ, СОЧ, МП, БГЗ, АЗ, СААЗ, НААЗ, ЧАЗ	МакШ,
мягкий [ч'] на конце слова	твердый [ч] на конце слова
КБ, БКБ, УБ, ДжБ, УПБ, ИБ, НИБ, ЗН, ЗарН, ЗнН, ОН, ПН, СН, УКар, СЧО, УБО, НЦО, КО, ТХО, ИО, НШ, КазШ, БШ, КШ, МирШ, ВТШ, УТШ, УНШ, УАШ, ЧШ, МакШ, АЧ, КЧ, СОЧ, МП, БГЗ, АЗ, СААЗ, НААЗ, ЧАЗ	ЗН, МакШ

В говорах с. Джиды, Ильдикан, Чирон зафиксировано спорадическое произношение [с] вместо [ч']: *бол'-тъ ун'истажац'а* (ДжБ), *с'епч'ик* (чепчик) (ЧШ), *у самовъ пост'и крыл'еч'ка* (ИБ). Остаточные случаи соканья отмечает в ононских говорах О.Л. Абросимова [8, с. 8]

В с. Пешково отмечены случаи произношения [ш] на месте [ч']: *с дошк'ый, дош, кур'шк'и, нош, паит'и* (ПН), а в говоре с. Кироча – случай с обратной заменой: *ран'ч'и брав'ей пл'исал'и* (КШ). Произношение *пашто*, встречающееся повсеместно, является уже не диалектным, а просторечным произношением.

О.Л. Абросимова в ононских говорах отмечает незначительное перераспределение фонемных нагрузок в оппозиции /ч/ – /т'/: в нескольких случаях на месте [т'] произносят [ч']: *ч'ич'инск'ий* вместо *ч'ит'инск'ий*, *ч'ижыло*, *ч'ижолый* вместо *т'ижыло*, *т'ижолый* (оба примера лексикализованы), зафиксирован в с. Старый Дурулгуй в речи одной жительницы случай произношения *ч'ип'ер'* вместо *т'ип'ер'* [4, с. 33]. Лексикализованное произношение *ч'ижолый*, *ч'ижыло*, по нашим данным, распространено в забайкальских говорах повсеместно.

В диалектной речи независимо от возраста информантов в корнях *щекот-*, *щип-*, наряду с [ш']: *ш':икотка*, *ш':ипат* (повсеместно), встречается лексикализованное произноше-

ние [ч'] вместо [ш':]: *ч'икотка* (СОЧ), *ч'икот'ит*, *ч'икътнъ* (ЗН, КШ), *мух'и ч'икат'ат* (СААЗ), *да он ч'ипаџа* (ДжБ). Наречие **сейчас** встречается в разных огласовках: *ш':ас*, *ш':ич'ас*, в том числе и *ч'ич'ас*. Корень **помощ-** при повсеместно употребляемом варианте *поаши'*, в речи старшего поколения встречается и в огласовке *помоч'* (УТШ), *помач'* (БКБ), в этом случае слово **помощь** употребляется в общем значении, **помочь** употребляется с конкретным значением оказания коллективной помощи односельчанину в строительстве дома, бани и т.д. На месте сочетания [пш':]: *вапиш':е*, *опиш':ий* (повсеместно), в речи старшего поколения встречается произношение [пч']: *опч'ий* (ЧШ), *опч'есв'ьны* (УТШ), *опч'ижыт'ийь* (УТШ), *опч'исво* (общество – УАШ), *опч'ий* (УБ, БКБ), *опч'ьсв'ьм*, *опч'ьсв'ьн:ыйь* (БКБ), *фс'еопч'ий* (всеобщий – УБ), *вапч'е-ть* (СОЧ, АЗ), *н'и саапчаль* (АЧ), отмечается и вариант [пч]: *вопчэ-ть* (АЗ).

В целом в современных русских говорах Восточного Забайкалья севернорусского происхождения /ц/ и /ч/ являются более устойчивыми элементами фонологической системы, чем были в прошлом. Аффрикаты различаются, в речи диалектоносителей преклонного возраста отмечаются лишь остаточные следы древних типов неразличения этих аффрикат. У аффрикаты /ч/ наблюдается больше модификаций, среди которых твёрдый вариант встречается sporadически в речи диалектоносителей старшего поколения, полумягкая репрезентация употребляется как промежуточная ступень, но преобладает мягкий вариант, что свидетельствует о завершающейся стадии смены твёрдого [ч] на мягкий [ч']. Кроме того, фонема /ч/ в говорах Восточного Забайкалья, по сравнению с литературным языком, имеет расширенную сферу употребления за счёт лексикализованного произношения на месте [т'] и [ш':].

ЛИТЕРАТУРА

1. Программа собирания сведений для изучения современного состояния говоров Восточного Забайкалья (фонетика, морфология): методические рекомендации для научных сотрудников, аспирантов и студентов /сост. Т.Ю. Игнатович; Забайкал. гос гум.-пед. ун-т. Чита, 2007.
2. Колобова Э.А. Фонологическая характеристика консонантизма говоров центральных районов Читинской области // Фонетика и орфоэпия (на материале говоров и речи городской интеллигенции Сибири). Красноярск, 1984. С. 24 – 31.
3. Колобова Э.А. Фонетическая система говора села Макарова Шилкинского района Читинской области: Дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 1974.
4. Абросимова О.Л. Шипящие и Ц в говорах Ононского района Читинской области // Сибирские говоры: функционирование и взаимовлияние диалектной речи и литературного языка. Красноярск, 1988. С. 31 – 37.
5. Христосенко Г.А. Фонетическая система языка нерчинской деловой письменности второй половины 17 – первой половины 18 вв.: Дис. ... канд филол. наук. Красноярск, 1975.
6. Майоров А.П. Региональный узус деловой письменности XVIII в. (по памятникам Забайкалья): Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. М., 2006.
7. Пляскина Е.И. Система консонантизма говоров сёл Борзинского района Читинской области // Сибирские говоры: функционирование и взаимовлияние диалектной речи и литературного языка. Красноярск, 1988. С. 43 – 49.
8. Абросимова О.Л. Фонетическая система русских говоров Читинской области: Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 1996.

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВАРИАНТНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ГОВОРАХ

Проблема функционирования языка является многоаспектной. Различают «функции языка как целостной системы и функции отдельных элементов языковой структуры» [1, с. 29]. Деятельность языка обеспечивается наличием у него двух сторон: материальной структуры и общественного функционирования. Последняя связана с основной функцией языка быть средством общения и рассматривается в специальном разделе языкознания – социолингвистике.

Функционирование отдельных элементов языка является предметом исследования и собственно лингвистики, и социолингвистики, так как языковые единицы могут выполнять как чисто лингвистические функции, уместяющиеся в рамках языковой системы, так и социальные, связанные с процессом коммуникации.

Проблема социальной обусловленности языковых явлений, по словам Л.П. Крысина, имеет два аспекта: диахронический, заключающийся в исследовании развития языка в связи с развитием общества, и синхронический, который предполагает изучение структурных и функциональных свойств языка в их обусловленности социальными факторами, выявление особенностей использования языка с различными целями и в разных слоях говорящих [2, с. 23]. Поскольку задачей описательной диалектологии является изучение современного состояния говоров, то для нас интерес представляет прежде всего синхронический аспект.

На социальное членение языка еще в начале XX в. обратил внимание Бодуэн де Куртене [3, с. 161]. Среди исследователей диалектов впервые указал на это в 30-е годы прошлого века Н.М. Каринский [4]. В дальнейшем его поддержали другие диалектологи. «При описании диалекта необходимо учитывать его социальное расслоение и наличие конкурирующих дублетных форм с различным социальным и функциональным приурочением», – отмечал В.М. Жирмунский [5, с. 24]. Эту же мысль высказывает и развивает Т.С. Коготкова: социальная дифференциация лежит в основе распределения «синонимических и стилистических средств в лексической системе говора, их стилевой и смысловой иерархии» [6, с. 211].

Следовательно, изучая диалекты, диалектную речь, мы должны соотносить различные языковые факты как с социально-возрастным, так и стилистическим расслоением современных говоров.

Как известно, Л.М. Орлов выделил в говорах три речевых типа, учитывая языковые особенности речи диалектоносителей и соотнося их с социально-возрастной принадлежностью [7].

I тип – традиционный, или архаичный, сохраняющий основные черты местного диалекта на всех языковых уровнях. Его представляла малограмотная часть населения самой старшей возрастной группы, в основном женщины.

II тип – близкий к литературному языку, «передовой». Диалектные черты встречаются в нем как реликтовые элементы языка. Этот тип представляют молодые люди и лица среднего возраста. В большинстве своем это интеллигенция и производственники со средним спе-

циальным и высшим образованием. Литературный язык считается полностью усвоенным ими. Но в их словаре есть определенный запас диалектных слов, которые употребляются ими в тех или иных ситуациях.

III тип – средний, или переходный. В нем сочетаются элементы диалекта и литературного языка на всех уровнях. Этот тип представляют лица всех возрастных групп, кроме младшей.

В настоящее время в исследуемых нами говорах наибольшее распространение имеет III тип речи. Он интересен тем, что в нем постоянно «сталкиваются» элементы литературного языка и диалектного. Именно здесь можно наблюдать интенсивное варьирование языковых единиц. Почти утрачен, на наш взгляд, архаичный тип речи. Об особенностях этого типа речи можно судить по записям, сделанным в середине и конце XX в. Не случайно перед исследователями тогда ставилась задача собрать наибольшее количество текстов от представителей архаичного типа речи, по которому можно было определить основу говора. Большой интерес представляет II тип речи, поскольку он, считается, отражает ближайшую перспективу развития говоров, а также свидетельствует о широте распространения норм литературного языка в современной деревне.

С учетом названных факторов несколько иная нумерация социально-речевых типов, отражающая более точно современную языковую ситуацию в говорах, представлена во введении к «Словарю вариантной лексики сибирского говора» З.М. Богословской [8, с. 13-14].

Исследователю диалекта важно установить тип речи информантов, чтобы, работая с полученным материалом, можно было выяснить, какие лексические единицы для какого типа местной речи более или менее характерны.

В современном говоре немного обнаруживается диалектизмов, параллельно с которыми не употреблялись бы также общерусские единицы, в чем мы очередной раз убедились, работая над словарем албазинского говора. Наибольший интерес в этом плане представляют формальные варианты слова – однокоренные образования, идентичные семантически и различающиеся составом фонем в корне или аффиксальными морфемами. Данные единицы могут различаться и в функционально-стилевом плане [9, с. 78]. Поэтому возникла необходимость разработать систему подачи вариантных единиц в словаре.

Особенностью Албазинского словаря, отличающей его от словарей дифференциального типа, является наличие в рядах формальных модификаций слова, помимо собственно локальной лексики, диалектно-просторечных и общерусских лексических единиц. Это позволяет, на наш взгляд, более точно и объективно представить лексико-семантическую систему говора, показать ее отличие от системы литературного языка, даст возможность продемонстрировать весь диапазон материально колеблющихся однокоренных единиц, выявить среди них основные (ядерные) и периферийные компоненты.

Поэтому мы сочли необходимым в вариантных рядах указывать системную принадлежность лексических единиц (О – общерусское слово, Д – диалектное, П – диалектно-просторечное) и их отнесенность к социально-речевому типу (по классификации Л.М. Орлова). Основные варианты, если их удастся выявить, подчеркиваются.

БРАСЛЁТ (О I II III) - **БРУСЛЁТ** (Д I III), а, м. Украшение в виде большого кольца, носимого на запястье. *Браслет у меня есть, я его почему-то не ношу (Джл.). Браслеты раз-*

ные бывают (Алб.). Внуки мне говорят: "Бабушка, давай, мы тебе бруслеты сделаем" (Алб.). Бруслеты делали (Алб.).

ГНУСАВЫЙ (О I II III) – **ГНУСЛЯВЫЙ** (Д III), а я, о е. Говорящий в нос. *Наш сосед немного гнусавай, в нос говорит (Джл.). У внука насморк, гнусавай он, гнусавит (Алб.). Прокопий у нас гнуслявай, сильно гундосил он, говорил в нос (Алб.).*

ДЕРНО́, а, ср. (Д I II III) – **ДЁР**, а, м. (Д I III) – **ДЁРН**, а, м. (О II). Верхний слой почвы, густо заросший травой и пронизанный её корнями.. *Дерно – это земля, травой покрытая. Дерно легко снимается после дождя (Джл.). Дерно – почва чернозёмная, на ней трава. Край вырежешь – вот и дерно (Алб.). Дёром называли верхний слой земли, вспашут дёр, боронами боронят, пласторезом обрабатывают (Алб.). Дёра наберут, да и выложат им на дворе: зеленó и красиво. Недавно дёр на нóво место возили (Джл.). Дёрн навозили, а потом уложили (Джл.).*

МАГАЗИ́ННЫЙ (О II III) – **МАГАЗИ́НСКИЙ** (Д I III), а я, о е. Купленный в магазине. *Магазинный товар отличается (Алб.). Брюки эти магази́нны, а эти сама шила (Алб.). Магазинская мука плохая (Алб.). У нас теперь всё магази́нско (Алб.).*

Некоторые варианты ряды насчитывают до десяти и более единиц. Например:

КВÓЧКА (Д I II III) – **КВОКТУ́ША** (Д I III) – **КВОКТУ́ШКА** (Д I III) – **КВОКУ́ХА** (Д I III) – **КЛОКТУ́НЯ** (Д I III) – **КЛОКТУ́ХА** (Д I III) – **КЛОКТУ́ШКА** (Д I III) – **КЛОКУ́ХА** (Д I) – **КЛОКУ́ША** (Д III) – **КЛОКУ́ШКА** (Д III) – **КЛÓЧКА** (Д III), и, ж. Курица-наседка.

Задача составителя словаря – собрать их и проиллюстрировать примерами употребления в речи, чтобы у исследователя была возможность определить, являются ли данные единицы абсолютно тождественными в употреблении или нет. Если нет, то чем различаются: частотностью, сферой использования, сочетаемостью, стилистической принадлежностью и т.д.

Изучение функциональных свойств диалектной лексики требует применения особой методики и, прежде всего, методики сбора материала.

Сбор материала должен производиться в два этапа. На первом этапе выявляются существующие в говоре фонетические, грамматические, лексические диалектные особенности с помощью приемов наблюдения и беседы, осуществляется общее знакомство с говором.

После того как состоялось первичное знакомство с говором, собраны разнообразные тексты, сложилось представление об особенностях местной речи, определены типы речи информантов, с которыми проводились беседы, можно переходить ко второму этапу, цель которого – получение и уточнение данных о стилистических, эмоционально-экспрессивных качествах лексических единиц, о степени их употребительности и распространенности в речевых типах говора. Наиболее эффективным теперь оказывается прием анкетирования, который позволяет собрать нужное количество данных о функционировании лексических единиц. Для проведения анкетирования нужно отобрать наиболее показательные речевые средства, которые представлены в говоре в нескольких вариантах (молодка, молодница, молодуха) и включить их в анкету, которая строится по модели:

Как вы говорите (называете): X, X₁ или X₂?

1. Если и X_1 , и X_2 , то:

- а) какая из форм употребляется чаще: X_1 или X_2 ?
- б) когда (в каких условиях) употребляется Вами X_1 и когда X_2 ?
- в) какое слово, по-вашему, является более правильным?
- г) какую разницу Вы находите между X_1 и X_2 ?

2. Если употребляется только X_1 или X_2 , то:

а) знаете ли о том, что у вас в селе говорят и X_2 или (соответственно X_1)? Известно ли Вам X_2 (соответственно X_1)?

б) кто произносит X_2 (соответственно X_1): коренные жители, приезжие, молодые, старые?

в) не говорили ли Вы раньше X_2 (X_1)? Если говорили, то почему отказались?

г) употребляли Вы раньше оба варианта или только один из них?

Анкетирование, как и обычные беседы, проводится путем устного опроса информанта. Обследователь имеет список слов, о которых нужно спрашивать. И прямо в списке делает пометы об употребительности того или иного варианта (синонима). Например: 1) формы, которые употребляет информант, подчеркиваются; 2) чаще употребляемое слово отмечается буквой «ч»; 3) более правильный вариант – буквой «п»; 4) устаревшие слова – буквой «у» и т.д. Желательно весь разговор записать на диктофон, чтобы зафиксировать не предусмотренные анкетой сведения о том или ином слове.

Людям образованным можно предложить самим заполнить анкету.

По окончании обследования анкеты необходимо обработать, свести воедино данные по одним и тем же словам, записать свои наблюдения. Они могут быть, например, такими.

Березняк (О) – берёзник (О). Варьируются во всех речевых типах говора. Но второй компонент явно преобладает в речи старшего поколения. Молодежь и среднее поколение предпочитают вариант **березняк** и именно его считают правильным.

Подберёзовик (О) – подберёзник (Д), подосёновик (О) – подосённый (Д). Варьируются во II-ом и III-ем речевых типах, так как в архаичном типе употребляются лишь слова с суффиксом -ник (диалектные единицы). Такие варианты слов называются социально ограниченными, так как на их употребление оказывают влияние социально-возрастные факторы.

Встречаются так называемые позиционные варианты слов. Особенности их функционирования проявляются в ограниченной сочетаемости или ситуативно-контекстуальной закреплённости. Например:

Нахálка (О) – нахáльница (Д). Первый компонент употребляется обычно в острых социально-языковых ситуациях, дает резкую, категоричную оценку человеку. Второй служит более мягкой формой выражения отрицательного отношения к наглому, нескромному человеку. «Гони ее отсюда, н а х а л ку эту. До чего распутная, до чего н а х а л ь н и ц а, стыдно сказать».

Домосéd (О) – домосéдец (Д). Варианты, встречающиеся во всех типах речи. Более частотный первый компонент, который употребляется в различных языковых ситуациях. Второй же не наблюдается в контекстах с ярко выраженным отрицательным отношением говорящего к тому, о ком он говорит. «Этого д о м о с е д а никуда не вытащишь. Д о м о с е д какой, нелюдим, с людьми мало вращается. – Мы оказались д о м о с е д ц а м и».

Наряду с социально ограниченными и позиционными вариантами слова, встречаются и такие, которые, на первый взгляд, не имеют различий в употреблении, способны заменять друг друга в разных ситуациях. Например:

Валёк – вáлик. «В а л ё к зубчатый, им одежду гладили старики, в музее вон посмотрите. – В а л и к и были, я ишо застала валик и каток тоже».

Аза́рт – аза́ртность. «На ловлю есть азартные люди, с а з а р т о м ловят. – А з а р т н о с т ь взяла, я и давай».

Ухва́тка – ухва́т. «У него у х в а т к а хорошая, парень с у х в а т к о й. – Подцеплюсь за девками, как все равно клещ, любили меня за у х в а т».

Но надо заметить, что и эти слова имеют некоторые функциональные различия. Одни из них (левые члены пар) высокочастотны в говоре, а следовательно, более устойчивы. Другие (правые члены пар) – менее частотны, реже воспроизводятся, следовательно, недостаточно устойчивы в говоре. Кроме того, информанты дают им разные нормативные оценки. Более частотные варианты определяются как правильные, менее частотные – как неправильные. Например: «Б е л о к – это правильно, а ж е л т ы ш – кобеним свой язык. Что это: б е л ы ш, ж е л т ы ш ? Б е л о к, ж е л т о к правильно (Алб.). В а р е ж к а и в а р е г а говорю. В а р е г а как-то привычнее, но сейчас больше говорят в а р е ж к и, рукавички, в а р е г и-то – это старинушка-матушка (Алб.).»

Это примеры контекстов, где диалектоносители выражают свои суждения о языковых фактах, что свидетельствует о проявлении ими метаязыкового сознания [10, с. 24; 11, с. 251], к которому непременно приходится обращаться при выявлении особенностей функционирования лексических единиц.

Большинство вариантов слова имеет неодинаковую функциональную нагрузку в говоре. Одни из них являются часто употребляемыми, широко распространенными, другие редко воспроизводятся говорящими, известны ограниченному кругу лиц. Одни из вариантов нейтральны, имеют свободную сочетаемость, другие оказываются стилистически маркированными, закрепленными за определенной конситуацией. И это позволяет вычленил среди них основной компонент, на который приходится самая большая коммуникативная нагрузка. Именно такие образования оцениваются диалектоносителями как правильные. Это в большинстве своем общерусские лексические единицы. Тем не менее многие диалектные варианты слова являются устойчивыми в целом в системе говора или в какой-то одной подсистеме.

Таким образом, на функционирование слова в диалекте оказывают влияние как внешние факторы (социальные: уровень образованности, возраст диалектоносителей), так и внутренние (языковые: принадлежность варианта к диалектному или общерусскому лексическому фонду, характер дистрибуции, стилистические характеристики, мотивированность и др.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. Л.: Наука, 1975.
2. Крысин Л.П. Социолингвистическое исследование вариантов современного русского литературного языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1980.
3. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию: В 2-х т. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 2.
4. Каринский Н.М. Очерки языка русских крестьян. Говор деревни Ванилово. М.-Л., 1936.

5. Жирмунский В.М. Проблемы социальной дифференциации языков // Язык и общество. М., 1968.
6. Коготкова Т.С. Русская диалектная лексикология. М.: Наука, 1979.
7. Орлов Л.М. Социальная и функционально-стилистическая дифференциация в современных русских территориальных говорах: Опыт социолингвистического исследования на материале донских и волжских говоров: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1970.
8. Богословская З.М. Словарь вариантной лексики сибирского говора. Т.1/ под ред. О.И. Блиновой. Томск: Томский государственный университет, 2000.
9. Богословская З.М. Диалектная вариантология. Томск: Изд-во ТПУ, 2005.
10. Ростова А.Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири). Томск, Изд-во Том. ун-та, 2000.
11. Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002.

Е.И. Пляскина

НАЗВАНИЯ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ В ОДНОМ ИЗ ГОВОРОВ ЗАБАЙКАЛЬЯ

В статье рассматриваются семантические отношения, которые существуют между словами, обозначающими домашних животных в говоре Борзинского района Забайкальского края. Для анализа выбраны две тематические группы (ТГ): «Названия коз» и «Названия овец», каждая из которых состоит из трех лексико-семантических. Рассмотрение лексики в тематическом аспекте, обоснованное лингвистами в XX в., «позволяет полно и всесторонне установить связь между словами и обозначаемыми ими явлениями, выяснить объем значения слов, их употребление...» [1, с. 234]. Установление общего и частного в семантике анализируемых единиц дает возможность выделить внутри ТГ лексико-семантические группы (ЛСГ) и определить интегральные (объединяющие, общие) семы (ИС) и те дифференциальные семы (ДС), по которым противопоставляются слова в них, то есть семы, служащие различителями значений слов, составляющих каждую ЛСГ. Лексико-семантический аспект анализа лексики позволяет выяснить характер системных отношений между лексическими единицами, так как, по мнению учёных, «слово не живет само по себе, оно реализует свои свойства лишь в отношениях с другими словами, влияющими на него и подвергающимися также его воздействию» [2, с.8].

ТГ «Названия коз» включает 15 лексических единиц (ЛЕ) общерусского и диалектного характера: *козёл*, *има́н*₁, *иман*₂, *тыкен*, *коза*, *иману́ха*, *чичуха*, *козлёноч*, *иманёнок*₁, *имашек*, *ишигэ́н*, *козлёноч*₂, *иманёнок*₂, *козочка*, *иманушка*. Некоторые диалектные наименования заимствованы из языков аборигенов края. Из бурятского языка, рядом с носителями которого русские переселенцы живут уже около трехсот лет, пришли слова: *иман* – бур. *ямаа|н* – «коза» [3, с.799], *тыкен* – бур. *тэхэ́* – «козел (некастрированный)» [3, с.458], *ишигэ́н* – бур. *эшэгэ́|н* – «козлёнок» [3, с.780]; из эвенкийского языка пришло слово *чичуха* – эвенк. *чичу́на* – «коза домашняя» [4, с.523].

Родовое понятие козы передается в говоре ЛЕ *иман*₁, *коза*, отличающимися употребительностью: активнее функционирует слово *иман*₁. Многие носители говора пожилого воз-

раста отмечают, что слово *коза* появилось не так давно (в шестидесятые-семидесятые годы), сейчас оно встречается в речи молодых носителей говора, а более пожилыми людьми осознается как «культурное»: *Каза-та па-культурнаму, училия гаварят каза да граматны хто, а у нас фсю жысь иман да имануха; У нас фсе гаварят иманы, а козы-та уш вот ни-давна паивились; Раньшы-та иманаф большы развадили, а щас чо-та мала доржуют; У нас иманаф вмести з баранами держат, ани вмести пасуцца.*

В говоре функционируют производные от лексемы *иман*: *имануха* (коза), *иманёнок*, *имашек* (козлёнок), *иманушка* (козочка), *иманий* (относящийся к иману), *иманина* (мясо имана), *иманиться* (ягниться), а также от лексемы *коза*: *козий* (относящийся к козе), *козлятина* (мясо козы).

ТГ «Названия коз» распадается на 3 ЛСГ: «Названия самки козла», «Названия самца козы», «Названия детёнышей козы».

ЛСГ «Названия самки козла» включает слова: *коза, имануха, чичуха*. Каждое из них имеет семему «самка козла», поэтому эта ЛСГ представляет собой дублеты, которые отличаются друг от друга только употребительностью. Наиболее распространенным наименованием является ЛЕ *имануха* – производное от *иман*, входящая в словообразовательное гнездо: *иман, имануха, иманушка, иманёнок, имашек, иманий, иманина, иманиться*.

Лексема *чичуха* сохраняет свою употребительность в речи старшего поколения носителей говора. Слово *коза* употребляется редко и в основном молодыми людьми: *У нас ф Ключифском была два слова: имануха и чичуха. Мать мая, бабушка, дядя Проня, ну и мы гаварили имануха. Я узнал, што эта коза, када уш в армию пашол; Не, мы иманух ни даили, на мяса диржали, каг буряты; Вай, чичуха-та в агарот залезла, вот чиртофка, пайду выганять; Я иманух утресь падаю и выпушшу, пускай сами себе прапитанне ишишут; Есь у нас две иманухи, из-за пуха держым; Чичуха-та гаварили уш каторы сафсем тёмны, щас-та уш ретка хто гаварит; У нас каза малако хороше даёт, да и сена ей на зиму нада меньшы, палехшы с казой-та.*

Производное *иманиться* в говоре употребляется наряду с глаголом *ягниться*: *Имануха скоро будит иманицца, сколь жы припрёт ноньчи?; Наша имануха аигнилась, двоих имашат принисла.*

Таким образом, названия козы в говоре представляют собой дублеты, различающиеся частотой употребления.

ЛСГ «Названия самца козы» включает слова и ЛСВ: *козёл, иман₁, иман₂, тыкен*. В значении каждого из них вычленяется ИС «самец козы». Противопоставление членов ЛСГ основано на семах, обозначающих кастрированного (ДС₁) или некастрированного (ДС₂) самца.

Семемно-лексемный состав этой ЛСГ

Семема	Лексема
1. Самец козы (ИС)	Козёл, иман ₁
2. Кастрированный (ДС ₁) самец козы (ИС)	Иман ₂
3. Некастрированный (ДС ₂) самец козы (ИС)	Тыкен

ЛЕ *козёл, иман₁*, являющиеся дублетами, находятся с остальными членами ЛСГ в гиперо-гипонимических отношениях. Это гиперонимы, так как их семемы не содержат ДС. ЛСВ *иман₂* и слово *тыкен* – это согипонимы по отношению к гиперонимам *козёл, иман₁*: *Самка –*

имануха, а самец-от – иман; У миня иманаф нет, только иманухи; шыпка уш ани пакасливы, иманы-та, их чиртями называют; Иман, казёл – адно и то жы, только у нас чашишы гаварят иман, ад бурят пашло, да так и завём.

Дублеты козёл и иман₁ отличаются друг от друга употребительностью; наиболее активно используется лексема иман₁, от которой в говоре функционирует много производных.

Кастрированный (ДС₁) самец козы обозначается в говоре лексемой иман₂, которая находится с лексемой иман₁ в эпидигматических отношениях (дифференциация ЛСВ основана на ДС₁). Ей противопоставляется лексема тыкен, обозначающая некастрированного самца: Иман – эта аблекчинный, а праизвадитиль – тыкен; Иманаф на мяса доржут, вот висной бараны-та сухи, корму-та мала висной, а иманы-та жирны, ани фсигда жирни, вот заколят; Тыкена нада ат чибана висти, тут ф силе-та ни у каво нету, адне иманы.

Активно употребляется производное тыкешка, передающее пренебрежительное отношение: Да этат тыкешка никуды ни гадицца, старый уш стал, чо с ым ы делать.

Таким образом, члены ЛСГ «Названия самца козы» находятся в гиперогипонимических отношениях; ЛЕ козёл, иман₁ являются дублетами, из них более употребителен ЛСВ иман₁.

ЛСГ «Названия детёнышей козы» включает ЛЕ: козлёнок₁, козлёнок₂, иманёнок₁, иманёнок₂, имашек, ишигэн, козочка, иманушка. В значении каждой из них присутствует сема «детёныш козы» – это ИС. Противопоставление лексем в ЛСГ основано на половой дифференциации: 1) мужского пола (ДС₁); 2) женского пола (ДС₂).

Семемно-лексемный состав этой ЛСГ

Семема	Лексема
1. Детёныш козы (ИС)	Козлёнок ₁ , иманёнок ₁ , имашек, ишигэн
2. Детёныш козы (ИС) мужского пола (ДС ₁)	Козлёнок ₂ , иманёнок ₂
3. Детёныш козы (ИС) женского пола (ДС ₂)	Козочка, иманушка

Общее родовое понятие детёныша козы передаётся в говоре ЛЕ козлёнок₁, иманёнок₁, имашек, ишигэн. Эти дублеты являются гиперонимами и находятся с остальными членами ЛСГ в гиперогипонимических отношениях. Согипонимы козлёнок₂, иманёнок₂, козочка, иманушка обозначают детёнышей козы мужского и женского пола.

Дублеты козлёнок₁, иманёнок₁, имашек, ишигэн называют детёнышей и женского и мужского пола и отличаются друг от друга частотой употребления. Самыми распространенными наименованиями в говоре являются однокоренные образования от лексемы иман – иманёнок, имашек. Слова козлёнок и ишигэн употребляются редко. Первое – в речи молодых носителей говора, второе – в речи тех, кто живет рядом с бурятами или часто общается с ними: Иманёнак – дитёныш иманухи; малинький-та браинький, а как падрастёт, да грезить начнёт, чо и делать; Как иманёнак на сарай залес – ума ни прилажу; У миня две иманухи с ыманьятами ноници; Наша-та имануха ланись аш трёх имашат припёрла, да адин-та имашек патом прапал; Тёти Кларин казлёнок к нам в агарот залес, мама сказала фсе дыры в забори закалатить; Отец мой иманят ишигэнами звал, ну и я так заву.

Детёныш козы мужского пола (ДС₁) называется в говоре лексемами козлёнок₂, иманёнок₂, которые являются ЛСВ лексем козлёнок₁, иманёнок₁ (противопоставляются ЛСВ ДС₁).

Эти дублеты также различаются употребительностью: основным наименованием является *иманёнок*₂: *У нашый казы иманёнок и иманушка; Мой Ванюшка казлёнку имя придумал: Рекс. Я ему гаварю: эта жы сабаччыё имя. Фсё равно – насматрелся сиралаф.*

Дублетам *козлёнок*₂, *иманёнок*₂ противопоставляются ЛЕ *козочка*, *иманушка*, обозначающие детёнышей козы женского пола (ДС₂) и находящиеся в дублетных отношениях: *Пака малинька – эта иманушка, а вырастит, абыгница – имануха; Сусецка иманушка весь заплот абгрызла, а вчирась в наш агарот залезла. Вот грёзы-та каки эти иманы!; Наша каза козочку радила.*

Наименования *козочка*, *иманушка* не имеют дополнительной эмоциональной окраски, несмотря на наличие уменьшительно-ласкательных суффиксов²¹.

Таким образом, члены ЛСГ «Названия детёнышей козы» находятся в гиперогипонимических отношениях; среди них можно выделить 3 ряда дублетов: *козлёнок*₁ – *иманёнок*₁ – *имашек* – *ишигэн*; *козлёнок*₂ – *иманёнок*₂; *козочка* – *иманушка*, которые функционируют в говоре с разной степенью частотности.

ТГ «Названия овец» включает 15 ЛЕ общерусского и диалектного характера: *овца*, *барануха*, *ярка*, *первокотка*, *баран*, *валух*, *эргён* (*ирген*), *куца́н*, *ягнёнок*, *барашек*₁, *барашек*₂, *валушок*, *куцашо́к*, *ярочка*, *баранушка*. Среди диалектных ЛЕ есть бурятизмы: *эрген* (*ирген*) – бур. *эрьё* – «валух, кастрированный баран» [3, с.774] и *куцан* – бур. *хуса́* – «баран – производитель» [3, с.604].

Родовое понятие овцы передается в говоре ЛЕ *баран* и *овца*, обозначающими также самца и самку соответственно и отличающимися употребительностью: активнее используется в речи носителей говора слово *баран*. Они отмечают недавнее распространение лексемы *овца*: *Баран фсигда диржали и щас держим, на мяса их колим, шерсь астригам, патом приду зимой-та, да носки, варьги рибитишкам вяжым; Смотри, паря, вон бараны пасуца на сопки; Наших, забайкальских-та, баран уш ничо ни асталась, фсю пароду раззарили, панавизли танкарунных, а чо с ых толку, ани жы ни таки выносили, падёж баьшой; Офцами-та стали уш вот нидавно называть, но и то ретка, чашишы-та бараны.*

В говоре функционируют производные от лексем *баран*: *бараний* (относящийся к барану), *баранина* (мясо барана) и *овца*: *овечий* (относящийся к овце), *овчина* (шкура овцы), *овчинка* (уменьш. к овчина), *овчинный* (прил. от овчина), а также известны термины: *овцематка* (овца, дающая приплод), *овцеводство* (отрасль животноводства, занимающаяся разведением овец), *овцевод* (специалист по овцеводству), *овцеводческий* (относящийся к овцеводству).

ТГ «Названия овец» распадается на 3 ЛСГ: «Названия самки барана», «Названия самца овцы», «Названия детёнышей овцы».

ЛСГ «Названия самки барана» включает ЛЕ: *овца*, *барануха*, *ярка*, *первокотка*. В их значении вычленяется сема «самка овцы» – это ИС. Противопоставление лексем основано на семах, обозначающих: 1) возраст: молодую (ДС₁); 2) ни разу не ягнившуюся овцу (ДС₂); 3) первый раз ягнившуюся овцу (ДС₃).

²¹ Явление десемантизации коннотативных сем вслед за Т.С. Коготковой отмечают многие диалектологи.

Семемно-лексемный состав этой ЛСГ

Семема	Лексема
1. Самка овцы (ИС)	Овца, барануха
2. Молодая (ДС ₁), ни разу не ягнившаяся (ДС ₂) самка овцы (ИС)	Ярка
3. Первый раз ягнившаяся (ДС ₃) самка овцы	Первокотка

Лексемы *овца* и *барануха*, содержащие только ИС в значении, находятся с остальными членами ЛСГ в гиперо-гипонимических отношениях и являются гиперонимами по отношению к ним. Согипонимы *ярка* и *первокотка* называют овцу в разные периоды ее жизни.

Из дублетов *овца* и *барануха* наиболее употребительным является слово *барануха*; *овца* употребляется редко, в основном в речи молодёжи и образованных людей: *Барануха – это самка, мы па-другому и ни называем: баран, барануха; Офцами-то стали звать уш вот ни-давно, а то фсё барануха; Есь у нас нескаль баранух, шерсь с их стригу, акатяцца – бараши-коф падростим да на мясо.*

Производное *овцематка* (овца, дающая приплод) встречается в речи производственников, непосредственно связанных с овцами. Это сельскохозяйственный термин, поэтому он не включен в ЛСГ «Названия самки барана». И сами носители говора не считают его своим: *Ну, афцыматка-та хто гаварит? Чибаны, да заатехники, эта слова спицальна; а мы гаварим барануха, ну, афца вот щас ишо гаварят.* Другие сельскохозяйственные термины *овцеводство*, *овцевод*, *овцеводческий* известны носителям говора, но не употребляются ими. Широко употребительны в говоре производные *овчина* (шкура овцы), *овчинка* (уменьш. к овчина), *овчинный* (сделанный из овчин): *У нас фсигда слова афчина была, афца ни гаварили, а афчина – фсигда, а как биз афчин: шыли из ых шубы, рукавицы, шапки, штаны и наски таки – называюцца крипатки, фсё шыли сами – другой-та адёжи-та никакой не была; Афчинны рукавицы тёплы.* Производное *овечий* появилось в говоре вместе со словом *овца*: *Мы гаварили проста шерсь – эта значит авечча, а если друга кака, то дабавляли вирблужжа шерсь.*

Лексема *ярка* противопоставляется другим членам ЛСГ ДС₁ «молодая» и ДС₂ «ни разу не ягнившаяся»: *Малинька – ярчка, а выросла, гот ей – эта ярка, иё пакрывают али асиминяют; Баранаф держим, и баранухи есь, и три ярки ноньчи.*

Семема «первый раз ягнившаяся самка барана» выражается в говоре лексемой *первокотка*. ДС₃ противопоставляет ее остальным ЛЕ: *Ярка акатицца – вот пирвакотка; Первый раз барануха акатилась, завут иё пирвакотка, а патом уж барануха да и фсё.*

Таким образом, члены ЛСГ «Названия самки барана» находятся в гиперо-гипонимических отношениях; среди них выделяются дублеты *овца – барануха*, различающиеся частотой употребления.

ЛСГ «Названия самца овцы» включает слова: *баран*, *валух*, *куцан*, *эрген* (*ирген*). В значении каждого из них вычленяется ИС «самец овцы», дифференцируются они семами, обозначающими: 1) возраст: молодой (ДС₁) – матёрый (ДС₃); 2) кастрированный (ДС₂) или некастрированный (ДС₄).

Семемно-лексемный состав этой ЛСГ

Семема	Лексема
1. Самец овцы (ИС)	Баран
2. Молодой (ДС ₁) кастрированный (ДС ₂) самец овцы (ИС)	Валух
3. Матёрый (ДС ₃) кастрированный (ДС ₂) самец овцы (ИС)	Эрген (ирген)
4. Некастрированный (ДС ₄) самец овцы (ИС)	Куцан

Лексема *баран* находится с остальными членами ЛСГ в гиперо-гипонимических отношениях и является гиперонимом, обозначая самца овцы. Согипонимы *валух*, *эрген* (*ирген*), *куцан*, в значении которых содержатся дифференциальные семы, противопоставляются друг другу и гиперониму: *Баран – самец, эта опишы названни, ани ить разны: ниаблекчинный – куцан, а каторых ахаластят – валух али эрген; Бараны, баранухи – фсе вместе ходят, с ымя ишо иманы пасуцца.*

В говоре активно используются в речи производные *бараний* (относящийся к барану) и *баранина* (мясо барана).

Молодой (ДС₁) кастрированный самец овцы называется в говоре *валух*. Этому слову ДС₃ противопоставляется ЛЕ *эрген* (*ирген*), обозначающая тоже кастрированного, но уже взрослого, достигшего полной зрелости барана: *Валух – эта маладой ишо баран, ну, где-та ад года да трёх, примерна, а там уш эрген; Валух, канешина, аблекчинный, их жы на мяса держут, ну и шерсь стригут. Стричь-та начинают с двух лет; Ирген-та – эта баль-иуиший такой баран, матёрый, и шерсти на ём большы, их стригут нескаль лет, а там уш, как астарет, здадут на мяса.*

Семема «некастрированный (ДС₄) самец овцы» выражается в говоре лексемой *куцан*: *Куцан – эта праизвадитиль, аставлинный, нипадложынный баран; Куцанаф держим баранух асиминять.*

В говоре употребляется и производное от лексемы *куцан* – пренебрежительное *куцашка*: *У нас куцашка-та плоханький, ланись ни фсех баранух асиминил, у чибана ишо куцана брали.*

Таким образом, члены ЛСГ «названия самца овцы» находятся в гиперо-гипонимических отношениях.

ЛСГ «Названия детёнышей овцы» включает ЛЕ: *ягнёнок*, *барашек₁*, *барашек₂*, *валушок*, *куцашок*, *ярочка*, *баранушка*. Их семемы содержат ИС «детёныш овцы» и противопоставляются ДС, обозначающими: 1) пол детёныша: мужской (ДС₁); женский (ДС₂); 2) кастрированного (ДС₃) или некастрированного (ДС₄) детёныша.

Семемно-лексемный состав этой ЛСГ

Семема	Лексема
1. Детёныш овцы (ИС)	Ягнёнок, барашек ₁
2. Детёныш овцы (ИС) мужского пола (ДС ₁)	Барашек ₂
3. Детёныш овцы (ИС) мужского пола (ДС ₁) кастрированный (ДС ₃)	Валушок

Семема	Лексема
4. Детёныш овцы (ИС) мужского пола (ДС ₁) некастрированный (ДС ₄)	Куцашок
5. Детёныш овцы (ИС) женского пола (ДС ₂)	Ярочка, баранушка

Лексемы *ягнёнок*, *барашек₁*, обозначая всякого детёныша овцы, находятся с остальными членами ЛСГ в гиперо-гипонимических отношениях и являются гиперонимами. Согипонимы *барашек₂*, *валушок*, *куцашок*, *ярочка*, *баранушка* дифференцируют детёнышей овцы по полу и признаку «кастрированный – некастрированный».

Дублеты *ягнёнок* – *барашек₁* с разной степенью употребительности функционируют в говоре: наиболее активно употребляется слово *барашек*, входящее в словообразовательное гнездо: *баран*, *барануха*, *баранушка*, *бараний*, *баранина* (во мн. ч.: *барашки*, *барашата*): *У баранухи дитёныш – барашык, любой; и парнишка – тожы барашык, а дифчонка – баранушка; Акащица барануха, барашат унисут в зимавьё, там печку топят, вот ани там зиму-та живут, а баранухи-та ф стайки, ну и бараны, канешна, если есь; Ланись пирвакотка акадилась – игнёнак слабинький, мы иво в ызбе кала печки диржали – ели высарапался, а щас вон какой бравый валушок.*

У лексемы *барашек₁* есть ЛСВ *барашек₂*, обозначающий детёныша овцы мужского пола. ДС₁, содержащаяся в значении лексемы *барашек₂* и указывающая на пол детёныша, различает эти ЛСВ и противопоставляет лексему *барашек₂* словам *ярочка*, *баранушка*, обозначающим детёныша овцы женского пола и находящимся в дублетных отношениях: *У баранухи дитёныш – барашык, любой; и парнишка – тожы барашык, а дифчонка – баранушка; Ярочка – эта малинька афца, дитёныш; Да году баранушка али ярочка, патом ярка, можна покрывать иё.*

ДС₁, содержащаяся и в значении слов *валушок* и *куцашок*, объединяет их вместе со словом *барашек₂* в родо-видовую парадигму или мини ЛСГ «Названия детёнышей овцы мужского пола», в которой гиперонимом является лексема *барашек₂*, остальные лексемы – согипонимы, противопоставляющиеся ДС₃ (кастрированный) и ДС₄ (некастрированный): *Аблечат барашка – вот валушок, а если с иичками – куцашок; Барашкаф халастят чириз месиц – другой, послі этава он валушок; Не, куцашкоф, куцанаф ни колят на мяса, нада спирва кастрировать.*

Семемно-лексемный состав этой ЛСГ

Семема	Лексема
1. Детёныш овцы мужского пола (ИС)	Барашек ₂
2. Кастрированный (ДС ₁) детёныш овцы мужского пола (ИС)	Валушок
3. Некастрированный (ДС ₂) детёныш овцы мужского пола (ИС)	Куцашок

Таким образом, члены ЛСГ «Названия детёнышей овцы» находятся в гиперо-гипонимических отношениях; среди них можно выделить дублеты *ягнёнок* – *барашек₁*, *ярочка* – *баранушка* и родо-видовую парадигму *барашек₂* – *валушок* – *куцашок*. Лексемы *бара-*

шек, ярочка, баранушка, валушок, куцашок, несмотря на наличие уменьшительно-ласкательных суффиксов, не имеют дополнительной эмоциональной окраски.

Итак, выявив место каждой ЛЕ в ТГ и определив объём их значений и характер отношений между ними, можно сделать следующие выводы: 1) семантическое пространство в этих ТГ характеризуется большей расчленённостью, чем в литературном языке; 2) основными видами парадигматических отношений в рассмотренных группах являются гиперогипонимические, а также дублетные, что, очевидно, является следствием влияния литературного языка на говоры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Филин Ф.П. О лексико-семантических группах слов // Очерки по теории языкознания. М., 1982. С. 227-239.
2. Кодухов В.И. О лексико-семантических группах слов и о системности лексики. Л., 1955.
3. Черемисов К.М. Бурятско-русский словарь. М., 1973.
4. Василевич Г.М. Эвенкийско-русский словарь. М., 1958.

В.П. Васильев, Э.В. Васильева

СЛОВАРЬ ПРИТОМСКИХ ГОВОРОВ КУЗБАССА

Данное собрание слов и устойчивых сочетаний слов, представленных в лексикографически обработанной форме, отражает состояние русских говоров Кузбасса 70-80-х гг. XX в., бытующих в бассейне реки Томи и по своим фонетико-морфологическим особенностям образующих притомскую группу говоров среднеобского диалекта [1, с. 31].

Материалы многолетних авторских наблюдений над диалектным языком этой территории позволяют дополнить сибирские толковые словари такими языковыми единицами, которые на фоне их сопоставления с данными среднеобских словарей [2, 3, 4, 5, 6, 7, 8]

1) впервые отмечаются в данных говорах как на уровне слова (*выпашное сено, гаем, глаза потерять, горлом, заволгнуть, миноваться, тянигустый, разбрызгивать, увалистый, холстённый* и др.), так и на уровне его вариантов – формальных (*грабёлки* 1) и семантических (*грабёлки* 2, *грабки* 2, *жить* 1, *материк* 2, *перво* 3 и др.), 2) демонстрируют расширенные валентные связи (*корчажный, матерущий, увал, тянигус* и др.), а также 3) продлевают ареал своего существования (*глухота, глухо, гребь, дорожить, доспеть, клобук, кошенина, материк* 1, *наперво, перво* 1, *перво-наперво, постать, примереть, ручка* и др.).

Формирование словника и организация словарной статьи базируются на принципах, выработанных для «Областного словаря Кузбасса» [3, а также: 9].

БР Ы З Г А Т Ь, аю, ает, несов., что. Разбрасывать семена на подготовленную для посева почву; сеять. – *В колхозе рожь руками сеяли. Надели мешки и брызгали рожь. Четыре женски, послали нас. Мешок повесишь через плечо, возьмёшь рожь и промеж пальцев её разбрызгиваешь. Женски сеяли в войну. Единолично мужики сеяли, женски не заставляли* (Кем. Юрг. Асан.). ~ Кем. – Юрг. (Асан.).

В С Т Р О К Ё. Устар. По найму на определённый срок. То же, что *по строкам*. – *Я в строку была, и он в строку был. Пошли по фатерам. У него доли не было* (Кем. Юрг. Н-

ром.). *Столько лет я прожил у хозяина в строку. У меня отец прожил в строку у одного хозяина шесть лет* (Кем. Юрг. Ал.). *Пятнадцать лет прожила в строку, хоть в работницах. Строком или работником раньше назывался.* (Кем. Юрг. Вар.). ~ Кем. – Юрг. (Ал. Вар. Нром.).

В Т Р У Б Ё, в знач. нар. Не выходя их берегов. То же, что *горлом*. – *Томь прошла в трубе. Даже из своих берегов не вышла в период наводнения* (Кем. Юрг. Вар.). *Нынче Томь прошла в трубе. Из берегов не вышла, значит* (Кем. Юрг. Ал.). ~ Кем. – Юрг. (Ал. Вар.).

В А Л, а, м. Вытянутая в длину куча, гряда скошенной травы; валок. – *Трава скошена в валы. Когда подсохнет, перво перевернут и затем кладут на волокуши, сделанные из хворосья* (Кем. Юрг. Зел.). *Косить по дождю хорошо. А грести как? Траву скашиваем, высохнет, тогда гребём. Накосишь – в грядах лежит. Валы, ряды называют.* (Кем. Яшк. Полом.). *Другой раз ночью дождж, а днём ведро. Пойдёшь грести, а под валами грибы* (Кем. Юрг. Вар.). *Вот косишь, а трава ложится. Это вал называется* (Кем. Юрг. Асан.). ~ Кем. – Юрг. (Асан. Вар. Зел.), Яшк. (Полом.).

В Ы П А Ш Н Ё С Ё Н О. Сено, скошенное на выпашке. – *Где выпашь, старые поля, сено с него снимают. Это выпашное сено, или пырьи* (Кем. Юрг. Вар.). ~ Кем. – Юрг. (Вар.).

Г А Е М, нар. Без присмотра пастуха. – *Скот-то в деревне, он ходил гаем в поскотину. Гаем – это без пастуха. Молодняк, лошади ходили без пастуха, гаем. Чтобы он на пашию не ходил, хлеб не топтал, обнесли кругом деревни городьбу. И вот тут ходила скотина...* (Кем. Юрг. Зел.). ~ Кем. – Юрг. (Зел.).

Г Л А З А П О Т Е Р Ё Т Ь. Экспр. Очень много и часто плакать; выплакать (все) глаза. – *В пригон заглянула, его [мужа] нету. В конюшню – его нет. Да где ты был? – У барышних. Мне смешно с ним говорить (он-то ведь пьяный), и плакать-то все глаза потеряла. Слезки-то, они жидкие да едкие. Я же с сорок первого году лью эти слёзки* (Кем. Юрг. Вар.). ~ Кем. – Юрг. (Вар.).

Г Л У Х О Т Ё, ы, ж. Жаркий, насыщенный испарениями застойный воздух. – *Дожджь пройдёт, воспарение такое, ну пруски пар. Это кода жар, глухота така делается, особенно в тайге. Идёшь, там ветру нет, это такие воспарение делается* (Кем. Крап. Бор.). ~ Кем. – Крап. (Бор. Лен.).

Г Л Ё Х О, кат. сост. О наличии жаркого, насыщенного испарениями застойного воздуха. – *Ну глухота койда. Вот дождж, такой день глухо, воспарение тако. Вчера вон воспарение тако было, дышать нечем, и вчера с обеда зачало воспарение тако. Глухо.* (Кем. Крап. Лен.). ~ Кем. – Крап. (Лен.).

Г Ё Р Л О М, в знач. нар. Не выходя из берегов. То же, что *в трубе*. – *Вот луг от Томи годом заливают. Если где запруды сделают, то зальёт, а если нет, то горлом пройдёт. Горло или русло всё равно* (Кем. Юрг. Зел.). ~ Кем. – Юрг. (Зел.).

Г Р А Б Ё Л К И, лок, мн. 1. Деревянное приспособление с четырьмя или пятью зубьями, прикрепленное к обуху косы для кошения хлеба. То же, что *грабки* (в 1 знач.). – *К этой литовке только грабёлки подделаешь и косишь, как машина. Как грабли с пальцами, и приделывают к пятке стоя* (Кем. Юрг. Ал.). ~ Кем. – Юрг. (Ал. Вар.).

2. Коса с таким приспособлением. То же, что *грабки* (во 2 знач.). – *Раньше я сама косила этими г р а б ё л к а м и. Семьдесят соток выкашивала и пойду домой. Грабёлки и круг*

одно и то же. Если хлеб повыше, то на пяти зубках делают. Нет, у нас было по четыре зубка. Снизу вровень с литовкой, а сверху всё повыше. А крюк сделан из литовки, а над ней деревянный круг (Кем. Юрг. Вар.). ~ Кем. – Юрг. (Вар.).

Г Р А Б К Ё, ов. мн. 1. Деревянное приспособление с четырьмя или пятью зубьями, прикрепленное к обуху косы для кошения хлеба. То же, что *грабёлки* (в 1 знач.). – *К косьёвицу, к этой литовке, грабки приделывали. На грабках четыре или пять пальцев идут строго по обуху. Первый дольше, а последний – коротенький палец. Сантиметров сорок вышины грабки. С грабками хлеб косил* (Кем. Юрг. Вар.). *Вот литовки, а это косьёвище, а тут над литовкой делали грабки, которые привязывались к ручке* (Кем. Юрг. Вар.). ~ Кем. – Юрг. (Вар. Зел.).

2. Коса с таким приспособлением. То же, что *грабёлки* (во 2 знач.). – *Большинство грабками косили. Мы в войну косили грабками. Я косил на хлебах. Грабками чижело косить* (Кем. Юрг. Вар.). *Пашеницу, овёс косили г р а б к а - м и. Вот литовка, а к ней прикрепляют грабки. Они ровно кладут и чисто косят. Грабки деревянные в виде рожков. Их было четыре зубца наравне с литовкой* (Кем. Юрг. Зел.). ~ Кем. – Юрг. (Вар. Зел.).

Г Р Е Б Ъ, и, ж. Скошенная, но еще не убранная трава. – *У нас ещё гребь не убрана, в валах ещё сено. Ещё грести нельзя, сено волглое. Утром придёшь – оно мягкое. Дожжж прошёл (а суха была гребь), и её намочило. Вот и называли волглая гребь* (Кем. Юрг. Вар.). ~ Кем. – Юрг. (Вар.).

Г Р Ё В Н О Е С Ё Н О. Сено, скошенное на не занятых пашней и лесом травянистых участках земли (гриве). См. *еланное сено*. – *На лугах лугово сено. Если с гривы, гривно или еланно. На гриве было три пласта: пахотный, дровяной, сенокосный* (Кем. Юрг. Вар.). ~ Кем. – Юрг. (Вар.).

Г Р Ё В Н Ы Й, ая, ое 1. Растущий на гриве. – *Где был? В гривном лесу* (Кем. Крап. Иван.). ~ Кем. – Крап. (Иван.).

2. Являющийся гривой. – *Гривна земля. Так проходит этот пласт на пятнадцать километров. Где косили? – На Варюхинской гриве. Лесное место, поля – вот тебе грива, а раньше луга только косили* (Кем. Юрг. Ал.). ~ Кем. – Юрг. (Ал. Зел.).

Г Ё Н И Ш К А, и, ж. Ласк.-сних. Верхняя одежда из ткани домашнего изготовления. – *Осенью какую-нибудь лёгкую гунишку оденешь, тканую, вот и всё. От дожжжа ничё не было у нас* (Кем. Крап. Крап.). ~ Кем. – Крап. (Крап.).

Д О Р Ё Ж И Т Ь, жу, жит, несов., что. Делать специальным приспособлением бороздки для стёка воды в досках, предназначенных для покрытия крыши. – *Вот дорожгут [тёс] для чего? Канавка выбирается сверху донцу у обеих сторон тесины с тем расчётом, что когда дождь идёт, влага не протекала под второй ряд. Как сточные канавки* (Кем. Крап. Бор.). ~ Кем. – Крап. (Бор.).

Д О С П Ё Т Ь, еет, сов. Превратиться. – *Самое вредное это дело – град. Всё в грязь доспело. От дожжжа не так всё-таки, как от граду* (Кем. Крап. Берёз.). ~ Кем. – Крап. (Берёз.).

Д О С П Ё Т Ь С Я, еется, сов. Появиться, образоваться. – *Перво забереги доспеются. Посередь реки лёд, а у берегов вода. Забереги большие. Скоро, наверное, Томь пойдёт* (Кем. Юрг. Асан.). ~ Кем. – Юрг. (Асан.).

ДУБРОВНОЕ СЕНО. Сено, скошенное в лесу. – *Ещё бывает еланное сено или дубровное. Мы в лесу косили. В основном берёза. Косили в наделах, вот то называли дубровное сено. Её солнцем-то мало берёт и ветром не продувает. В березнике-то кошено* (Кем. Юрг. Вар.). *Лугово сено сочно и жёстко. А дубровно сено мяконько и шибко усыхат* (Кем. Юрг. Зел.). *Мы для себя косим уголки, которые остались возле пахоты, в березнике. У меня дубровное сено, лесное* (Кем. Юрг. Ал.). ~ Кем. – Юрг. (Ал. Вар. Зел.).

ЕЛАННОЕ СЕНО. Сено, скошенное на чистых местах, полянах (елани). См. *гривное сено.* – *Где больше чистое место: вокруг колючков или в логах, здесь уже не назовёшь дубровное сено, а еланное сено. Елань – это сплошная местность на возвышенности* (Кем. Юрг. Вар.). ~ Кем. – Юрг. (Ал. Вар.).

ЁЛЬНИЧНЫЙ, ая, ое. Покрытый ельником. – *А как, чё раньше до моего века, как рассказывают, у нас там называтца Ельничный лог. Вот там охотники, раньше-то не столько охотников было, мало было* (Кем. Крап. Крап.). *А Ельничный лог – это кода ёлками весь зарос, это зовут так* (Кем. Крап. Бор.). ~ Кем. – Крап. (Бор. Крап.).

ЕМАННЫЙ, ая, ое. Изготовленный из шкуры козла (емана) или козы. – *И из козы, мехом наружу, еманные шубы назывались, тоже богатые носили* (Кем. Крап. Крап.). *Еманные шубы носили богатые. Волчий тулуп был. Еманы держут, они как овечки, у них борода, а у овечек-то нет...* (Кем. Крап. Крап.). ~ Кем. – Крап. (Крап.).

ЖИТЬ, живёт, несов. 1. Расти где-л.; произрастать. – *Там маленький березничек и южный склон. Ягода живёт на южном уклоне* (Кем. Юрг. Зел.). ... *Осинник, пихтач есь, а кедрача нет. Кедр, он в тайге живёт* (Кем. Крап. Крап.). ~ Кем. – Юрг. (Зел.), Крап. (Крап.).

2. Случаться, происходить; бывать. – *Бураны живут, тихие снега бывают. Тихонько идёт, идёт, навалит* (Кем. Юрг. Н-ром.). ~ Кем. – Юрг. (Н-ром.), Крап. (Крап.).

ЗАВОЛГНУТЬ, нет, сов. Сделаться влажным, сырым (волглым). – *Вот дожжь пройдёт, а потом испарение, и сено всё заволгнет, сырое* (Кем. Крап. Крап.). ~ Кем. – Крап. (Крап.).

ЗЫМНЫЙ, ая, ое. Состриженный зимой (о шерсти). – *Есь плохая, есь хорошая. Весной стригём, зимой стригём. Зимная [шерсть], она длинне и мягче* (Кем. Крап. Тар.). *Её [шерсть] два раза в год стригут. Зимна идёт на пимы только. Она долга* (Кем. Крап. Макс.). *Когда овечек молодых в первый раз стригли, поярок это, из такой шерсти носки вязали, катали валенки. Если зимой овечек стригли – зимна [шерсть]. Два раза в год стригут. Второй раз осенью* (Кем. Крап. Сар.). ~ Кем. – Крап. (Макс. Сар. Тар.).

ИНДЕЕЧНЫЙ, ая, ое. Полученный из туши индейки. – *В горшках суп варили, тогда всё щи звали. С мясом. Варили и борщ. Какое есть: утячье, свинячье, скотско было мясо. Овечек мы держали, свиней кололи. Куричье, гусинно, индеечно мясо. Индеек держали. Как год проживёт – колют* (Кем. Крап. Бар.). ~ Кем. – Крап. (Бар.).

КАЛЫННЫЙ, ая, ое. Приготовленный из калины. – *А свежую оставляли тока калину. Калину, её зальёшь водой, она всю зиму стоит. Да она счас вот у нас за огородом, эти тыщи кусты. Ну, как от раньше, так калину не пекли, а делали этот калинный кисель. От этот солод и вот саму в корчагу, и она там всё испарится...* (Кем. Крап. Макс.). ~ Кем. – Крап. (Макс.).

КЛОБУ́К, а, м. Верхний сноп в укладке снопов (суслоне), распушённый колосьями вниз. – Ну как, вот тут сноп, тут сноп, тут сноп – это в три снопа, а здесь – два и там два, а сверху или три кладут снопа, или один сноп. Вот так от весь разламывают его и на эти снопы накидывают один сноп. <...>Клобук накинули. <...> А оне [верхние колосья], видишь, как бы те, всё остальные закрывают эти, и по этим стекает вода. <...> вот этим клобуком-то и все эти снопы-то сохраняли от дожджа. Оне стояли и потом выветривались, высыхали (Кем. Крап. Крап.). ~ Кем. – Крап. (Крап.).

КОРЧА́ЖНЫЙ, ая, ое. Приготовленный в корчаге. – Квас был корчажный (Кем. Крап. Крап.). Корчаги были. Квас делали в них: обложут солодом, заварют горячей водой. Идёт по жёлобу, корчажное сусло называлось, а потом на квас берёшь – корчажный квас (Кем. Крап. Крап.). Пиво делали. Как делают? Вода да сахар. Раньше корчажное было пиво. С хмелем переварют, заквашивают, сахар кладут (Кем. Крап. Зелен.). Вот теперь обычно всё ладили пиво, всё три килограмма на ведро кладут, потому что сусло, его мало клали. И пиво хорошее, крепко, корчажно (Кем. Крап. Межд.). И делали рассол, рассол называется, корчажный. Уквасят его, вку-усный (Кем. Крап. Долг.). Пили квас корчажный. Замешивают в корчагу и в печку – она упрет (Кем. Крап. Салт.). Ярицу сеяли. Её намочут в кадку, потом смелют. Квас делали. Тот квас мы десятиведёрные кадки наделали. Корчаги были. Корчажный квас делали (Кем. Крап. Шев.). А бывало раньше (корчаги были горновы) мешали рассолодку, ставили в русску печку, ладили рассол корчажный. Ету глубеничку клали туда, сусло ладили (Кем. Крап. Берд.). ~ Кем. – Крап. (Берд. Долг. Зелен. Крап. Межд. Салт. Шев.).

КОШЕ́НЬА, ы, ж. 1. Скошенная, но еще не убранная трава. – Когда сено скошишь, это кошенина (Кем. Юрг. Вар.). ~ Кем. – Юрг. (Вар.).

2. Луг после покоса. – Вот уберут, сено-то уберут, вот эта самая и есть кошенина (Кем. Юрг. Зел.). Еслив сено убрали, то осталась кошенина, а если хлеб, то жнива (Кем. Юрг. Зел.). Когда скосят, уберут сено, называют кошенина (Кем. Яшк. Полом.). ~ Кем. – Юрг. (Зел.), Яшк. (Полом.).

МАТЕРЬ́К, а, м. 1. Никогда не паханная земля; целина. – Материк – это непаханная земля, еще не разработанная. Когда корчёвку сделают, вспашут, оно поле называется, а до этого материком зовётся, залежью зовётся. Когда распашут материк, это залог (Кем. Юрг. Зел.). Свежую землю подымали, называли материк. Мы года три-четыре материк подымали под кукурузу, свежую целину. (Кем. Юрг. Вар.). Вот, например, земля, она вечно не паханная. Вот раскорчевали землю, она называется материк или вечный залог. Я нонче по залогу посеял или по матерiku (Кем. Юрг. Зел.). ~ Кем. – Юрг. (Асан. Вар. Зел. Пятк.), Яшк. (Солом.).

2. Подпочвенный пласт земли. – А счас овраг стал метров двадцать ширина его, а склоны прямо обрывистые, крутые, как стена отвесная стоит. Дальше уже размывать некогда [некуда], до материка дошла, до материковой почвы (Кем. Яшк. Полом.). ~ Кем. – Яшк. (Итк. Полом.).

МАТЕРИКО́ВЫЙ, ая, ое. Являющийся подпочвенным пластом земли (материком). – А счас овраг стал метров двадцать ширина его, а склоны прямо обрывистые, крутые, как стена отвесная стоит. Дальше уже размывать некогда [некуда], до материка дошла, до материковой почвы (Кем. Яшк. Полом.). ~ Кем. – Яшк. (Полом.).

МАТЕРУЩИЙ, ая, ее. Экспр. Очень большой, огромный. – *Есть Чистое болото, оно матеруще. Там кочки одне, осока растёт. Большое тянется* (Кем. Юрг. Вар.). *До тебя трактора прошли. Таки матерушиши лопаты. Они царапают дорогу, чистят дорогу, чтобы машинам легче ходить, ямки заравнивают. Ямку-то заравнивают, заглаживают, затирают большими лопатами* (Кем. Юрг. Вар.). ~ Кем. – Юрг. (Вар.).

МИНОВАТЬСЯ, нуюсь, нуется, сов. Перестать жить; умереть. – *Скороходовы старики жили, но они уже миновались год-два* (Кем. Яшк. С. Остр.). *Два года как родители миновались* (Кем. Яшк. С. Остр.). ~ Кем. – Яшк. (С. Остр.).

НАПЕРВО, нар. Прежде, раньше. То же, что *перво* (во 2 знач.). – *Трактора наперво дровами топили* (Кем. Юрг. Асан.). ~ Кем. – Юрг. (Асан.).

ПЕРВО, нар. 1. Вначале, сначала. – *Век неграмотны, но памятьлива была. Почту носила. Перво почтальоны подсказывали, а потом сама навыкла* (Кем. Юрг. Вар.). *Пойду посмотрю цыплят перво* (Кем. Юрг. Н-ром.). ~ Кем. – Юрг. (Асан. Вар. Зел. Н-ром.),

2. Прежде, раньше. То же, что *наперво*. – *За стеной бабка жила. А она бабничала, лечила. Врачей-то не было перво* (Кем. Яшк. Полом.). ~ Кем. – Яшк. (Полом.).

3. В первый раз. То же, что *перво-наперво*. – *Перво распахнут когда, это залог* (Кем. Юрг. Зел.). ~ Кем. – Юрг. (Зел.).

ПЕРВО – НАПЕРВО. В первый раз. То же, что *перво* (в 3 знач.). – *Если перво-наперво пахают, это залог. Это и чичас залог* (Кем. Юрг. Зел.). ~ Кем. – Юрг. (Зел.).

ПИМНАЯ ШЕРСТЬ. Шерсть осенней стрижки, идущая на изготовление пимов. – *Шерсть на ярке первый раз стригёшь. Весной стригёшь – это вешнина называется, а осенью – это пимная [шерсть], на пимы. А эта вешнина. Она летом, летом ходит овечка, осенью стригёшь. Эта на носки, а на пимы осень стригёшь* (Кем. Крап. Тар.). ~ Кем. – Крап. (Тар.).

ПОДБЫГИВАТЬ, ает, несов. Подсыхать. – *Нонче женски косют, травы-то нет на лугах. После дожжа как начнёт подбыгивать, переворачивать её [скошенную траву] надо* (Кем. Юрг. Вар.). ~ Кем. – Юрг. (Вар.).

ПОСТАТЬ, и, ж. Полоса, на которой работает жнец, косец и т.п. – *Когда серпом хлеб жнут, то говорят постать. Ширину-то какую-то занимала* (Кем. Юрг. Вар.). *Когда косят человек пять, то, говорят, одну постать гонют. Вот поляну захватили, одну постать гоним* (Кем. Юрг. Вар.). ~ Кем. – Юрг. (Вар.).

ПОСТРОКÁМ. Устар. По найму на определённый срок. То же, что *в строку*. – *Я восемь лет по строкам ходила, жила по людям* (Кем. Юрг. Вар.). *Бедный молодой был, по строкам ходил. Даже с сестрой они обои жили* (Кем. Юрг. Вар.). ~ Кем. – Юрг. (Вар.).

ПРИМЕРЁТЬ, мрёт, сов. Перестать жить; умереть (о многих). – *Теперь уж многие старые примерли. Все старички теперь примерли* (Кем. Юрг. Вар.). *Старинны люди были, все примерли. А мы кого живём? Мне семьдесят семь, я никудышная* (Кем. Юрг. Асан.). ~ Кем. – Юрг. (Асан. Вар.).

ПРОБЫГАТЬ, ает, сов. Просохнуть. – *Если сыровато сено, поворочишь его, оно пробыгает, просохнет* (Кем. Юрг. Зел.). ~ Кем. – Юрг. (Зел.).

ПРОКО́СКА, и, ж. Прокошенная полоса в ширину взмаха косы; прокос. То же, что *ручка*. – *Там в Мохово повдоль реки луга. Как разрежем на две прокоски, косим, косим. По-*

том поворочамся и начинаем вторые прокосы косить (Кем. Яшк. Полон.). ~ Кем. – Яшк. (Полон.).

РАЗБРЫЗГИВАТЬ, аю, ает, несов, что. Разбрасывать зёрна при посеве; рассеивать. – *В колхозе рожь руками сеяли. Надели мешки и брызгали рожь. Четыре женски, послали нас. Мешок повесишь через плечо, возьмёшь рожь и промеж пальцев её разбрызгиваешь. Женски сеяли в войну. Единолично мужики сеяли, женски не заставляли* (Кем. Юрг. Асан.). ~ Кем. – Юрг. (Асан.).

РУЧКА, и, ж. Прокошенная полоса в ширину взмаха косы; прокос. То же, что *прокоска*. – *Ручку широкую и долгую гонишь. И называют прокосы. Я прошёл вот стоко-то прокосов* (Кем. Юрг. Вар.). *Если я кошу, а литовка на плече, иду назад. Вот ручку-то прошёл, ручку-то прошёл, образовался вал* (Кем. Юрг. Вар.). *Вот прокос метров тридцать длиной. Как косют, значит, шириной так с метр. Косой косют. Ну с одной стороны ряд так идёт. Ну и вот и всё. Это расстояние прокосят, называется прошёл ручку* (Кем. Крап. Бор.). ~ Кем. – Юрг. (Ал. Вар. Зел.), Крап. (Бор.).

СЕЛЕЗЁНЬ, зня, м. Пропущенная при вспашке земля. – *Пахали в кругову. Другой раз плуг выскочит, крепко место попадёт. Не оставляйте, грит, селезни. На селезне ничё не родится. Селезень просто* (Кем. Юрг. Вар.). ~ Кем. – Юрг. (Вар.).

СМОРОДЯЖНЫЙ, ая, ое. Приготовленный из смородины. – *Варенье. Из глубеники, клубеничное, клубенично. Потом смородяжно варенье и малиново варенье* (Кем. Крап. Бор.). ~ Кем. – Крап. (Бор.).

СТРЕЖЬ, и, ж. Место с быстрым течением на реке. – *Вот на этом русле стрежь-то и идёт. Быстроходное течение. Сразу с ног сшибат. Так и неглубоко по гальке, но шибко бойко идёт* (Кем. Юрг. Ал.). ~ Кем. – Юрг. (Ал. Асан. Зел. Пятк.), Яшк. (Кул. Мох. Солом.).

ТЯНЬГУС, а, м. Затяжной подъём в гору. – *Чижело лошадь идёт. Ведь тянигус. Всё в гору, в гору* (Кем. Юрг. Ал.). *На гору ехать чижело на лошади. Если ехать на Очаг, в котором находились люди и ночевали там, то поднимаешься в гору. Тянигус длинным тянется, а потом пойдёт ровное место* (Кем. Юрг. Зел.). *Там тянигус. Всё поднимается вверх, вверх по дороге. Это у нас воишки горючее с Литвиновой возили, говорили: «Пока проедешь чёртов тянигус, лошади уморятся»* (Кем. Яшк. Полон.).

/ **в тянигус**. – *Она [гора] ровная, немного отлога. Там дорога немного в тянигус. Ста-ра дорога была, она как-то в подъём была* (Кем. Юрг. Томил). ~ Кем. – Юрг. (Асан. Зел. Томил.), Яшк. (Полон.).

ТЯНЬГУСТЫЙ, ая, ое. С затяжным подъёмом (о горе). – *Не бойся гору крутую, но короткую, а бойся гору пологую, но тянигустую* (Кем. Юрг. Зел.). ~ Кем. – Юрг. (Зел.).

УВАЛ, а, м. Пологий склон возвышенности. – *Увал – с одной стороны уклон. А если лог, с одной стороны покат и с другой стороны покат* (Кем. Яшк. Итк.). *Вот речушка проходит, называется Еловка, а от неё подъём высокий – это увал. Вот с Томи идёшь, берег обрывом идёт к воде, а если отлогое место – увал* (Кем. Юрг. Зел.). *От ровного места пойдёт низкое место. Это увал. Увал пологий. Косогор не так пологий. Увал может тянуться на километр* (Кем. Юрг. Зел.). *С бугра идёт склон – увал или косогор. Хоть как назови* (Кем. Юрг. Зел.). *Вот недалеко грива подходит к Чёрному болоту. Прилегающий к болоту склон называется увал. Пашню на ём пахали. Небольшой, гектар полсотни. Это, по-нашему, поло-*

гий склон (Кем. Юрг. Вар.). *Вот тут ровно место, а потом под уклон. Уклон пологий. Говорят всё увал. Уклон-то подходит к болоту. Вот тут косится* (Кем. Юрг. Вар.).

/ **УВАЛОМ**. – *У Никольской речки увалом. С той стороны круче, там лес, а с этой стороны положе. Здесь сено косим, скот пасётся. Вот здесь увал. Уклон такой есть. Увал есть за Линией. На Моховой есть по правой стороне* (Кем. Яшк. Полом.). ~ Кем. – Юрг. (Асан. Вар. Зел. Пятк.Томил.), Яшк. (Итк. Кул. Мох. Полом.).

УВАЛИСТЫЙ, ая, ое. Пологий (о склоне). – *Он лог не шибко глубокий, он увалистый. <...> Он не так шибко крутой. Можно на лошади небольшие копёшечки вывезти* (Кем. Яшк. Полом.). ~ Кем. – Яшк. (Полом.).

УПЁК, а, м. Сильно пригреваемое солнцем место; припёк. – *На самом упёке, потому что всё время солнце обогревает* (Кем. Юрг. Зел.). *Южная гора называется упёк. Гора, которая прилегает на юг. Южный склон или упёк, а северный назвать не можем упёк. У меня хлеб посеян на южном упёке, а на северном склоне хлеб хуже* (Кем. Юрг. Зел.). *Если в косо-горе на упёке трава растёт, она быстро выгорает* (Кем. Юрг. Зел.). *Вот за рекой утёсы, вот висячий камень. Он был навешен, его сорвали. Он крутой шибко, и утёсом называют. Как ты слез по упёку? У него его склоны с фигурами* (Кем. Юрг. Н-ром.). ~ Кем. – Юрг. (Зел. Н-ром.).

УРÓК, а, м. Объём работы, заданный для выполнения. – *Когда я был маленький, она говорила: «Тебе нажать три снопа – это урок». Или косили косами. Давайте скосим на урок и тогда будем отдыхать или обедать. И сейчас есть урок.* (Кем. Юрг. Зел.). *Сделаю себе урок. Восемь соток подгребу и закончу* (Кем. Юрг. Зел.). ~ Кем. – Юрг. (Зел.).

ХОЛСТЁННЫЙ, ая, ое. Изготовленный из холста. – *Всё ткали. Рубашки ткали, мужчины носили кальсоны. Всё же носили холстённое, носили и верхне ткано* (Кем. Крап. Крап.). ~ Кем. – Крап. (Крап.).

ЯРИЧНЫЙ, ая, ое. Приготовленный из зёрен ржи (ярицы). – *Ярица – дак мы раньше рожь так звали. Эта когда ярица намокнет в корыте, израстёт, помнёшь и в печку. Квас из него мешали. Кисель из той яричной муки делали* (Кем. Крап. Тар.). ~ Кем. – Крап. (Тар.).

Условные сокращения используемых географических названий:

Кем. – Кемеровская область: Крап. – Крапивинский р-н: Бар. – Барачаты, Берд. – Бердюгино, Берёз. – Берёзовка, Бор. – Борисово, Долг. – Долгополово, Зелен. – Зеленовка, Иван. – Ивановка, Крап. – Крапивино, Лен. – Ленинка, Макс. – Максимово, Межд. – Междугорка, Салт. – Салтымаково, Сар. – Сарапки, Тар. – Тараданово, Шев. – Шевели; **Юрг. – Юргинский р-н:** Ал. – Алаево, Асан. – Асаново, Вар. – Варюхино, Зел. – Зелеево, Н-ром. – Новороманово, Пятк. – Пятково, Томил. – Томилово; **Яшк. – Яшкинский р-н:** Итк. – Иткара, Кул. – Кулаково, Мох. – Мохово, Полом. – Поломошное, Солом. – Соломатово, С.Остр. – Сосновый Острог.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русские говоры Среднего Приобья / под ред. В.В. Палагиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. Ч. I. 208 с.
2. Вершининский словарь / гл. ред. О.И. Блинова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998-2002. Т. 1-7.

3. Областной словарь Кузбасса / под ред. Э.В. Васильевой. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2001. Вып. 1. А-Б. 394 с.
4. Полный словарь диалектной языковой личности / под ред. Е.В. Иванцовой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. Т.1. 356 с.
5. Словарь русских говоров Кузбасса / отв. ред. О.А. Любимова. Новосибирск: Новосибир. гос. пед. ин-т, 1976. 233 с.
6. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби / под ред. В.В. Палагиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1964-1967. Т. 1-3.
7. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби: дополнение / под ред. О.И. Блиновой, В.В. Палагиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1975. Ч. 1-2.
8. Среднеобский словарь / под ред. В.В. Палагиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983-1986. Ч. 1-2.
9. Лукьянова Н.А. // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. История. Филология. 2004. Т. 3. Вып. 1. С. 131–134. – Рец. на кн.: Областной словарь Кузбасса / под ред. Э.В. Васильевой. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2001. Вып. 1. А-Б. 394 с.

КИТАЙСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

И.Б. Кейдун

ТЕКСТ «ЛИ ЦЗИ» КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН КИТАЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В числе древних письменных памятников китайской цивилизации имеются три текста, в центре внимания которых находится *ли* – этикет, ритуал, обряд, церемония, правила поведения. *Ли* – одна из центральных категорий китайской философии и культуры. Речь идет о произведениях «*И ли*» (Образцовые церемонии и этико-ритуальные нормы), «*Чжоу ли*» (Этико-ритуальные нормы эпохи Чжоу), «*Ли цзи*» (Записки о ритуале).

Первые два по времени создания предшествовали «*Ли цзи*». «*И ли*» – сборник ритуальных правил и норм поведения, относящихся главным образом к периоду Чуньцю (8-5 вв. до н.э.). В «*И ли*» описано множество конкретных мелких ритуальных правил: траурные, свадебные, жертвоприношений, стрельбы из лука, надевания шапки, приглашения на службу и др. Этот текст был создан гораздо позже времени возникновения и распространения в обществе описанных в нем аристократических норм и ритуалов. Тем не менее, «*И ли*» заслужил огромное уважение к себе: он объединил достойные подражания мудрые установления далекого прошлого.

«*Чжоу ли*» – памятник, отличающийся по содержанию (а, значит, по целям и задачам, которые поставили перед собой его авторы) от одновременного с ним текста «*И ли*» и более позднего «*Ли цзи*». Составители «*Чжоу ли*» не были озабочены описанием конкретных ритуалов, они преследовали цель воссоздать схему функционирования чжоуской государственной системы. Текст «*Чжоу ли*» состоит из шести разделов – по числу основных подразделений государственного аппарата чжоуской эпохи. Каждый раздел описывает функции соответствующих административных подразделений с их штатом чиновников, принимая попытку охарактеризовать идеальную политическую систему.

Третий по времени создания текст о ритуале, но важнейший по месту, занимаемому им в китайской культуре – трактат «Ли цзи».

«Ли цзи» был создан гораздо позднее, чем «И ли» и «Чжоу ли», а именно – в 1 в. до н.э. Время создания памятника наложило отпечаток и на его идеологическую окраску. По своей доктринальной сути все три памятника являются конфуцианскими. Но конфуцианство, заложенное в «И ли» и «Чжоу ли», и конфуцианство, которое читается в «Ли цзи», совершенно различны. Конфуцианство «Ли цзи» – это позднее, ханьское, имперское конфуцианство. Конфуцианство этой эпохи призвано было занять место идеологической основы ханьской империи. Оно впитало в себя многое из других (порой соперничавших с конфуцианством) идеологических учений.

Также и «Ли цзи»: заимствовав многое, например, из даосизма, легизма, памятник, тем не менее излагает фундаментальные основы конфуцианства. Текст, составленный ханьскими учеными, был сразу высоко оценен официальной наукой. «Ли цзи» был включен в состав конфуцианского канона – ограниченный круг основополагающих памятников конфуцианского учения. Включение в состав конфуцианской классики повлекло за собой соответствующие последствия: текст заботливо сохранялся, подробнее комментировался, заучивался наизусть, был предметом многочисленных ссылок и цитирований.

Текст «Ли цзи» занимает в китайской культуре важное место. Сам термин *ли*, включенный в название памятника, входит в число не только важнейших конфуцианских категорий, но и в число важнейших категорий китайской культуры.

Понятие *ли* появилось в китайской культуре еще в глубокой древности и первоначально обобщило в себе формы взаимоотношения людей с сакральной сферой. Этимологическое значение *ли* – культовое действие с сосудом. Начертание иероглифа *ли* роднит его с онтологическим понятием *ти* (тело, строй, сущность, субстанция) – графическую основу обоих иероглифов составляет изображение ритуального сосуда. Их этимологическое родство во многом предопределило и онтологизацию понятия *ли*, которое стало мыслиться как выражение важнейшего фактора не только культуросозидания, но и космоупорядочения. До середины 1 тыс. до н.э. воздействие *ли* считалось основывающимся на религиозном ритуале, а впоследствии звучание *ли* больше перетекло в сферу этического толкования.

Конфуцианцы очень точно вписали *ли* в ряд основных идеологических терминов своего учения и прочно сплели их друг с другом: человек при помощи *ли* стремится стать *цзюнь-цзы* – *цзюнь-цзы* стремится обрести гуманность/человечность *жэнь* – *жэнь* достигается опять-таки с помощью *ли*.

Исполнение *ли* (в любом его понимании) было исключительно важным для древнего китайца: это уравнивало мир, наполняло его гармонией – тем, к чему должно стремиться все сущее. Поэтому так важно было зафиксировать письменно выработанные временем нормы *ли*.

Эту цель и преследовало составление «Ли цзи»: собрать воедино древние разрозненные записи, расписывающие подробно нормы достойного поведения *ли*, чтобы показать способы, которыми прежде достигалась гармония в Поднебесной.

Складывание «Ли цзи» как единого текста относится к 1 в. до н.э. Заслуга в оформлении памятника принадлежит ханьскому ученому Дай Шэну. Дальнейшая (после Дай Шэна)

история трактата связана лишь с подготовкой разного рода комментариев и воспроизведением текста в различных редакциях, которых за время существования «Ли цзи» было подготовлено большое количество.

Составители памятника собрали материалы, принадлежавшие различным временным эпохам и разным авторам. В силу этого многим исследователям трактат представлялся и представляется хаотичным набором разнородных записей, который не имеет никакой внутренней логической структуры. Однако при внимательном изучении представляется совершенно очевидным, что в построении всего памятника присутствует логика. Подтверждением тому служат данные, полученные в результате использования простейших приемов текстологического анализа памятника. Трактат состоит из 49 глав. Общая тенденция построения трактата такова: снижение объема глав к концу памятника. То есть самые крупные разделы находятся в начале или середине памятника, а самые мелкие – в конце. Важнейшими разделами (то есть самыми крупными по объему) оказываются главы, имеющие самостоятельное, отвлеченное, даже философское звучание (Чжун юн, Да сюэ), то есть отнюдь не те разделы, которые посвящены описанию конкретных ритуалов.

Роспись конкретных обрядов для составителей книги «Ли цзи» являлась не главной задачей (или, по крайней мере, не самой главной). Следовательно, задачей являлось нечто другое. Задача, стоявшая перед составителями «Ли цзи» – не научить конкретным ритуалам (многие из них были настолько детализированы, сложны и неправдоподобно уточнены, что кажется весьма сомнительной возможность безукоризненного следования им), а представить обществу (настоящему и будущему) эталон функционирования социальных отношений с помощью наполнения *ли* (одной из основ нормальной жизнедеятельности конфуцианской монархии) надлежащим содержанием. Следует отметить, что в тексте «Ли цзи» присутствуют все моменты из перечисленных выше: образцы социальных отношений, философское содержание *ли*, значение и роль *ли* в жизни конкретного человека и всего общества, принципы организации государства, основанного на конфуцианских постулатах, структура аппарата власти, искусство администрации и др.

Исходя из того, что самыми крупными (а значит, и самыми важными) в тексте являются главы философского содержания, на наш взгляд, несправедливым является называть «Ли цзи» обрядником, как это иногда делается в исследовательской литературе. Для данного памятника подобное замечание поверхностно.

Актуальность дальнейшего изучения «Ли цзи» несомненна. «Ли цзи», наряду с такими памятниками, как «Шу цзин» «Цзо чжуань», принадлежит к числу важнейших, но все еще малоизученных китайских классических текстов. Без обращения к тексту «Ли цзи» вряд ли можно говорить о всестороннем изучении конфуцианства, социальных норм и религиозной жизни традиционного Китая.

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕГРАЦИИ БУКВЕННЫХ СЛОВ В КИТАЙСКУЮ ЯЗЫКОВУЮ СИСТЕМУ

Современные языки являются результатом целого ряда внутриязыковых и внеязыковых изменений. Во многих отечественных и зарубежных работах лингвистов по истории языка говорится о вариативности и динамизме языковых изменений. Динамическая сущность языка проявляется в определенных законах фонетической, лексической и грамматической вариативности в каждом конкретном языке. Реальные механизмы языковых изменений определяются как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами.

В современном китайском языке в настоящее время заметно усилилась тенденция к употреблению абсолютно нового типа лексики – буквенных слов «цзымуцы» (字母词 *zìmǔcí* в китайской терминологии). Буквенные слова и аббревиатуры представлены тремя основными видами: во-первых, это заимствованные английские аббревиатуры или англицизмы; во-вторых, китайские инициальные аббревиатуры или сокращенные слова от фонетической транскрипции китайского языка; в-третьих, так называемые «слова-метисы» (混血儿 *húnxuér* в китайской терминологии), представляющие собой синтез двух языковых систем, которые состоят из иероглифической морфемы китайского языка и букв латинского алфавита. Буквенные слова проникли во все функциональные стили китайского языка: в разговорно-бытовой, публицистический, научный. Многообразие типов буквенных слов, многообразие способов и механизмов интеграции буквенных элементов в систему китайского языка, активное образование буквенных аббревиатур в самом китайском языке позволяют выделить буквенные слова в отдельный вид современной китайской лексики.

Несомненно, возникновение нового пласта лексики не может не влиять на языковые процессы в целом. Интеграция буквенных слов в китайскую языковую систему носит двуправленный характер: с одной стороны происходит воздействие китайского языка на заимствуемые буквенные единицы в пределах своих фонетической и грамматической систем, обеспечивающее их адаптацию к этим системам; с другой стороны, массовое проникновение буквенных элементов вызывает интерференционные преобразования на разных уровнях китайской языковой системы.

Экспериментально было отмечено, что процессы **фонетического освоения** буквенной лексики носителями китайского языка демонстрируют господствующее положение произносительных норм китайского языка.

Все слоги в буквенных словах «цзымуцы» тонируются китайскими носителями аналогично тонированию каждой иероглифической морфемы. В этом наиболее ярко проявляется воздействие китайского языка на заимствованные единицы в рамках собственной фонетической системы. При тонировании слогов заимствуемых буквенных слов были задействованы все тоны китайского языка. В редких случаях слогу в том или ином буквенном сочетании приписывали нулевой (нейтральный, облегченный) тон.

При рассмотрении особенностей прочтения собственно китайских буквенных аббревиатур выделено три способа прочтения:

а) в соответствии с китайским прочтением слогов полных китайских слов, например: GG = 哥哥 gēgē «старший брат»; RPWT = 人品问题 rén pǐn wèn tí «неудача (с вмешательством нечистой силы), необъяснимый провал»;

б) в соответствии с английскими названиями букв аббревиатуры, т. е. слогами английского языка: HSK (汉语水平考试 Hànyǔ shuǐpíng kǎoshì «экзамен на знание китайского языка») как [eɪtS] – [es] – [kei];

в) чтение некоторых пиньинь-аббревиатур колеблется: LG = 1) 旅馆 lǚguǎn «гостиничный», 2) 老公 lǎogōng «муж»;

Таким образом, в связи с появлением лексики буквенного типа внутри самого китайского языка, можно сделать вывод о расширении его фонетических возможностей.

Лексико-семантическая интеграция буквенных слов в китайский язык проявляется в сочетаемости «цзымуцы» с китайскими классификаторами.

При сочетании с китайскими классификаторами заимствованные буквенные слова распределяются по лексико-семантическим классам, получая своеобразную «прописку» в системе китайской лексики, определяющую их функциональные возможности. В китайском языке все классификаторы делятся на две группы: те, которые обозначают одушевлённые предметы и те, которые обозначают неодушевлённые понятия. Безусловное большинство буквенных заимствований функционирует в привязке к наиболее распространённому в китайском языке классификатору 个 gè с общим значением предметности. В то же время распространено употребление буквенных слов с другими классификаторами более узкого значения, например:

他收到了一封 SMS

«Он получил одно короткое сообщение (SMS) по сотовой связи» (где 封 fēng – счётное слово для писем);

第一台 VCD 诞生在中国

«Первый компактный видеодиск (VCD = video compact disk) был выпущен в Китае» (台 tái - счётное слово для плоских предметов).

Приведем пример употребления классификатора для лиц одушевлённых:

450 位 CEO 之间

«Среди 450-ти служащих старшего звена (Chief Executive Officer)» (где 位 wèi – счётное слово для людей).

Результатом морфологической интеграции буквенных элементов в **китайскую грамматическую систему** является образование сложных и производных слов-метисов, сочетающих в своём составе буквенный и иероглифический компоненты.

Образование подобной лексики происходит за счёт использования трёх основных словообразовательных способов китайского языка: а) с использованием аффиксации и полуаффиксации, б) путём словосложения по основным словообразовательным моделям китайского языка, когда к буквенным словам присоединяются китайские иероглифические компоненты, в) за счёт конверсии.

а) Аффиксация/полуаффиксация:

e化 = «электронизация» (e = electronic «электронный», *кит.* суффикс **化** huà «-изация»);

TV族 = «поколение людей, выросших уже после создания телевидения» (TV = television «телевидение», *кит.* полусуффикс **族** zú «род, группа»);

R界 = сфера так называемых «ролевых» компьютерных игр (R = role «роль», *кит.* полусуффикс **界** jiè «мир, общество, среда»).

б) Словосложение:

Выявлено две основные модели образования сложных слов-метисов: копулятивная (соединение равноправных синонимичных основ) и атрибутивная (определятельная).

1) В образовании сложных слов-метисов с копулятивной связью компонентов участвуют только аббревирированные буквенные образования, к которым присоединяется китайский иероглифический компонент – синоним. Китайский компонент, как правило, «дублирует» значение только основного компонента аббревиатуры – ключевого по значению. Таким образом, в сложных словах этого типа, в отличие от классической модели, происходит соединение *частично* синонимичных основ, в языке формируется новый вид копулятивной модели:

API指数 = Air Pollution Index «показатель степени загрязнения воздуха», где *кит.* **指数** zhǐshù «показатель» дублирует *англ.* index «показатель».

HSK考试 = 汉语水平考试 hànǔ shuǐpíng kǎoshì «экзамен по китайскому языку», где **考试** kǎoshì «экзамен» дублирует значение «К» в аббревиатуре.

Иероглифический компонент в некоторых сложных словах, построенных по копулятивной модели, не является обязательным, поскольку в некоторых случаях аббревиатуры могут функционировать в языке без китайского слова-синонима.

2) В атрибутивной модели, так же как и в копулятивной, иероглифический компонент занимает позицию определяемого компонента, однако присутствие иероглифического компонента в атрибутивной модели слова-метиса является обязательным:

N股 «акции нового выпуска» = new share «новая доля» + **股** gǔ «акции»;

DVD机 = проигрыватель DVD = DVD (digital video disk «цифровой видео-диск») + **机** jī «механизм, устройство»;

Q版 «форум в Интернете» = Question «вопрос» + **版** bǎn «полоса, страница»;

call台 tái «телефонный центр (в гостинице, крупной компании)» = to call «звонить» + **台** tái «возвышение, стойка, трибуна, прилавок».

Помимо двухкомпонентных сложных слов-метисов, построенных по атрибутивной модели, в китайском языке образуются усложнённые структуры с добавлением иероглифического компонента – числительного, либо полуаффикса. При этом числительное выступает в качестве определения к буквенному компоненту:

三系统 «система общественной поддержки» = 三 sān «три» + “S” society support system «система поддержки общества» + **系统** xìtǒng «система».

后PC时代 «пост-компьютерная эпоха» = 后 hòu «пост-» + PC personal computer «персональный компьютер» + **时代** shídài «эпоха».

в) Конверсия затрагивает как аббревирированные, так и полные буквенные заимствования. В случае конверсии буквенные аббревиатуры переходят в разряд глаголов.

Буквенные глаголы, образованные по конверсии или заимствованные в полном написании, демонстрируют способность употребляться с китайскими показателями однократности действия (一下 yíxià, 一次 yíci) и китайскими видовременными суффиксами, например:

昨夜他们卡拉OK了一次

«вчера они попели караоке» («караоке», употреблённое здесь в глагольном значении, оформлено видовременным суффиксом 了 le – показателем перфектности; 一次 yíci «один раз, разок» - показатель однократности действия);

Словоизменение у буквенных имён существительных представлено формами числа. Показателями единичности выступают классификаторы (см. выше), форма множественности образуется у буквенных имён существительных, обозначающих одушевлённых лиц, с помощью китайского суффикса 们 men:

PR们 = PR (Public Relations «[специалист] по связям с общественностью») + 们 men. Ср. рус. «пиарщики»;

star们 = star «звезда (о человеке), знаменитость» + 们 men = «звёзды»;

При рассмотрении особенностей **морфологической интеграции исконно китайских пиньинь-аббревиатур** выявлено, что, в отличие от буквенных заимствований, пиньинь-аббревиатуры в китайском языке не оформляются словоизменительными аффиксами и не образуют по конверсии слов иной частеречной принадлежности. В то же время пиньинь-аббревиатуры участвуют в словосложении, образуя сложные слова-метисы по словообразовательным моделям китайского языка:

а) по копулятивной именной модели:

HSK考试 = Han⁴yu³ Shui³ping² Kao³shi⁴ «государственный экзамен по китайскому языку», где 考试 kao³shi⁴ «экзамен» дублирует значение «К» kao³shi⁴ в аббревиатуре.

б) по атрибутивной именной модели:

GBK码 = китайская аббревиатура 国家标准扩展码 guo²jia¹ biao¹zhun³ kuo⁴zhan³ «государственный расширенный кодифицированный» + 码 ma³ «набор» = «расширенный кодифицированный набор иероглифических знаков (около 20 тысяч иероглифов)».

Постоянное расширение сферы функционирования буквенных слов связано не только с освоением заимствований буквенного типа, в ходе которого носители китайского языка приобретают представление об альтернативной, неиероглифической, форме записи слова, но и с развитием форм собственно китайских буквенных образований на основе фонетической азбуки пиньинь.

Несмотря на изначальную чуждость для китайского языка материальной (алфавитной) природы буквенных слов, это явление в значительной степени адаптировано к типологическим нормам китайского языка, отвечая в целом требованиям слоговости, морфологической значимости слогаделения и тонирования.

Основным следствием интеграции буквенных слов в китайскую языковую систему является расширение формо- и словообразовательных, фонетических, графических возможностей китайского языка в результате интерференционных преобразований на соответствующих уровнях его системы.

Проникновение и активное употребление в китайском языке слогов с несвойственной ему структурной организацией можно считать показателем новых фонетических процессов

в языке. Сообразуясь с новым языковым материалом, который дают нам буквенные образования, необходимо признать, что вместе с новыми понятиями, которые эти единицы обозначают, в китайском языке появляются новые звуки и их возможные комбинации.

Активное участие буквенных компонентов в формо- и словообразовательных процессах является наглядным свидетельством способности буквенных элементов наряду с исконно китайскими единицами участвовать в процессах формо- и словообразования, приобретая статус собственно китайских слов за счёт использования формо- и словообразовательных средств самого китайского языка.

Основным следствием закрепления буквенных элементов в иероглифической среде является синтез двух графических систем – образование слов-метисов, объединяющих в своём составе буквенные и иероглифические компоненты.

Очевидно, что проникновение новых заимствованных буквенных слов в китайский язык будет усиливать интерференционное воздействие английского языка на китайский в процессе их взаимодействия. Вместе с тем оформившиеся на сегодняшний день механизмы интеграции буквенных образований в китайский языковой строй свидетельствуют в пользу неизменно действующей доминирующей роли типологических свойств китайского языка при определённом интерференционном воздействии на него со стороны буквенных элементов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хаматова А.А. Словообразование современного китайского языка. М.: Муравей, 2003.
2. Сухина Ю.С. Характер иностранной лексики в современном китайском языке // Вестник АмГУ. Благовещенск, 2006.С. 47-49.
3. Маркина К.А. Особенности фонологической интерференции заимствованных буквенных слов в современном китайском языке // Известия РАН. Серия литературы и языка, 2006. Т.65. №6. С. 45-48.
4. Словарь буквенных сокращений. 字母词典 刘涌泉编著。——上海: 上海辞书出版社, 2001.

А.В. Шатравка

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА КИТАЙСКИХ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ КИТАЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЛАО ШЭ)

Имена собственные и названия составляют значительную часть словарного состава любого языка. Они по-своему отражают исторические, культурные и этнографические особенности той страны, которой они принадлежат. Проблема адекватной передачи имен собственных при переводе является актуальной задачей переводоведения. С расширением межэтнических контактов роль перевода постоянно растет, а искусство перевода совершенствуется. Повысились требования и к литературным переводам. Ушло в прошлое узаконенное своеволие переводчиков-литераторов, позволяющих себе менять при переводе имена действующих лиц или место действия, «исправлять» и «улучшать» переводимого автора, дописывать за него значительные отрезки текста. От переводчика стали требовать адекватного воспроизведения содержания и индивидуально-авторского стиля оригинала.

Однако в современных печатных средствах массовой информации и репортажах информационных агентств очень часто можно встретить фамилии китайских политических и общественных деятелей, которые с ошибкой переданы на русский язык. Нормы традиционной русской транскрипции (ТРТ), под которой понимается система записи китайских слов в русском тексте буквами русского алфавита, впервые были представлены Н.Я. Бичуриным в первой грамматике китайского языка (1838 г.). В дальнейшем были предприняты попытки реформы данной системы, связанные, прежде всего, с реформой орфографии 1917-1918 гг. ТРТ представлена в изданиях «Китайско-русского словаря» под редакцией И.М. Ошанина (1955 г. и др.), а также в заголовочной части всех словарных статей «Большого китайско-русского словаря» в 4-х томах (1983-1984 гг.). Система записи китайских слов русской транскрипцией дается и в других китайско-русских словарях [3, с. 721]. На наш взгляд, подобные ошибки не позволительны даже непрофессионалам. Переводчики, которые допускают ошибки в транскрибировании китайских имен, проявляют тем самым небрежность к переводу и неуважительное отношение к нормам и особенностям традиционной китайской культуры.

В настоящее время все актуальнее и острее стоит вопрос о качестве современной китайской литературы, переводимой на русский язык. Опросы и отзывы русских читателей показали, что не все китайские литературные произведения, переведенные на русский язык, хорошо воспринимаются рецепторами переводящего языка. Здесь речь идет не о содержательной стороне романа, повести, рассказа. Произведения классиков китайской литературы знакомят читателя с совершенно другой культурой и языком, об особенностях которого неподготовленный читатель практически ничего не знает. Проблем, связанных с восприятием и переводом китайских литературных произведений, очень много, но мы остановимся лишь на тех, которые имеют отношение к именам собственным.

Прежде всего при выборе имени читатель руководствуется названием произведения. Задача переводчика – перевести название так, чтобы оно «работало» на европейского читателя, на европейский менталитет. Возможно, книги так и остались бы стоять на полке, если бы они назывались «Сян-цзы – верблюд», «Двое Ма», «Черный и Белый Ли». Под этими переводами скрываются выдающиеся произведения классиков китайской литературы 20 в. – Лао Шэ («**骆驼祥子**» (1936 г.), «**二马**» (1929 г.), «**黑白李**» (1933 г.). Благодаря переводам Е.И. Рождественской-Молчановой, которая занимается творчеством Лао Шэ, у читателей была возможность познакомиться с его лучшими произведениями. На наш взгляд, она удачно перевела название романа «**骆驼祥子**» как «Рикша» и название рассказа «**黑白李**» – «Братья». Особую сложность для перевода представлял роман «**二马**», созданный Лао Шэ в лондонский период (впервые роман был опубликован в журнале "Сяошо юэбао"). Во всех библиографических справочниках вплоть до 1988 г. название романа переводили как «Двое Ма». Действие романа происходит в Лондоне и описывает конфликт поколений. В нем два главных действующих лица – отец и сын по фамилии Ма. В 1988 г. роман был переведен В.И. Семановым, который на основе содержания романа предложил свою версию названия: «Двое в Лондоне». На русский язык не был переведен рассказ Лао Шэ «Дин» (1936 г.), главным героем которого является молодой человек по фамилии Дин. В данном случае мы также сталки-

ваемся с проблемой как переводить или не переводить вообще имя собственное в названии произведения.

Подобную ситуацию мы наблюдаем и тогда, когда речь идет о литературных произведениях, в названии которых есть топонимы. Название пьесы Лао Шэ «龙须沟» (1950 г.) в библиографических справочниках по литературе переводили как «Канава Драконов ус», «Канал Драконов ус» и др. Наиболее удачным вариантом перевода можно считать «Канава Лунсуюгоу». Лунсуюгоу – зловонная канава в Пекине, у которой живет трудолюбивый, скромный народ. Однако в китайском языке есть топонимы, которые хорошо известны европейским читателям. Так, например, название романа современной китайской писательницы Вэй Хуэй «上海宝贝» (1999 г.) было переведено на русский язык как «Крошка из Шанхая».

Другая проблема связана с восприятием европейским читателем имен собственных в произведениях китайских авторов, поскольку структура собственного имени в китайском языке отличается от принятой в европейской традиции. У китайцев существует строгий порядок очередности фамилии и имени. Сначала называется фамилия, состоящая чаще из одного иероглифа, а затем имя из одного – двух иероглифов. Отчество не употребляется, в то время как у русских и некоторых других народов система именования является триединой – личное имя, отчество и фамилия.

Фамилия обычно стоит на первом месте перед личным именем, вторым именем, уменьшительным именем, прозвищем, псевдонимом и т.д., которые пишутся отдельно от нее. Личные имена в основном двусложные, реже – односложные. Имена всегда пишутся с прописной буквы. С 1979 г. вслед за стандартизацией написания китайских собственных имен в китайском фонетическом алфавите и в изданиях на русском языке стали писать двусложные имена не через дефис, как было принято ранее, а слитно. Это вызвало некоторые трудности и разнобой в китаеведной литературе. Слитное написание китайских личных имен, состоящих из двух слогов, упрощает их передачу в традиционной русской транскрипции [1, с. 49]. Рассмотрим некоторые случаи имен собственных:

– односложная фамилия + односложное имя – Ду Фу 杜甫 (712–770 гг.); сюда же относятся псевдонимы, напоминающие эту конструкцию – Лао Шэ 老舍 (1899–1966 гг.) (псевдоним, настоящая фамилия и имя – Шу Шэюй 舒舍予);

– двусложная фамилия + односложное имя – Сыма Цянь 司马迁 (145–87 гг. до н.э.), Чжугэ Лян 诸葛亮 (181–234 гг. до н.э.);

– односложная фамилия + двусложное имя – Чжан Сяосян 张孝祥 (1132–1170 гг.), Чжоу Либо 周立波 (1908–1979 гг.); Тао Юаньмин 陶渊明 (365–427 гг.);

– двусложная фамилия + двусложное имя – Сыма Сянжу 司马相如 (179–118 гг. до н.э.) [1, с. 48–49].

Переводчику необходимо, учитывая особенности структуры китайского имени, правильно донести до рецептора переводящего языка имена действующих лиц.

Кроме того, трудности возникают и при переводе имен собственных. Во-первых, это связано с присоединением к имени собственному терминов родства. Как известно, традиционная система родства в Китае структурирована гораздо более подробно, чем у европейцев. Например, 叔叔 «младший брат отца», 婶母 «жена младшего брата отца», 表妹 «младшая дво-

юродная сестра по матери», 堂兄 «старший двоюродный брат по отцу» и т.д. Для перевода такая подробная классификация неудобна, поэтому можно использовать обобщенные термины родства, не конкретизируя их. Например: 叔叔 «дядя», 婶母 «тетя», 表妹 «(двоюродная) сестра», 堂兄 «(двоюродный) брат».

Для различных сфер общественной жизни характерны разные формы именования и обращения, отнюдь не всегда совпадающие с полной антропонимической моделью. В семье старшие именуют младших по индивидуальному имени. Называть по имени старших родственников считается невежливым, поэтому как при упоминании о старшем родственнике, так и при непосредственном обращении к нему китаец употребляет вместо индивидуального имени соответствующий термин родства. Особенностью китайской системы именования является то, что к термину родства в этом случае добавляется обозначение относительного возраста именуемого лица в пределах его поколения. Отсюда такие типичные для Китая формы обращения, как 三哥 «третий братец», 六姑 «шестая тетушка», в которых префикс 第 di не употребляется [1, с. 49].

Во-вторых, авторы произведений часто перед фамилией используют прилагательные 老 «лао», 小 «сяо», указывая на почтительное отношение говорящего к собеседнику. Такие приставки пишутся отдельно от фамилии и со строчной буквы: сяо Ли 小李 «молодой Ли», лао Ван 老王 «старина Ван». Например, в лондонский период Лао Шэ создает роман «老张的哲学», который переводили по-разному: «Философия почтенного Чжана» (1926 г.) и «Философия Чжана». Слова-обращения 老老, 老老, 老老 老人 «старец, господин, почтенный», присоединяясь к фамилии перед ней или после нее, употребляются по отношению к почтенным лицам мужского пола и пишутся отдельно: 老王 лао Ван «почтенный Ван», 张老 Чжан лао «старина Чжан», 姜老人 Цзян лаожэнь «старец Цзян», 李大爷 Ли дае «дедушка Ли».

Учитывая эти особенности китайских имен собственных, при переводе оригинала переводчик должен ввести в перевод уточнение или пояснение, которое поможет рецептору переводящего языка правильно понять значение имени собственного. Рассмотрим пример из рассказа Лао Шэ «Братья» (перевод Е.И. Рождественской-Молчановой). Главные герои рассказа – братья Ли. Автор называет их школьными прозвищами 黑李 и 白李, которые переведены как Ли Черный и Ли Белый. На наш взгляд, таким образом переводчик акцентирует внимание читателя на содержательной стороне имен героев. Обратимся к переводу: «Братья были разными, как и их прозвища. Если Ли Черный принадлежал к старшему поколению, то Ли Белый был вполне современным человеком. Но споры и раздоры между братьями происходили не из-за этого. Они разнились убеждениями. Ли Черный вовсе не был черным. Его называли так потому, что над левой бровью у него виднелось большое черное родимое пятно. Младший брат не имел такой приметы и, в отличие от старшего, его называли Белым» [2, с. 97]. Кроме того, Лао Шэ в рассказе называет младшего брата Лао-сы. Читателю, незнакомому с особенностями китайской системы родства и связанными с ней именами собственными, в тексте оригинала и перевода дается уточнение. Пример из текста: «А я уступил ее Лао-сы, – обратился он ко мне и засмеялся» (ссылка: По старшинству Ли Белый считался четвертым братом (Лао-сы), потому что были еще братья со стороны дяди по отцу) [2, с. 98].

И, наконец, другая проблема возникает из-за отсутствия гендерного маркера в китайских именах. Женские имена в современном китайском языке внешне ничем не отличаются от мужских. Их можно различить только по смыслу входящих в них компонентов или в контексте. Обычно для имени подбираются один или два иероглифа, значение которых в мужском имени символизирует силу, ум, мужество и т.д., а в женском имени – красоту, счастье и т.д. В женских именах чаще встречается название цветов, бабочек, птиц, драгоценных камней. Правописание мужских и женских имен в традиционной русской транскрипции совпадает [1, с. 52]. Переводчик может руководствоваться личными местоимениями 3-го лица «он» и «она», графическое начертание которых различается.

Мы лишь коротко остановились на проблемах восприятия и перевода китайских имен собственных в произведениях современных китайских писателей. Основная задача переводчика – создать текст, который будет тождественен оригиналу в содержательном, структурном и функциональном отношениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Концевич Л.Р. Китайские имена собственные и термины в русском тексте (Пособие по транскрипции). М.: Муравей, 2002.
2. Лао Шэ. Братья (пер. Е. Рождественской) // Рассказы, пьесы, статьи. М.: Художественная литература, 1956.

НАУЧНЫЕ ПРОЕКТЫ

Л.М. Шипановская

О ПРОЕКТЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ МОНОГРАФИИ «ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ПРИАМУРЬЯ», ПОСВЯЩЕННОЙ ПРОБЛЕМАМ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Как справедливо замечал В.А. Звегинцев, «язык образует главный компонент той среды, вне которой невозможны все виды интеллектуальной и духовной деятельности человека» [1, с. 206].

Материал задуманной монографии не может претендовать на полное отражение того, что составляет понятие региональная лингвистика. Это отдельные фрагменты, которые в совокупности могут дать представление о состоянии лингвистики в отдельно взятом регионе России – Приамурье.

Содержание монографии обусловлено направлениями научной деятельности кафедр русского языка Амурского государственного университета и Благовещенского государственного педагогического университета, которые исследуют особенности региональной языковой культуры, языковой истории региона, проблемы межъязыковых контактов, ономастических систем, говоров и городского просторечия; занимаются сбором региональных материалов для словарей разных типов и т.д.

Направления в исследовании региональной лингвистики в Приамурье в целом сходны с аналогичными направлениями других территорий. По данным сайтов Интернета, практиче-

ски во всех регионах России, где есть профессиональные кадры, имеются научно-исследовательские лаборатории, занимающиеся изучением проблем региональной лингвистики. У многих из них уже накоплен большой опыт и собран богатейший материал, изданы монографии, хрестоматии, энциклопедии, словари, учебные пособия, лингвистические карты и атласы. Назовем некоторые известные центры: крупнейший региональный лингвистический центр Сибири (г. Красноярск), лаборатория «Региональные лингвистические исследования в Забайкалье» (г. Чита), научно-исследовательская лаборатория «Лингвистическое краеведение Забайкалья» (г. Чита), центры региональной лингвистики в Тюмени, Томске, Волгограде, Перми, Магадане, Улан-Удэ и др. городах России.

Накопленный опыт и материал требуют обобщения и создания комплексных монографий, энциклопедий, в которых, как в зеркале, отразится языковое своеобразие того или иного региона. В частности, примером может служить сборник научных статей «Крайний Северо-Восток в зеркале региональной лингвистики» (под ред. А.А. Соколянского), который вышел в Магадане в 2008 г. [2]

Видимо, пришло время и для издания монографии о региональной лингвистике в Приамурье. Пусть она отразит переходное состояние, границы описываемого объекта, темы, идеи, методы, используемые в конкретных лингвистических исследованиях. Словом, данная монография должна, по нашему убеждению, отразить современное состояние лингвистических исследований Приамурья.

К этому нас всех подвигает наметившаяся в отечественной и зарубежной лингвистике тенденция изучения культурной среды, культурного наследия прошлого, языка конкретной территории. Сфера исследовательских интересов в лингвистике сместилась в конкретную среду благодаря смене научной парадигмы и развитию антропологического направления в языкознании. Описание языковой картины мира становится центральной темой многих исследований. Каждая отражает тот или иной способ восприятия мира. Для воссоздания ЯКМ особенно важны данные конкретного языка, конкретной территории, конкретной языковой личности. Благодаря таким региональным исследованиям рождается образ конкретного языка, конкретное представление о том, что существуют разные способы видения мира, что, в частности, выражено в русской пословице *что ни город, то норы*.

Таким образом, региональные описания языка становятся приметой нашего времени.

Главная идея монографии, на наш взгляд, должна заключаться в том, чтобы дать описание языка региона, сочетающегося с конкретной этнической историей его носителей, и ответить на вопросы: в каких формах существования представлен язык Приамурья, в каких именно подсистемах, в чем их особенность, как эти подсистемы отражают представления об окружающем мире, каков этот мир был в прошлом и каковым он является в настоящее время?

Одним из вариантов такого описания может быть описание, представленное по образцу схемы, выработанной Н.И. Толстым, который «рассматривал культуру в четырех срезах – элитарном, деревенском, городском, профессиональном» [3]. Эти культурные срезы хорошо коррелируют с языковыми: литературный язык, диалекты и говоры, просторечие, арго. Видение мира определенной социальной группой обусловлено её культурой: одни и те же явления окружающей действительности по-разному воспринимаются и интерпретируются раз-

личными группами и, как оказывается, по-разному представлены на разных территориях, поэтому все эти факторы и должны учитываться при описании состояния языковых подсистем, языковых процессов, языковых особенностей того или иного региона.

В лингвистическом отношении Приамурье как культурно-исторический ареал, складывавшийся в течение последних более чем 150 лет, в настоящее время характеризуется распространением русского языка. Но лингвистическая ситуация в Приамурье менялась и меняется под воздействием различных внешних факторов, под воздействием общей специфики жизни отдаленного от центра России региона. Языковые процессы, имевшие и имеющие место в Приамурье, с одной стороны, специфичны и ограничены этой территорией, а с другой стороны, они типичны в целом для многих территорий России, на которых происходят идентичные или схожие социально-языковые процессы.

Таким образом, «внутреннее описание» лингвистических явлений Приамурья, однако, не означает, что описываемые региональные явления даются вне сопоставления с аналогичными явлениями других территорий. Задача коллективной монографии, на наш взгляд, заключается и в том, чтобы описать специфику языковых явлений, языковой ситуации региона на фоне аналогичных явлений других регионов и вписать эту специфику в более глобальную систему, попытаться объяснить закономерности территориальной языковой специфики с учетом внешних факторов, данных истории, этнографии, географии, психологии, социологии и др.

Сопоставление – один из основных методов в региональных исследованиях. По мнению многих исследователей, «разрабатывая параметры, критерии сопоставления отдельных регионов, находя общее и специфичное в территориальном развитии, регионоведение (в данном случае – лингвистическое) стремится изучить логику процессов, разворачивающихся в пространстве» [4, с.13]. Таким образом, можно считать, что коллективная монография, с одной стороны, отразит состояние региональной лингвистики, и в то же время будет являться частью комплексных региональных исследований, посвященных Приамурью, и должна вписываться в круг этих исследований.

Задачи настоящей монографии обуславливают ее содержание. В первом разделе целесообразно представить **своеобразие языковой ситуации региона в диахроническом и синхронном аспектах.**

Здесь возможна разработка следующих вопросов:

1. Геополитические условия региона и их связь с языковой ситуацией.
2. Заселение Приамурья, его специфика и отражение социально-исторических процессов в языковой ситуации.
3. Соотношение пришлого (славянского) населения с аборигенами края. Коммуникативная мощь, демографические признаки, социальный престиж, законодательный характер и т.д. пришлого языка (языков) и языков аборигенов; особые условия для развития и распространения русского языка, отсутствие таких условий для языков аборигенов края.
4. Роль демографического и социального факторов в динамике языковой ситуации в Приамурье. Нивелировка этнического и языкового своеобразия в советскую эпоху; утрата диалектных различий, местных языков, других традиционных средств общения.

5. Ассимилятивные процессы в говорах с русским, украинским, белорусским населением.

6. Положение и статус языка аборигенного населения.

7. Контактные языки в Приамурье.

Разработка данных вопросов позволит комплексно описать языковую ситуацию в регионе в разные периоды времени, выделить количественные и качественные признаки языковой ситуации, охарактеризовать их типы и т.д.

Примерные темы в монографии по этому разделу.

1. Главные вехи в заселении Приамурья (XVII в., середина 19 – начало XX вв., переселение на Дальний Восток в советское время, отток населения в 90-е гг. XX – начала XXI в.).

2. Говоры Приамурья. Из истории изучения говоров Приамурья.

3. Характеристика говора «первого» населенного пункта Приамурья: село Албазино и его говоры.

4. Лексикографическое изучение говоров Приамурья и «амурского» просторечия.

5. Источниковедческая база региональной лингвистики (сбор и систематизация региональной лингвистической информации в работах по краеведению, истории, этнографии, религиоведению; дипломных работах, кандидатских и докторских диссертациях, монографиях, журналах, альманахах и т.п.).

Второй раздел коллективной монографии может быть посвящен разработке тем **ономастического направления**. Здесь можно выделить два конкретных аспекта: исследование топонимов и антропонимов.

Топонимическое пространство Приамурья также характеризуется своеобразием. Во-первых, на территории области соседствуют говоры русского, украинского, белорусского языков. Во-вторых, в топонимике региона широко представлены субстратные наименования – наименования языков аборигенного населения. В-третьих, в ней есть следы других языков народов-мигрантов. В-четвертых, изучение топонимических названий отражает их сравнительно небольшую историю: с момента заселения края прошло около 150 лет. Это небольшой промежуток времени для истории, и поэтому исследователю здесь представляется уникальная возможность проследить особенности возникновения и формирования топонимической системы от первых наименований до самых последних. Таких возможностей у топонимистов других территорий меньше.

Антропонимический аспект монографии также представляется актуальным, поскольку имена, фамилии, клички животных, прозвища и т.п. несут в себе ценнейшую историческую информацию о регионе. С их помощью можно восстановить национальность, социальный состав населения региона, профессиональную занятость, особенности миграции и т.д. далеких предков и современных жителей Приамурья. Они окрашивают территорию в особый местный цвет, «создают нечто вроде диалекта». Антропонимы городов и сел Приамурья создают доминантный слой, в котором одни из них частотны, а другие – редки. Региональные исследования собственных имен только начинают появляться [см., напр., 5; 6; 7; 8]. Для антропонимических исследований имеется хорошая источниковедческая база: телефонные книги и справочники разных лет, списки ЗАГСов, образовательных учреждений, списки жителей населенных пунктов, списки избирателей и т.д., мемуары и др. произведения, истори-

ческие документы (Памятные книги Амурской области, акты, приказы, архивы губернаторов) и т.п. Опыт работы с антропонимическим материалом есть и на кафедре русского языка Амурского государственного университета. Важно его углублять, расширять и активизировать.

Примерные темы в монографии по этому разделу:

1. Исконное и современное в ономастике Приамурья.
2. О доминантных фамилиях в Приамурье (диахронический и синхронный аспекты).
3. Легенды и предания о происхождении топонимических названий Амурской области.
4. Топонимическая система Приамурья.
5. Гидронимы Амурской области.
6. История города Благовещенска в названиях улиц.
7. Типология микротопонимов в Приамурье.

Третий раздел монографии по замыслу может быть посвящен **лингвокраеведению**, которое гармонично объединяется с двумя перечисленными выше разделами.

Предполагаемый раздел надо воспринимать как материал, привлекающий внимание к своему краю, к страницам его истории, языку своей земли, своих предков, а в целом к народу и его малой родине. Этот материал, по словам известного писателя М. Пришвина, направлен «на улучшение породы самого человека». Изучение родного языка, несущего в себе яркую, живую печать родного края, ведет к знакомству учеников, студентов со своеобразным драгоценнейшим пластом региональной культуры и истории, с местными названиями предметов быта, одежды, пищи, обрядов, названиями трав, ягод, грибов и т.д., что, безусловно, не только расширяет знания об окружающем мире, но и воспитывает. Такие знания повышают культуру населения края, пробуждают интерес к его прошлому и вызывают сознательное отношение к настоящему.

Материалы по лингвокраеведению собираются, систематизируются, изучаются и используются в практике преподавания в школе, вузе, в том числе и в Амурской области.

Поэтому, на наш взгляд, в коллективной монографии по региональной лингвистике необходимо представление такого практического опыта с целью его дальнейшего распространения.

Примерная тематика статей в монографии по данному разделу.

1. Лингвокраеведение в школе (обобщение опыта учителей русского языка и литературы в Приамурье).
2. Элективные курсы по ономастике Приамурья в средней школе и вузе.
3. Литература по лингвокраеведению Приамурья с аннотированным комментарием.
4. Региональные материалы по лингвокраеведению.
5. Фольклорные записи в Приамурье.
6. Лингвистическая информация в словаре А.Кириллова.
7. Язык местных писателей: системное описание.
8. Материалы к хрестоматии по лингвистическому краеведению.

Заявленные темы требуют достаточно большого круга авторов. Однако не хотелось бы «распыляться» на мелкотемье, а хотелось бы достичь основательности в раскрытии обозна-

ченных тем, поэтому в ряде случаев возможно соавторство. Главное – сохранить единство концепции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Звегинцев В.А. Мысли о лингвистике. Изд. 2-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008.
2. Крайний Северо-Восток в зеркале региональной лингвистики: Сб.научн. статей / под ред. А.А.Соколянского. Магадан, 2008.
3. Толстой Н.И. Язык и культура // Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1999.
4. Рущинская И.И. Регионоведение и краеведение: масштабы различий и формы взаимодействий // Вестник Московского университета. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 3.
5. Чайкина Ю. Вологодские фамилии. Вологда, 1995.
6. Дмитриева Л.И., Щербак А.С. Фамилии Тамбовской области. Тамбов, 1998-2003. Вып. 1-8.
7. Полякова Е.Н. К истокам пермских фамилий. Пермь, 1997.
8. Стрыгин В.А. Антропонимика в «Переписной книге Воронежского уезда 1646 года» // Край Воронежский. Воронеж, 1999. Вып. 3.

РЕЧЕВЫЕ ПОРТРЕТЫ

В разделе дается анализ языковой компетенции Чжао Минся и Валентины Васильевны Белоусовой. Что может объединять китайянку и русскую женщину? Для одной из них родным является китайский язык, а русский она выучила в школе и слышала от матери – русской по происхождению, другая не знает китайского языка вообще. Их семьи объединила общая судьба – судьба многих дальневосточных семей. Отцы наших информанток – китайцы, а матери – славянки: у одной – русская, у другой – украинка. История России и Китая развела семьи Чжао Минся и Валентины Белоусовой по разные стороны Амура, что повлияло на языковое и этническое самосознание информанток: одна считает себя китайянкой с русской душой, другая – русской. Но обе с любовью говорят о своих предках, чтят память о них, берегут семейные традиции.

Н.Г. Архипова, Е.А. Оглезнева

ЧЖАО МИНСЯ – КИТАЯНКА С РУССКОЙ ДУШОЙ (ИЗ ОПЫТА РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТИРОВАНИЯ ПОТОМКОВ ОТ СМЕШАННЫХ РУССКО-КИТАЙСКИХ БРАКОВ)

Чжао Минся родилась в 1969 году в городе Хума провинции Хэйлунцзян Китая. По материнской линии она русская, по отцовской – китайянка. История семьи Чжао Минся, или Надежды (это ее русское имя), с одной стороны, уникальна, а с другой – типична для Дальнего Востока, где на протяжении длительного времени люди разных этносов – русские и китайцы – живут рядом: занимаются торговлей, контактируют на бытовом уровне, что, естественно, приводит к личностному взаимодействию, в результате чего возникают межэтнические браки.

Семья Чжао Минся особенна в том отношении, что ее история отражает важные вехи истории и России, и Китая.

После Октябрьской революции прабабушка Надежды по материнской линии в возрасте 25-30 лет вместе с семилетней дочерью и другими родственниками из Благовещенска бежит от советской власти в Китай.

В Китае бабушка Надежды выходит замуж за русского. Во время второй мировой войны, в период оккупации Китая Японией, умирает ее муж, и бабушка остается одна с пятилетним сыном на руках. После войны родственница знакомит ее с китайцем-золотарем, который и становится вторым мужем бабушки. Так начинается «китайский» период истории семьи Надежды.

После войны, уже в 60-е годы, бабушка хотела вернуться в Россию, однако в тот момент по политическим причинам это было невозможно. Бабушка очень часто вспоминала Россию: «...каждый раз пароход едет, на берегу она, бабушка, всё там стоит, смотрится, что старается найти, кто знакомое лицо. Но это просто мечты. Она никогда не могла пережить, когда слышала, что её приехала в Россию. Она была бы довольна, чтобы быть

приехать и найти свои родители»; «...как бабушка, как все так это можно что приехать в Россию, это их Родина, <...> это мечта – надо когда-нибудь приехать».

Бабушка хорошо адаптировалась к китайской жизни: выучила китайский язык, поддерживала отношения с китайскими семьями, во многом освоила китайский быт. Даже свою дочь, родившуюся в Китае, она назвала китайским именем – Линда. Однако бабушка Линды (прабабушка Надежды) называла внуку русским именем – Таня, Татьяна. Линда (Татьяна) и была матерью Надежды (Чжао Минся).

Бабушка Надежды по-русски говорила только в семье со своими детьми. Во второй половине 60-х гг. началась культурная революция, и русские в Китае должны были «забыть» русский язык: *«...в Китае долго была революция. Ну, короче, на берегу не всё люди уважают русские. Как и здесь, не все люди уважают китайцы. Один и то же. Это люди привычка. Бабушка совсем не говорила по-русски... Долго, почти бабушка тридцать лет больше не говорила по-русски».* Надежда объясняет нежелание бабушки говорить по-русски в общественных местах скрытностью характера, боязнью наказания. В настоящее же время она разговаривает с русскими друзьями в Китае и по телефону с внучкой Надеждой, проживающей в России, на русском языке: *«Она всегда понимала по-русски. Просто она, так у неё характер. Она очень внимательна, тиха, спокойна женщина. Боится она всего. Она скрывала, не говорила. <...> мы никогда не слышали, разговаривала по-русски. Когда я точно приехала в Россию с девяноста пятого, так она как мне звонит по телефону, она абсолютно говорила по-русски»; «у них друзьями, стары, как и её годы, так подружки с друзьями. Они между себе, значит, говорили по-русски».*

Несмотря на китайский образ жизни семья сохранила некоторые русские обычаи и традиции: умели печь хлеб и пироги, делать домашнюю сметану, варить варенье, борщ. Иногда традиции русской и китайской кухни переплетались: так, например, в семье готовили пирожки с начинкой из картофеля с черемшой.

В семье Надежды жила и бабушка по отцовской линии – китаянка. Она оказала большое влияние на формирование личности Чжао Минся: *«Я её (бабушку) очень любила, потому что из детства мы всегда с ней вместе».*

С 1995 года Чжао Минся живет в России. Сейчас она возглавляет строительную фирму, мечтает получить заочное образование в российском университете. Ее дочери четыре года: девочка владеет русским и китайским языками. Стремление обучить дочь двум языкам у Чжао Минся, с одной стороны, прагматично – нельзя жить в стране, не зная языка ее народа; с другой стороны, это желание обусловлено тем, чтобы отдать дань памяти своим русским предкам: *«Это шанс. Это как возможность <...>, учиться надо. Я собираюсь дочь до конца тут быть и учить её по-китайски и по-русски. Да. <...> я буду учить два языка разговаривать. Обязательно. Особенно в России, здесь, надо понимать. <...> Два языка надо понимать» и «я бабушке обещала».*

Чжао Минся (Надежда) до двадцати шести лет жила в Китае, родным для нее является китайский язык. Однако через всю ее жизнь русский и китайский языки, переплетаясь, идут рядом: в семье китайскую речь она слышала от отца, русскую – от матери, одна бабушка – китаянка, другая – русская; Надежда окончила китайскую школу, где изучала русский язык как иностранный, много читала по-русски, ей нравится русская литература. Она отлично по-

нимает речь на русском языке. Конечно, говоря по-русски, Надежда делает много грамматических ошибок, фонетические и некоторые просодические особенности ее речи во многом соответствуют китайскому языку, однако лексический пласт чрезвычайно богат: она владеет лексикой разных стилей русского языка, свободно оперирует специальной терминологией, при этом в ее речи отмечены диалектно-просторечные вкрапления, оценочные наименования, фразеологизмы и др.

Высказывания Надежды – Чжао Минся – о жизни, об отношениях между людьми народны, в них заключена и русская, и китайская житейская мудрость: нужно заботиться о старых родителях («матери <...> всю жизнь работала, <...> мы должны <...> их кормить, а не они нас. Должны их работать»), в жизни бывает не все гладко («есть удача и неудача»), русские женщины духом сильнее мужчин («в России женщина умней гораздо или самостоятельней <...>. Я <...> их уважаю, потому что женщина в России очень самостоятельна. Особенно большие сорок лет, а мужчина гораздо некоторые ненадежные... <...> Любят и выпить и найти причина, что они выпили, по пьянство они ещё права. А женщина, всё на их плече, на плече у неё семья, дети, всё должна делать. А много женщина мужа нет, они самостоятельна всё. Они не хуже никого. А дети тоже отлично, хотя бы половина семья, и то отлично»), в детях необходимо воспитывать традиции предков («<...> я ещё выполнять бабушкина мечты. Я её обещала, что я приеду, ну, тогда я уже каждый шаг сделаю, если есть такой шанс, <...> моя отца, когда умирать, он не против. <...> тем более у меня дочь здесь родился, и я буду учить её, если возможно, получать гражданство дальше. Надо, чтобы она, как все ребята, училась. Обязательно. Что как матери, так и она»).

ТЕКСТЫ И КОММЕНТАРИИ

Чжао Минся (Надежда), 1969 г.р.

Амурская обл., г. Благовещенск

Записала Г.М. Старыгина, 2007 г.

Обработала Н.Г. Архипова, 2010 г.

Комментарии: Е.А. Оглезнева

Почему я живу в России

**«И смешивает русский и китайский. Смешивает язык,
уже как перемешано-мешано всё»**

– Почему Вас зовут Надежда?

– Потому что моя бабушка по матери всё русские. Это война-время они попала в Китай. Но война всё люди как не знали, где можно выжить, а прабабушка, короче мои деда, их отец, мать, родственница, кроме старых, свои родные мама, бабушка они уехали в Китай. В самом деле, они погибли после войны.

– Во время войны, да?

– Да. Вот. Да. Потом как начало революций. Почти прабабушкина сестра, брат – все умер. За год, ну, и до революции тоже. Сейчас не можно сказать, кто правильно, кто не пра-

вильно, потому что это истории, люди нет, не найдем. Потом они приехали, а – а – а Амурской области. Здесь и тоже спокойно дожили. Потом война. А бабушка – одиночка-женщина – сзади с сыном, маленькие дети. Тетя Ира-те она же познакомила (с будущим мужем). Китайцы они золотарей работали. Короче, золото моет.

– *В Амурской области?*

– Да – да – да. Потому что в Амурской, это амурская река, по стороне все золото моет. Они познакомила, они признали его и сына, и она женили, так как все русские женщины вышли замужем. И там уже жили нормально, всё, но, конечно, портила всё война. Когда хорошее время, то в шестьдесят году она думала вернуться. Но не всё по ихнее.

– *Не получилось.*

– Не получилось. И потому что жить на пограничная зона, это края, всё в Амуре, не всё новости от верха до низу, уже никакой новости нету.

– *То есть мама у Вас русская?*

– Да, моя мама, бабушка – все русские.

– *А жили они именно где?*

– Где Амурске, на берегу, короче говоря, а здесь так примерно Шимановск. Шимановский. Такого типа. У меня еще один бабушка. Короче, у моя бабушкиной матери тоже русская. Она умер здесь, в Благовещенске, когда сына родился. Но их есть старая, старшая сестра. Она вышла замуж за богатый люди.

Но дальше отец уехал в Китай. Еще там как получается: в Китае отец еще раз вышла...

– *Женился.*

– Женился второй женщина. Она тоже русская. Она... В наша семья больше русских. А наш женился. Она один раз, второй раз женил... вышла замуж, потому что первый сына уже пять лет, был мальчик, вышла с этим, новая семья ведь. Она и её бросил Родина в нашей стране, на этой земле, да. У неё должны свои профессия уже. Но как ни как, никогда не нашли до момента ни телевизора, ни компьютера, никакой, как сейчас, связи можно общаться. Но до момент, каждый раз пароход едет, на берегу она, бабушка, всё там стоит, смотрит, что старается найти, кто знакомое лицо. Но это просто мечты. Она никогда не могла пережить, когда слышала, что её приехала в Россию. Она была бы довольна, чтобы быть приехать и найти свои родители. Всё остаться здесь. Но она потом заболела. Как все женщины такие полные, здоровые. Здоровые русские женщины. Такие культуры. Она все заболела, потом умерла. Десять лет. У меня бабушка тоже. Ну, деда война-время дома был, потом сорвалась, дома упала, и плохо стало. Он не разговаривал, но умный мужчина, потом писатель по-китайски и по-русски. Он пишет и говорит, ну, мы, как сказка, только руками. «Я могу, – объясняет, – слушайте, дети, в жизни все можно». Такой умный! А сейчас (сейчас) только старая мама.

Я здесь, они, как бабушка, как все так это можно что приехать в Россию, это их Родина, они так это мечта – надо когда-нибудь приехать, это не всегда выполнять в своей душе, потому что это два страны одновременно, и всё.

Но сейчас, конечно, лучше. Люди все понимают, друзьями стали все, и гораздо лучше. Как и наша семья, такие и в Россию, и в Китай много, но недалеко, только на Амурской берегу все, потому что как и мечтают в Китай, как каждый день встречайте можно ехать в Ки-

тай еще раз. Но мечта это. Сейчас старое только поколение нельзя быть в дороге. Старое, старшее только около девяноста лет. Только старые. Но, конечно, хотя бабушка получила русское подданство, китайское подданство, потому что до момента, когда не всё по тебе душе, тебе заявление писать. Выбирай: не писать. Ничего не надо писать, они тебе и так дадут.

– *А как бабушку звали у вас? Маму как звали?*

– Маму Линда зовут.

– *Линда.*

– Линда. А... Я её свои прабабушка по материна всегда Линда её зовёт, да, а свои бабушка называла её Таня, всегда Таня, Татьяна красивый имя. Но то бабушка сказала: «Я по своё имя». Но эта прабабушка какой-то свой характер...

– *Ну, русский язык вы от мамы и от бабушки узнали?*

– Нет. До момента я как училась на школе.

– *В школе? Да?*

– Да, на школе, потому что в Китае долго была революция. Ну, короче, на берегу не всё люди уважают русские. Как и здесь, не все люди уважают китайцы. Один и то же. Это люди привычка. Бабушка совсем не говорила по-русски.

– *А мама дома? Вот дома не говорил никто?*

– Долго, почти бабушка тридцать лет больше не говорила по-русски. А бабушка... мама только своей бабушкой идут, она говорила по-русски, потому что она токо знает китайский немножко. И смешивает русский и китайский. Смешивает язык, уже как перемешано-мешано всё. Да, она еще свои сына невеста, шанхайски женщина, она даже немножко по-шанхайски, и тоже намешано. Точно. Вот это непонятно, что она последнее. Ну, такие добрые женщина.

– *Ну, а мама сколько лет в общей сложности в Китае прожила у вас?*

– Мама родилась в Китае.

– *Мама родилась в Китае?*

– Да.

– *А бабушка?*

– Это бабушка родилась всё в России.

– *А вот бабушка сколько лет провела примерно в Китае?*

– Бабушка здесь была тож семь лет. Маме было. Моя бабушка.

– *Семь лет, да?*

– Да. А у матери бабушка она тогда уже около двадцать четыре до тридцать, потому что на фотографии ещё такие красивы женщина карточка. Она красивы женщина. И такие длинны платья, да вышивка, как русские национальна немножко, но очень красивы, такие женщина.

– *Ну, вот бабушка забывала русский язык, да? Нет?*

– Нет. Она всегда понимала по-русски. Просто она, так у неё характер. Она очень внимательна, тиха, спокойна женщина. Боится она всего. Она скрывала, не говорила. Как мы... Как мы никогда не слышали, разговаривала по-русски. Когда я точно приехала в Россию с девяноста пятого, так она как мне звонит по телефону, она абсолютно говорила по-русски.

– *Только с вами, да?*

– Не только с нами, у них друзьями, стары, как и её годы, так подружки с друзьями. Они между себе, значит, говорили по-русски. Они так готовить русски еду. Мама хороший пекар(ь). Всегда нам делать русски еду. Приеду(т) все, а бабушка любит и угощает своими друзьями. Они довольны. Конечно, я отсюда купила масло сливочное. Это хорошее, масляное. Вот такие и купила это майонез. Конечно, сметана их. Они до того момента они часто купить некоторые виды молоко, сами готовить сметана. А теперь когда расходы гораздо дороже стоят, надо все равно они готовят варенье, пирожки. Это так.

– *Замечательно.*

– *Замечательно.*

– *А с чем пирожки?*

– А мамы бабушка так готовить – говядина с морковкой.

– *Начинка, да?*

– Начинка. И можно с варенье. Мы тоже варенье варим. И ещё. Мы ещё что делать? Из земляники, голубицы повидло. Из земляники варенье. Хорошо варенье. Ещё делают по-русски пирожки с яичко. А черемши. У нас здесь дикий, а в Китае есть похожий черемши.

– *Черемша.*

– Тоже черемша, просто тонкий. Когда черемша расцветут, они вот этот пальчик (показывает мизинец) одинаково. Надо готовить так, и картошка.

– *И картошка.*

– Да, картошка-пюре.

– *А борщ бабушка варила?*

– Конечно, варила. Мы даже любили это очень. Капуста свежа, хороша, и варили капуста. Мы готовим и так. А мама хороша пекарь, делала хлеб. Даже как наши сейчас в городе просто поставили из веника (?) такой хлеб, а в творожок замешали тесто, и в пекарне продать, и все. А там также поставили, они, конечно, сложно, но гораздо вкусно, если здесь готовить, можно сказать, во дворе все время искать, где хлебопекарня, но вкусно пахнет. Всегда так мы готовили. Но, правда, мы еще готовили китайские блюда.

– *И русские.*

– Да. На все. Все готовили. Конечно, не как мясо готовить, не как здесь, все такие как шашлык там жарить. Мама не признает, потому что шашлык нечисто.

– *Надежда, вы где родились?*

– Я родилась в Хума. Это как между наши Шимановска – Магъдагачи, между тут. А мама сейчас тут места родилась. Там место поселок немаленький.

– *То есть вы родились в России? Не в Китае?*

– Я родилась в Китае.

– *А... родились в Китае. Это расположен так.*

– Да. Это как раз на берегу Амура, около наши, это, Шимановск.

– *Это примерно в районе Шимановска?*

– Шимановска и Магъдагачи. Там есть река Амур, и там есть маленький речка Хума.

Вот как раз там.

– *А сейчас кто-нибудь там живет из ваших родственников близких?*

– Да. Близкие только мама.

– *Только мама, также продолжает, да.*

– Мама. Брат и сестра. Они, конечно, сейчас в Хэйхе. Там наш дом, все есть.

– *То есть в Хэйхе теперь, да?*

– Да, мы сейчас живем в Хэйхе, потому что пенсионеры в Китае уже делать нечего.

Они не дают можно что работать как. Это невозможно, потому что как мать, матери они уже всю жизнь работала, они уже знают, что мы должны, наоборот, их кормить, а не они нас. Должны их работать.

– *А отец ваш где?*

– Отец умер.

– *А он проживал где?*

– Тоже там. Там в городе Шандун провинции. Как все война-время Шандун там еще. Дед умер, и бабушка одиночка жизнь держала два ребенка, отец и сын еще один маленький. Я думаю. Ну, они тут все жили очень тяжело. Они вот приехали в это Хума, и там все жили здесь. Тоже бабушка умерла. Но я ее очень любила, потому что из детски мы всегда с ней вместе.

Отец умер. Брат лёгкие. За это памяти я могу сказать секрет. Больше никто не знает. Такой. Секрет как при рака так и хороший, а не просто врёт. Лёгкие рак обычно как. От секрета. Чё делать? Рак как это появилась, после операции, может, сем – восемь лет болеет. Ну, он такие, он сам знает все свои болезни. Он сам научился лекарство готовить. Но не как люди слышно рак, уже всё трясёт, уже не знает завтра жить или нет. Он в этом отношении, можно сказать, жёсткий характер. Знает всё подробно. То он умер от сердца, потому что после операции сердце болеет, так влияет операция всё равно влияет на сердце. Он потом просто спал и умер.

– *Во сне.*

– Во сне. При его болезни, потому что рак, я смотрела и узнала, брат всё говорил и так, если умирать от рак, то в последний момент очень жестокий. Даже можно брать разрешение – наркотик дают. Всё равно не можно остановить это больно. Но это что Бог дал, счастливо умер.

– *Русские говорят, легкая смерть.*

– Лёгкая смерть. Точно. Как тоже хотим лёгкие смерти. Как недавно Ельцина тоже лёгкая смерть.

– *Во сне. Да.*

– Вообще. Да, это был хороший. Это так, перво сказать, такие не всю жизнь получаете, хорошие умирают. Просто хорошая жизнь бывает, хорошие умирать не все люди, не все люди хорошо умирают, а некоторые просто мучаются вообще. Не знают, как жить. А это так.

Ну, так брат и мы вместе и сестра.

– *Вы хорошо говорите по-русски. Дома все равно слышали слова от бабушки, может быть, русские. Откуда стремление изучать русский язык?*

– Я люблю читать, ну, правда, я хорошо слушать, когда я слушаю, я понимаю много. Ну, мне грамматика не всё, забываю и мимо проговорю. Ошибька на это большие. И тем более вокруг друзья, они не говорит по-русски. Мне тоже не ставите строго, но все равно еще учиться. Тем более, я люблю русские литературы, я люблю все истории, все книжки читать,

ну, так и постепенно. Учиться всегда нужно. Еще мне чему научиться, не знаю. Я собираюсь осенью заочно.

– *Заочно.*

– Да. Заочно.

– *В Амурский университет?*

– Еще посмотрю какие.

– *А на какую специальность?*

– Я хотела учиться на руководителя.

– *На руководителя, да?*

– Да, потому что я, как все, я уже больше тридцать пять лет, уже поступить, где работа, мне уже не берут, потому что я уже не восемнадцать, не двадцать пять. Как до этого момента надо самостоятельно работать и создавать другой люди работу. Я такие думаю, если стараться, получится. У мене работа, я предприниматель и вообще сорок лет, потому что я знаю, такой момент в жизни случится и все опыт, особенно женщинам, потому что в России женщина умней гораздо или самостоятельней, потому что много мужчины, просто некоторые, они или что нашим женщинам больше, они чувствуют себя на первое место. Ну, я, наоборот, их уважаю, потому что женщина в России очень самостоятельна. Особенно больше сорок лет, а мужчина гораздо некоторые ненадежные... Ненадежные.

– *Любят выпить?*

– Любят и выпить и найти причина, что они выпили, по пьянство они ещё права. А женщина, всё на их плече, на плече у неё семья, дети, всё должна делать. А много женщины мужа нет, они самостоятельна всё. Они не хуже никого. А дети тоже отлично, хотя бы половина семья, и то отлично, чем такие всё. Семейна мужики и женщины и пьянство. Это не интересно. Нет. Я больше уважаю русские женщина.

– *Скажите, вы в Благовещенске давно? У вас бизнес свой или дело?*

– Да, я приехала давно. Давно. Удачи-неудачи – всё было.

– *Примерно с какого года вы в Благовещенске?*

– Так в девяносто пятом. В самом деле, я в девяносто второй год приехала, только по лабота. Второй приехала в девяноста пятом.

– *А сейчас что за дело у вас? Вы, наверное, руководите фирмой какой-то?*

– Да, кирпич, но не продажа, потому что у нас своя жизнь, хотела создавать, строить.

– *Строители.*

– Строители. Выполнять и строить. У заказчика. Выполнять у заказчика. Не будем, как здесь всё строители: надо продать и купить, продать а это земля, это здание. Нет, мы просто у заказчика ремонтом занимаемся. Да. Сейчас мы предприятия рицензия (лицензия). У нас рицензию сложно было нам взять, всякие потом переоформляем, и рицензия становит, как через полтора месяца только получается рицензия, сорок пять дней. Ну, мы сейчас мы еще менять печать, ведь индивидуальное предприятие.

– *Приятно с вами общаться. А вот скажите, дети у вас есть?*

– У меня есть один дочь.

– *Дочка, да?*

– Да, полтора годика.

– *Маленькая еще.*

– Да.

– *Скажите, а вы будете учить ее русскому языку?*

– Она сейчас понимает два языка.

– Да?

– Да. Мы... Я так учить её примерно: «Это ручка». Её дать и сказать: «Это ручка». Потом сказать это Китай... по-китайски: «Это кампи, пи-и-и». А это потом русски. Так сказка. Я думаю, сразу два языка. Она ориентируется два языка. Хотя бы сейчас она полтора года, она понимает, это, два язык. Во дворе мы с дети играем, и русские все, она знает. Она так сказать: *пóняла, пóняла, пóняла*. Так и быстро: ну, *пóняла, пóняла*. Да. А потом сказать мне: «Пуси́, пуси́, пуси́». Нельзя, нельзя – *пуси́, пуси́*. Какой сложно, такой она выбирает. Не говорит, какие лёгкие для неё, поудобнее такие говорит: пойдём – дождик.

Да, телевизор тоже, китайские мультики досматривает, русские. Особенно она любит русския музыка. Это «Золотые кольцо»: она очень любит, когда слушает...

– *Подражает.*

– Подражает. Руки машет и танцует под них, и не надо учиться. По телевизору как увидела и слушала эта музыка., уже стоять не будет. Да. Дети есть дети. Интересно. Я думаю дочь до три года должна понимать два язык. Я это будет свои язык. Два – всё свой язык. А там после семи лет – школа, институт учиться. Это будет тяжело. Почти сáмо подходяще время. Ну, я только читала книгу, что там она пишет, что дети до семи лет они лучше, они, как играют, хорошо учатся. Они научатся все свои язык, а потом, это, уже два язык им обязательно дойдут. Потому что это шанс, нельзя упускать. Много здесь китайцев, у них дети говорит по-китайски. Так там вообще не понимают, как в Китай может моя мама, как мы так попали все. Хотя бы на лицу всё русские, не скажите – китайцы, потому что по-китайски если понимаете, ничего не понимаете. Это же минус большой.

– *Конечно.*

– Это, конечно. Там есть причина. В самом деле, это – шанс. Это шанс. Это как возможность – всё потеряют, так нельзя. А так и сразу учиться надо. Я собираюсь дочь до конца тут быть и учить её по-китайски и по-русски. Да. И пишет так и буква, она кое-что буква. Она знает книжку искать, это вот, как буква, но не всё ориентируется, как дети играют, останавливаются. Да. И всё. Ну, я буду учить два язык разговаривать. Обязательно. Особенно в России, здесь, надо понимать. Они тем более. Нужно <...>. Два языка надо понимать.

– *Вы ещё какой-нибудь язык знаете? Английский, например?*

– Я его учила один месяц – полтора. Да. Так немножко. Основной я язык не понимаю. Не понимаю. И нету время учиться. Да, это очень сложно, потому что жизнь всё на свои руках, не всё успею, но хочу так учиться.

– *Ну, и, наверно, последний вопрос: почему, вот, гражданство Российской Федерации необходимо. Для работы?*

– Для жизни.

– Для жизни.

– Да, потому что у меня дочь здесь родилась.

– Дочка здесь.

– Да, здесь родилась. И тем более, я ещё выполнять бабушкина мечты. Я её обещала, что я приеду, ну, тогда я уже каждый шаг сделаю, если есть такой шанс, доживаю получается, потому что всё равно они сколько бабушка должна сказать: «Извини. Ты, бабушка, то умер, никак не можно вернуть, они тебя жалко». А деда тем более он умер, как сказать, будем молить, как у нас считают, Будду, и можно разговаривать. Ну, всё равно он умный человек. Так а чё ещё учить. Они не видела здесь земля. Так умерли и всё. Тоже жалко. Я тоже хочу, чтобы выполняла это моя отца, когда умирать, он не против. Я пойду, вот, тем более у меня дочь здесь родился, и я буду учить её, если возможно, получать гражданство дальше. Надо, чтобы она, как все ребята, училась. Обязательно. Что как матери, так и она.

КОММЕНТАРИЙ

Русская речь Чжао Минся представляет собой пример интерферированной под влиянием системы родного и основного для нее китайского языка речи. Под интерференцией нами традиционно понимается нарушение норм одного языка под влиянием норм другого языка. Интерференция в речи нашего информанта проявляется на всех уровнях системы русского языка, и речевое портретирование в общем-то сводится к перечислению участков интерференции. Многие из них прогнозируемы, поскольку имеется опыт лингвистического анализа языковых форм, возникающих в результате русско-китайского языкового контактирования. Речь идет о русско-китайском пиджине – контактном языке, сложившемся на базе русской лексики, которая в речи на пиджине выстраивается по правилам китайской грамматики. Зоны фонетических и грамматических нарушений норм русского языка в русско-китайском пиджине во многом совпадают с зонами грамматических нарушений в выученном китайцами русском языке. Это совпадение позволяет рассматривать эти нарушения как закономерный результат столкновения двух типологически различных языков: флективного синтетического русского и изолированного аналитического китайского.

Фонетика

1. Интонационный рисунок речи в целом соответствует русским интонационным конструкциям, что позволяет характеризовать его как усвоенное на слух от исконного носителя русского языка (в нашем случае, полагаем, это была русская бабушка по материнской линии), а также повлияло длительное (в течение 15 лет) проживание в России и контактирование с носителями русского языка.

2. Отмечается «преодоление» стечения согласных и таким образом происходит вокализация речи: *насъматьрите* (=посмотрите), *наръмальна* (=нормально), *пъриветъ* (=привет), *завътра* (завтра), *недольга* (=недолго), до-Ирутська (=до Ирутска) и др. Полагаем, эта особенность отражает стремление к открытому слогу, характерному для системы китайского языка.

3. Произношение звонких согласных /б/, /д/, /г/ и их парных глухих не соответствует русской фонетической норме: *мог^ху*, *о^месять*, *о^дд^мыхати*, *б^наб^нушка*, *так^х*, *через доро^ху*, *б^низнес* и др. Согласные /б/, /д/, /г/ звучат в русской речи информанта как средние между глухим и парным ему звонким, что объясняется влиянием китайского языка, в котором близкие в произносительном отношении к указанным согласным звуки не являются ни глухими, ни звонкими, а произносятся с придыханием.

4. Наблюдается субституция р/л: звук [р] нечетко артикулируется, он как будто направлен в сторону [л], особенно в позиции перед гласными непяреднего ряда: *па[р/л]охода*, *[р/л]одина*, *[р/л]азница* и др. Известно, что в фонетической системе китайского языка отсутствует [р] и он традиционно представляет трудность для китайцев, осваивающих русский язык. Русская речь нашего информанта не исключение.

5. Имеются особенности в произношении звуков [ц] и [ч], отступающие от фонетической нормы русского языка. Так, [ч] произносится более твердо: *[тиц]итать* (=читать), *до[тиц]* (=дочь), а [ц] – более «передний», альвеолярный, а не небный: *ли[тиц]о* (=лицо), *револю[тиц]ия* (=революция). Такое произношение обусловлено опять же фонетикой китайского языка, в котором ближайшие к русским аффрикатам звуки произносятся так: [ч] как твердый, а [ц] – с придыханием, кончик языка более приподнят к альвеолам, а щель более длительна.

6. Наблюдается ошибочная постановка ударения в русских словах: умерла, родилась, поняла, звонит и некот. др.

Морфология

1. Наблюдаются многочисленные ошибки в выборе падежной формы. При этом может один падеж употребляться вместо другого. Например:

Р.п. вместо Т.п.: *Китайцы они золотарей работали*;

Т.п. вместо Р.п.: *Угощает своими друзьями* и др.

Но наиболее частым нарушением данной грамматической нормы является употребление И.п. вместо косвенного. Например:

И.п. вместо Р.п.: *Она вышла замуж за богатый люди; люди нет; найти свои родители; Но эта прабабушка какой-то свой характер; Я уже больше тридцать пять лет; Не все люди уважают русские, не все люди уважают китайцы*;

И.п. вместо Д.п.: *Пенсионеры в Китае уже делать нечего; Только по работа*;

И.п. вместо В.п.: *И варили капуста; любит русския музыка*;

И.п. вместо Т.п.: *Во дворе мы с дети играем; Руки машет*;

И.п. вместо П.п.: *Жить на пограничная зона; В наша семья больше русских; чувствуют себя на первое место* и др.

Данное употребление свидетельствует о стремлении к аналитизму, которое поддерживается грамматической системой родного китайского языка, для которого словоизменение неактуально.

2. Отмечается рассогласование родовых форм. Например:

существительное или местоимение ж.р. употребляется с глаголом м.р.: *Она умер здесь, в Благовещенске; У меня дочь здесь родился*;

прилагательное или местоимение м.р. употребляется с существительным ж.р.: *У меня ещё один бабушка; там есть маленький речка Хума*;

существительное ср.р. согласуется с прилагательным м.р.: *Татьяна красивый имя*;

числительное м.р. употребляется с существительным ж.р.: *Это два страны одновременно* и др.

3. Отмечается рассогласование числовых форм. Например:

существительное в ед.ч употребляется с глаголом во мн.ч. и наоборот: *Когда черемша расцветут...; Матери они уже всю жизнь работала*;

прилагательное или местоимение во мн.ч. согласуется с существительным в ед.ч. и наоборот: *Я больше уважаю **русские** женищина; Она вышла замуж за **богатый** люди; такие женищина; бабушкина мечты;*

местоимение мн.ч. употребляется с глаголом ед.ч.: *Они не видела здесь земля; Все золото **моет**; Они познакомила* и др.

Такие употребления также следует рассматривать как результат влияния системы родного китайского языка, для которого не свойственно словоизменение.

4. Одна из согласуемых форм выступает с неправильной падежной форме. Например: *Она ещё **свои сына** невестка* (вместо: *своего сына невестка*) и др.

5. Употребление неправильного варианта флексии: длинны **платьи** (вместо: *платья*).

6. Употребление аналитических глагольных форм, не свойственных системе русского языка. Например: *Она была бы довольна, чтобы **быть приехать** и найти свои родители.*

7. Частотное употребление инфинитива вместо личной формы глагола. Например: *Они часто **купить** некоторые виды молоко; Мама... всегда нам **делать** русски еду; Я хорошо **слушать**; Сейчас мы ещё **менять** печать; Я ещё **выполнять** бабушкина мечты; Всё **остаться** здесь* и др.

Синтаксис

1. Ошибочное употребление предлога. Например: *Это края, всё **в** Амуре* (вместо: *по Амуре*); *До момента, как я училась **на** школе* (вместо: *в школе*) и др.

2. Отмечаются случаи пропуска предлогов, часто сопровождающиеся выбором неправильной падежной формы, как правило, И.п. Например: *Она ориентируется **два** языка* (вместо: *на два языка*); *Я буду учить **два** язык разговаривать* (вместо: *на двух языках*); *Женился **второй** женищина* (вместо: *на второй женищине*) и др.

3. Отмечаются случаи бессмысленных с точки зрения русской грамматики конструкций: *Она никогда не могла пережить, когда слышала, что её приехала в Россию; Должны их **работать**; За это памяти я могу сказать секрет; Она знает книжку **искать**; Я собираюсь дочь до конца тут **быть*** и др.

Лексика и словообразование

1. Встречаются сложные наименования, представляющие собой кальки с китайского языка. Например: *Это **война-время** она попала в Китай; **картошка-пюре**; **одиночка-женищина**; Ну, деда **война-время** дома был; **лёгкие-рак**.*

2. В речи нашего информанта используются идиомы: *что Бог дал; минус большой* и др. Наблюдаются и ошибки в использовании идиоматических выражений. Например: *Всё **по тебе душе*** (вместо: *тебе по душе*); *Всё **на их плече*** (вместо: *на их плечах*); *Всё **на свои руках*** (вместо: *всё в твоих руках*); ***вышли замужем*** (вместо: *вышли замуж*).

3. Отмечено использование диалектно-просторечной лексики: *Шимановский* (название города Шимановск), *короче* (в функции вводного слова), *здрасте, ихнее, деда* (=дед), *стара мама* (в значении «бабушка»), *голубица, черемша, чё* (=что) и др.

4. Отмечено употребление деловой лексики, а также общеупотребительной лексики, связанной с современными научно-техническими достижениями: *лицензия, компьютер, Интернет, индивидуальное предприятие, заказчик, гражданство* и др.

5. Вкраплений из китайского языка в русской речи нашего информанта не отмечено. Исключения: китайские топонимы *Хума, Хэйхэ, Шандун*.

6. В речи информанта используется разговорная, в том числе и деминутивная лексика, что также, на наш взгляд, следует рассматривать как следствие освоения разговорных образцов русской речи в семье, от бабушки. Например: *Еще делают по-русски пирожки с яичко, пальчик, картошка, говядина с морковкой, творожок, годик* и др.

7. Информант образует слова по продуктивным словообразовательным моделям русского языка: *автоматный телефон* (=телефон-автомат), *неможно* (в значении «нельзя»), получая в результате неузусальные наименования.

8. Отмечаются ошибки в словоупотреблении: *сердце болеет* (вместо: *болит*), *выполнять бабушкины мечты* (вместо: *осуществлять*), *держала два ребёнка* (вместо: *воспитывала двоих детей*); *сейчас не можно сказать, кто правильно, кто неправильно* (кто вместо что) и др.

Н.Г. Архипова, Е.В. Белоусова

СОЕДИНЕНИЕ СЛАВЯНСКОЙ И ВОСТОЧНОЙ КУЛЬТУР В ОДНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ РЕЧИ ЖИТЕЛЬНИЦЫ РУССКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ВАЛЕНТИНЫ ВАСИЛЬЕВНЫ БЕЛОУСОВОЙ)

Белоусова Валентина Васильевна, 1936 г.р., – уроженка с.Чугуевка Чугуевского района Приморского края. Ее мать, Белоусова Евдокия Леонтьевна, родилась в 1898 г. в Полтавской губернии на Украине. В Россию, на Дальний Восток, приехала с родителями в возрасте семи лет по переселению. Отец Валентины Васильевны – Чан-ун-Чан Василий, китаец по национальности, 1880 г.р. О том, как отец попал в Россию, Валентина Васильевна не знает, однако село Чугуевка находится недалеко от границы с Китаем, и издавна многие китайцы приезжали на Дальний Восток в поисках заработка. Валентина Васильевна вспоминает, что в совхозах были звенья китайских наёмных рабочих, которые занимались овощеводством. Межэтнические браки были нередки. Большинство семей, живущих по соседству с родителями Валентины Васильевны, были смешанными: с женами-славянками, преимущественно украинками, и мужьями-китайцами. По словам Валентины Васильевны, родители стали жить вместе с 1930 г. У Евдокии Леонтьевны (матери Валентины Васильевны) до брака с Чан-ун-Чаном уже было двое сыновей – Иван и Григорий. Первым совместным ребенком стал Алексей, родившийся в 1933 г. и умерший в раннем возрасте. Валентина Васильевна была вторым совместным ребенком в этой семье.

В 1938 г., во времена репрессий, семья была депортирована в поселок Февральск Селенджинского района Амурской области. Отец мог уехать на родину, в Китай, но он остался с семьей в России: *«Никуда не поеду! Я с своей семьёй тут остаюсь. Куда направят, туда, там и поеду!»*.

В семье говорили, главным образом, по-русски. Мать знала украинский язык. Чан-ун-Чан говорил по-русски²². В Февральске, как и в Чугуевке, жили китайцы, с которыми отец общался на китайском языке.

²² Полагаем, это был русско-китайский пиджин на русской просторечной основе.

Отец не учил детей говорить по-китайски, поэтому Валентина Васильевна не знает китайского языка. В речи информантки встречаются лишь единичные лексические единицы из китайского языка: названия пищи (*каша из гаоляна*), жилища (*фанза*), фамилия отца Чан-ун-Чан, фамилии его друзей, их имена Чим Бан Чин, Тя-фу-Сян и др.

Поскольку мать Валентины Васильевны была украинкой, полагаем, ее речь представляла собой один из украинских диалектов. В речи Валентины Васильевны встречаются лексические единицы из украинского языка, унаследованные от матери: *тата*, *бачить*, *шукать*, *червонный* и др.

Валентина Васильевна вспоминает, что отец в дом китайцев не водил: *«Раньше китайцев презирали, поначалу не трогали, а потом стали «презирать».* Наша информантка считает, что это из-за того, что *«китайцы – очень трудолюбивая нация. Они не отказывались ни от какой работы, даже самой тяжелой и грязной».*

Валентина Васильевна говорит, что отец очень много работал, семья держала хорошее хозяйство: бычок, корова, свинья, куры. Отец летом работал пастухом, а зимой на овощехранилище – сторожем и истопником – «топняком». Чан-ун-Чан, по воспоминаниям дочери, был очень ответственным, не пил, не курил, очень любил своих детей: *«Китайцы курили «опию» (опиум), а он – нет. Детей принял всех, считал за родных, грудью вставал за всех, мечтал дать им образование».*

Валентина Васильевна вспоминает, как однажды Гоша (средний брат) не мог уехать в школу в Селемджинск: не ходил транспорт, а на попутках не брали. Отец взял деньги и вышел с пасынком на дорогу. После трёх неудачных попыток остановить проезжающие машины отец лёг на дорогу, перегородив ее своим телом, и не вставал, пока очередная проезжавшая машина не остановилась. Дети в отце и отчине души не чаяли. Григорий Фёдорович еще мальчиком говорил: *«У меня отец лучше родного».*

Годы войны семья переживала тяжело: голодали, приходилось даже есть полевые цветы: саранки, «петушки», готовили блюда из гнилого картофеля. Старший брат Иван ушел на фронт, а в 1946 г. семья получила на него похоронку.

В 1947 г. отец умер, хозяйство пошло на убыль, Валентина Васильевна не выучилась, взяла на себя все обязанности по домашнему хозяйству.

В общей сложности Валентина Васильевна училась всего семь лет. Семь классов закончила в 1953 г., профессионального и высшего образования не имеет.

В 1971 г. Валентина Васильевна переехала в Благовещенск, уже имея троих сыновей. В Благовещенске до 1998 г. она проработала на Благовещенском пивоваренном заводе. Говорит Валентина Васильевна только по-русски. Ее русская речь представляет собой просторечие, в котором сохраняются диалектные черты. Речь Валентины Васильевны сформирована на базе преимущественно русского, а также украинского языков. Особенности ее речи обусловлены семейной традицией, воспитанием, образованием, включенностью в промышленное производство.

ТЕКСТЫ И КОММЕНТАРИИ

Белоусова Валентина Васильевна, 1936 г.р.

Амурская обл., г. Благовещенск

Записала Е.В. Белоусова²³, 2009 г.

Обработали Е.В. Белоусова, Н.Г. Архипова, 2010 г.

Комментарии: Н.Г. Архипова, Е.В. Белоусова

О своей жизни

«Мы его не папка звали, а тата»

– *Да, это вот твоё свидетельство о рождении: «Белоусова Валентина Васильевна. 14 февраля 1936 год».*

– А, вот это – Виталькино!

– *Да, у него уже новое. А твоё выдали тебе в Чугуевке?*

– Нет, это уже тута, а моё (первое – Н.А.), я и не знаю, куда оно делось, затрепалось, там уже одни лохмотья. Поэтому и переделали потом.

– *Понятно, но родилась ты в Чугуевке?*

– Да, да.

– *Расскажи историю семьи своей, как жили в Чугуевке?*

– Ну, толком я не знаю, потому шо я была маленькая. В три(д)цать восьмом году, это сколько мне было лет? Полтора, два? Два года. Ну и тут, и оттуда сразу поехали в Февральск.

– *Ну, ты Чугуевку помнишь? Тебе рассказывали что-нибудь?*

– В Чууевке я... Ты выключила свой (диктофон – Н.А.)? Это я ездила туда, как тебе сказать, это ў-үости, к тётушке. Уже Виталька родился, сколько ему было? Три годика, наверное, да. Вот, это в каком году? В семь(д)есят...в восемь(д)есят, наверное, первом, в восьмидесятом году. Ездила туда, ну, видела <...> Надо мне вот на эту фотографию сделать рамочку, иначе дело – труба, все. <...>Ну, рассказывала, что хорошо жили, и корова была, и хрюкалка была, и куры, ну, в общем, всё хозяйство было. А потом эта репрессия. И кто хотел, китайцы, там же рядом граница, кто хотел, тот ў Китай уежж'а'л. Отцовый брат уехал в Китай, а оте-е-ец, у отца-то и вообще был русский паспорт, потому что он же с матерью-то это, сошёлся, уже двое детей было. И он: «А я, – г(ово)рит, – Никуда не поеду! Я с своей семьёй тут остаюсь. Куда направят, туда, там и поеду!» Ну и вот, да, жили нормально, и корову тут держали, в Февральском.

– *А в каком году в Февральск приехали?*

– В три(д)цать восьмом. Ну тут, конечно, отец купил кварти... избёнку, ну, так мы и жили. Как все ребятишки, так и я беуала, и босьяком, и всяко.

– *А заблудилась как?*

– А заблудилась я, это, в сорок седьмом. Это, отец умер, и на третий год, на третий день, то ес(т)ь, я заблудилась. Пошла по дрова, я ж всегда была хозяйка, а матушка с братишкой коров допасывали сезон. Отец пастухом был, а раньше в деревне чё работа? Зимой он овощехранилище стерёх. Шоб воры не залезли. Топил, топняком был, а летом пас короу.

²³ Внучка В.В. Белоусовой

И вот, он в сорок седьмом умер. Мать с братишкой допасывали, а я уже хозяюшкой была, жрать им варила, кушать то есть (смеется). Возьму верёвочку и принесу с лесу дров. И ести им готовила. Ну, а тут заблудилась. И сама-то знаешь, што неделю я там странствовала. Ноги у меня опу-у-ухшие были: по болотам ходила босяком. Я уже ни исть, ни пить – ничё не хотела.

– *Лишь бы домой?*

– Ничё, я уже и про дом не думала!

– *Сколько лет тебе было?*

– Ну сколько? Лет десять, наверное, было. Десять – одиннадцатый или даже одиннадцать. Ну, а в школу я пошла в девять. С девяти лет. Потому шо я была маленька ростиком. И уже в девять лет пошла...

Ну и вот, ну и чё, потом нашли меня с этого, с лесу-то. Так и училась.

– *А кто нашел?*

– Дядька-охотник.

– *А так уже не искали?*

– Не, никто не искал. А он поехал на охоту, а была бабушка, старенькая, Болонёва, сама знаешь, как старушки: «Ой, сыночка, хорошей тебе охоты! Дай Боу, шоб ты нашу Валюшку нашёл!» Он поехал, поехал, на пути встретились ему мужики, ну и чё-то разговорились и он говорит: «Вы знаете, в нашей деревне потерялась девочка, отец умер и девочка потерялась, заблудилась и вот, сейчас не знаю, найду я её там? Бабульки все попросили, шоб я её поискал». Ну, они и говорят, шо: «Слушай, Серёжа (его Сергеем звали), поеж'ж'ай-ка ты туда-то туда-то! А мы стреляли уток и слышали детский крик, но мы не подумали, что это может быть дитё там орёт. Да еще и подумали, откуда тут может? Вот туда и еж'ж'ай!» Вот он туда и поехал. Где-то, какая-то там Селем(д)жа, приток Селем(д)жи. Вот. Поехал он. Он раз стрельнул, а я, уже чё, какой у меня голос уже был? сама знаешь, какой, неделю не ела, не пила, чё там. И-и-и-и-и!!!!!! Чуть-чуть голосок. А собака рванулася.

– *К тебе?*

– Да. «Я, – говорит, – еще раз стрельнул, чтобы для, это, убедиться, что действительно кто-то кричит или нет...» И говорит (а собачку звали Трезор): «Трезор, подож'ж'и! Стрельнул, слышу, опять кричит, тогда я, го(ово)рит, пошли. Он вперёд – я за нём, он вперёд – я за нём, за собачкой, за этим. И уже бли-и-изко подье ж'ж'ает, ну, вот примерно, как до краю (показывает), до дороуи, а я уже ходить не могла, уже сделала себе, ну, костыли типа, нашла такие сучки, шоб ходить, сюда и сюда (показывает – под мышки), вот так вот передвиуалася, сучок поставлю – ногу, вторую, сучок – вторую ногу. Он кричит: «Сиди-и-и, сиди-и-и!», а где там сидеть, коуда человек едет!? И я, это, и собака сюда, на меня, а он кричит: «Трезор, нельзя!» А я: «Трезо-о-орушка!» Я, бляха, всех собак там знала (смеется).

Говорю: «Дядя Сережа!!!!» Он на меня глазёнки выпучил: «А ты меня откуда знаешь?». «Знаю! Я знаю ваших всех: и Нину знаю, и Володю, и Борю – всех знаю!»

– *Детей его?*

– Детей, ... и Машу... ладно. Ну, вот он меня: «Ты кушать хочешь?» «Не-е-е, не хочу!», – говорю. Он мне отломил кусочек хлебушка, я съела, и у меня, исть захотела, и на иво смотрю, он еще маленький кусочек отрезал, отломал, и я это, ну чё, жрать захотела, он: «Не-

е-ет, доченька, нельзя тебе мноґо кушать, а то может быть получится заворот кишок, столько дней не ела, и вдруг, я тебе если дам кусок хлеба, ты съешь – и, это, можешь умереть.»

– *А ты вообще в лесу ничего не ела?*

– Ничё, ну, там где-где попервости, ягодку где увижу, там брусника, не, голубица, тогда брусники не было, а голубица.

– *Ну это ты все по Февральску, по округе, по тайге ходила?*

– Да, да, да!

– *А медведи? Не было никого?*

– Не, никого-никого не видала!

– *Повезло тебе!*

– Да, не ґовори, а я полукала так вот, такое озеро большое было, на второй день, как заблудилась. Мож на второй или на третий, примерно так, видела землянку, озеро большо-о-о-ое такое, и у-у-у-у-тоооок – тьма было на этом озере, я думаю, ну вот, хорошо, землянка! И попаду я щас, пойду-у-у-у так, обойду это озеро и в землянку попаду. Дудки! Я еще дальше зашла.

– *Не обошла озеро?*

– Не обошла, а еще и дальше зашла. Надо было мне хоть сидеть было коло этой, ну, надо же и(д)ти куда-то, надо ж в землянку попасть! Ну, в общем, зарулила еще дальше. Вот.

– *Ну, это лето было?*

– Лето было, в августе месяце.

– *В августе, когда отец умер, ты и пошла?*

– Я пошла.

– *Ну, дальше, покормил он тебя?*

– Ну, покормил, повёз. Посадил меня вперёд.

– *А на чём?*

– На лошади. Посадил вот так вот. Хлестанёт лошадь, а она идёт чуть-чуть, а надо по-сильнее. А у меня ноґи-и-и, ну чё - напухли. Потому что резучка порезала ноґи, ну вот видела у нас в оґороде такая, колючая. Вот это такая трава.

– *Да, у меня от нее шрам есть.*

– О, вот, может. Вот эта резучка, а там везде эта резучка была. Она мне порезала ноґи, а там в болоте вода ржавая, и вот в эти порезы мне ржавая вода попала. И опухли. Совсем были, как колотушки. Я не моґла ни ходить, ничеґо. И вот. Или от ґолода... ну факт в том, что ноґи были опухшие. Я и это, поехали. А коґда привёз он меня, в начале деревни, подъехал, дети кричат, там д'в'е девчонки были, кричат, орут на всю: «Ва-а-алю нашли! Ва-а-алю нашли!» Беґут, орут, как чумовые, что Валю нашли. Ну, пришли, прибежали, домой, вперёд оне прибежали, ну, у нас уже, Гоша уже дома был, как раз он в это время, когда я блудила, он был на покосе, работал, ну и так вроде бы и встретил. Не помню <...>.

...А вроде, был еще отец живой, он просил его, Гошу, шоб он, видишь, какая борода у него (у деда), он просил, шоб он эту бороду ему состриґ. А он г(ово)рит: «Да, да, ладно, отец, потом!» Мы его не «папка» звали, а «тата».

– *А почему?*

– «Тата» и все! ... «Ладно, тата, щас особо некогда!» Вот, так вот его и сфотоґрафировали, с этой бородашкой, ну, и это, привезли меня коґда, а там – наро-о-оду-у-у!!! А у нас ха-

тёнка была маленькая, ажно пол треснул, столько народу, как на диковинку смотреть: Вальку привезли!

КОММЕНТАРИЙ

Фонетика

1. В речи информанта под ударением различается 5 гласных фонем <a>, <o>, <y>, <э>, <и>: *ма́ма, пото́м, тут, не́бо, пи́ли*.

2. Произношение гласных неверхнего подъема после твёрдых согласных совпадает с литературной нормой, лишь в ряде случаев встречается произношение [o] на месте /o/ в безударной позиции, что свидетельствует о наличии рудиментов оканья, обусловленного влиянием материнского говора: *по́том, ко́рова, хо́зяйство, ў –у́ости (в гости)*.

3. После мягких согласных гласный в первом предударном слоге произносится по модели иканья: *т[и]бя, м[и]ня, пот[и]рялась, бос[и]ком*.

4. Фонема <г> реализуется как [г] и как [γ]: *γотовила, Чу[γ]уевка, [г]одика, при[г]нал, о[г]ород*. На конце слова [γ] оглушается в [х]: *стерё[х]*. Слово *Бог* произносится как *бо[γ]*.

5. Сочетание [кт] произносится как [хт]: *хто, нихто*.

6. Долгая глухая шипящая фонема произносится твердо – [ш:]: *е[ш:]о, [ш:]авель*.

7. Фонема /в/ реализуется по-разному: в позиции между гласными – губно-зубной [в], в начале, в конце слов и перед глухими преимущественно как [ў]-неслоговой: *коро[в]а, коро[ў], ў нашей деревне*. Однако эти особенности несистемны: например, *[ў]сё* и *[фсё]*.

8. Аффриката /ч/ произносится мягко: *[ч']еловек, от[ч']ество*. Слова «что» и «чтоб» произносятся как *што, чё, шо, шоб*.

9. Регулярно встречается дизреза на стыке согласных: *тр'и(ð)цат', ко[г]да*.

10. Отмечено мягкое произношение сочетания ж'ж': *подож'ж'и, дож'ж'я*.

Вышеперечисленные особенности несистемны, в одних и тех же позициях может проявляться вариативность, обусловленная тем, что информантка долгие годы является жительницей города и ближайшее окружение – дети, родственники – являются носителями литературного языка, который, безусловно, оказывает нивелирующее воздействие на диалектную речь.

Морфология

11. У существительных в Р.п. ед.ч. нередко встречается флексия –у: *с подхо́зу (подхо́з – подсобное хозяйство), из до́му*.

12. Частотны постпозитивные частицы **-то** и **-ка**: *он-то, мой-то, поезжай-ка, посмотри-ка*.

13. В ряде случаев у личных местоимений не происходит протетирования [н] после проклитик на согласный в позиции перед гласным: *с^им, под^имя, у^их*.

14. Вместо формы творительного падежа местоимения *они* – *на ним* употребляется форма *за нём*.

15. Отмечено употребление *оне* вместо *они*.

16. Частотно употребление возвратного местоимения «себя» в форме «себе».

17. В винительном, родительном и дательных падежах личное местоимение 1 лица употребляется в форме *мене*: *около мене, мене никто не нужен*.

18. Ненормативное для литературного языка употребление суффикса притяжательного прилагательного *отцовый* вместо *отцовский*.

19. Отмечено употребление нестяженных форм прилагательных: *хорошая, дорогая, крепкая*. Стяженные формы прилагательных употребляются крайне редко: *маленька, ширóка*.
20. Глагол «есть» в значении «принимать пищу» употребляется как *исти, исть*.
21. В ряде случаев возвратный постфикс в формах глаголов повелительного наклонения произносится твердо: *сади[с], учи[с]*.
22. Наблюдается выравнивание основ: *бежать – бежи*.
23. В возвратных глаголах на месте литературного –сь часто использует постфикс –ся: *родились, женились. заблудилась, потерялась*.
24. Топонимы на –ск склоняются по типу прилагательного: *в Февральском*.

Синтаксис

25. Отмечено обилие чужой речи в авторском тексте: *«А коуда привёз он меня, в начале деревни, подъехал, дети кричат, там д'в'е девчонки были, кричат, орут на всю: «Ва-а-алю нашли! Ва-а-алю нашли!» Беут, орут, как чумовые, что Валю нашли»*.
26. Частотны эллиптические конструкции: *он вперед - я за нём*.
27. Отмечено ненормативное для литературного языка употребление предлогов в словосочетаниях, например: *кому с вас, пошла по дрова, принесу с лесу дров*.

Лексика

28. В речи информанта отмечается диалектная и диалектно-просторечная лексика, а также лексика, известная литературному языку, но употребленная в диалектном значении:

А́жно – очень

Блудить – идти по лесу, заблудившись

Вперёд – впереди

Вперёд – сначала

Затрепаться – изветшать, растрепаться

Как чумовые – в большой степени волнения

Кóло – около

Напу́хнуть – опухнуть

Подхóз – подсобное хозяйство

Полукáть – посмотреть

По пёрвости – сначала

Резу́чка – трава, похожая на вьюн, с ползучими колючими стеблями

Сойт́ись – жениться

Стра́нствовать – плутать

Топня́к – истопник

Та́тя и тя́тя – отец

Хозя́йка – женщина, хорошо ведущая домашнее хозяйство

Хрю́калка – свинья

Шука́ть – искать

29. Частотно употребляется деминутивная лексика: *матушка, хозяйюшка, братишка, верёвочка, избёнка, хатёнка, Валюшка, сыночка, бабулька, Трезорушка, глазёнки, хлебушек, кулачёк*.

30. Встречается просторечная и грубо просторечная лексика: *бляха, жрать*.

РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ

Речевой жанр автобиографического рассказа является главной темой раздела. Анализ этого жанра осуществлен на материале русских говоров Приамурья. В качестве примера реализации названного жанра в диалектной речи выбран рассказ о себе Ивана Евсеевича Савосько, 1926 г.р., жителя села Куропатино Тамбовского района Амурской области. Выбор не случаен, поскольку в биографии Ивана Евсеевича случился сюжет, связанный с пребыванием в соседней стране – Китае, и в свете изучения межъязыкового взаимодействия в регионе этот рассказ представляет интерес и как пример воплощения жанра автобиографического рассказа, и как пример интерпретации носителем диалекта русско-китайского, в том числе языкового, взаимодействия, причем как в прошлом, так и настоящем времени.

Кроме того, мы продолжаем публикацию рассказов-воспоминаний жителей сел Амурской области, ценных в историко-культурном отношении. В этом выпуске все рассказы объединены одной темой – темой Великой Отечественной войны, и это тоже не случайно в год 65-летнего юбилея Великой Победы.

Н.В. Лагута

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ АМУРСКОГО СТАРОЖИЛА В ЯЗЫКОВОМ ВОПЛОЩЕНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ)

Анализ функционирования речевых жанров (далее – РЖ), под которыми понимаются относительно устойчивые тематические, композиционные, стилистические типы текстов, выступающие в качестве продукта речевой деятельности, является одним из актуальных аспектов исследования диалектной речи, поскольку позволяет рассмотреть «живое» общение во всем его разнообразии.

Основанием выделения РЖ автобиографического рассказа в данном исследовании является относительно устойчивый набор высказываний, повторяющийся у разных информантов, который характеризуется общностью тематической и композиционной организации текстов. Для номинации исследуемых источников представляется целесообразным использовать термины «автобиографический рассказ» и «автобиография» как синонимы, поскольку жанр автобиографии понимается в работе достаточно широко, и мы сознательно отходим от жестких требований официально-делового стиля, термин же «автобиографический рассказ» акцентирует устную природу жизнеописаний, которые представляют информанты. Таким образом, **автобиографический рассказ** – это устное словесное изложение событий, происшедших в собственной жизни.

Ограниченность рассказа во времени способствует актуализации наиболее важных жизненных событий и достижений человека, поэтому РЖ автобиографического рассказа выполняет функцию самоидентификации человека, закрепления себя в обществе и мире и является ориентированным на собеседника [см. 1]. Несмотря на то, что исследуемые автобиографические рассказы спровоцированы и появляются в особых условиях (при общении собесед-

ников разных речевых культур), сам рассказ включается в живое общение и начинает развиваться по законам естественной коммуникации. На этом основании данный РЖ относим к первичным речевым жанрам, под которыми, вслед за М.М. Бахтиным, понимаются устные жанры, сложившиеся в условиях непосредственного речевого общения» [2].

Исследуемые диалектные тексты имеют свою специфику: с одной стороны, это тексты монологического характера, поскольку диалектоносите́ль рассказывает автобиографию, и ему не требуется в этот момент диалог с собеседником. С другой стороны, рассказы ориентированы на собеседника и, соответственно, являются диалогическими. В текстах встречаются обращения к диалектологу, риторические вопросы, различные вопросительные конструкции и другие языковые и неязыковые средства: *У-ёй-ёй! Нас ехало / **знаешь** / сколько / вот сколько состав / пассажирских вагоноу / и нас полный / етые / все ехали // Токо мы ехали / **знаешь** / не пассажирской дороуой / а товарной / товарняком // (Шмендель М.Я., 1917 г.р.)* [3].

В настоящее время существует несколько способов описания жанров речи, базовыми для которых являются описательные модели РЖ, созданные А. Вежбицкой и Т.В.Шмелевой.

Рассматривая данный жанр в рамках семантической теории элементарных смысловых единиц А. Вежбицкой [4], можно определить основные мотивы и интенции, моделирующие автобиографический рассказ: –

- говорю о тех вещах, которые произошли в моей жизни;
- говорю это, потому что хочу, чтобы люди знали о моей жизни и могли представить ее себе;
- думаю, что люди хотели бы знать о моей жизни и иметь возможность представить ее себе.

Данные интенции позволяют определить **коммуникативную цель** исследуемого РЖ – предъявление информации о жизни с момента рождения до момента общения.

Далее, в соответствии со схемой описания РЖ, предложенной Т.В. Шмелевой [5] охарактеризуем РЖ автобиографического рассказа по следующим параметрам: диктумное содержание, построение (схема), темпоральная организация; образ автора; средства языкового воплощения.

Диктумное содержание высказываний данного типа в нашем материале представляет собой описание событий, произошедших в жизни говорящего. В речи носителей диалекта в рамках данного РЖ получают отражение такие факты, как рождение, место жительства (переезды), состав и уклад семьи, учеба, женитьба (замужество), наличие детей, этапы работы и другие важные жизненные события.

Расположение пропозиций имеет определенную последовательность: при описании времени и места рождения, состава семьи, хозяйства семьи используются бытийные пропозиции; сообщение о переезде осуществляется в пропозициях движения, при описании личной жизни говорящий обращается к пропозиции существования. Анализ диктумного содержания через описание пропозиций позволяет отметить преобладание бытийных пропозиций и пропозиций характеристики.

В текстах, относящихся к РЖ автобиографического рассказа, содержится изложение диалектоносителем информации о себе и собственной жизни в хронологической последова-

тельности по следующей **схеме**: вначале следует сообщение о годе и месте рождения, затем сообщается о семье, в которой родился говорящий, родителях, о хозяйстве семьи. Потом говорящий представляет информацию о переезде, перемене места жительства, объясняет, как оказался в той или иной местности. Затем следует сообщение о событиях в личной жизни, о сферах деятельности. Далее повествуется о детях и их судьбе, о своей жизни в настоящее время.

По указанной схеме строится типичный автобиографический рассказ. Повествование начинается с рассказа о событиях, происходивших в прошлом, и заканчивается описанием настоящего периода жизни. Однако устная форма коммуникации, а также спонтанность, неподготовленность порождения текста и стремление информанта рассказать вначале о наиболее важных для него событиях и жизненных периодах, обуславливает вариативность построения автобиографических рассказов: в них может быть нарушена хронологическая последовательность при рассказе о событиях, происходивших в жизни, повествование может начинаться с рассказа о современном периоде жизни или подведения итогов, в текстах могут отсутствовать какие-либо элементы схемы.

Схематическое представление информации исследуемого РЖ позволяет выявить важную особенность автобиографического рассказа – наличие в нем двух временных пластов: рассказ о жизни в прошлом и отражение настоящей, современной жизни. Таким образом, в РЖ автобиографического рассказа выделяются две основные смысловые части – прошлое и настоящее: *И зямли сколько хочешь тут / а там двадцать пять соток / а у мяни семь дятей и самих два // Девять человек / двадцать пять соток / ху-ути лопни! // А сейша (сейчас) от так / заступил куды / плáти налох // (Шмендель М.Я., 1917 г.р.) [3].*

Само построение автобиографических текстов можно рассматривать как соотношение субъективного и объективного начал в РЖ автобиографического рассказа. С одной стороны, существует регламентированный порядок, объективная композиционная структура и смысловое наполнение жанра автобиографии, а с другой стороны, индивидуальная неповторимая жизнь человека, рассказ о которой принимает субъективную форму и содержание.

Отражение субъективного фактора в автобиографических рассказах можно проследить и на примере модусных смыслов в исследуемых текстах. В автобиографических рассказах реализуются метакатегории, авторизационные, квалификативные и социальные категории.

При рассмотрении временной организации текстов на примере представления схемы РЖ и ее вариантов выявлена характерная особенность РЖ автобиографического рассказа: совмещение субъекта повествования и объекта. Говорящий рассказывает о себе и периодах своей жизни, то есть сам же является объектом своего повествования.

Основными **языковыми средствами**, участвующими в образовании жанра, как правило, являются единицы всех уровней. Так, на лексическом уровне в РЖ автобиографического рассказа отмечается наличие лексических единиц, обозначающих:

– факт рождения и существования человека:

В.Е.: Да я и так уже / мне уже семьят уж будет //

– Да вы что! Это вы в каком году родились?

В.Е.: Считай / сколько...

– Тридцать шестом?

В.Е.: Нет / на год... / седьмом //

– Тридцать седьмом. А вы в каком году в это село приехали?

В.Е.: Да я / родилась туть // (Лощенко В.Е., 1937 г.р.) [3].

Самая старшая я // Девяностый год пошёл // (Корнева П.Т., 1922 г.р.) [3].

– наименования родства, собственные имена существительных (топонимов и антропонимов):

М.Е.: Здесь / здесь родители родились //

– А родители откуда / переселились / наверное / да?

М.Е.: Нет / наверно так / здесь были // Тока не на этой деревне а-а / через **Зею** / там у **Натальино** были // **Отец**-то здесь рожденный // А **отцова мать** / тогда когда это / **Катерина** что ли / рас... выселяла с **Забайкала** / Вот они суды на паро-омах плыли / здесь строились / тут тайга была // Строились здесь / и тут обосновались // А **мама** / это / в **Натальине** / ну наверно / тоже также они... они / говорит / суды на **Амур** плыли / на паромах на всяк / и вот / облюбовали / где место такое / расселялись и строились (Петрова М.Е., 1930 г.р.) [3].

– наименования, входящие в лексико-семантические поля «возраст», «обучение», «работа». Так, например, в лексико-семантическое поле «возраст» входят лексические единицы, обозначающие периоды детства, молодости, старости. В речи информантов указание на определенные жизненные периоды может быть оформлено числительными, но такое четкое отграничение может и отсутствовать. Не всегда человек представляет свою жизнь по указанным периодам, а может делить ее на довоенную и послевоенную, до замужества/женитьбы и после, самостоятельную жизнь и жизнь с родителями:

Война началась / одиннадцать лет было / пошли-и... школу побросали, пошли в колхоз работать / отца в армию забрали (Петрова М.Е., 1930 г.р.) [3].

М.Я.: А жили / я вот такая была уже / вот як это / я ни в школу не ходила... не пустили меня //

– А почему не ходили, нянчились?

М.Я.: Да не нянчиться / работать надо! Я уже пряла / вот такая вот / пряла уже / и-и уже и вышивала всяк / всяки вы... (Шмендель М.Я., 1917 г.р.) [3].

Н.М.: Я работала?! Ну я то(г)да на железной дороге то(г)да работала / наверно / много // (сестре) Ты не дома жила у нас / В Архаре жила // А мы-то / это самое... ну / я когда работала в колхозе / сперва ко(г)да замуж вышла // А потом уже ко(г)да колхозы разогнали / то я уже в заготконторе много работала / на посту в метерслужбе (нрзбр.) так я и ушла на пенсию... // И начальником была за участком / много лет на работе //

Сестра: И завмагом была...

Н.М.: И продавцом была / и здесь вот в конторе / приехала сюда я / кассиром была / бухгалтер гаража была / семь классов кончила и нигде не училась // А щас вы семь классов кончите / чё с вас толку? (Борисова Н.М., 1931 г.р.) [3].

Последний пример демонстрирует достаточно большое количество лексических единиц, входящих в лексико-семантическое поле «работа», например, номинации занимаемой должности и места работы (железная дорога, колхоз, заготконтора, метеослужба, начальник участка, завмаг, продавец, контора, кассир, бухгалтер, гараж).

На морфологическом уровне отмечается употребление количественных, порядковых, собирательных числительных для обозначения года, дня рождения, возраста, количества человек в семье, даты, определяющей важные события в жизни говорящего, периода времени, в течение которого совершалось какое-либо действие, происходило то или иное событие:

И мы с мамой остались / мы-то работали / а эти / брат с сорок трет(ь)его года / чё / он маленький был // Сестра тоже маленька была / их надо было это / а я была / сестра ещё в Благовещенске / вот она / та двадцать восьмого года // Вот мы ра... пошли работать в колхоз (Петрова М.Е., 1930 г.р.) [3].

Используется в исследуемом РЖ много местоимений. Это личные местоимения первого лица единственного и множественного числа **я, мы**, притяжательные местоимения **мой, свой, наш**, определительное местоимение **сам (-а, -и)**, глаголы в форме первого лица единственного числа, что является показателем яркого личностного начала как одной из характерных черт жанра автобиографии.

Ф.Г.: Я четыре класса кончила / и опять началось //

– Не / не нравилось?

Ф.Г.: Не нравилось / просто нам некогда было уроки делать // Я прихожу со школы и еду за палочками // Были так трудно / стопкой (Ерофеева Ф.Г., 1925 г.р.) [3].

Глаголы в форме настоящего времени свидетельствуют о перенесении событий из прошлого в современное время, в момент говорения, о ярком переживании того, что произошло.

В жанре автобиографии отражается влияние объективных факторов и самого человека на свою судьбу. Авторы автобиографических рассказов постоянно очерчивают два круга отношений с окружающим их миром: отношения, которые формирует сам человек, и отношения, возникающие под влиянием событий социального характера. Отражение действительности, обстоятельств, не зависящих от человека, влияние тех или иных событий на судьбу человека, на жизнь, неспособность человека повлиять на события отражаются в высказываниях с помощью использования глаголов в безличной форме. В той же функции используются неопределённо-личные, обобщённо-личные конструкции: *Ну вот / это в пиисятых годах уже стало маленько вольно / а то же ни хлеба / ничё / жили в колхозе / так и ничё ни / и это самое / колхоз такой бедный был / это уже когда уже с колхоза убежали / муж дак стал работать / и тогда уже стали деньги (Борисова Н.М., 1931 г.р.) [3].*

Таким образом, отметим, что в образовании РЖ автобиографического рассказа участвуют языковые единицы лексического, морфологического, синтаксического уровней. Схематическое представление РЖ автобиографического рассказа позволяет охарактеризовать языковое воплощение жанра и соотношение субъективного и объективного факторов в этом жанре.

Диалектоносители строят свои автобиографические рассказы по законам естественной коммуникации, что обуславливает появление и включение в рассматриваемый РЖ элементов других жанров, в первую очередь, РЖ «воспоминание» и РЖ «объяснение». Поскольку апелляция к памяти является важнейшей особенностью автобиографического повествования, большинство фрагментов в РЖ автобиографического рассказа осуществляется в рамках жанра воспоминания: *Ну я не знаю / да тута наверно(е) и родилися // Ну я это / помню / это*

самое / мать / свёкор и мать / хорошо знаю / она здесь была / я хо-хоронила / ко(г)да молодая была // (Борисова Н.М., 1931 г.р.) [3].

Сообщая информацию о жизни в какой-либо период, описывая атмосферу той или иной эпохи, объясняя, почему так жили, или давая объяснения по ходу повествования, авторы автобиографических рассказов с целью быть понятыми используют РЖ объяснения. *Ой / вроде бы как они (родители) забайкальские / ну так / примерно они говорили //* Но я то их / не знаю / стариков-то / знаю / бабка / все тут жили / где щас почта / старики там жили // Я дедушки вообще не помню / а – а эта / бабку так чуть – чуть // Ай мы-то чё / были-то вот такие всё / ну и всё –ё / тама // А так / здеинии // Прожили тут // (Лощенко В.Е., 1937 г.р.) [3].

Таким образом, РЖ автобиографического рассказа в диалектной коммуникации является устным спонтанным неофициальным рассказом, который создается в течение непродолжительного времени, характеризуется нарушением хронологической последовательности событий, наличием отступлений от главного повествования и совмещением ситуации текущего общения с ситуацией того события, о котором идет речь. Основной коммуникативной целью РЖ автобиографического рассказа является предъявление информации о жизни с момента рождения до момента общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волошина С.В. Речевой жанр автобиографического рассказа в диалектной коммуникации: Автореф. дис... канд. филол. наук. Томск, 2008.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров. 2-е изд. М.: Искусство, 1986.
3. Фоноархив лаборатории региональной лингвистики АмГУ.
4. Вежбицкая А. Речевые жанры // Жанры речи. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 99-112.
5. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 88-99.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

«Ты запиши! Через два солнца тебе принесу!»

*Савосько Иван Евсеевич, 1926 г.р.
Савосько Полина Александровна, 192(?) г.р.
с. Куропатино Тамбовского р-на Амурской обл.
Записали Архипова Н.Г., Галимова Д.Н., И. 2005 г.
Обработали Ковалева А., Оглезнева Е.А., 2007 г.*

И.Е.: Как стал я уже подрастать, так стал помнить чё. Дак токо там на берегу была мельница, осталась. Мельница и китайские фанзы. Китайцы жили. Кирпичный завод свой был, всё. А так деревня «Партизан», отсюда дома возили. Они ж людей повыслали, дома пустые.

– А китайцев помните? Они здесь жили?

И.Е.: Ну как не помнить?! Вот даже кода колхоз был, вот в тридцать восьмом году раскулачивали этих, когда война началась на Хасане. Дак это у нас был заместитель председателя колхоза китаец, председатель сельсовета был китаец.

– *Чистый китаец?*

И.Е.: Да, заместитель председателя был Люсьон, а председатель сельсовета Лысынко был, фамилия, родственники его взяли. А этот повар был Санри.

– *А как они по-русски-то говорили?*

И.Е.: Так вот как вы разговариваете. Они же с русскими жили, ну маленько акцент может быть.

П.А. Хорошие люди.

И.Е. Хорошие люди

П.А. Вот и в «Партизане» жила, у нас китайцы тоже были. Хорошие люди.

И.Е. Вот когда на Хасане началась война. Японию же тут. Орудийные выстрелы, все слышать. Вот тогда только забрали этих китайцев и на север выслали. В Амурскую область, токо на север туда.

– *Они же, наверное, здесь женились?*

И.Е.: Женились.

– *А жен куда?*

И.Е.: И жен туда.

П.А. Женились они на русских. <...>.

– *А дома у них какие были?*

И.Е.: Ну китайские фанзы, как сказать... Они не похожи на наши. Я вот скока в Харбине служил, до самого апреля сорок шестого, у их потолков не было... Балки, там наброшено всё. Заходишь... посреди фанзы такой круглый (*нрзбр.*)... А над стенкой, вдоль северной стенки идёт нары сплошные. Прямо на всю стену. Там в углу топка, там топят, а труба аж вон там, на улице. Или бревно, или кирпичная. Кто как живет. И вот они на нарах спят на этих, а там под циновкой зерно сохнет. Отапливается. Вот такие. Бедно жили.

П.А.: Там Китай, а здесь?

И.Е.: А здесь на берегу их... Такие же фанзы были. Такие же самые фанзы. .

П.А.: Ну не знаю... У нас они жили просто в таких же домах

И.Е.: Это уже знаешь шо? Так и тут побогаче маленько. Кирпичный завод же был, вот они в этой фанзе...

– *А он просто кирпичный или глина там? Вот настоящие китайские фанзы... Стены из чего сделаны?*

И.Е.: Деревянные и турлучные, из глины прямо это. Сама месют глину с опилками там. Ну опилок не было... с мякиной или соломой и заливают стены, а потом высыхают. И вот такие фанзы были.

– *А турлучная... Это что такое?*

И.Е.: Толстую талу заплетают, глиной обмазывают с обеих сторон.

– *Как мазанки на Украине?*

П.А.: Да, такие.

И.Е. Да! Примерно вот взять... Мы вот были когда в этом, на Кавказе, там в этой, за Астрахань туда, так там с камыша делают. Камыш, а потом обмазывают. Вот и китайцы.

– *А что ели они?*

И.Е.: <...>. Ещё знаешь чё...Ещё снег почти лежит на полях, он уже ходит торгует, лук продает. Они такие, шо день и ночь выращивают. Ели всё. Взять квасоль, токо у них мелкая квасоль, обязательно продает.<...>.

(о захоронении)

И.Е.: Вот раскапывали китайца, кожаный мешочек и палочки сохранились, это в гробу все. <...>. Хлеб они не ели, а пампушки.

– Ну а как делали их, не видели?

И.Е.: Вот такие вот пампушечки на пару. Тоже вкусные. Мы воровать ходили. Уйдут на кирпичный завод, а мы залазим. То домино украдём, то пампушки. Пацаны есть пацаны.

– А дети, жены их по домам, наверное?

И.Е.: Вот этого я не видел.

– А от русских они чем отличались? По характеру чем отличались?

И.Е.: От русских... Как человеки они ничем не отличаются. Такие доброжелательные. Вот в Харбине я служил. Приду раз в магазин. Возьмёшь там десять рублей, там гоби называются наши. Не хватает. «Ты запиши! Через два сонца тебе принесу!» Через два со(л)нца – через два дня. Хоть полмагазина бери в долг, вот такие доверчивые люди. Ну не все, не все.

– Ну они работающие, да?

И.Е.: Работающие.

– А наши вот враждовали с китайцами или мирно жили? Вот здесь когда они жили?

И.Е.: Мирно. Вот тут один... Это мне дед рассказывал, когда он со ссылки приезжал. Вот такие были китайцы, они ходили (*нрзбр.*). Вот нанялись одному старику дом делать, хорошие, как и русские хорошие, так и они. Делали, дело дошло до конца. А он взял их и выгнал. Вы плохо делаете, да и всё. А у него там на поле зерно было из скирды (?). Поехали туда тушить, там скирды загорелись. (*Нрзбр.*) не заплатил ничё, работали. Работали, взял да и выгнал. Ну и тут один такой Супрун был такой, вот... Этот Кирилл был, Серёжи Супруна папаша, а того я не знаю, как было звать. Вот он с этим вот Супруном с Кириллом, с Серёжиным отцом поехали по сено. Оттуда с возами уже ехали, китайцы остановили и того Супруна убили. А этот успел, где-то там за сугроб спрятался.

– А за что убили?

И.Е.: Их коней забрали. Надо было, коней забирают, на ту сторону продали. Вот жили. Да этих китайцев... Боже мой! Сколько их там! Я вот было ездили по хунхузам... Одного коня куют, а их там человек сорок, пятьдесят сидят, делать нечего.

– А хунхузы, это кто?

И.Е.: Ну как по-нашему? Вот щас в Чечне говорят банда, а у нас в войну назывались партизаны. Так вот эти хунхузы. Ездили мы всю зиму с этими хунхузами.

– А если китаец русскую в жены брал, он как свадьбу играл – по-русски или по-китайски?

И.Е.: Это уже ихнее дело. <...>. Тут даже Кантон Коммуна выше Благовещенска, километров семь наверное. Вот я кода дослуживал в Моховой, а там Кантон Коммуна выше Благовещенска, там целая деревня, китайцы жили. Жены у их русские. Ну она со мной говорит по-русски, а с мужиком по-китайски. Они называют русских ламоза. Муж и жена находили общий язык.

– А детей от смешанных браков не дразнили? Что он не совсем русский и не китаец?

И.Е.: У нас был вот этот вот Лысынько, который я говорю председатель сельсовета... У него было наверно человек пять (*нрзбр.*), все на китайца похожи. Видать гены такие.

– А имена у них русские?

П.А.: Ну они-то по-своему говорят

И.Е.: Русские имена, я говорю. Вот этот Лысынько Андреем звали... А вот? А вот Люсьена не знаю как звали.

П.А.: У нас вот Ваней. В основном они Ваней называли.

И.Е.: Да, Иван, Андрей, Петро, так присваивают русское имя. А уж по-китайски...

– А их дети на каком языке разговаривали?

И.Е.: По-русски. Даже это вот... С Петром нашим служил, не Лысынькин, а наверно какой-то Санрин или Люсьено сын. Уже в армии, он двадцать восьмого года, уже служил. Из северных районов брали в армию, вот он служил. <...>. Вот Петя Маслов тоже. Маленечко глаза раскосые, а так русский да и русский, чё.

– А корейцев тут не было?

И.Е.: Были. Корейцы их где-то туда брали или в Казахстан, где-то туда. А китайцы были до тридцать восьмого года. Даже вот где Гильчин, до Тамбовки, там речка, площадь такая большая. Они рис и ам сеяли. Когда убрали их, дак с деревни, я ж ешо пацаном был, а вот взрослых таких рис убирать посылали. Тоже кода-то давно-давно, ну вот считай сто лет, как китайцы тут жили, вот они рис, видать, сеяли.

– А потом, когда китайцев выселили, после них русские уже рис этот не обрабатывали?

И.Е.: Да тут земли хватало русским.<...>.

П.А.: И то они народ такой, что и вправду работающие.

И.Е.: Там надо в воде. Это же китайский труд такой. Вот рассаду выращивают, этот рис, а потом по колено в воде скоко идти надо, каждую это посадить в воду. Заливают воду, выпускают воду. Щеки такие.

– Щеки – это что?

И.Е.: Ну щеки, огород. Вот специально скоко там, там паховский труд. Надо запускать воду, выпускать эту воду. Контролировать.

– А гильжи были здесь?

И.Е.: Ну это там за Хабаровском. Там эти и нанайцы, гольды там всякие. И щас они там живут. Рыбачут. Кету поймал, живой голову отрезает и ест. Видел я. Такие же люди, разговаривают по русски, всё.

ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЙНЕ

«Не дай бог такой войны и такого голоду!»

*Юдина Пелагея Григорьевна, 1930 г.р.
с. Великокнязевка Белогорского р-на Амурской обл.
Беседовали Бирик Е., Демченко И., 2006 г.
Обработали Демченко И., Лагута Н.В., 2010 г.*

Тяжело...да...а тут война-то как началась! Было страсти скоко!.. Боже мой! Как узнали мы, шо йета...война...слышим: үу – үу! Это ж Киев бомбили! И нам слышно было. Слышим:

бухкает, бухкает – самолёты летать...ой! А мы сидим и смотрим, куда ж он полетел? И так это... Потом нас вакуировалы (эвакуировали), когда вакуировалы, минировалы: выехали мы за деревню, километров двадцать, и глядим: я даже не знаю, самолётов пять или шесть летать...вот...как *(нрзбр.)* нам...ой! а мы туди чё?! побросали всё! Мы на лошадях, правда, нас везли, и в эту, в пшеницу! Мама мене схватила за руку, и побежали. Я-то одна, а у в это...у соседки их пятеро-шестеро было. Они, как цыплята, бедненькие, беут, орут. Они, правда, нас пролетели так, как щас помню, и надлетели там, там деревня, оттудиви (оттуда). И как они щё не в болото? Так от началá, один за одним, и так, и кидают, и кидают, в болото. Они в болоте, якá разобьётся, якá – нет, бомба. А мы все в поле... туда поскакивали, бывало, *(нрзбр.)* и сидим, пока пролетели, мы опять поехали. Так мы от-той днём до него, до той деревушки постоять, а ночью ехать. Ночью-то ничё. Страшно было, да...Орут! Детишки орут...ой! Страшно было, ой! Так... А чё, одни – мужиков нету, одни бабы да дети, мужиков-то нету...Страшно было... Страшно... Ой, такая жизнь была у меня... в общем, тяжело было...Вот хлеба нам, я ж үрю, выдавали по сто писят үрамм хлеба. На день...Ну, а чё там сто писят үрамм? Я щас двести-триста үрамм съем, а туди чё? А потом, и то правда... ну это было... то хоть мы в училище я училась. Так там как-то ничё было. А потом с үод после войны, правда, тяжеловато было, тяжело было. Мы ели траву, үнилую картошку, мы ели. Вот кленки, дубовые кленки вот...бывало, рвали, сушили, и это там, яка там эта...отрубя есть или шо, мама лепила лепёшки. Вот мы ели. Щас чушка и то бы не ела! А мы ели...Ну с үод мы побыли, правда, тяжело после войны, а потом, правда... Нас вот с училища выпустили, и мы как уехали в эту, в Кашировку, и жили в Кашире под Москвой. Вот. И там мы значить это, карточки нам дали, нам, помню, карточки такие... такие синеватые. И там написано: жиры, сахар, вот это всё... ну... кормиться, шоб эти талончики, так отрываешь. Вот идёшь у столовую, скоко там тебе надо? Там жиров, хлеба, и отрываешь. Ну а мы-то – не понимали! Таково... ничё... И сходим, дня три – четыре, у нас нету карточки. И мы ходим үолодные. А потом мастер, мы... вообще, уже сил не было ходить на работу. Мастер пришёл: «Чё вы лежите?». А мы плачем: есть-то нечево! Силы нету! А мы сказали: вот так - вот так... О-о-ой!... Так он туди чё нам? Стали нам давать такие опять карточки, и там, знаете, талончики. Талончики, и в этом талончике увсё было написано: и жиры, и масло, и всё. И туди поняли: вот этот талончик оторвём один и даём в столовую. И всё. И мы пообедали – и хорошо, и вечер, и три... три раза в день. И тово... И мы туди пошли, нам лучше стало. А потом уже, правда, отменили. Сталин туди был, отменил эти карточки все. И стали хлеб нам давать уже побольше, по полкилоүрамма на день. Ну мы его, конечно, не ели – отдавали, охота ж купить... то на платишко, то туфельки. Ну, всё равно, а потом уже отменили и эти. Стали, кто скоко хочет брать...о-о-о! туди у нас жись (жизнь) пошла, и веселей туди же мы и денежки получали, туди нам уже шо надо: хочим – купим...вот...и так это...уже лучше нам стало... *(нрзбр.)* и такое мы брали... а так пережили – ой-ой-ой! Голодные были скоко раз, ой *(нрзбр.)* бывало, идёшь, и голова кружится...неча было исть...думаешь: үосподи! И собаку б съела бы!.. А чё в Ленүраде (Ленинграде) он, когда мы были, там же үосподи! Крысы, собаки! Всё ж там ели! И вот...когда я поехала в Ленинүрад, и у нас там тётчка была, правда, забыла как её звали. Дак она үоворить: «Я сама съела собачку». И если б не йета собачка, үоврит, я б умерла. И мать умерла. А им там тоже давали по сто пятьдесят үрамм хлеба, крупы там ско-

ко, а я, үрит, эту собачку поймала, сама её зарезала, обделала, үрит, порубала на кусочки, үоврит, и ет...и вот, бульон варила с собак...сварю, үоврит, маме дам, үоврит, кусочек мяса и бульон, а сама, үоврит, этот бульончик поем. И всё. Мать спасала. Ну ничё, спасла хоть мамку, үоврит, этой собачкой: «Кабы не эта собачка, я б умерла». Утку поймала, там уток мноуо в (нрзбр.). Поймала утку: «Вот, думаю, я её завтра утром зажарю», и взяла под таз положила, үоврит, ну там накрыла чем-то. «А утром встаю: ни утки нету, и таз мой перевёрнутый. Она убежала». Убежала утка эта. Во. А уток там мноуо! Лес и то...но они дикие, их тяжело поймать было. Там мноуо, и так... Пережили всё...Всё пережили. Но помёрло мноуо. Ой, үосподи, особенно в үолод, үолодовка была. Это ж до войны үолодовка была, а после войны ещё хуже. После войны всё ж побили, всё позабрали немцы...вот...У нас скоко было хлеба – они всё вычистили у нас...вычистили. Мы только спасли это...ящик...сала. Поүреб, а в поүребе ещё ямы вырыли, туда поставили, зарыли, ну, и там кадушки, шо было сверху поставили, и всё, вот спасли мы ящик этот сала. А мы ж туды взяли это...и никто не взял, не лазили туда. А немцы вообще боятся поүребов...они туда боялись заүлядывать даж. Там русские, Русь сидит, үоврит! И вот они боялись...Аүа девки, жизнь была наша тяжёлая, не то шо щас: и ходить есть в чём, и кушать есть чем, и учиться условия есть. Учись! А они не хотят...вот так... Все есть. Токо учись, токо это...ну...тяжело... Хорошеуо ничё я не бачила, ничё, вот так...Было очень тяжко... тяжко было. Ну так... При... при наших так как-то посвободнее, а когда мы (у) немцев были три үода...так вообще было тяжело. Никаких придоставок не было: ни спичек у нас не было, ни соли, ни этово...вот, ничё! Так мы спички...камень такой чёрный, у нас үоры там большие, каменные, чёрные үоры...белые или эта ... Вот камень берёшь, один так, а друуоё... а этим крэсишь. И-и ватку подложишь, это ж искры летят – и на ватку. Это как искра упадёт, и то дуешь, дуешь, дуешь, и она разүорается, вот, и это...оүонь...а так, когда печку топить, мама встанет, выйде, үлядь, у коуо там дымится уже, беүит там с чем-нибудь. Жар возьмёт, приносе и дома растапливает. Свету ж не было. У нас были...то лампы были, то үальчики такие...вот, ну...как каүанчики...ну эти... пузырьк там или чё... И в школе так учились, при этих каүанчиках. Бывало, тёмно, аж это, слепота напада(ет). И вот эти, каүанчиками этими светили мы.

– А как вы ими светили?

– Ну вот светили, вот и үорели, бывало, или масло, вот масло постное наливаєшь в эту тарелку и ватку ложишь, и зажиүали тоже, нечем было, это, не было света и всё, а это... Мыла не было – үлиной белой стирали. Бела үлина, и вот, бывало, берёшь и натираешь, полотняны это такие. Ну тоже было, натрут-натрут, туди как начнут еүо этим молотить, и становится йета...ничё...стирали так. Не было мыла, туди когда уже наши как-то пришли...вот...так у нас стоял штаб...там...ну да, правда, нам туди мыла дали, соли дали...вот. Так мы так привыкли, что соль стоит, а мы без соли едим! Мы так привыкли. Уже соль всё, нам не нужно. Да. Вот у соседки, помню, шесть человек было. Она наварит, как посолит: «Мамка! Зачем ты посолила? Оно невкусное!». Вот без соли... Вот нас токо солдаты вырочали. Штаб у нас стоял. Тушёнки принёс, я помню, старшина. Старшина, или лейтенант, или кто? Ну, в общем, начальник какой-то. Тушёнки нам принёс ящик, соли принёс, мыла. Вот. Ой, мы тоүда знаешь, как боүаты были – страх! Мама тади перестирала всё мылом. Как начала мылом этим тереть, а сама, видно, што нюха(ет). Мы ж еүо не видали три үода...вот так

эта...Страшно было, девки, не дай Бох! Не дай Бох такой войны и такого голоду! Шоб наши дети, внуки, правнүки, шоб не бачили... Нехай учатся, растут, а мы отбили! Хотя я не так-то большая была, но всё равно, на окопы нас брали. Ну я как-то мала была, дак забирали нас на окопы: окопы рыть, при немцах. Вот. Ну, мене как-то забрали на окопы, яка там была я? Десять лет или одиннадцать?! Лом дали, а лом выше мене! Чё я с ним сделаю?! Но у мене и правда были *(нрзбр.)* А вот невестка моя была на окопах, рыли немцам окопы, вот. Ну, они задумали убежать: дождик как раз был. Немец их застал, и они еүо... этим, прикладом прям по спине как ударил! И она рачке, рачке (?) на карачках своих, и убежала в кусты как-то, но убежала. Он ей как-то ударил, да она хоть, господи, скоко ходила, как бабка старая. И мама, попала по позвоночнику. Вот рыли, заставлялы рыть, особенно вот этих, старших, <вот видишь, муравьи лезят> Старшие, это, забирали их. У Үерманию увозили девок, тоже мноүо увозили девок, молодых, по двадцать второй год – двадцать четвёртый. Увозили в Үерманию. Кто вернулся, а кто нет, с Үермании. А есть, там пооставались. Вот. Их там забирали, вот привезут, говрить, их целый эшалон, а потом эти жители, ну, немцы эти, приходят и выбирают себе работников. И берут домой. Есть хозяевá, правда, ничево, а есть...а эти издевались...Такое дело. Издевались очень тяжело...вот и немцы...И немцы, конечно, не все плохие были, и русские тоже. Есть русские, хуже немцев. Оурабили, урабили наших. Вот таких, побоүаче. Запихали, бывало, забирали. Наши русские...Вот...Убивали, забирали. Вот так. Хуже, хуже немцев были...Вон, моя тётка, помню, болела, а утром у братишки, этот солдат дал ботинки такие американские, здоро-овые. Ну а он ходе босиком! Зимой и босиком ходе! Он ему дал ботинки эти. И чё ты, наши партизаны пришли и одеяла, вот такие шерстяные, чёрные, военные... Вот. А тётка лежала моя: мор такой. И они пришли, её вытряхнули с этой одеяла...Это...братишку этоүо разули, ботинки забрали. На-аши! Так они были эти, как? Считались партизаны! Какие они партизаны, если они урабили наших? Во!... үлавное, знакомые, знали...И это тётка осталася, на голой сетке лежала. Забрали и всё. А этот остался босиком опять. С ботинками... такие здоровые туди были ботинки, американские, помню, подошвы такие высокие были, голяшка так высокие...были...вот так...Всё было, всё...страшно! Ну, страшней нету, как войны, голод и то ладно, *(нрзбр.)* как война. И сидишь, слушаешь, слышишь – летить! Ой, и души не мае! үлядим это...Она как *(нрзбр.)* у нас вот так получалось, вот тут, они оттуда, үлядишь – летя-ять: «Үу-үу-үу-үу – везу-везу!». А мы это...начнём: «Кому? Кому?». Он как начнёт кидать: «Вам, вам!» Мы же это...Да ещё знаешь, летять ещё и низко, хоть бы там высоко есть. А это летять, как по своей России, не бояться... не бояться ничё. Прям вот так прилетают, хоть бы шо, де бросють бомбу, де, это, пролетить.

– *Различали свои самолёты и немецкие?*

– Ну и как же! У их үул совсем не такой! <...> Наши летять так: «Үууу!», как эти летять, с такой этой, үулкостью. А этот летить: «Үу-үу-үу!» Вот такие у их үолоса, как-то не так... Различали, а как же?! Ещё и как! Привыкли. У нас был, и староста был, и ещё там, как там это звали? Немецкий... Да не на немцев! Просто русские, они немцам поддались и всё. Они русские были, какие там немцы, господи?

– *Много людей поддалось немцам?*

– Немцам? А Бох её знать! Сдавались ну вот эти, солдаты. Сдавались мноүо. А куда деваться? Если он үонит, сразу беүи. Куда деваться? И сдавались...Очень мноүо сдава-

лись...Даже мы и сами видали, как сдавались, прямо группами...и сдавались. Много сда...каждому охота жить, а там Бох и знать? Убивали их, или чё? Увозили, а куда их увозили? Я не знаю...конечно...не знаю, куда их девали. Этих солдат... А, как говорят, нигде не забыта эта война. Как у Библии было написано: будь гореть земля, вода, и будет... Как? Железные птички летать?! Это было в латынской книге, вот эти книги были, латынские. Я понимала по-латынски, ну сейчас забыла. А то читала по-латынски! Так это... всё бывало... Книга там у бабушки у одного была такая. И вот мы, я, бывало, прибею, вот: «Баба, давай почитаем!». И вот садимся, сколько нас там, и вот он нам читает. А потом начнет: «Ну, давайте, расскажите!». И вот он нам читал: будет земля гореть, будет вода гореть, будут люди гореть, метаться, не знать будут места. Оно такое и есть, оно сейчас такое, вот. И будет без войны, а люди умирать будут. Вот, поубить. Оно и правда, и сейчас, без войны, а сколько людей уже поубило...По-латынски такое было, оно такое уже и везде. А птички железные – это самолёты, туда не было их, этих самолётов. Вот, а это самолёты. А мы говорим: «А как же железная птичка будет лететь?» – «А вот узнаете, если доживёте – узнаете!». А потом узнали. Первый летел аэроплан двухкрылый. Кукурузник мы его звали. Ага, говорим: «Вот летит уже кукурузник!»

– Почему кукурузник?

– А так прозвали что-то, кукурузник и всё. «О! Кукурузник опять летит!» Это низко, и начинает перед нами вот так (*нрзбр.*) по деревне, это я помню: первый кукурузник был. А потом уже пошли шо этот, то истребители, то (*нрзбр.*) бомбюрки какие-то там, называли их...вот это шо, вот это птички. А земля и вода горела ж, война када была. И на воде горело всё: и пароходы, и люди – всё горело. И так же и земля горела, кровью заливалась вся земля. Вот так нам... и всё было писано! Буде гореть, будете по крови ходить! Кровь была: земля будет залита кровью. И вы будете ходить по ей...ну это...У нас как-то, как-то у нас, не так, как у других, в деревне. Вот карательные отряды проходили, да нас как-то миновали они, нашу деревню. А где проходил карательный отряд, там вообще... Не щадили ничё, ничё не щадили: ни стариков, ни детей, ни скотину, ничё! Сжигали, топили, травили...Ну а у нас... И у нас тоже было: бомбили у нас, у нашей деревне, война была, бомбили. Катюши вот эти стояли у нас, восемь катюш. Стояло у нас спротиву (напротив)...вот так...Вот так, девки...

«Да живо-ой я пришёл, мама, я живой!»

Хлыстов Михаил Власович, 1923 г.р.

с. Черновка Свободненского р-на Амурской обл.

Беседовали Оглезнева Е.А., Архипова Н.Г., 2001 г.

Обработала Лагута Н.В., 2010 г.

М.В.: А я (в) конный отряд попал, вот в связи, конные отряды были в связи. Ну, на конях работали. Ну, в конюшне дневалил, отдежурил своё время, пришёл, меня сменил другой, я иду в каза-арму, то кук... на втором этаже там жили, двухэтажный дом там, такой деревянный. На лестницу подыматься, сзади кричит, с артилле(ри)йского полка понёс парень: «Слушай, говорит, красноармеец, скажи там: «К Хлыстову!», пускай выйдет, тут какой-то парень его спрашивает». Я г(ово)рю: «Да я Хлыстов, кто ж меня там спрашивает, интересно?». Я спускаюсь обратно за казарму, «Он где?» – говорю. – «Да вон там, за казармой». За-

хожу – Мишка мой, дружок, стоит, конюх. «Ты откуда взялся-то? Пон... Где ты?» – «А нас вот сюда, в сопку, завели, вот там вот-вот, как неделю уюняли, значит, вот теперь вот сказали, что пойдут в Хабаровск. Пойдём в Хабаровск целиком». Понял?! Полк, маршевый полк целиком в Хабаровск! И вот и всё, и вот (*нрзбр.*) до Хабаровска маршем пёхом ушли.

Н.Г.: А там сколько идти?

М.В.: А там километров ко́ло тысячи!

Н.Г.: Пешком? И сколько они шли?

М.В.: Ну кто их знает, как они там шли. Я знаю за себя, что вот ... И вот так, я вот, до октября месяца пробыл тут. На вечерней поверке: «Такой, такой, такой, выйти из строя, фамилия! Выйти со строя! Выйти со строя! Выйти со строя! Выйти со строя!». Семнадцать человек в сроке. Всё. А рядом была у нас комната для чистков ... ну, такая вот примерно комната, для чистки обуви, умывальники там. Нас в эту комнату – всё! Ждите команду. Где-то часа полтора мы там пробыли, знач(и)т. Никуда не расходиться. Вызывают по шесть. На склады пришли – нам обмундирование. Мы же в летнем ешо! Щас мне б то обмундирование надеть, вы поглядели бы своими молодыми глазами, да вы сказали: «Откуда такие вз`ялись!» Такие, ну, семьдесят заплаток на каждой куфайке, на брюках, на ватных, всё это стирное, старое.

Н.Г.: А почему? Откуда?

М.В.: Откуда? А, видимо, тут пока вот это было, Халхин-Гол, да это вот, смотрите вон, Сахасан (Хасан?), видимо, вот этих всех, раненые, да это, перестира-али-перечини-или-перелата-али, и оно где-то лежало на презент. Ну и вот, и нас в это нарядили. Наряди-или...

Н.Г.: А подбирали по росту?

М.В.: Ну, подбирали, да. Вот по... всё, укомплектованные по ним. А там уже сами меж собой разбирались. Всё-о, три дня вот в этой оде́же, на нас все глядят, смотрят: да что это такое за чудеса? откуда вы такие взялись? Не заключённые, и не солдаты! Понял! На шапках, значит, звёздочки, а по оде́же, хуже заключённых, надетые. Ну, ла-адно. Три дня, знач(и)т, заня-атие, заня-атия это уже пошли, по своей части специально, по связи, проходили. Потом – раз! Вечером – построить! Ну, лен... тогда не «красная» была – «ленинская» комната. Вот в ленкомнате построиться, построили нас. Я ж запомнил хорошо: полковник Некрасов пришёл вот, со штаба округа. Они сказали, шо эт(о)... Полковник Некрасов, что пришё-ол, мы так стоим, прошё-ол, по первой – по второй, туда-сюда, шаг вперед, между, сзади поуля-дел нас (*смеётся*). Ну, в общем, прошёлся, посмотрел на нас: «Нет, Му ...», а-а ... фамилию позабыл, там старший лейтенант, эт(о) его, знач(и)т, ну, назначили как сопровождающим сборной роты. Значит, в четыре, где-то отвели опять нас в эту комнату спать. Тут положились по полу, как эти, поросята, кто как.

Н.Г.: На полу, что ли?

М.В.: Ну, на полу, на голом, ничё же, никаких. Аүа. Наутро поднялись, ночью привезли там сено, такой, пырей, дли-инный, вот, вязать стали с него матрасы. Маты. Вот сорок сантиметров шириной, ну, и на себя вот длиной.

Н.Г.: А чё такие узкие?

М.В.: А чтобы поперёк вагона-то, надо десять человек надо лечь. Вот представь себе: на два сорок – десять человек, по сколько (э)то станет? Ну?! По двадцать четыре сантиметра!

Вот так, боком вот улеглись: первого улова примерзает, понял?! а у последнего спина к стенке примерзает! И вот в этих вот, в товарных вагонах.

Н.Г.: А почему так?

М.В.: А потому так. Потому что состава-то не было. Ну эти маты навяза-али мы, значит, всё. Уже тут – короли! Принесли в казармы ...

Н.Г.: А как их вязали? Там же трава, её крепить надо?

М.В.: Ну вот кучками так берёшь, вот, и связываешь в трех местах нитку, узлом завязал, опять кусок поклал, опять узлом понавязал.

Н.Г.: А нитку какую?

М.В.: Ну-у, шпагат вот, обыкновенный, как вот, может, видела щас вот, сено вяжут вот, в колхозах вот. Такая вот, таким шпагатом. Обвязали её, ну, всё, знач(и)т. С вечера, как короли, поразлеглись. Нас уже отдельно в столовую водили ...

Н.Г.: Лучшие кормили?

М.В.: Ну уже совсем другое стало, поня... ага. И это. Всё. Чтобы мы, нас туды ник ... не касался днева-альный, особый стоит, чтоб нас в общую казарму не пускали – никаких! Ночью поднимаюсь... Ну, тут уже это, ротный, значит, старший сержант наш был, как командиром взво-ода назначенный, два ефрейтора, понимаешь, один младший сержант командирами отделений, ну, всё так – так. Вот разбудили меня по тревоге, встряхнули – понял: возьми три человека, пошли. Сколько у тебя? Я говорю: «Де-евять в отделении». – «Бери три человека, пошли!» Спускай ... выходим с казармы: стоят четыре машины. Накры-ыты брезентом, всё-о. Ско(ль)ко? Де-евять. Тюка-ами. Так вот прямо упаковано, всё, в тюках. Там, начиная, две пары портя-анок, ва-аленки... понял?! Тёплое бельё-о, это такое бельё, значит, там ну, гимнастёрки, руба-ашки, значит, ишо, шубы, так вот: «Иди, переодевайся! Это своё сюда тащи, к шофёру». Ну вот, по одному, я уру, значит, давай так, разобрá-ались, там бирки висят, какой размер, всё. Ночью поулядим – друг друга не узнаём! Откуда-т полярники появились?!

Н.Г.: А какой месяц был?

М.В.: Воктя-аберь. Воктя-аберь был, да-а. Восемнадцатое октября. Эт(о) вот нас по новой, это... А тогда в октябре было, в сорок втором уоду, знаете, какие холода?! До восемна... до двадцати урадусов морозы вже были! Ну вот. Переоделися, это стар... старьё связали комкамы, притащили в машины, никто и не принимал, никто не считал: «кида-ай в машину», так там, который выдавал. Покида-али. Наутро нас подняли в пять часоў на завтрак в столовую, чтоб по эти, не мешать. Со столовой позавтракали, ид-дём. Что ты, пол-ля-арники! Рукавички, знаешь, вот тут меховые, а потом, шо как вот надо, вот казарки называть, вот раньше показывали шофери-оў, так это всё закрытое, всё, понял, да? Вот эти рукави-ички нам, значит.

Н.Г.: А палец там был для стрельбы или просто как обыкновенные?

М.В.: Ну, один палец, вот этот вот, этот.

Е.А.: А как они называются, эти рукавички?

М.В.: Ну как они, ну вот палец один. Для стрельбы.

Е.А.: Не дыровáтки назывались?

М.В.: Не-ет.

Е.А.: А дырчатки, это какие рукавицы?

М.В.: А это про-осто. Это уже сами себе вы сделали.

Е.А.: А-а, просто пальцы обрезают?

М.В.: Да. А это вот только с этим па-альцем, те четыре вместе, этот один и два отдельно, это чтобы дл... для стрельбы, чтобы не снимать рукавички, вот. Этих, значит, подня... значит, остальной батальо-он-то идёт на ... останови-ились, откуда-ка?!

Н.Г.: Красавцы, да?

М.В.: Ну, откуда? Ну ж, я выдёргиваю пол-ля, такие всё новенькое! Всё с иголки! Шуба и так, понял! А потом как пришли со столовой, да как глянули друу на друуа – не узнаём! Азиаты какие-то стоят, а не мы!

Н.Г.: Почему азиаты?

М.В.: А кра-ашенные воротники-то были!

Н.Г.: Каким цветом?

М.В.: Ну-у, чёрные там, какие – серые, всякие, понял? От краской этой, понял?

Н.Г.: Вымазались?

М.В.: Ну да-а! От воротников краской этой, понимаешь? Ну одеёшь шубы, туды - сюды вот этой краской. Ну, я говорю, негров взвод идёт, понял? Откуда? А так, откуда?! Оттуда всё! В одиннадцать часов команда «Стро-оиться!». Вывели, значит, прове-ерили, пересчитали там, да вокза... до станции, до Череповцов, шесть километров, подались. Вот и пригодились эти... Вот и значит, самое шо, ну, этой ... дед такой добрый попался, значит. До Ушумуна доехали, а там это, ну, штабеля дóсок. Сосновых, чё, вот такие до-оски, большие. Я посмотрел, за доску, понял, и поволок в вауон. Дед этот сторож: «Да куда ж ты тащишь?». Я үрю: «Де-ед! Мне, говор(ю), или на полу в вагоне спать, или на доске!»

Н.Г.: А пол какой был? Металлический?

М.В.: Не-ет, вагоны, ну, деревянные, вот были (е)шо, как, знаете ж, двухостные называли его. Восемнадцать тонн всего грузоподъёмность он был. Такой вагон. Вот в етим, вот восемнадцатитонным, вот, нас ехало сорок четыре человека! А у больших, вот как это, «пульманы» звать, вот, в больших, товарные вагоны, да? В этих – по девяносто человек ехало! Вот в два яруса нары, так. С одной стороны, с друуой стороны. И так вот, одне вот двери закрытые тоже, два яруса нар.

Н.Г.: Проветривали хоть как-то?

М.В.: Да кто там проветри... там проскв́аживало насквозь, знаешь как! Ну, вагон де... (*нрзбр.*) Пе-ечки, посредине вагона печка, вот. Ну вот я вот, доску приволок, смерил, отрубил, на одну сторону, как раз на две половинки, на другу(ю) сторону, к нарам. Днём (о)на, как ступенька, на верхние нары лезть, а ночью (*нрзбр.*) вам, чтоб не наступали на меня, я отодви-ину от нар. Или вот, эт самое, вот мне на русскую не похоже дур... Цимитский Миша, тоже (*нрзбр.*) Вот мы с ём, ноги вот так, крест-накрёст, он – туды, голова – туды. Вот на этой доске качались. Восемнадцать суток везли до Москвы.

Н.Г.: А там хоть... ни матрасов, ничего?

М.В.: Ну а чё! Ну а чё больше там, вот эти маты-то вот постелили, куда мы их! Затащили его, ну, накладём эти маты, а сами где?

Н.Г.: Угу.

М.В.: То к печке пошли, то вытянулись по, это... Не-ет. Таким образом. Во-от. А потом к Москве подвезли. Вон, сёдня тут стояли, туды под... везут. Везли, везли, целую ночь, оставились, день стоим где-то в тупике, эшелон.

Н.Г.: *Так а выпускали вас из вагона?*

М.В.: Ну, ходи-или, коне-ечно, выходили, всё это. И вот. И потом уже, значить, видать, определили, куда пополнение всунуть. Игнас (?) ви(д)ите, попал он, (е)шо был то(г)да, центра-альный назывался, потом переименовали в Калининский фронт. За *(нрзбр.)* тока-тока завязались бои за Вели́ки Луки. Вот тут и крестился!

Н.Г.: *Страшно?*

М.В.: *(Смеется)* Конечно, страшно там. По первости. По первости я страшно, шибко страшно пулемётов боялся. По-честному скажу.

Н.Г.: *Ну, а как же!*

М.В.: Аүа. А ми-ины летят, хлопают, ну и хлопайте, чёрт с вами! А потом, эге-е... Под пулемёт я упал, просвистели над тобой пули. А мина везде из земли выковыряет, достанет. Вот так. Соловья басней кормим, мне, наверно, надо вас чаем угостить! <...>

М.В.: «Багратион» – команда, это значит освобождения, от начала и до конца Белоруссии. Был разработан план. Я прошёл под этой командой через всю, через всю Белоруссию! Под этой командой протопал, понял?! Половина этой, Латвии, потом половина Литвы, Литвы бо́льшую часть прошёл. Вот под этой командой. Вот так. Ну, судите меня, рядите, как хотите. Ну я в этой вот, в этой самой-то «Багратино»-то, понял, два ранения схлопотал, в памяти. Ну, освободили, как же вот, вышли, вышли как раз на эту прусскую границу, к Кенигсбергу. А там ещё третье ра́н(е)ние, понятно вам?! И на пять месяцев опять в Литве же, такое там, знаете было чё... Дау... Двинск, был Двинск, а в это время был по-ихнему значит – Даугоупілс. Вот там пять месяцев отсобачил, в госпитале. Значит, вот так за душу скребёт, вот так, к-кучу вот эти, ранения, да вот эти, бои, скребёт за душу так, аж ... <...>

М.В.: Вот моя вещь такая. Идёт, послевоенная, не во время войны. Я в сорок седьмом дем(о)билизровался. Да?! В сорок седьмом. Пришёл домой на четырёх ногах. У меня палочки, и ето. У меня вот, эта нижняя часть, да, отказала. Аүа. Пришёл. Пришёл домой, мать го(в)орит... При виде меня, да, она, значит, мать, и ещё одна увидели меня. Мать говорит: «Кого привели?» – «Мишку!» – «Чё вы мне мозги ковбо́ите (?) Я, мне вчера принесли похоронку на Мишку! Мишки нету! А вы мне Мишку привезли!?» Хорошо, поклонился: «Мама! Не, выжил, я вот вышел» – «Иди отсюда, чтоб тебе не... пахом не пахло, вот я похоронку получила, я знаю!» Ма-ама, ма-ама моя, ма-ама! Да я не посто... го(во)рит с тобой, мама. Аүа. Сестра её го(в)орит: «Не-ет е(г)о, покойника». Она это, с восем(ьд)есят шестого го́да. Только тыща восемьсот восемь(де)сят шестого го́да. Вот. Уоворит: «Мама, да мы Ми-ишку привели к тебе!» – «Да пошлите вы все!» Ч(т)о мне осталось?! На колени встал: «Милые вы мои! *(плачет)* Ма-ама, Мишка я!». Мама заплакала, поняла: «Да я ж только вчера, мне похор-онку принесли на тебя!» – «Да живо-ой я пришёл, мама, я живой!» Мама тут собрала своих кумовей, там всё, значит, старший брат, он, ну, на го́д раньше, Емеля, приходит: «Что?! Значит, немцы не убили? Пришёл домой подыхать?» *(нрзбр.)* Вот так меня брат родной встретил. Милые мои! Я го(во)рю: «Да!» Ну, так, го(во)рю, получилось, ну, что, го(во)рю, я ка... выкарабкался, щас на смерть пришёл.

«Ну, всё равно выжили!»

*Галицкая Мария Степановна, 1931 г.р.
с. Черновка Свободненского р-на Амурской обл.
Беседовала Назаренко О., 2001 г.
Обработали Нифонтова Е., Лагута Н.В., 2010 г.*

Я всю войну прожила. Ё весь эту всю войну видела, и-и немцеё видела, и-и ето, правды? нас растрелять не расстреляли, но собирались нас изжечь в лесу.

О.Н.: *Да вы что!*

М.С.: Да! Вот у нас так было. Ночь – идуть партизаны, ұрабять, а днём идуть немцы, ұрабять. Вот, ну, сперва стали ұрабить добровольно. «Есть у вас яйцы? Дайте!» «Есть у вас шпик, это сало, дайте!» Если и не-е... ну, скажешь, мать... отца не было, а мы, и нас четверо было у матери, маленьких, мама ұворорыть: «А киндриков чем я буду кормить? Шпик-то, ұворорыть, вы заберёте, а яйку тожа, ұворорыть, а чем я буду, ұворорыть, кормить?» Ну-у, правды, один соскочил, у кўбел залез, ұзял, ұзял четыре куска, вот таких во. Сала, вот такое. У нас как раз был, большоё кабана, центера на два, зарезали. Аўа, ну ладно. Забрали, пошли. Пошли, взялу мяшки, идуть: «Матка, за шпиком!». Принесли нам куска четыре мыла хозяйственноё, в войну ж мыла у нас не было, и-и ето, где-то шторы попосрывали, дык так метры по два. Три куска.... Ето принесли: «Матка, матка, мы пойдём шпик!» А матка ұворорыт: «Нет!» «Никс!». Аўа, а оны только ушли, а-а мать моя ж, уже тоже пожилая, да она везде по кускам, везде растолкала куда. По маленьким. Везде, не кучей у кўбел, шо стоял, вот таки вот кўбел... А то – ё кадушку какую то, у куды, у зярно, то куда-то туда, и оны уже обеуали, беуали – нету! Никс! А это «никс» – «нету»! «Никс! Никс! Матка, никс!» Аўа. Ой, бли-ин! И ето... А потом етих, немцы-ы ушли, уунали, стали наши идти – армию надо поддержать! Те тоже всё давай вығребать. Зайдуть ё кладовку – всё подчистую! Вот было семя алляное, вот, лён сеяли, и то позабирали! Всё забрали. Мы остались так, ұолодом, остались, но кой-как перезимовали. Чуть, у нас же там тепло стало, чуть, стали таять, эти проталки, мы пошли по полю: картошку собирать унилую. Вота пособираем, почистим это все, корочку, в печку у русскую насушим, потом у ступе потолкём, вот это лепёшки пекли. И кой-как дотянули до щав(е)лю, до травы, а потом стали траву собирать, щавель собирали, сушили, толкли и ляпёшки пекли. Придём, а смяют... а-а бóсые ходили ұулять, а придём, смеёмся: один (о)коло одноё, а зубы-то у нас зелёные! *(смеётся)*

О.Н.: От щавеля да?

М.С.: Ну! Ну, всё равно выжили! Уж какая ни-и была трудность, трудность сильна была. Вот сейчас ұворят: трудно! Ну, с(ей)час не трудно!

О.Н.: Так вам сколько лет было, когда война была?

М.С.: Это уже была я, ко(г)да война была, тринадцать, а уже сейчас уже-е, я уже... ко(г)да эта же война кончилась уже, уже мне было четырнадцать, наверное, ещё я с тридцать первого ўода, война у нас кончилась в сорок пятом ўоду.

«Завтра ли, може сёдня, карательный отряд приеде, шо нам буде?!»

*Сакалис Мария Фёдоровна, 1927 г.р.
Сапонова Альбина Петрасовна, 1955 г.р. (дочь)
с. Гуран Свободненского р-на Амурской обл.
Беседовали Кугай Е., Сазонова Ю., 2009 г.
Обработали Кугай Е., Лагута Н.В., 2010 г.*

М.Ф.: Аҫа, вот эта, утро, когда уже, чуем... никто ж ниоткуль, ни сводки никакой: де шо воюется, как воюется?! Тольки встанешь утром, так от, ну, солнце... ҫудит все крууом. Думаешь, шо это такое? Де оно, орудия, бьют? А потом уже семнадцатый ҫод приблизились, и немцы отступают, едет – всё стреляет живое на ходу. Все отступили, бросили свои дома, ушли в оҫороды, в лес, так никто... оставили деревню беспризорной.

А.П.: А там конопля росла такая, выше роста.

М.Ф.: Коноплю сеяли для того, шоб верёвки вить, вот.

А.П.: Канаты, а из зёрен – масло.

М.Ф.: И вот, В конопле сидим, а окоп там большущий, залазили уси, ну, людей мноуо сидит, сделалось душно так, дышать нет, думаю: сейчас задохнёмся уси, умрём. Сядим в этой окопе. Утро. Эта, открыли эта, ну, дыру, шоб хоть дышать было можно. А хтось беуает тут, и хоть ползёт, оно слышно над ҫоловой... Я заулядываю: хто там?! Глянь – солдат! Думала: немец, уси замерли в ууол. Он: «Выходи-ите! Мы же свои пришли, давайте руку, давайте!» А уси бояться, думают: о, руку подаёт солдат?! Вытягивает усех, уси вышли, уси ҫолосят, обнимаются! «Ой, знаете, дороуие хозяйки, може де хоть який сухарик, третий день не приседали, и ничеуо во рту не було!». Уимнастёрки мокрые, пыль слоем ҫрязи на спинах, ҫолодные, «ой не знаем, мы ж думали...» посмотрим, де шо, мож хлеб, мясо пооставался, хлеб якись там позабирали, молоко кислое, они ядять с удовольствием, ҫрызут сухари те, ой, вот так было!

Ю.: А немцы как вели себя?

М.Ф.: Немцы от нас жили через четыре-пять домов, жили немцы, выунали хозяев.

А.П.: Не аҫрессиуно жили w дярешне.

М.Ф.: Двянадцать человек жило, вот як только развидняется, беуает: «Матка, я... яйки, там, молоко...», значит, спрашивают, забирают, идут, разоw пять пабудуть у каждом доме за день, но ня троуали, ня били, ничауо ня делали.

А.П.: Ще вас заставляли картошку чистить...

М.Ф.: А эт к нам прийдуть, мне було скольки... четырнадцать лет тады. Ну шо, они шось объясняють, аҫа, не знаю, топнул, так шо, мы ж всё равнo не поймём. «Ну так, собирайсь!». За рукаw... страшно, куда ведёт, ну, куда... на кухню, вот картошку даст, чисть картошку!

А.П.: Ще топор запустит...

М.Ф.: А! Топор там был, звали ...(?), такой высокий... хлеб у их был, вот не такой, як у нас, рыхлый, ну, прямо ножом не отрежешь, «брот» назывался по-ихнему, вот, намажем маслом, такой толщины (толщины) хлеба съядим... «О-о, гуд, гуд, всё, хватит, молодцы!». Вот, начистим картошки, а потом наши ж партизаны, из нашей дярешни был эта, командир партизанскоуо, ну там якоуо отделения, ну вот, и это, сказали шо....немцам, не сдобровать всим, и вот он думает, ну як? В бой нельзя!

А.П.: В селе шоб...

М.Ф.: Шоб у селе... а там у нас лес такой: солнце свети(т), туды зайдешь, и як ночь, вот они засели там, и вот як они подключились к телефонному столбу, всякие ребята были, молодые, по-немецки разговаривали, грамотны, партизаны подключились и вызвали в штаб. А штаб ихний был, в семь километроу через этот лес ехать в соседнюю деревню, вот, вызвали этих немцев наших, у центре ещё жили, наших двенадцать человек, которы(е) рядом жили, запрягли коней, и поехали. Сколько же, не знаю, подводов ехало, мноу, вот... они допустили до лесу, пропустили в лес несколько лошадей, а сами уже приутовились в окопе, выкопали коло дороу, близко, де они подстерегали их, на сосны позалазили с автоматами, и стрельцанули (?) по их. Один только живой остался с их. А люди тогда боялись, думают: ну, завтра ли, може сёдня, карательный отряд приеде(т), шо нам буде(т)?! Вот, як где шо случится такое, карательный приезжае(т)...

Ю.: И что делает?

М.Ф.: Выискивае(т), кто виноватый.

А.П.: Расстреливают, и всё!

М.Ф.: Да, такая машина, с высоким фуруоном, чёрным и белым нарисована, такие страшные!

Ю.: Карательной машина называлась?

А.П.: Карательный отряд, приезжае(т) на машине.

Ю.: А как машина называлась?

А.П.: А кто их знае(т)...

М.Ф.: А, не знаем, як называлась, немецки, страшны...

А.П.: Ну, наверно, тогда военные были, немецкие, машины...

М.Ф.: И вот, у нас после войны, ну, як война началась, колхоз уже рассыпався, разделили землю.

А.П.: Не, а чё ты не досказала?! Правильно, потом про землю на́чала. Ты б досказала до конца про карательный!

М.Ф.: Ну вот, за того карательный приехав, шо не подялили коней, землю-то обрабатывать нечем, вот, один там обидеуся, шо кому-то лучше попали, а мне, ни на один дом, или например, и шо мы здесь делаем – ничеуо, и пошел жалиться немцам в район. Ну, так и так, обделили яуо, значит. Ну, день прошёу, никто не знае(т), и приезжае(т) эта машина, и беуают по домам вси, посусакáli с машины... уонят, хто останавливается, прикладом отталкивает, и на центр, соунали всих, ну и сказали, показали картинки, почитали людям, шо надо партизанов не кормить и ничеуо им не давать, и вот, будете жить вот так...

А.П.: Будете процветать...

М.Ф.: Процветать бу(де)те... Фермерские дома показали, вот так бу(де)те жить вы тогда. Ну, и сказали... «Все по домам и б́истра!». А первая бриуада, эт наша первая была, откуль ходили жаловаться: «Оставайтесь, мужчины!» Ой, уси так рады, шо отпустили! Бяуом побёули! А этих поставили под оураду, шо я рассказывала, де церков была...

А.П.: И расстреляли всех!

М.Ф.: И скомандовал... «Оуонь!», мол. И не один стоял, штук четыре этих, автоматчика! Одному, видно, плохо, шо стреляют, значит, «я убил», а вот, все вместе автоматом – тр-р-р! По этой очереди....

А.П.: По этим людям.

М.Ф.: Уси упали... сели и уехали, усё.

А.П.: А Степан упал живой...

М.Ф.: А сосед наш...то ли от страху упав, или як он упав?! Даже не раненый лежав, просто упав от страху, наверно.

А.П.: Он же молодой ещё был.

М.Ф.: А потом эта машина ушла, все повыскакивали, як он подхватился, и никоу не угадывае(т), от страху побиг на луу зимой, и ночевал там у стоуу, у сене (*смеется*), як там не замерз, не знаю (*смеется*). Вот так было.

А.П.: А у соседней дярешне, семь километров от нас, у Кириловке, там чё-то случилось, и они всю согнали и зажули, все зюрели.

М.Ф.: Там шо случилось: ехали немцы, полицаи, и партизаны встретились, у лесу. Ну, и началась перестрелка, и убили немца. Ну, убили да и убили. Тоже эта машина приезжае(т), дня через два. Приезжае(т), немцы также беуаю(т) по домам, как у нас, и всех, всех, всех... эти, большие сараи, ну, тама муку мололи и крупу делали, ну, тады заброшена была, никто ничё... туды всех закрыли. Ой, двери заколотили, бензином обожули и запалили.

А.П.: А девочка одна была маленька, выжила, была де-то у тётки, или у друуой дярешне, пришла... а все дома пустые, дома никоу нету, и всё.

Е.: *И что с ней случилось?*

А.П.: Ну, одна выжила и потом...

М.Ф.: Родственники забрали, дорастили её. Вот так было. Боялись, ничеу.

А.П.: Ой, боже мой.

М.Ф.: А у этот день не пускае же у дярешню никоу, никто не знае, шо там делается у соседней. И вот так было. Это был уже март, когда Кириловку запалили, это.

А.П.: А наших у декабре постреляли.

М.Ф.: Март был, снеу такой улубокий, некуда свярнуть с дороги, сырость така.

А.П.: Санная....

М.Ф.: Туман такой, стоишь вон так от, через три метра никоу не видно, туман такой. Ну, а шо такое, тревожиться, уси скотины у хлявах рявут по-страшному, корови, думаю, ну, чё они рявут, а это туман, (е)щё дым вдобавок, зюрелось там.

А.П.: Юрелым пахне(т).

М.Ф.: А корови чувт, шо мясо пахнет, они же тады рявут, кидаются... Так страшно было, як в преисподней, тёмно, туманно, уси рявут, куда бегать, зачем, вот так мы жили, и ни одной ночи спокойно не прошло, то партизаны стучат, то немцы, обу(т)ы спали, в лаптях, кто в чём... Попобеуали мы, юсподи!

В настоящем выпуске продолжается публикация материалов для Словаря амурских говоров по итогам диалектологических экспедиций 2000 – 2009 гг. преподавателей и студентов АмГУ в села Амурской области. В разделе представлены лексикографические материалы на букву «Л». Многие диалектные лексемы и их варианты фиксируются впервые.

Принципы подачи материала, списки принятых сокращений, условные обозначения населенных пунктов представлены в фольклорно-диалектологических альманахах «Слово» Вып. 2 (2005 г.) и Вып. 5 (2007 г.).

Л

ЛА́ВА, -ы; ж. Доска или несколько сколоченных вместе узких досок для сидения; скамья, лавка. *Поди, на лаве и полежать можно, до того широка и крепка* (Кухт. Луг Шим.).

АС +

ЛА́ВКА, -и; ж. Стар. Небольшой магазин. – *Магазины или лавки? – Ну, лаўка одинаковая, один тиёрт, что сетицас маўзины мы называем, а тады лаўки были, и у уура-ноў лаўки были* (Кр. Луч Арх.)

АС –

ЛА́ВНАК, -а; м. Веревка или ремень, которыми стягивают ноги животного для ограничения свободы передвижения. *Что делаю? Есль она смирная (о корове), значить, я не буду путу, а то пута называется. Одна у меня, я путала корову. Пута, так лавнак я называю* (Ин-ка Арх.). || Ср. **ПУ́ТА**.

АС –

ЛАГУ́Н, -а; м. Большая деревянная бочка для засолки овощей. *Всё солили в бочках... Лагун называлась большая бочка така, я даже не помню или двадцать, или сорок ведер, таки вот большие, лагун назывался, и такие бочки были всякие поменьше* (Гриб. Арх.).

АС +

ЛА́ДИТЬ, -жу, -ишь; несов. Налаживать, делать пригодным для пользования. *А тут у нас мотоцикл, зять свою машину ладил, дак мотоцикл тут стоит* (Мих. Маз.).

АС +

ЛА́ДКА, -и; ж. Блюдо из картофеля с добавлением яиц и крахмала. *Латка очень вкусная, любо есть* (Чемб. Своб.).

АС + (другое значение)

ЛАДЌИ, -ов; мн. Лепешки, оладьи из картофеля; то же, что драники. *У нас борщ, картошка, блины, ладки, толченка... А мама ладки пякла. Ладки — оладьи. Драники, дранки. У моей матки очень вкусные ладки были* (Чемб. Своб.). || Ср. **ДРА́НИКИ**, **ДРА́НКИ**, **ДЕРУНЬ**, **КАРТОФЛЯ́НИКИ**, **ЛАПУНЬ**.

АС +

ЛА́ДНЕНЬКИЙ, -ая, -ое. Уменьш. к **ЛА́ДНЫЙ**. Взрослый, самостоятельный. *Маму на работу взяли, она стала за овцами, ну, а я помогала, правда, пасти, я уже ладненькая была* (Кр. Луч Арх.).

АС –

ЛАМПАСЕ́ЙКИ, -ек; мн. Сорт леденцов; монпасье. *Лампасейки – это такая конфета, такая это вот, с сахара, один сахар* (Зел. Бор Мих.).

АС + (лампаси, ланпасье)

ЛАМПУШКА, -и; ж. Китайское кушанье: сладкая лепешка, приготовленная на пару; пампушка. *Ну, у них это лампушки есть, на пару такие, кругленькие, тесто сладкое такое* (Зел. Бор Мих.).

АС –

ЛАНКА, -и; ж. Полоса земли в поле; грядка. *А побольше чуть-чуть стали, уже стала ходить в колхоз, матери помогать, там давали по два гектара поля, ланку наделяли, полоть тяпкой* (Сыгч. Своб.).

АС –

ЛАНДОРИКИ, -ов; мн. Гнилой картофель. *Собирали ландорики... Они чёрные, невкусные, положишь на печку железную, а оттуда так вот черви* (Мих. Маз.). *Картошка гнилая, в совхозе пойдёшь, собираешь весной этой, ландорики называются* (Краснояр. Маз.).

АС + (другое значение)

ЛАНТУХ, -а; м. Мешки из грубой плотной водозащитной ткани. *В колхозе попоны на лошадей шили. Лантухи шили, сейчас брезент, а раньше мешки делали сами* (Москвит. Своб.).

АС –

ЛАПКА, -и; ж. Деталь механической прялки, при помощи которой она приводится в действие. *На лапку ногой нажимаешь и прядёшь* (Чемб. Своб.).

АС –

ЛАПТА́, -ы; ж. Мяч из коровьей шерсти для игры в лапту. *Лапта делается из коровьей шерсти. Надерёшь шерсти, искаたешь её, вот тебе и лапта, мячик этот* (Белояр. Маз.).

АС –

ЛАПТЁЖНИК, -а; м. Пренебр. О крестьянах-переселенцах. *Пешком ходили, в лаптях, а поляцкие дети сидят: «Что, сталинские собаки, лаптёжники, сталинские собаки, лаптёжники». Видать, они нашу*

власть не любили, эти поляки (Разд. Тамб.).

АС +

ЛАПТИКИ, -ов; мн. Уменьш.-ласкат. к **ЛАПТИ**. *Мы ж не видали обутки путние, вот это у нас был дед один, мы все заказывали, дед лапти вязал с лыков... И вот этой лык наберем и несем к тому деду, тот дед нам вяжет лаптики, на веревочках* (Дим Мих.).

АС –

ЛАПУНЫ́, -ов; мн. То же, что **ДРАНИКИ**, **ДРА́НКИ**, **ДЕРУНЫ́**, **КАРТОФЛЯ́НИКИ**. *Мы зовём деруны, а кто лапуны. – Это из картошки? – Ну, с картошки, да, с тёртой* (Краснояр. Маз.). *– А эти с картошки там она, тётка, в муке покатает, зажарит их и потом сметанкой их. – А как их называли? – Лапуны* (Краснояр. Маз.). *Ну, лапуны – это что, как же мы зовём их... и деруны вот, а кто лапуны* (Желтояр. Своб.).

АС –

ЛАР, -а; м., **ЛАРЁЦ**, -рца; м., **ЛА́РИК**, -а; м. и **ЛАРЬ**, -я; м. Большой деревянный ящик для хранения зерна, муки. *Лар – это большой деревянный ящик, и туда насыпаешь пшеницу, жито, чтоб мыши не ели* (Мих. Маз.). *Муку и зерно всегда в ларях хранила* (Чемб. Своб.). *– Зерно где держали? – А ларики такие были, ларцы назывались. Еще сюда тогда привязли его мы, ларец. Он весь изломался, мы его и сожгли* (Зел. Бор Мих.). *Ну, вот сыплем муки, это сеем в ларь, ларь называется* (Разд. Тамб.).

АС –

ЛАРЁЦ, -а; м. См. **ЛАР**, **ЛА́РИК**, **ЛАРЬ**.

АС –

ЛА́РИК, -а; м. См. **ЛАР**, **ЛАРЁЦ**, **ЛАРЬ**.

АС –

ЛАРЬ, -я; м. См. **ЛАР**, **ЛАРЁЦ**, **ЛА́РИК**.

АС –

ЛА́ТКА¹, -и; ж. Деталь сеялки в форме ножа для подрезания корней. *Сделаны вот такие длинные ножи. Цепляются, латки их называют, они на пружине. <...> А за счёт пружин эти латки отходят, пружины их опять тянут, а они чистят землю* (Краснояр. Маз.).

АС + (другое значение)

ЛА́ТКА², -и; ж. Заплата. *Мама мне пальто сшила, тридцать две латки, снизу подкладывала* (Великокняз. Бел.). *Ну, что, были рубашки, штаны... Сейчас модно латки пришивать, так и мы в латках ходили* (Заг. Сел. Своб.).

АС + (другое значение)

ЛА́ТОЧКА, -и; ж. Уменьш. к **ЛА́ТКА**². – *Что такое латка? – Ну, порвалось, и латочку зашьют, как нашивки* (Заг. Сел. Своб.).

АС + (другое значение)

ЛАТЮ́ША, -и; ж. Старый крестьянский дом; лачуга. – *Нам дали, как и женищинам, старые латюши. Кто-то выезжал, кто-то сдавал. – А латюши – это как? – Это старые хатёнки* (Краснояр. Маз.).

АС –

ЛЕБЕРИТЬ, -ю, -ешь, несов. Реабилитировать. *Два раза присылали... в розыск, кое-как нашли. А тут всех давай леберитировать* (Гриб. Арх.)

АС –

ЛЕВША́, -и; ж. Левая рука. *А я левшой топор держу* (Зиг. Своб.).

АС –

ЛЕГОНЬКИЙ ♦ **ЛЕГОНЬКИЕ** **СА́НОЧКИ**. Небольшая по размеру зимняя повозка. *А вот маленькие сани есть. Это лёгонькие саночки. Это я катался, куда мне там съездить надо, в Кухтерин* (Кухтерин Луг) *или ещё куда* (Урал. Шим.).

АС –

ЛЕ́ГОЧНИК, -а; м. Человек, страдающий заболеванием легких. *Понаркоменил. Его раза три-четыре в больницу свозят, потом на пенсию оформляют. То лёгочник, то это. Он пенсию получает и пропивает, и пропивает* (Краснояр. Маз.).

АС –

ЛЕ́ГЧЕ, нар. Лучше. *Тот старый, что председатель был, он умер, он умер, вот тот старый. Он маму посадил, а этот, Капуста, стал как-то легче к людям* (Кр. Луч Арх.).

АС –

ЛЕ́ДНИК, -а, м. Оборудованное углубление в земле со льдом или снегом для хранения продуктов; вид погреба. *Копаем погреб такой глубокий, а весной еду привозим туда. И целый лето там укладываем и соленье, и сало, и мясо* (Урал. Шим.). *Ледник был, так обгораживали всё, ни ветром, ни солнцем не это. Когда и лёд возили, когда и снегом засыпали <...>, вот это назывался ледник, чтоб продукты ставить* (Гриб. Арх.). *А ледник – это вот там просто выкопано в земле, и там он обделанный, и там лёд, зимой снег закрывали* (Гащ. Своб.).

АС + (летник)

ЛЕДЯ́НКА, -и; ж. Специально облитая водой часть зимней дороги, предназначенная для транспортировки леса волоком. *А ледянка долгая была, холодно* (Великокняз. Бел.). *А ледянка это что? – А ледянка... Вот дорога, на коне лес возят, а лес, бревна, а один едет на коне и бочкой, пускает шлангом воду, чтобы она замерзала* (Зиг. Своб.). *На ледянке работали мы. Вот лес возют, там были вот такие дороуа и вот такие колея. Когда сани становятся в эту колею и только по этой колее идут* (Великокняз. Бел.).

АС +

ЛЕЖА́НКА, -и; ж. Деревянная пристройка к русской печи в виде лавки. *А лежанка сбоку пристраивалась, она из дерева. Из досочек лежанку пристраивали* (Могил. Арх.). *Бока болели от лежанки* (Урал. Шим.). *У нас обыкновенная, на западе, русская печка, сделана, там сделана... площадка такая... лежать на русской печке, чтоб спать там* (Краснояр. Маз.). *Полукруглая внутри, сверху края эти выравниваются, причём лежанка получается сверху* (Краснояр. Маз.).

АС + (другое значение)

ЛЕЖА́ТЬ, -у, -ишь, несов. Быть похороненным. *Он говорит, мама, покажи, где папа лежит, вот, ну я, мы пошли на кладбище* (Кр. Луч. Арх.).

АС –

ЛЕ́ЖКИ, -ек; мн. Приспособление из двух широких досок, по которому бревна закатывали наверх. *Вот делали такие лёжки... покаты назывались, и вот по этим покатам катали... на эти козлы бревно, эти катали* (Краснояр. Маз.). || Ср. **ПОКА́ТЫ**

АС + (другое значение)

ЛЕЖНЁМ, нар. Лежа. *Другой раз лежнём гляжу, гляжу на каждую (фотографию) и усну* (Краснояр. Маз.).

АС –

ЛЕ́ЖНЯ, -и; ж. Процесс от глагола лежать – прибывание в лежащем положении. *Бока болели от лежни* (Урал. Шим.).

АС –

ЛЕКА́РКА, -и; ж. Женщина, занимающаяся врачеванием людей, целительством. *У меня баушка была лекарка. Мне четырнадцать родов было, она умярла в восемьдесят восемь лет. У нее ни одной сядой волоски не было, и еще в иголочку ниточку надевала* (Дим Мих.).

АС –

ЛЕКТРИ́ЧЕСКИЙ, -ая, -ое. Электрический. *Мы когда масло делали, у нас даже лектрическая маслобойка была* (Черн. Своб.).

АС –

ЛЕКТРОСТА́НЦИЯ, -и; ж. Электростанция. *Была лектростанция, вот в этом доме стояла. Двигатель стоял с танка, заведёшь его, крутишь* (Кр. Луч Арх.).

АС –

ЛЕМЕ́НЕВЫЙ, -ая, -ое и **ЛЮМИ́НЕВЫЙ**, -ая, -ое. Алюминиевый. *Корчажка была из леменовой проволоки* (Урал. Шим.). *Может, и люминевая, нет люминевая белая...* (Черн. Своб.).

АС –

ЛЕНЁВЫЙ, -ая, -ое. Ленивый. *Люди не дёржут скотину, а другие ленёвые* (Урал. Шим.). АС –

ЛЕНИ́ВКА, -и; ж. Ленивая женщина. *Одна деука наша ленивая была. Пошли вауоны грузить <...>. Эту сторону я в середине вагон грузила, она по краям. Та ленивка – по краям, и еще одна. Я не знаю, как получилось, покот упал с вагона* (Светил. Бел.).

АС + (другое значение)

ЛЕНКО́ВКА, -и; ж. Рыболовная снасть с двумя крючками для ловли ленка. – *Леношница, есть такая снасть? – Ленковка... ничё в ней особенного нету. Да вот я сейчас нарисую тебе... два крючка, железяка... один здесь, один здесь* (Светил. Бел.).

АС –

ЛЕНКО́ВОЧКА, -и; ж. Уменьш. к **ЛЕНКО́ВКА**. Они (рыбаки) на крабов не ловили никогда, только две ленковочки. *Вот на две линковки, если ты пятнадцать штук не поймал, все, в землянку не зайдешь, пока не поймаешь пятнадцать* (Светил. Бел.).

АС –

ЛЕНТА́, -ы; ж. Узкая полоса ткани для украшения; лента. *Цветы понаставят, ленты понавяжут* (Ин-ка Арх.).

АС + (другое значение)

ЛЕНТЯ́ЙКА, -и; ж. Перен. Швабра. – *А это что? – Ну, а это лентяйка магазинная, пол моем. Тряпку зажмёшь и моешь. Не зря же так называется. – Швабра, да? – Ну да* (Чаг. Шим.).

АС –

ЛЁПАТЬСЯ, -юсь, -ешься, несов. Плескаться в воде, купаться. – *А мальчишки и девочки дак купаются до двенадцати, вода теплая, любят лёпаться там в водичке. – А лёпаться – это что такое? – Купаются, водичка плещется ж это...* (Мих. Маз.).

АС –

ЛЕПЁНИКИ, -ов; мн. Изделия из пресного теста с начинкой; вареники. *Семьи раньше большие были, так сядем вечером и лепеники стряпаем, песни поём, а то вечерами рушники вышивали* (Черн. Своб.).

АС –

ЛЕПЯ́ТЬ, -ю, -ишь. Сплетничать, болтать. *Соседи не работают, а завидуют. На лавках сидят и лепят, и лепят, пока я коров пасу* (Черн. Своб.).

АС + (другое значение)

ЛЕС, -а; м. 1. Ветки деревьев, используемые в качестве материала. *И я пошла, наломала веника и хотела сделать с лесу таких еще* (Зиг. Своб.). 2. Дрова. *У многих не было. Ведь его нужно построить, нужно принести лес* (Заг. Сел. Своб.).

АС + (другое значение)

ЛЕСЯ́НА, -ы; ж. 1. Большое растущее дерево. *Деревья всё ж так пилить, надо же свалить эту лесину* (Урал. Шим.). *Заблудился в тайге, залез на лесину, чтобы осмотреться* (Урал. Шим.). *Просто дерево, которое растёт, лесина. Сосна назы-*

вается, берёза (Урал. Шим.). *Лесина – это деревья толстые* (Урал. Шим.). 2. Срубленное дерево или корневая часть спиленного дерева. *А они (китайцы) как увидят, какая лесина хорошая там, аж блестит, так подъедут с той стороны к нам, за корень зацепят и упёрли, ещё и рожу построят* (Ин-ка Арх.). *Хорошо, если спилишь и оно сразу упадёт, а другой раз <...> она бах – и зависла. Потолкаем, потолкаем – бросили – другую. А потом надо ж на чурки распилить эту лесину* (Урал. Шим.). *А она, когда лесина упадёт, такой пыль летит от листвянки* (Урал. Шим.). *Два дерева отпилят, вот как свалят вот такую здоровую лесину, два отпилят самых хороших* (Урал. Шим.). 3. Срубленное дерево без веток и сучьев, предназначенное для обработки; бревно. *Притянут, например, лес... Вот щас всё готово, а то лесину притянут дров, и мы ручной пилой отпилили чурки две, а потом топим печь* (Чаг. Шим.). *Я не знаю, как получилось, покот упал с вагона. А лесина здо-оровая. Вот такая толициной, от пола, вот такая толициной. Деревья валют, ветки убирают, вот и лесина* (Светил. Бел.). *Вот сколько можно из одной лесины сделать. Что такое лесина? Лесина – это уже бревно... Из этого бревна можно сделать пиломатерьялы, пол можно сделать, можно оконные переплёты сделать* (Урал. Шим.). *Така толстая лесина. Её там вымеряють и вот повдоль крышку вроде отпилють, и всё. А потом это долбить, выдолбить это как корыто такое вот* (Заг. Своб.). *Из лесу вот оставляли лесину, специально оставляли, она лежит и лежит, там скоко отпилят два метра или как* (Н.Андр. Бел.).

АС + (1 значение)

ЛЕСЫ́НКА, -и; ж. Уменьш. к **ЛЕСЫ́НА** в 3 знач. *Вот они такие лесинки пилили по полтора метра, а пароход приезжает, замеряет и покупает у них дрова* (Чаг. Шим.).

АС +

ЛЕСОВЫ́К, -а; м. Леший. — *А в леших верите?* — *Нет, лесовиков я не видела и не верю* (Урал. Шим.).

АС –

ЛЕСОВО́ЗКА, -и; ж. Машина для перевозки леса. *Вот у меня хозяин работал на лесовозке, и вот у нас всегда были дрова* (Урал. Шим.).

АС –

ЛЕСОВО́ЗНИК, -а; м. Водитель лесовоза. *Здесь в Ураловке жил, все время до пенсии. — Работали кем? — Шофером, лесовозником* (Кухт. Луг Шим.).

АС –

ЛЕСОВО́Й, -ая, -ое. Лесной. *Там (на Западе, в Тамбове) и лесовые яблоки, тут таких (нет), продают иной раз такие яблоки, привяжут. А там такие лесовые были* (Белояр. Маз.).

АС –

ЛЕ́СТОВКИ, -ок; мн. Четки у старообрядцев. — *А четки не носили?* — *А-а, лестовки у нас назывались, были, а как же. <...> Такие, типа пупырышек. Они, когда молились, считали* (Н.Андр. Бел.).

АС –

ЛЕ́ТАТЬ, -ю, -ешь, несов. Двигаться с большой скоростью, мчаться. *Вот така у его машина была, конь, стрела была. Летал на этом коне только так* (Гриб. Арх.).

АС –

ЛЕТО́К, -тка; м. Отверстие в улье для вылета пчел. *А это же леток называется. Да, вот оттуда они (пчелы) выходят, вылетают и залетают туда* (Желтояр. Своб.).

АС + (лётка)

ЛЕТО́ЧЕК, -чка; м. Уменьш. к **ЛЕТО́К**. Они (пчелы) *выносят весь мусор, всё смотришь около летка, леточек вот такой примерно оставляют, можно, когда медосбор эти... как дверцы* (Светил. Бел.).

АС –

ЛЕТУ́Н, -а; м. Летчик. *У нас летуны приехали тоже с балалайкой, ребятишки молодые* (Черн. Своб.). *Сорок один год проездила в автобусе в Украинку. Украинка – это гарнизон, там столько летунов* (Серыш. Серыш.).

АС –

ЛЕТУ́ЧКА, -и; ж. Автомобиль «УАЗ». *Иду, иду, иду, когда нагоняет меня летучка, машина нагоняет, там директор, все сидят, в этом, в кабинке* (Великокн. Бел.).

АС –

ЛИВА́ТОР, -а; м. Элеватор. *Ну, трактористам даже пшеницу давали совсем другую. Не эту, что колхозникам дают, отходы эти можно сказать. А это в Томичах с ливатора давали* (Великокн. Бел.).

АС –

ЛИМА́Н, -а; м. Заболоченное место, низина. *Лён, наверное, был, маленьки таки росло, вот уже я и то помню, бабушка маленько посадит там в оуороде, а потом на лиман носила, и она вымокала, а тогда ногами так выминает, выхлопывает* (Разд. Тамб.).

АС +

ЛИМЕ́НТЫ, -ов; мн. Алименты. *Вот сейчас всё передают: там не так, что их прижимают, уже вот, чтоб лименты платил, а тогда с чего его возьмёт, он ниуде не работал. (Дим Мих.). Он по суткам, по полтора работает. То уговорит, там кака-нибудь эта, работа, есть, хорошио можно заработать. Вот он туды сунется и лименты платит* (Комис-

сар. Бел.). Разве это мужчина? И сейчас уже правнук, что там – ни лименты не плотит, ничего (Заг. Своб.) На лименты тоже я хотела подавать. Он сказал, что «я лименты платить не буду и отдавать». Он последнее время деньги не давал (Сыч. Своб.).

АС –

ЛИМПИ́ДА, -ы; ж. Олимпиада. Был у нас Вовка Копейка, он ъурал на баяне хорошо, ну, я и с ним ездила. На лимпиаду ездила, выступала в Благовещенске, была в Томичах, в Белогорском (Великокн. Бел.).

АС –

ЛИНУ́ТЬ, -у, -ешь; сов. и **ЛЪНУ́ТЬ**, -у, -ёшь; сов. Добавить что-либо, наливая. Молочка линёшь — и пожалуйста, вкусно! (Комиссар. Бел.). Я отказываюсь, а он напирает на меня. «Ничё не будет, вот лини и всё». А я думаю, чёрт с тобой. Набрала в пипетку капельку там одну, льнула ему (Кас. Арх.).

АС –

ЛИПУ́ЧКА, -и; ж. Липкая конфета, изготавливаемая китайцами. Там они липучки как-то делали с пиена <...> Вкусные-вкусные, но я не знаю, не пробовала никогда, их уже не было тогда, китайцев. <...> Они-то хлеб не пекли. Меняли, значит, им калачи, они нам — липучки (Краснояр. Маз.).

АС –

ЛИСАПЕ́Д, -а; м. и **ЛИСАПЕ́Т**, -а; м. Велосипед. Машин тада ни у кого не было, зато у всех лисапеды были (Черн. Своб.). Надя на лисапедѣ поехала за травой (Чемб. Своб.). Сначала мы купили лисапед, потом мы купили мотоцикл, потом мы купили «Запорожец» (Серыш. Серыш.). И упал там на лисапедѣ где-то где клуб (Зиг. Своб.). Красивый, глаза черные,

взбитый, вот который на лисапедѣ ездит (Зиг. Своб.). Он лисапед ей купил, то куклу купит, то одежду какую, не знаю (Великокн. Бел.). До перестройки жили все люди дружные. Что хотел себе всё приобрести, приобретали, и всё было: и машины были, и мотоциклы, и лисапеты у всех были (Белояр. Маз.).

АС +

ЛИСАПЕ́Т, -а, м. См. **ЛИСАПЕ́Д**.

АС –

ЛИСПЕДИ́ЦИЯ, -и; ж. Дикорастущая ме-
доносная трава с цветами белого и голубого цвета. А лиспедия она просто обыкновенная трава такая (Гриб. Арх.).

АС –

ЛИСТ, -а; м. Противень для выпечки. Катали хлеб, клали его на лист. Лист в печку шурнут, золу разметут и туда хлеб (Черн. Своб.). Тогда русские печки были, щас вот противень, тогда лист назывался (Светил. Бел.). Ну, листы в основном это вот или противни, все как сейчас называют, хлеб пекли на них. Вот булку выкатывают не него и в печку (Заг. Своб.).

АС –

ЛІ́СТВА, -ы; ж., **ЛИСТВЯ́К**, -а; м. и **ЛИСТВЯ́НКА**, -и; ж. Дерево лиственница. Подосиновики... Головки такие вот у них, особенно они, где это... листва, листвянка, там же они вот (Могил. Арх.). – Какие деревья здесь есть? – Листвяк, например. – Листвяк – это лиственница? – Да, лиственница – это то же самое, но у нас говорят «листвяк» или «листвянка» ещё (Урал. Шим.). Лиственное дерево, оно тяжёлое. А листвяк – лиственница (Урал. Шим.). Тогда в лес пойдет, серы нарубит, листвяк спилит (Костюк. Своб.).

АС –

ЛИСТВЯ́К, -а; м. См. **ЛІ́СТВА**, **ЛИСТВЯ́НКА**.

АС + (другое значение)

ЛИСТВЯ́НКА, -и; ж. См. **ЛІ́СТВА**, **ЛИСТВЯ́К**.

АС +

ЛИСТВЯ́ННЫЙ, -ая, -ое. Сделанный из лиственницы. *Дом у нас крепкий, листвя- ный, долго стоит* (Кухт. Луг Шим.).

АС +

ЛИТО́ВКА¹, -и; ж. Сельскохозяйственное орудие с длинной прямой ручкой для сре- зания травы и злаков; коса. *Жали серпом, я жну литовкой* (Урал. Шим.). *Цветы са- жала, а потом стала болеть. Вот литов- кой всё и покосили. Это я тебе покажу сейчас. Вот она, коса... Он вперёд, а я за ним, он вперёд, а я за ним* (Урал. Шим.). *Он мне даёт большую литовку, (в)от. Ну, я посмотрела, как он косит, и сама давай* (Урал. Шим.). – *А чем косили? – Литовкой, а щас сенокосилкой* (Кухт. Луг Шим.). *Вдруг литовки взяли мы, и потом пошли косить мы травы* (Урал. Шим.). *Кто как называет. У нас на западе коса, а здесь литовка* (Желтояр. Своб.). – *А при помощи чего косили? – Косой, литовкой* (Мих. Маз.). *И косили рожь литовками, урабли такие делали, вот, а этими литов- ками косили* (Белояр. Маз.). – *Литовка – это коса, да? – Да, на литовку одевается* (Гриб. Арх.). *Литовками, литовками бы- ли, запасали литовки и раньше также на конях косили. У кого кони были – на лоша- дях косили, а то не все, руками косили, литовками* (Заган Своб.). – *А по-другому как-нибудь коса называлась? – Литовка* (Зел. Бор Мих.). *А косили сено лито́вкой* (Кост. Своб.). *И косили сено для лошадей, для коров литовкой. Вот вы не видели, наверное? Коса, косой, ага, косой* (За- ган Своб.).

АС +

ЛИТО́ВКА², -и; ж. Запеченное кушанье из муки, яиц и молока. *А у нас литовка назы-*

вается кушанье. Вот, например, яичек набьёшь, потом муки, немножко молока. И потом в печке русской сало разжаришь, эту заливаешь и поставишь. И она спе- кётся, и это называлось литовка. Очень вкусно (Желтояр. Своб.).

АС –

ЛІ́ТРА, -ы; ж. Единица объема жидкости; литр. *Вот масло подсолнечное, восемьде- сят шесть рублей у нас литра. Сейчас же, видите, ў маўзінах что сделать, кон- троля ж им нету. Они что хотят, то и бяруць. Вот масло... Вон пол-литра кис- ляка вон за тридцать-сорок рублей, а они сдают целое молоко за десять рублей литра* (Дим Мих.).

АС +

ЛИТО́Й, -ая, ое Приготовленный литьем (о сапогах) *Ну, грязи было – это ужас. Я никогда не носила литые сапоги, а тут мене, значит, принёс он (муж) литые сапо- ги* (Чаг. Шим.).

АС –

ЛІ́ФТИК, -а; м. Нижнее женское бельё; лифчик. *Раньше лифтик такой, как вот такой вот коротенький, но и на передё застёгивается* (Гильч. Тамб.). *Они скоро го- лы будут выступать... Сейчас лифтики не носят никто...* (Н.Андр. Бел.).

АС + (лі́фик)

ЛІ́ХО, нар. Очень плохо, тяжело. *Ну, еще кашель не прошел полностью, и простыла к этому разу еще раз. Ну, тогда вот было лихо, это, наверное, воспаление-то, навер- ное, точно было* (Заган Своб.).

АС –

ЛИХОВІ́ЦА, -ы; ж. Зависть, злость. *С утицы водица, с младенца лиховица, отку- да взялось, тому передалось. Ну, как, лихо- вица – зависть или как? Ну-ка, давайте переведем «лиховица», ну, то есть, ну,*

плохое что-то, кто что-то там пожелал (Толст. Тамб.).

АС –

ЛИХОЧНА́Я, -ой; -ое; ж. Болезненное состояние, сопровождающееся жаром, ознобом; лихорадка. *Мы там долую работали, ходили по селу, меряли температуру, если лихочная, то человек моментально умирает* (Серыш. Серыш.).

АС + (лихомáнка)

ЛИЧИГЬ, -ов; мн. Кожаные высокие сапоги, не пропускающие воду; ичиги. – *Сапоги были и бродни, и личиги. Личиги, рыбу в них ловили, большие, прям до паха. – А из чего делали? – Из кожи быка, из чушек делали. После этого шили из них, смазывали смолкой такой березовой, и они не пропускали воду* (Серг. Благ.).

АС + (ичиги)

ЛОБОДА́, -ы; ж. Сорное травянистое растение лебеда. *На огороде много сорной травы. Растёт мокрец, лобода, бурячок* (Черн. Своб.).

АС –

ЛОБОГРЭ́ЙКА, -и; ж. Разновидность жатвенной машины; жнейка. *Поля сожнут. Раньше ж не было комбайнов. Такая была жнейка, лобогрейка называется. Может, старинные фильмы смотрите. Крутится она. Да лошади тянут* (Урал. Шим.). *Лобогрейка, знаете, почему называется? Потому что очень быстро лошадки ходят и механизмы работают, надо очень быстро бросать снопы, и лоб мокрый всё время, лобогрейка называлась, то есть потеет человек сильно. Вымолачивали зерно* (Толст. Тамб.). || Ср. **ЛОБЫЗЭ́ЙКА**

АС –

ЛОБЫЗЭ́ЙКА, -и; ж. То же, что **ЛОБОГРЭ́ЙКА**. – *Лобызейки были такие. Снопы которые вязали. – Лобызейки? – Ну, это, лобогрейка, лобызейка. Там это сидишь на*

сиденье, а это солнце греет, вот и говорят лобогрейка (Зел. Бор Мих.).

АС –

ЛОГУШО́К, -шка; м. Емкость для сбора грибов, ягод. *Грибы собирали логушками. Пойдёшь, трёхведерный логушок наберёшь подоабок, насолишь их, жарю их* (Урал. Шим.).

АС –

ЛОДЫ́ЖКА, -и; ж. Глиняный сосуд, кувшин. – *Как кувшины назывались? – У нас кувшины, или крынки, или лодыжка* (Гриб. Арх.)

АС –

ЛОДЫ́ЖКИ, -ек; мн. Народная игра, то же, что городки. *Ребята, а мы то иурали тоже, и девчонки <...> У пацанов лодыжки назывались. От чушек с ножек там наставят, насобирают и выиурывают, наставють их в ряд и сбивают, хто выиурал* (Дим Мих.).

АС +

ЛОКО́ШКО, -а; ср. Плетенная из прутьев корзинка для сбора ягод и грибов; лукошко. *Возьмёшь локошко и идёшь собирать грибы* (Черн. Своб.).

АС –

ЛОМА́КА¹, -и; ж. Палка. *Да ты не бойся, возьми ломаку да отгони её, она не укусит* (Дмитр. Своб.).

ЛОМА́КА², -и, ж. О ветхом, бывшем в долгом употреблении строении. *Дом уже ломака, ремонт надо делать, а не на что* (Чемб. Своб.). *Купили себе ломаку. Пожили, перестроили. Хороший дом построил колхоз* (Чемб. Своб.).

АС –

ЛОНЧА́К, -а; м. Жеребёнок на второй год жизни. *Ну, маленький жеребёнок, а потом вырастет – лончак. На второй год это лончак, ну, а потом уже просто лошадь* (Заган Своб.).

АС +

ЛОТÓК, -тка; м. Деревянный ящик с желобом для промывания золотого песка. — *Вот они мыли (золото) с лотка. Такой лоток деревянный сделан. Середина вроде вот так, и оно моет здесь. Они моют. Золото-то тяжёлое, а песок легче. И вот моют, сеют. Вот в этой вот канавке и остаётся золото (Урал. Шим.).*

АС —

ЛОХА́НКА, -и; ж. 1. Деревянная ёмкость в форме бочки для купания детей, стирки белья, сливания жидкости. *Лоханка — это такая, как бочка круулая, тока низкая (Черн. Своб.). Лоханки — это вроде как она и бочка низенькая такая. В ней и ребятишек купали, и стирали (Заган Своб.). Вот такая была лоханка, называли лоханка её, не ведро, а то что большая такая — лоханка. Наливают полную воды горячей (Заган Своб.). А лоханка это помои сливают, деревянная она, вот помои сливают и ко-ровам пить выносят (Зел. Бор Мих.).* 2. О содержимом большой ёмкости. *Привез вторую мачеху. Они спят, а дочь вкалывает. Сварила целую лоханку (Черн. Своб.).*

АС —

ЛОШАДЁК, -а; м.; **ЛОШÓНКА**, -и; ж. и **ЛОШÓНОК**, -а; м. Жеребёнок. Два мерина было, кобылица и такой, молоденький такой лошадек был. Ну, и всё это в колхоз лошадей забрали (Великокняз. Бел.). И коней, по-видимому, четверо и лошонок с этой кобылой, чтоб поровну разделиться (Великокняз. Бел.). Одна бурёнка была и одна лошонка была. Я уворю ... у них одна коровка была и одна кобылка была, и всё (Краснояр. Маз.). У нас были и маленькие лошонки, и большие лошадки. Кого только не было у нас в хозяйстве (Великокняз. Бел.).

АС + (лошадёнок, лошóнок)

ЛОШÓНКА, -и; ж. См. **ЛОШАДЁК**, **ЛОШÓНОК**

АС + (лошадёнок, лошóнок)

ЛОШÓНОК, -нка; м. См. **ЛОШАДЁК**, **ЛОШÓНКА**

АС + (лошадёнок, лошóнок)

ЛУЖЕВА́ТЬ, -ую, -ешь; несов. Выпивать спиртные напитки; пьянствовать; гужевать. *День этот, седьмого-восьмого ноября, как оно, день годовщины революции. Так заранее за три дня с колхоза жёницин назначают и, это, продукты с кладовой получают там, мясо, муки, хлеб пекут, это, в общем готовят. А с шестого вечером под седьмое лужуют мужики. А мы-то были ещё, нам не позволяли. В основном что, по парам да это и гуляют, поддают там всю ночь. Такие были гулянья (Великокняз. Бел.).*

АС —

ЛУНТЫ́, -ов, мн. Зимняя обувь, изготовленная из шкуры животного; унты. *Раньше лунты носила, они ведь тёплые, а зимой в них ноги не мёрзнут (Кухт. Луг Шим.).*

АС +

ЛУП, междом. в функции сказуемого. *Вы думаете что? Подглядывают, а одной как луп по сраке палкой, дак заорала. Большие не пошла уадать (Гриб. Арх.).*

АС —

ЛУПА́СИТЬ, -у, -ишь, несов. Сильно бить. *У нас отец строгий был, нервный и лупасил нас иногда, но я выросла в их, он меня не бил, сестрёнку бил (Краснояр. Маз.).*

АС —

ЛУРÓН, -а; м. Свернутая в трубку большая связка сена; рулон. *Стоу — это кода ў большие кучи сена собирают. Снопы — маленькие. А луроны — круулые, большие связки сена по пятьсот килограммоу (Черн. Своб.).*

АС —

ЛУЧИТЬ, -у, -ишь, несов. Освещать дно реки фонарем при ловле рыбы. *А лучить, вот он ходит, а тут у него фонарик, и он светит, и там видать, на дне, когда рыба ходит* (Костюк. Своб.).

АС –

ЛУЧОК, -чка; м. Небольшая ручная пила по дереву с самодельными деревянными ручками. *Пилил ещё до войны. Лучком пилил. Один пилил. <...> Пила такая, поперечная. Поперечная пила да две ручки* (Урал. Шим.). – *А чем раньше пилили? – А раньше я здесь не жил, но дед говорил, вручную лучками пилили. Лучок как пила, только короткая* (Урал. Шим.).

АС +

ЛУШПАЙКИ, -ек, мн. Картофельная кожура. *Ну, это картошку чистят когда, называют лушпайки* (Желтояр. Своб.). *А это тоже люди, но они безвредные, им лишь бы есть да одёжа, а то вскочут у хату и бегают, бегают по хате, есть ищут. Там с этою, прямо с поуаною ведра, то лушпайки, ну есть-то надо, и то и поест* (Великокняз. Бел.).

АС +

ЛЫК, -а; м. и **ЛЫКИ**, -ов; мн. Кора липы, используемая для плетения лаптей; лыко. *Лыка надерёшь, лаптей наделаешь* (Чемб. Своб.). *Вот это у нас был дед один. Дед лапти вязал с лыков, вот липа это называется, у нас звали лыки, у нас не тайга* (Дим Мих.).

АС –

ЛЫКИ, -ов; мн. См. **ЛЫК**.

АС –

ЛЫСКА, -и; м. и ж. О лысом человеке. *Косы были, обстригли мне, а в школе мне разрешали в платочке сидеть. А меня – лыска, лыска. «Я, мама, не буду больше в школу, меня дразнят там»* (Ин-ка Арх.).

АС + (другое значение)

ЛЫСЫЙ, -ого; м. Название танца. *Всё было. Что в гулянке, вцепился один за одного и крутись. Ну, краковяк, лысово, полечку. А раньше танцевали красивые танцы* (Урал. Шим.).

АС +

ЛЫНУТЬ, -у, ёшь, сов. См. **ЛИНУТЬ**.

АС –

ЛЮБИТЬСЯ, -люсь, ишья, несов. Проявлять чувства нежности, любви друг к другу. *Вот сын мой когда поступал. Вот с какой-то девкой он на этом (снимке), я даже забыла спросить, учились вместе, я её что-то и не помню, вишь, на жердку облокотились и любят* (Ин-ка Арх.).

АС –

ЛЮБО, нареч. Приятно. *Мы там посадки делали, сосняк метра на три, прямо любо смотреть* (Гриб. Арх.).

АС –

ЛЮБОПЫТКА, -и; ж. О любознательном человеке. *Вот любопыткам про кабана рассказываю* (Урал. Шим.).

АС + (любопытный)

ЛЮБОТА, -ы; ж. В знач. сказ. О чем-нибудь очень красивом, привлекательном. *Шестиклинка, в плиссироўку вот, складочка за складочкой была, как выгладишь да как пойдёшь, дак аж любота* (Кас. Арх.).

АС –

ЛЮДОЧКИ, мн. ч. Ласк. к **ЛЮДИ**. *Я-то жисточку прожила, любочек всех знаю, и здесь я все знают* (Чемб. Своб.).

АС –

ЛЮЛЬКА, -и; ж. 1. Детская подвесная колыбель. *Лялька, делали лялька. Как? Обшивали полотном. Вот так четыре палки* (Кр. Луч Арх.). *Ляльки были. Ляльки на веревочках, четыре палочки. Куль натянешь, зашьешь, или мешок раньше назывался. И на веревочках повешаешь к потолку или к чему, вот покачаешь ребеноч-*

ка (Комиссар. Бел.). Деревянные делали, четыре досточки, да, там веревкой переплетали дно, а хто досточки там, кто чё, ну, чтобы вонь меньше была, веревками, и четыре веревки до потолка (Дим Мих.). Мы последышу люльку подвесили (Черн. Своб.). – А в чём детей укачивали, ложили спать? – А, в чём ложили? Такие вот зыбки делали. Вот люлька такая вот, большая, сделанная деревянная. По этим кольца. На этих кольца делали верёвки. Ну, знаешь ремень. Вот как лошадей ремень и прибывали кверху. И вот качали. Вот я в этих люльках (Толст. Тамб.). – А когда появлялся ребёнок, какая у него кроватка была? – Я вырастила в люльке (Гриб. Арх.). – А когда дети маленькие были, их в чем, где они лежали? – В люльке (Разд. Тамб.). Вот его положат в эти, люльку, на крючок, там какой-то сделали, приделали, висит. Это я покачиваю, он спит (Светил. Бел.). Люлька вот это, вот люлька вот, тут делают верёвки длинные, приделают к потолку крючок, вешают эту люльку, и вот она в люльке качается (Зел. Бор Мих.). – А люлька была у вас? – Да, у меня люлька, люлька была. – А куда она подвешивалась? – Под потолком забьют wo такой кручок (Кас. Арх.). И вот Серёжа у меня в люльке-то, и она подвешена. Вот четыре палки сбиты, а там куль, прибитый внизу, и вот он в люльке у меня (Саг. Арх.). (Укачивали) в люльках. Четыре веревочки и мешок подшитый был и делали люльки, качал (Могил. Арх.). – У нас люльки были. – А как она сделана была? – Ну, как? (В)от четыре доски такие, там обшито такой как мешковиной и такие ремни, и к потолку такой, и вешали, и вот качаешь эту (Инка Арх.). – Когда ребёнок рождался, в чём его спать укладывали? – Люлька – это

которая подвешивается к потолку, люлька или зыбка у нас ещё называли (Гриб. Арх.). А мама в огороде, маленький ребёнок в люльке, в зыбке этой качается, пошла огурцы собирать (Кас. Арх.). У чём качала? Эта люлька висела, четыре таки палки, верёвка, и качала, мяшок натянуны на эта, качала (Кр. Луч Арх.). Наводнение большое было, вывозили меня в люльке. Тут наводнение очень большое было в двадцать восьмом году, когда я родилась (Инка Арх.). Люлька, в люльке спали, а побольше на кровати. Качки не было, люльки были. Маленьких детей в люльки (Могил. Арх.). А люльки вот на четырёх верёвках, и тут корытечко такое сделано, там застилают, настилают, кладут ребёнка и качают, он спит (Гриб. Арх.). Люлька была висящая. Вот там гвоздь вобьют здоровый, чтоб ребёнок не упал, и, значить, тута четыре верёвочки, и туды подвяжут ... и ложат туды ребёночка (Краснояр. Маз.). Люльки – это на веревках висели, люльки. А это просто кроватка (Светил. Бел.). В ясли не берут, она меня с собой, люльку взяла эту, в которой ребёнок, с собой, повесит там, я качаю, она работает (Светил. Бел.). Первая дочь родилась, кроваток не было, сразу люлька. Это как зыбка называли (Светил. Бел.). А кровати какие были – люлька, это с тальника, прутьиные, как корзины плелись раньше, вешалась там, к потолку прибывался крюк (Краснояр. Маз.). Ну, маленькие совсем, где-то до годика, люльки были. Подвешат к потолку, вот четыре доски вот так сбивают, обшивают с той стороны, и вот люлечку, там постельку сделает мама, подушечку маленькую, и вот туда ребенка ложит и качает (Заган. Своб.). А у некоторых, ну, у меня не было вот так, люльки, вот которые ви-

сят, которые подвешивались, у меня такой не было (Сыч. Своб.). 2. Детская кроватка на деревянных ножках. – (Детям) кроватки как назывались? – Ну, как? И не кроватка, а коляска называлась или люлька. – А как она выглядела? – Да-а обыкновенна кроватка, только на деревянных этих. Каталась (Саг. Арх.). || Ср. **ЗЫ́БКА, КА́ЧКА¹, КАЧА́ЛКА¹ КАЧУ́ЛЬКА, КОЛЫ́СКА.**

АС –

ЛЮМИНЕВЫЙ, -ая, -ое. См. **ЛЕМЕ́НЕВЫЙ.**

АС +

ЛЯ́ГВА, -ы; ж. Гулящая и ленивая женщина. Гулящую и ленивую называли лягва (Желтояр. Своб.).

АС –

ЛЯГУ́ША, -и; ж. Лягушка. Японцы лягуши ели. Возьмут их, наловют и жарют (Черн. Своб.). Я вот любила этих вот лягуши, пауков, змей, ос, шершеней, их нельзя убивать (Кас. Арх.).

АС –

ЛЯЛЯ́КАТЬ, -ю, -ешь; несов. Говорить, разговаривать. Вот поездишь, и в каждой деревне своя речь, разговор. Мы так ляля-

каем, а в Князевке там еще интересней лялякают (Светил. Бел.).

АС –

ЛЯНО́Й, -ая, -ое. Льянной. А нитки тогда, знаете, были такие хорошие-хорошие, льяные (Кас. Арх.). Вот и не стала ткать уже. А знаю, что были дерюжки, полотно, полотно грубое, льяное (Светил. Бел.). Наволочки такие мы вот шили белые... Только у нас было всё льяное, так же вышивал. (Дим Мих.).

АС +

ЛЯ́ПНУТЬ, -ну, -нешь, сов. Стукнуть, произвести шум. Слышу, ляпнула у соседей калитка, значить, кто-то идёт (Чемб. Своб.).

АС –

ЛЯ́ПУШКА, -и; ж. Лепешка из мерзлой картошки. Ходили, собирали мерзлую картошку, на полях собирали, ляпушки надедали да ели (Разд. Тамб.). || Ср. **ТОШНО́ТИК.**

АС –

ЛЯ́СНУТЬ, -у, -ешь, сов. Сверкнуть (о молнии). Я иду, а угроза как ляснет, да около нас прямо (Черн. Своб.).

Условные обозначения населённых пунктов

Архаринский район

Гриб. Арх. – с.Грибовка Архаринского района
Ин-ка Арх. – с.Иннокентьевка Архаринского района
Кас. Арх. – с.Касаткино Архаринского района
Кр. Луч – с.Красный Луч Архаринского района
Могил. Арх. – с.Могилёвка Архаринского района
Саг. Арх. – с.Сагибово Архаринского района

Белогорский район

Великокняз. Бел. – с.Великокнязевка Белогорского района
Комиссар. Бел. – с.Комиссаровка Белогорского района
Н.Андр. Бел. – с.Новоандреевка Белогорского района
Светил. Бел. – с.Светиловка Белогорского района

Благовещенский район

Серг. Благ. – с.Сергеевка Благовещенского района

Константиновский район

В.Урт. Конст. – с.Верхний Уртуй Константиновского района

Мазановский район

Мих. Маз. – с.Михайловка Мазановского района

Краснояр. Маз. – с.Красноярово Мазановского района

Белояр. Маз. – с.Белоярово Мазановского района

Михайловский район

Зел. Бор Мих. – с.Зеленый Бор Михайловского района

Дим Мих. – с.Дим Михайловского района

Кр. Яр Мих. – с.Красный Яр Михайловского района

Серышевский район

Серыш. Серыш. – с.Серышево Серышевского района

Свободненский район

Гащ. Своб. – с.Гащенко Свободненского района

Дмитр. Своб. – с.Дмитриевка Свободненского района

Желтояр. Своб. – с.Желтоярово Свободненского района

Заган Своб. – с.Заган Свободненского района

Москвит. Своб. – с.Москвитино Свободненского района

Разл. Своб. – с.Разливное Свободненского района

Чемб. Своб. – с.Чембары Свободненского района

Черн. Своб. – с.Черновка Свободненского района

Юхта Своб. – п.Юхта Свободненского района

Костюк. Своб. – с.Костюковка Михайловского района

Зиг. Своб. – с.Зиговка Свободненского района

Серебр. Своб. – с.Серебрянка Свободненского района

Гур. Своб. – с.Гуран Свободненского района

Сыч. Своб. – с.Сычевка Свободненского района

Заг. Сел. Своб. – с.Загорная Селитьба Свободненского района

Тамбовский район

Гильч. Тамб. – с.Гильчин Тамбовского района

Разд. Тамб. – с.Раздольное Тамбовского района

Рощ. Тамб. – с.Рощино Тамбовского района

Тамб. Тамб. – с.Тамбовка Тамбовского района

Толст. Тамб. – с.Толстовка Тамбовского района

Шимановский район

Кухт. Луг – с.Кухтерин Луг Шимановского района

Урал. Шим. – с.Ураловка Шимановского района

Чаг. Шим. – п.Чагоян Шимановского района

ЛИНГВОГЕОГРАФИЯ

В настоящем выпуске мы продолжаем публикацию материалов по результатам лингвогеографического обследования сел Амурской области.

Представленные в разделе таблицы составлены по итогам экспедиций 2008 и 2009 гг., которые проходили в селах Зеленый Бор, Дим, Красный Яр Михайловского района и в селах Костюковка, Загорная Селитьба, Сычёвка, Зиговка Свободненского района Амурской области. В основе таблиц лежат вопросы «Программы собирания сведений для диалектологического атласа русского языка».

Таблица 1. Результаты обследования сел Зеленый Бор, Дим и Красный Яр Михайловского района Амурской области по вопросам «Программы собирания сведений для диалектического атласа русского языка» в 2008 году

Село	с. Зеленый Бор	с. Дим	с. Красный Яр	Примечания
ФОНЕТИКА ГЛАСНЫХ				
1. Гласный в первом предударном на месте о (вода, вада, въда)	вада вода	вада въда	вада сьма	Доминирует вариант, совпадающий с литературным, встречается диссимилятивное аканье.
2. Гласный на первом предударном месте е перед твердым согласным (вела, вёла, вяла, вила)	вила вяла	вила вяла	вила вела вяла	Доминирует вариант, совпадающий с литературным.
3. Гласный на первом предударном месте е перед мягким согласным (деревня, диревня, дяревня)	бирёза бярёза	диревня дяревня	бирёза	Доминирует вариант, совпадающий с литературным
4. Гласный в первом предударном месте я перед твердым согласным (пряла, прела, прила)	визала вязяла	пряла прила	вязала визала	Конкурируют вариант, совпадающий с литературным, и диалектный вариант (иканье и яканье)

Село	с. Зеленый Бор	с. Дим	с. Красный Яр	Примечания
5. Гласный в первом предударном месте я перед мягким согласным (<i>напряди, неприяди, наприди</i>)	напряди наприди	глидят глядят	глидят глядят	Конкурируют вариант, совпадающий с литературным, и диалектный вариант (иканье и яканье)
6. Гласный в первом предударном месте е после шипящих (<i>жсена, жсана, жсона, жсына</i>)	желток	желток жылток	желудок жылудок	Доминирует вариант, совпадающий с литературным
7. Гласный на месте а в первом предударном после шипящих (<i>жсара, жсыра, жсера</i>)	жара	жара	жара	Доминирует вариант, совпадающий с литературным
8. Прибавление гласного в начале слова перед р, л (<i>аржаной, альняной, оржаной, ильняной</i>)	нет прибавления	нет прибавления	нет прибавления	Доминирует вариант, совпадающий с литературным
9. Гласные о(ё) или е под ударением на месте буквы ё(е) (<i>несёшь – несешь</i>)	прядёшь	несёшь	несёшь	Доминирует вариант, совпадающий с литературным
ФОНЕТИКА СОГЛАСНЫХ				
10. Твёрдый или мягкий р (<i>курю – куру</i>)	варю	смотрю	говорю	Доминирует вариант, совпадающий с литературным
11. Согласный на месте ц (<i>улица, улица, улиця, улиса, улис'а</i>)	курица	пшеница	горчица	Доминирует вариант, совпадающий с литературным
12. Согласный на месте щ (<i>ищука, ишчука, ич'чука, иш'ищука, с'ищука</i>)	ш'ш'ука шчука	ш'ш'ука шчука	ш'ш'ука	Доминирует вариант, совпадающий с литературным
13. Как произносится слово что (<i>што, шт'е, шчо, ич'о, шче, чо</i>)	што чо шшо	чо што	што чо	Конкурируют вариант, совпадающий с литературным, и диалектный вариант
14. Сочетание жж (<i>вожжи, вож'ж'и, вожджи, вож'д'и, воз'з'и</i>)	вожжи вож'ж'и	дрож'ж'и	вожжи вож'ж'и	Доминирует вариант, совпадающий с литературным, прослеживается

Село	с. Зеленый Бор	с. Дим	с. Красный Яр	Примечания
				общеязыковая тенденция к отвер- дению долгих шипящих
15. Согласный на месте ф (<i>сарафан, сарахан, сарахван, сарахфан</i>)	хвасоль фасоль	сарахван сарахфан	сарафан сарахфан	Конкурируют вариант, совпадаю- щий с литературным, и диалектный вариант; диалектный вариант зани- мает прочную позицию в говорах
16. Согласный на месте з в конце сло- ва (<i>снег, снек, снех</i>)	творок снех	берек	снек	Доминирует вариант, совпадающий с литературным
17. Согласный на месте в перед со- гласным и на конце слова (<i>лафка, лаўка, лавка, короф, короў, коров</i>)	лафка коров	лафка лавка	лафка лавка	Конкурируют вариант, совпадаю- щий с литературным, и диалектный вариант
18. Прибавление согласного в начале слова к согласным о, у (<i>вострый, ву- лица</i>)	вузкая узкая	узкая вузкая	узкая вузкая	Конкурируют вариант, совпадаю- щий с литературным, и диалектный вариант
19. Согласный на месте л в конце сло- ва и перед согласным (<i>знал, знаў</i>)	болел	работал	знал	Доминирует вариант, совпадающий с литературным
20. Сочетание дн, бм (<i>ладно, ланно, обман, омман</i>)	видно	видно	видно	Доминирует вариант, совпадающий с литературным
21. Согласные з, к перед т, п, к и д, б, г (<i>кто, хто, к пятнице, х пятнице, к кому, х кому, к дому, г дому, у дому</i>)	хто	хто к кому	кто хто	Доминирует диалектный вариант
МОРФОЛОГИЯ				
22. падежные окончания в род., дат. и предл. падежах ед.ч. существительные ж.р. на -а, -я , (<i>у жены, у жене, у же- ни к сестре, к сестри, к сестры</i>)	у жены	у жены у сестре	у жены к сестре	Доминирует вариант, совпадающий с литературным

Село	с. Зеленый Бор	с. Дим	с. Красный Яр	Примечания
23. Склонение существительных муж. р. с суффиксом –ушк-, -юшк-, обозначающее лицо (<i>дедушка, дедушко</i>)	дедушка	дедушка	дедушка	Доминирует вариант, совпадающий с литературным
24. Наличие звательной формы (<i>сыне, сестрице, Марусю, мамо</i>)	сын	братко	сестра	Доминирует вариант, совпадающий с литературным
25. Окончания прилагательных в им. п. ед. ч. женск. и мужск. рода (<i>молодая, молода, молода</i>)	суровая сурова	молодая	большая	Доминирует вариант, совпадающий с литературным
26. Окончания прилагательных и местоимений в род. п. ед. ч. муж. и ср. рода (<i>каво, кого, коуо, коо, доброво, доброва, доброго, доброга, доброуо, доброуа</i>)	ково доброуа	ково доброуа	ково большова	Доминирует диалектный вариант
27. род. и вин. пад. личных и возвратного местоимений (<i>у меня, у мене, у мня, у мне, у мя, у себя, у себе, у сабе, у себе, у собя, у ся, у се; видишь, тебя, тея, тебе, тее, те, тя, тебе, табе, себя, чебе, се, ся, сабе, союя</i>)	у меня	у мя у мене тебе	тебе у тебя	Доминирует вариант, совпадающий с литературным
28. им. и вин. пад. местоимений тот та, те (<i>тот, той, тый; то, тое, тоё, тае, тые; та, тоя, тая, тыя; вижу ту, тое, то'е, ты'е, то'ю, т'ую, ту'ю, старушку</i>)	общерусские формы + тую (единично) тая (единично)	общерусские формы + тая (единично)	общерусские формы	Доминирует вариант, совпадающий с литературным
29. Окончания глаголов второго спряжения в 3-м лице (<i>ходят, ходют, ходя, ходю, ходята, ходюто</i>)	ходят любят	ходют ходят	ходят ходют	Конкурируют вариант, совпадающий с литературным, и диалектный вариант

Село	с. Зеленый Бор	с. Дим	с. Красный Яр	Примечания
ЛЕКСИКА				
30. Крестьянский дом (<i>изба, хата, курень</i>)	хата изба дом	хата изба	хата	Доминирует диалектная лексема
31. Колыбель (<i>зыбка, люлька, колыска, качка, колыбель, колыбка</i>)	колыска люлька качка	зыбка люлька	зыбка люлька	Доминирует диалектная лексема
32. Петух (<i>петух, пеун, пеюн, певун, кочет, кур</i>)	петух певун пивень кочет	петух кочет	петух	Доминирует лексема, совпадающая с литературным названиями реалии
33. Курица (<i>наседка, наседалка, клуша, квочка, кочка</i>)	квочка наседка	квочка наседка курица	квочка наседка	Доминирует лексема, совпадающая с литературным названиями реалии
34. Цыплята (<i>цыплята, цыпушки, силки, селёнки</i>)	цыплята цыплаки	цыплята цыпушки	цыплята	Доминирует вариант, совпадающий с литературным
35. Кукушка (<i>кукушка, зозуля, зезюля</i>)	кукушка зезюля	кукушка зозуля	кукушка зозуля	Доминирует лексема, совпадающая с литературным названиями реалии
36. Радуга (<i>радуга, райдуга, дуга, весёлка</i>)	радуга	радуга	радуга	Записана лексема совпадающая с литературным названием реалии
37. Туча (<i>туча, хмара, хмарь...</i>); плохая погода (<i>не'погодь, не'годь, хмарная погода</i>) ясная погода (<i>те'пля, вёдро, ядрёная погода</i>)	туча	туча	туча	Записана лексема, совпадающая с литературным названиями реалии

Село	с. Зеленый Бор	с. Дим	с. Красный Яр	Примечания
38. Мужская одежда, обувь (<i>армяк, зипун, козляк, кафтан, свита, свитка, косоворотка,; ичиги, бродни, лапти, моришни</i>)	ичиги тулупы фуфуйки чоботы армяк зипун лапти кафтан	бурки катанки фуфайка костюм	лапти ичиги фуфуйка костюм	Диалектные названия мужской одежды и обуви имеют статус историзмов, вместе с тем данная группа названий пополняется заимствованиями из литературного языка
39. Женская одежда, обувь (<i>сарафан.ю саян, понёва, андарак, сорочка, сарафан, сак, запон, увиток, триполка...; чирки, ичиги, чуни</i>)	сарафан саян бурки унтики роба	сарафан бубновочки – лапти чуни катанки костюм	сарафан юбка	Диалектные названия женской одежды и обуви имеют статус историзмов, вместе с тем данная группа названий пополняется заимствованиями из литературного языка

Варианты ответов и их количественные характеристики

1. Доминирует вариант, совпадающий с литературным – 24 ответа. (№1, 2, 3, 6, 7, 8, 9, 10 11, 12, 14, 16, 19, 20, 22, 23, 24, 25, 27, 28, 32, 33, 34, 35).
2. Конкурируют вариант, совпадающий с литературным и диалектный варианты – 7 ответов (№ 4, 5, 13, 15, 17, 18, 29).
3. Доминируем диалектный вариант – 4 ответа (№ 21, 26, 30, 31).
4. Записана только одна лексема совпадающая с литературным названием реалии – 2 ответа (№ 36, 37).
5. Диалектные названия определенной тематической группы устаревают; вместе с тем данная группа пополняется заимствованиями из литературного языка – 2 ответа (№ 38, 39).

Всего 39 ответов.

Таблица 2. Результаты обследования сел Костюковка, Селитьба Загорная, Сычёвка и Зиговка Свободненского района Амурской области по вопросам «Программы собирания сведений для диалектического атласа русского языка» в 2009 г.

Село	с. Костюковка	с. Селитьба Загорная	с. Сычёвка	с. Зиговка	Комментарий
ФОНЕТИКА ГЛАСНЫХ					
1. Гласный в первом предударном на место <i>о</i> (<i>вода, вада, въда</i>)	вада въда	голава	вада вода	въда хъдили	Доминирует вариант, совпадающий с литературным
2. Гласный на первом предударном месте <i>е</i> перед твердым согласным (<i>вела, вёла, вяла, вила</i>)	систра	зирном	землиника	диржали	Доминирует вариант, совпадающий с литературным
3. Гласный на первом предударном месте <i>е</i> перед мягким согласным (<i>деревня, диревня, дяревня</i>)	рибята	симья семья	вечиринка	в диревне дяревня	Доминирует вариант, совпадающий с литературным
4. Гласный в первом предударном месте <i>я</i> перед твердым согласным (<i>пряла, прела, прила</i>)	прила пряла	побрикушки	питнадцать пряла	взила	Доминирует вариант, совпадающий с литературным
5. Гласный в первом предударном месте <i>я</i> перед мягким согласным (<i>напряди, непреди, наприди</i>)	наприди	ребитишки	напридёт напрядёт	напряди	Доминирует вариант, совпадающий с литературным
6. Гласный в первом предударном месте <i>е</i> после шипящих (<i>жсена, жсана, жсона, жына</i>)	жына жена	жених	железный	жына жана	Доминирует вариант, совпадающий с литературным
7. Гласный на месте <i>а</i> в первом предударном после шипящих (<i>жсара, жыра, жсера</i>)	шары	шаги	шалаш	шаги	Доминирует вариант, совпадающий с литературным

Село	с. Костюковка	с. Селитьба Загорная	с. Сычёвка	с. Зиговка	Комментарий
8. Прибавление гласного в начале слова перед р, л (<i>аржаной, альняной, оржаной, ильняной</i>)	льнаной	льнаной	льнаной	льнаной	Доминирует вариант, совпадающий с литературным
9. Гласные о(ё) или е под ударением на месте буквы ё(е) (<i>несёшь – несешь</i>)	пройдёшь	идёшь идешь	ревёшь	плетёшь	Доминирует вариант, совпадающий с литературным
ФОНЕТИКА СОГЛАСНЫХ					
10. Твёрдый или мягкий р (<i>курю – куру</i>)	говору каструля	курю	говору	говору	Доминирует вариант, совпадающий с литературным
11. Согласный на месте ц (<i>улица, улича, улиця, улиса, улис'а</i>)	голубица	рукавица	рукавица	голубица	Доминирует вариант, совпадающий с литературным
12. Согласный на месте щ (<i>ищука, ишука, щ'ч'ука, ш'ш'ука, с'ц'ука</i>)	выраш'ш'ивали	ш'ш'авель	ш'ш'авель	выраш'ш'ивали	Доминирует вариант, совпадающий с литературным
13. Как произносится слово что (<i>што, шт'е, шчо, ш'ч'о, шче, чо</i>)	чо што	чо што	чо	чо	Доминирует диалектный вариант
14. Сочетание жж (<i>вожжи, вож'ж'и, вожджи, вож'д'и, воз'з'и</i>)	дрожжи	на вожжах	дрожжи	дрож'ж'и	Доминирует вариант, совпадающий с литературным
15. Согласный на месте ф (<i>сарафан, сарахан, сарахван, сарахфан</i>)	телехфон хронтовик	куфуйка	оштрахуют	хвартук квасаль	Доминирует диалектный вариант
16. Согласный на месте з в конце слова (<i>снег, снec, снecх</i>)	денех	снecх	много нок	сапок	Конкурируют вариант, совпадающий с литературным, и

Село	с. Костюковка	с. Селитьба Загорная	с. Сычёвка	с. Зиговка	Комментарий
					диалектный вариант
17. Согласный на месте в перед согласным и на конце слова (<i>лафка, лаўка, лавка, короф, короў, коров</i>)	километроф зафтрак	корофка в Сычёўку	подстафки <i>коров</i>	Зигоўка	Конкурируют вариант, совпадающий с литературным, и диалектный вариант
18. Прибавление согласного в начале слова к согласным <i>о, у</i> (<i>вострый, вулица</i>)	улица вулица	утка вутка	улица вулица	улица	Доминирует вариант, совпадающий с литературным
19. Согласный на месте <i>л</i> в конце слова и перед согласным (<i>знал, знаў</i>)	работал	знал	делал	сказал	Доминирует вариант, совпадающий с литературным
20. Сочетание <i>дн, бм</i> (<i>ладно, ланно, обман, омман</i>)	ладно	ладно	ладно	ладно ланно	Доминирует вариант, совпадающий с литературным
21. Согласные <i>з, к</i> перед <i>т, н, к</i> и <i>д, б, г</i> (<i>кто, хто, к пятнице, х пятнице, к кому, х кому, к дому, г дому, у дому</i>)	хто к делу	в доме нихто	нихто никто	к кому х кому	Конкурируют вариант, совпадающий с литературным, и диалектный вариант
МОРФОЛОГИЯ					
22. падежные окончания в род., дат. и предл. падежах ед.ч. существительные ж.р. на <i>–а, –я</i> , (<i>у жены, у жене, у жени к сестре, к сестри, к сестры</i>)	у сестры	у жены	в земле	к сестре у мамы	Доминирует вариант, совпадающий с литературным
23. Склонение существительных муж. р. с суффиксом <i>–ушк-, –юшк-</i> , обозначающее лицо (<i>дедушка, дедушко</i>)	дедушка	дедушка дедушко	дедушка	дедушка	Доминирует вариант, совпадающий с литературным

Село	с. Костюковка	с. Селитьба Загорная	с. Сычёвка	с. Зиговка	Комментарий
24. Наличие звательной формы (<i>сыне, сестрице, Марусю, мамо</i>)	—	—	—	—	Употребление звательной формы не зафиксировано
25. Окончания прилагательных в им. п. ед. ч. женск. и мужск. рода (<i>молодая, молода, молода</i>)	деревянна вторая	четвёрта хорошая	малая мала	какая кака	Конкурируют вариант, совпадающий с литературным, и диалектный вариант
26. Окончания прилагательных и местоимений в род. п. ед. ч. муж. и ср. рода (<i>каво, кого, коуо, коо, доброво, доброва, доброго, доброга, доброуо, доброуа</i>)	лишнеуо коуо определеново	этово коуо	из чево	никаково	Доминирует вариант, совпадающий с литературным
27. род. и вин. пад. личных и возвратного местоимений (<i>у меня, у мене, у мня, у мне, у мя, у себя, у себе, у сабе, у себе, у собя, у ся, у се; видишь, тебя, тея, тебе, тее, те, ты, тебе, табе, себя, чебе, се, ся, сабе, союя</i>)	у меня у мене	у тебя у тебе	у меня у мне	для себя	Доминирует вариант, совпадающий с литературным
28. им. и вин. пад. местоимений тот та, те (<i>тот, той, тый; то, тое, тоё, тае, тые; та, тоя, тая, тыя; вижу ту, тое, то'е, ты'е, то'ю, т'ую, ту'ю, старушку</i>)	ТОТ	ТОТ та	ТОТ	та ту	Доминирует вариант, совпадающий с литературным
29. Окончания глаголов второго спряжения в 3-м лице (<i>ходят, ходют, ходя, ходю, ходята, ходюто</i>)	ХОДЯТ	ХОДЯТ	портют портят	ходют ходят	Конкурируют вариант, совпадающий с литературным, и диалектный вариант

Село	с. Костюковка	с. Селитьба Загорная	с. Сычёвка	с. Зиговка	Комментарий
ЛЕКСИКА					
30. Крестьянский дом (<i>изба, хата, курень</i>)	дом хата	дом хата изба	хата изба	дом изба	Доминирует лексема, совпадающая с литературным названием реалии
31. Колыбель (<i>зыбка, люлька, колыска, качка, колыбель, колыбка</i>)	зыбка люлька качка	люлька	люлька	люлька	Доминирует диалектная лексема
32. Петух (<i>петух, пеун, пеюн, певун, кочет, кур</i>)	петух	петух	петух	петух	Доминирует лексема, совпадающая с литературным названием реалии
33. Курица (<i>наседка, наседалка, клуша, квочка, кочка</i>)	курица	курица	курица	курица квочка	Доминирует вариант, совпадающий с литературным
34. Цыплята (<i>цыплята, цыпушки, силки, селёнки</i>)	цыплята	цыплята	цыплята цыпушки	цыплята	Доминирует вариант, совпадающий с литературным
35. Кукушка (<i>кукушка, зозуля, зезюля</i>)	кукушка	кукушка	кукушка	кукушка	Отмечена лексема, совпадающая с литературным названием реалии
36. Радуга (<i>радуга, райдуга, дуга, весёлка</i>)	радуга	радуга	радуга	радуга	Записана только одна лексема, совпадающая с литературным названием

Село	с. Костюковка	с. Селитьба Загорная	с. Сычёвка	с. Зиговка	Комментарий
					реалии
37. Мужская одежда, обувь (<i>армяк, зипун, козляк, кафтан, свита, свитка, косоворотка,; ичиги, бродни, лапти, морини</i>)	валенки фуфуйка	чоботы штаны	кутух кептара лапти чоботы	рубашка катанки бурки доха (куртка из собаки)	Диалектные названия мужской одежды и обуви имеют статус историзмов
38. Женская одежда, обувь (<i>сарафан.юсаян, понёва, андарак, сорочка, сарафан, сак, запон, увиток, триполка...; чирки, ичиги, чуни</i>)	рубашка сорочка сукни (юбка)	сарафан чоботы	гамаши суконки	чуни бурки	Диалектные названия женской одежды и обуви имеют статус историзмов

Варианты ответов и их количественные характеристики

1. Доминирует вариант, совпадающий с литературным – 26 ответов (№1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10 11, 12, 14, 18, 19, 20, 22, 23, 26, 27, 28, 30, 32, 33, 34).
2. Конкурируют вариант, совпадающий с литературным и диалектный варианты – 5 ответов (№ 16, 17, 21, 25, 29).
3. Доминируем диалектный вариант – 3 ответа (№ 13, 15, 31).
4. Записана только одна лексема совпадающая с литературным названием реалии – 2 ответа (№ 35, 36).
5. Диалектные названия определенной тематической группы устаревают; вместе с тем данная группа пополняется заимствованиями из литературного языка – 2 ответа (№ 37, 38).

Всего 38 ответов.

КОГНИТИВНАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

В этом выпуске альманаха представлен новый раздел – «Когнитивная диалектология». Пожалуй, это закономерно, так как мы всегда стремились не только к поиску научной информации, но и к ее интерпретации.

В языке представлено мировидение народа; выстраиваемая языком картина мира влияет на познавательную и практическую деятельность носителей этого языка – эти идеи Вильгельма фон Гумбольдта, развитые во второй половине XX в. зарубежными и отечественными лингвистами, легли в основу когнитивного подхода к языку. Когнитивный анализ лексических единиц в аспекте их миромоделирующего потенциала является одним из актуальных направлений в изучении диалектной речи.

Когнитивный аспект исследования материала предполагает обращение к общим принципам, управляющим ментальными процессами в человеческом мозгу (Е.С. Кубрякова, 1994). Результаты восприятия мира и предметно-познавательной деятельности людей представлены в виде осмысленных и приведенных в определенную систему данных, которые репрезентированы нашему сознанию и составляют основу ментальных (когнитивных) процессов. Поскольку процедуры, связанные с приобретением, использованием, хранением, передачей и выработкой знаний, осуществляются с использованием языка, доступ к ним возможен именно через язык. Когнитивная лингвистика обращается к репрезентации собственно языковых знаний в сознании человека и к способам вербализации формируемых человеком структур знания, при этом целью становится не столько описание, сколько объяснение принципов функционирования языка и возникновения отдельных языковых явлений.

Важнейшим направлением в когнитивной лингвистике является исследование семантики. При этом значение слова определяется особенностями концептуализации мира человеком, которые обусловлены биологической природой человека, опытом его взаимодействия с окружающей средой, а также многими психологическими и культурными факторами.

«Дебютантом» раздела «Когнитивная диалектология» выступает статья Д.Н. Галимовой. Мы приглашаем к публикации в разделе авторов, занимающихся когнитивными исследованиями на диалектном и другом региональном материале.

Д.Н. Галимова

НЕКОНТРОЛИРУЕМОСТЬ ЖИЗНИ КАК ОДНА ИЗ КЛЮЧЕВЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ДИАЛЕКТНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Язык выступает знаковым организатором для перевода информации из внешнего мира во внутренний мир человека: систематизирует внеязыковую деятельность, отражает мир человеческих знаний, понятий, идей. Одной из базовых форм концептуализации действительности является метафора. Та роль, которая в последнее время отводится метафоре в форми-

ровании языковой картины мира (ЯКМ) и, следовательно, в отражении процессов и особенностей категоризации мира человеческим сознанием, обусловлена сущностными характеристиками метафоры. Являясь в широком смысле иносказанием, она способна возбуждать сеть ассоциаций, связывающих разные «точки» действительности. Метафора дает основание устанавливать аналогии между гетерогенными сущностями, прежде всего – между элементами физически воспринимаемой действительности и миром абстрактных сущностей.

В данном исследовании метафора рассматривается как лингвокогнитивный феномен, один из основных способов миромоделирования, воплощенный в языковых структурах, характеризующихся семантической двуплановостью. При анализе диалектных метафор мы опираемся на сложившуюся в рамках когнитивной лингвистики теорию концептуальной метафоры, авторами которой являются Дж. Лакофф и М. Джонсон. Данная теория трактует метафору как средство познания мира, способ отображения полученных знаний и объяснения действительности, как когнитивную операцию над знаниями, позволяющую осмыслить одну понятийную область в терминах структур, относящихся к другой понятийной области. Метафору изучают в качестве способа мышления и повседневной реальности языка [1, с. 388]. Сознание человека антропоцентрично по своей природе, поэтому в метафоре, основанной на законах аналогии, пожалуй, наиболее явно по сравнению с остальными лексическими средствами языка отражается человеческий взгляд на мир, точка зрения человека на мироустройство. В основе метафоры лежит антропометрический принцип: «человек – мера всех вещей». Поэтому, например, время в своем «нормальном» движении *идет* (нормальная, привычная для человека скорость перемещения в пространстве), а если субъект отмечает для себя быструю смену событий, дней, лет и т.п., то время в его интерпретации начинает *бежать, лететь, нестись, мчаться*. Метафора, являющаяся результатом языковой категоризации действительности, способна отражать мировидение человека. Анализ метафорических конструкций, в свою очередь, стал одним из распространенных приемов реконструирования ЯКМ.

Значимым для описания ЯКМ конкретного языкового сообщества является анализ дискурса – целостной лингвокогнитивной структуры, в рамках которой «разворачивается» ЯКМ. Именно дискурс, по мнению В.З. Демьянкова, «создает общий контекст, ...определяясь не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который "строится" по ходу развертывания дискурса» [2, с. 36-37].

Как весьма специфическое явление, отражающее картину мира диалектоносителей, предстает *диалектный дискурс*. Он возникает и существует в особых условиях коммуникации: в ситуации бытового общения деревенских жителей – друг с другом или с собирателями диалектного материала. В диалектном дискурсе используется разговорная форма речи, он является преимущественно диалогичным, основной целью общения является обмен бытовой информацией. Коммуниканты – носители диалекта – также обуславливают один из параметров диалектного дискурса. Это люди, всю жизнь проведшие в сельской местности, имеющие сходные судьбы (практически все наши информанты относятся к поколению людей 20-х – 30-х годов XX в., родившихся и выросших в Советском Союзе: всех их так или иначе коснулась война, бытовые трудности послевоенного времени; уже в зрелом возрасте им пришлось

пройти через смену государственного строя и, живя в селе, оказаться в жестких условиях нового времени). Эти обстоятельства определили единство картины мира коммуникантов, их особенный взгляд на мир – взгляд человека-хозяйственника, человека природы, привыкшего жить плодами своего труда. Важной особенностью традиционной культуры речевого деревенского общения является также состав «зон актуального внимания» сельских жителей: это прежде всего семья и соседи, дом, домашнее хозяйство, сельские промыслы, природа, а также широкий круг тем, которые затрагиваются в общении с «чужим» собеседником (в сельском общении эта дистанция в общении между «своим» и «чужим» короче, чем в городской коммуникации) [3, с. 60].

Дискурс как единый, общий для определенной группы коммуникантов мир, обусловленный ситуацией, целью общения, типом коммуникантов, характеризуется относительно строгим отбором речевых средств. Поэтому анализ метафорической системы дискурса позволяет выявить мировоззренческую позицию субъектов, формирующих данный дискурс.

Для описания метафорического миромоделирования необходимо выявить совмещаемые понятийные сферы и установить основания когнитивного переосмысления одной сферы в понятиях другой. Конкретные сферы-мишени метафорической экспансии определяются путем распределения метафор по группам на основании единства отражаемых ими сфер действительности. Сопоставление *исходного* (прямого) и *результативного* (переносного) значений метафор (ИЗ и РЗ соответственно) путем применения приема компонентного анализа позволяет определить потенциальные (или входящие в денотативное значение) семы, отражающие те признаки, которые становятся основанием для метафорического переосмысления. Анализ соотношения ИЗ и РЗ метафоры дает информацию об актуализации элементов когнитивной системы при метафоризации. На основании закономерностей метафорического переосмысления фрагментов действительности реконструируется когнитивная модель метафоры. Метафорическая модель отражает соотношение исходной понятийной области (сферы-источника), к которой относятся прямые, неметафорические смыслы охватываемых моделью единиц, и области, на которую проецируются некоторые метафорические признаки (сферы-магнита). Таким образом, компонентный анализ исходного и результативного значений метафоры и анализ выстраиваемых на основании сопоставления этих значений метафорических моделей (направлений метафорических переносов в них) дает возможность, во-первых, высветить антропометрическую позицию, служащую фильтром, сквозь который воспринимается мир, во-вторых, объяснить, каким видится мир носителю языка и каков он сам в этом мире.

Метафорическая картина мира, как и ЯКМ в целом, относительно стабильна, в основных своих позициях стандартна для всех носителей языка и мало изменяется в пределах жизни двух-трех поколений [4]. Поскольку анализируемые записи диалектной речи сделаны в относительно короткий временной промежуток (записи выполнялись в течение 9 лет, с 2000 по 2008 гг. в селах Амурской области) и большая часть информантов – люди, рожденные в 20-30-е годы XX в., можно утверждать, что реконструируемая метафорическая модель мира с большой степенью точности отражает обыденные («наивные») представления целого поколения диалектоносителей – жителей Амурской области. Анализируемый материал – метафоры, спонтанно возникшие в одно-, двухчасовых рассказах диалектоносителей о их жиз-

ни. В этих рассказах представлена жизнь в бытовых мелочах: от детства до настоящего времени, рассказы о родителях, семье, родственниках, работе, повседневных занятиях дома и на огороде, о сельских промыслах, о жизни в деревне, рассуждения об изменениях, происходящих в стране и в селе в последние десятилетия, воспоминания о прошлых порядках и обычаях. Встречающиеся в этих рассказах метафоры демонстрируют актуальные фрагменты метафорической картины мира, существующей в языковом сознании диалектоносителей.

В зоне регулярного метафорического осмысления в диалектном дискурсе находятся три понятийные сферы: «человек» (67,33% от 715 зафиксированных метафор), «природа» (15,24%), «артефакты» (17,43%). Наиболее активную метафорическую интерпретацию получают составляющие концептуальной сферы «Человек». Частое обращение к метафорам при интерпретации понятий данной концептуальной сферы связано, во-первых, с тем, что многие из относящихся к ней понятий отражают нематериальные, абстрактные сущности: жизнь, судьба, душа, болезнь, время, эмоции, память. Во-вторых, значительная наполненность данной понятийной группы объяснима интересом человека ко всему, что связано лично с ним, стремлением рассказать о себе, охарактеризовать свои и чужие действия, понять и выразить то, что происходит с человеком, т.е. актуальностью данной сферы в бытовом общении.

Наиболее регулярно метафорическую интерпретацию получают экзистенциальные категории – *жизнь* (и столь же значимые для диалектоносителя *болезнь*, *время*, *социально-исторические явления*) и *смерть*. Представления об этих сущностях относятся к «зонам актуального внимания».

Метафоры группы «Экзистенциальные понятия» не содержат эмоциональных оценок. Говоря о *жизни*, *времени*, *болезни*, *войне*, *смерти*, люди констатируют нечто свершившееся, бытовавшее. При этом метафоры указанной группы свидетельствуют о том, что в русских языковых структурах выражается пассивный взгляд человека на мир. Диалектоноситель склонен интерпретировать свою позицию как объектную по отношению к другим субъектным позициям. Эта особенность свойственна русской языковой картине мира в целом [См. 5, 6]. Данную особенность можно определить как *неконтролируемость* – «ощущение того, что людям неподвластна их собственная жизнь, что их способность контролировать жизненные события ограничена; склонность русского человека к фатализму, смирению и покорности; недостаточная выделенность индивида как автономного агента, ...как контролера событий» [7, с. 33-34]. А. Вежбицкая определяет это фундаментальное свойство русского языка как *неагентивность*, демонстрируя ее проявление на примере синтаксических конструкций. А. Вежбицкая отмечает, что, по данным синтаксической типологии языков, существуют два разных подхода к жизни: можно рассматривать человеческую жизнь с точки зрения того, 'что делаю я', т.е. придерживаться агентивной ориентации, а можно подходить к жизни с позиции того, 'что случится со мной', следуя пациентивной (т.е. пассивной) ориентации. Агентивный подход означает акцентированное внимание к действию и к акту воли ('я делаю', 'я хочу'). При пациентивной ориентации акцент делается на 'бессилии' и пациентивности ('я ничего не могу сделать', 'разные вещи случаются со мной'). В русском языке, по словам А. Вежбицкой, более типичны конструкции, в которых все ограничения и принуждения субъекта подаются в пациентивном модусе. В состав таких конструкций входит глагол, значение которого сводится к идее о том, что произошедшее с человеком событие случилось само собой (*мне уда-*

лось выйти, мне повезло, угораздило) [Там же, с. 33]. В целом неагентивность – это «ощущение того, что людям неподвластна их собственная жизнь, что их способность контролировать жизненные события ограничена; недостаточная выделенность индивида как контролера событий» [Там же, с. 33-34].

А.А. Зализняк определяет эту особенность русской речи как *неконтролируемость*, называя ее одной из важных семантических характеристик, «образующих смысловой универсум русского языка» [6, с. 518]. На наш взгляд, по отношению к тем смыслам, которые передают метафоры в диалектном дискурсе, точнее употребление термина *неконтролируемость*: «Если агентивность или активность есть свойство субъекта, а намеренность – свойство действия, – пишет А.Зализняк, – то контролируемость представляет собой свойство ситуации в целом. Ситуации делятся на контролируемые и неконтролируемые. <...> При этом неконтролируемость ситуации может определяться не только семантикой глагола, но также и другими компонентами предложения или выводиться из более широкого контекста» [6, с. 518].

О том, что идея непредсказуемости мира является одной из ключевых для русской языковой картины мира, пишут А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина и А.Д. Шмелев [7]. А.А. Зализняк и И.Б. Левонтина рассматривают глаголы *собираюсь, постараюсь, удалось, получилось, сложилось, вышло* и некоторые другие как «средство снятия с себя ответственности за происходящее: они позволяют не брать на себя лишних обязательств или не признавать своей вины» [Там же, с. 310]. Синтаксические конструкции с данными глаголами, описывающими целенаправленную деятельность человека и содержащими смысловой компонент 'произошло как бы само собой', также свидетельствуют о восприятии русскими многих ситуаций как неконтролируемых с их стороны.

Мы обнаружили подтверждение идеи неконтролируемости происходящего в метафорической системе говоров Амурской области. Анализируемые в данной работе метафорические модели дают основание утверждать, что невозможность определять свою судьбу, контролировать происходящие в жизни события является одной из основных особенностей мировосприятия диалектоносителей. Во многих метафорах диалектного дискурса отражается пассивность как одно из состояний человека живущего. Рассмотрим эту особенность на примере конкретных метафор, отражающих понятие «жизнь».

В сфере экзистенциальных понятий понятие *жизни* получает наиболее разнообразную и полную метафорическую интерпретацию. Это самая большая группа метафорических единиц. Актуальность метафорических образов жизни для наших информантов можно объяснить их возрастом: они уже прожили значительную часть отпущенного им срока и в рассказах о прошлой и настоящей жизни характеризуют ее, и потому в высказываниях диалектоносителей чаще встречаются рассуждения о жизни в целом, чем о ее отдельных этапах.

Понятие *жизни* абстрактно, поэтому для того, чтобы оперировать им в речи, говорящий стремится наделить его конкретными чертами. Метафорические единицы данной группы в прямом значении обозначают материальные объекты. Среди метафорических моделей *жизни* можно выделить три основные: 1) пространственная модель, отражающая представление о **жизни как о дороге**, по которой движется человек, о **жизни как земном пространстве** и о **жизни как водном пространстве**; 2) субъектная модель, основанная на представлениях о

жизни как об активном субъекте, перемещающемся и совершающем какие-либо действия в отношении человека; 3) объектная модель, представляющая **жизнь как материальный предмет**, наделенный соответствующими признаками. Разнообразие метафор, характеризующих *жизнь*, естественно, поскольку глагол *жить* и относящиеся к обозначению понятия *жизни* неметафорические глаголы (*наличествовать, продолжаться, совершаться, прожить* и др.) малоинформативны: они недостаточны для того, чтобы говорящий мог сообщить о фрагментах, этапах жизни, выделяемых естественным образом по происходящим событиям, или об итогах прожитого; эти глаголы не являются источником ориентиров, так необходимых человеку. Все происходящее должно быть определено образами, чтобы о нем можно было говорить, судить, характеризовать его. Образы, естественным путем взятые из накопленного жизненного опыта, помогают человеку определять себя в действительности, которая его окружает. Все метафорические модели *жизни* отражают разные ее интерпретации диалектоносителями.

Жизнь, интерпретируемая как нечто протяженное в пространстве, может воплощаться в образе дороги, некоторого земного пространства вообще и некоторого водного пространства. Это позволяет человеку связать ее с наглядным образом и характеризовать жизнь-пространство относительно себя и себя относительно этого пространства.

Жизнь получает метафорическое отражение в образе дороги, по которой перемещается человек, а сам процесс, бытие человека интерпретируется как направленное линейное движение активного субъекта от начальной точки в определенном направлении к определенному месту (*жизнь идти, пройти жизнь*). Постоянное перемещение осознается как норма жизни, о чем свидетельствует отсутствие оценочного компонента в РЗ метафоры.

Жизнь как нечто нематериальное, но имеющее временные границы, может быть концептуализована в образе дороги, движение по которой также ограничено временем, что отражается в выражении *всю дорогу*, употребляющемся в значении 'всю жизнь, постоянно на протяжении жизни': *Моя мать, покойница, у колхоз пекла. Всю дороуу пекли хлеб. Раньше в кажную были печки*. То, что происходило до момента речи, относится к пройденной части пути, момент речи соотносится с нахождением в некоей точке пути, соответственно, будущее мыслится как то, к чему говорящий (и идущий) идет или приближается: *Какую только траву не ели, всё подряд. <...> И в старости такое же, от чего мы ушли тада, сейчас в старости туда же **пришли**, одинаково*. В интерпретации диалектоносителя движение по дороге жизни совершается вкруговую, с повторением однажды уже пройденных этапов, что оценивается как отрицательное.

В диалектном дискурсе возможна интерпретация негативных жизненных событий как препятствий, хотя именно такая метафора нами не зафиксирована. Допустимость ее существования подтверждается следующим высказыванием: *У нас один военный поуб. Только к телефону, угроза была, к телефону, телефон заработал, он подошёл, так к уху и упал, убило. <...> Уде вот, уворят, **не обойдёшь, не объедешь**, уде вот наречено, сколько тебе наречено и... да? Всё*. Встречи, потери и приобретения, возможные на реальном пути, происходят и на метафорической жизни-дороге. На дороге может встретиться препятствие, которое, вероятно, окажется роковым для человека и повлечет за собой смерть, но обойти его, изменить ситуацию в представлении говорящего невозможно. Следует отметить, что такое «препят-

ствие» может быть сопоставимо с *судьбой* (в «материализованном» виде), хотя в данном контексте это слово так и не появляется.

Собственно судьба как сила, предопределяющая происходящее в жизни человека, отмечена лишь в одном высказывании, где она выступает как субъект, *встречающийся* на одном из этапов жизненного пути: *Я вот осталась одна, без матери и с судьбой повстречалась рано*. Исходная ситуация, с которой связано прямое значение глагола *повстречаться* (‘сойтись с кем-л., идя, двигаясь с разных сторон’), подразумевает происходящее во время протекания процесса движения событие, которое способно изменить характер осуществляющегося процесса. Именуемая исходная ситуация предполагает какой-либо результат состоявшейся встречи, положительный либо отрицательный для субъекта. Именно потенциально возможная негативная оценка встречи (как реального события) выступает основанием оценивания метафорической ситуации как нежелательной для человека и мотивирует РЗ метафорического выражения *повстречаться с судьбой* – ‘испытать тяготы и лишения в жизни’. Объяснение именно такой оценки из двух возможных находим в контекстном окружении метафоры, а именно – в наречии *рано*: описываемая ситуация нежелательна для ребенка, несамостоятельного в силу возраста. И это действие, хоть и выраженное глаголом активного перемещения субъекта, происходит не по воле человека – *рано*, не вовремя. При этом судьба как антропоморфный субъект, встречающийся на одном из этапов жизненного пути, становится частью, элементом этого пути, способным изменить характер жизни.

Жизнь может быть представлена и как некое пространство, в центре которого человек находится всё время своего бытования и через которое проходят разные жизненные события: *Ели и собак, и кошек. Это очевидец я. Это всё **прошло через** мою **жизнь**, поэтому я и улод, и холод знаю, и войну знаю, всё*. Смена обычаев, порядков представляется как прохождение их через пространство жизни человека. Однако если в исходной ситуации человек выступает субъектом действия, то в результирующей – лишь наблюдателем, активная позиция «отдается» нематериальным сущностям, что выражается глаголами активного перемещения в пространстве.

Отражается пассивная жизненная позиция человека и в том, как он обозначает смену характера, качества жизни, например, тот факт, что в настоящее время в деревне не поют так, как раньше: *Многу песен забытых. Да, это всё **уходит**, всё **уходит**, в жизни щас всё по-другому, щас не поют же*. Исчезающая из жизни ситуация персонифицируется, совершаемое «действие», для обозначения которого говорящий выбирает глагол активного перемещения в пространстве, не зависит от человека.

Интерпретация жизни как земного пространства, на котором обитает человек, предполагает, что живущий должен проявлять свою активность, совершая какие-либо физические действия на данном пространстве, чтобы обустроить свою жизнь. К хорошему результату могут привести только активные действия, поэтому метафоры, называющие действия человека, позволяющие ему устроить нормальную жизнь, выражены глаголами активного действия, требующего больших физических затрат со стороны субъекта: *Если хороший муж ещё попадётся, какой попадётся. Ну, если такой вот, можно **увернуться**, но это надо **крутиться** много*.

Жизнь-пространство предполагает, что на ее территории есть места, в которых человек не имеет возможности жить нормально и старается выбраться оттуда, прилагая определен-

ные усилия, чтобы достичь желаемого уровня жизни: *Поросят держали, щас ничё не держим. Всё дороуо, никак не **выцарапаешься** с этой пенсией.*

Отдельные метафоры свидетельствуют о восприятии жизни как водного пространства. Например, неправильный, беспорядочный образ жизни интерпретируется как неправильное, неумелое поведение на воде. Человек, ведущий аморальный образ жизни, живущий бесцельно, в представлении диалектоносителей, *бултыхается: Вот там Маруся Брулёва жила. А у неё мужик такой, выпьет – дрался, ревновал её. Ну, она села и уехала куда-то туды вот. А он здесь бултыхается. Пьёт.*

То, что человек перенес в жизни против своей воли, – тяготы, испытания, интерпретируется как вода, которой нечаянно хлебнул человек: *Мы из Западу. С Черниувской области. И там жили небоуато. Хлеба вдоволь не ела. И сюды приехали, война началась, тоже **хорошего хлебнули, работы хлебнули**, вот так. Ни обувь, ни одеть.* Если в выражении *хлебнуть работы* говорится именно о продолжительном, превышающем норму и в количественном, и в качественном отношении выполнении именно работы, то во фразеологизме *хлебнуть хорошего* дополнение *хорошее* имеет переносное значение ‘тяготы и лишения’.

Жизнь сельского человека проходит в постоянной работе. Однако жизненные события, дела, из которых складывается каждый его день, заботы, не оставляющие человеку свободного времени, отнимающие силы, в сознании говорящего сопоставимы с водой, в которой можно утонуть, не удержавшись на плаву: – *Какая она красивая* (девушка на фотографии). – *Да, а как **утонула в жизни**, дак...* (*утонуть в жизни* – ‘погрузиться в жизненные заботы и хлопоты’).

Второй по значимости среди метафорических моделей жизни в диалектном дискурсе является модель жизни как активного субъекта, перемещающегося в пространстве либо оказывающего на человека деструктивное воздействие или воздействие на его волевую сферу. При этом метафорическое движение собственной жизни приравнивается к движению времени в целом, и говорящий, метафорически определяя изменения, происходящие с его жизнью, констатирует движение времени (ср. синонимичные конструкции *жизнь прошла* и *время прошло*).

Жизнь может быть представлена как активный субъект, который совершает линейное однонаправленное перемещение в пространстве и движется мимо человека, статичного по отношению к этому движению: *Вот такая **жизнь**, дети, **шла**. Трудно; У нас старик на углу живёт и собак ест. А у него сестра недвижимая. Ей сейчас ничего не плотят. Вскоре и мне такая **жизнь подойдёт**, надо будет нанимать кого-то; Живём, хозяйство держим да... и щас эта **жись** же и **пришла**. Что раньше ходили босые...; Уже **жись прошла**, девочки, **пошла**. Как будто один день проскочила.*

В качестве синонима к понятию *жизнь* выступает *судьба*, которая так же, как и *жизнь*, может *пройти*: (Он) *всегда был с животными один на один, уходил – бутылка кисляка в кармане, кусок хлеба. <...> И вот вся его **судьба** вот так вот **пошла**.*

Неконтролируемость жизни со стороны человека передана в метафорах, отражающих характер ее движения. Один из ярких образов жизни-субъекта, от какой-то точки начинающего свое активное, не зависящее от человека движение, – это метафорический образ заполненного куля, перекачивающегося по прямой поверхности в одном направлении под воздействием некоей силы: *Ну, прожила. Уолодно, был людям уолод и мне был, а было хорошо, и*

мы, хоть робыла день и ночь... *И так жисть пошла кулём.* Это неровное, прерывистое движение, которое оценивается как отклоняющееся от нормы в отрицательную сторону.

Движение жизни необратимо и независимо от человека; реальное течение времени жизни, его необратимость отражается и в метафоре: жизнь не может остановить свой ход или вновь пройти по выбранному направлению: *Если бы ещё раз вернулась жизнь, я бы не прожила её, сколько я ошибок в жизни наделала. Ни одной б ошибки не сделала.*

Движение жизни интерпретируется как движение чего-то катящегося мимо человека, не способного повлиять на ход событий: *Так и жизнь вот прокатилась.* Для метафоры важен не сам объект-источник, а параметрические характеристики его движения: в данном случае важна высокая скорость передвижения некоего объекта относительно скорости передвижения человека.

Метафорический образ может быть основан на бинарной архетипической оппозиции, опирающейся на пространственные и чувственный восприятия человека. Например, метафора *пойти под откос* в следующем высказывании основана на оппозиции «верх – низ»: *Дети поумирали старшие... Сын седьмого февраля умер. Вот заболел, заболел, в больнице двенадцать дней лежал и умер. Любила я, конечно, и частушки петь, и песни петь. Всё было. А щас у меня всё пошло под откос.* Движение вниз маркируется в языковом сознании как нечто негативное, если же соотнести метафорическую ситуацию с реально возможной ситуацией крушения поезда, появляется оценка события не просто как отступающего от нормы в отрицательную сторону, но как катастрофического в масштабах одной человеческой жизни.

Антропоморфная метафорическая модель «Жизнь – это активный субъект» отражена и в высказываниях о не зависящем от воли говорящего приближении, наступлении или завершении какого-либо жизненного этапа, например, молодости, старости²⁴. В этих высказываниях смена периодов жизни человека интерпретирована как целенаправленное перемещение субъектов: *Ну что? Детство прошло такое. Война началась, пошли мы работать в колхоз; Так вот моя молодость и прошла, и я не видела я жизни хорошей; Ну и Ельцын хорошо работал, чё, он плохо работал? Старость пришла, а старость пришла – чё, уже мозги не те.* Во всех подобных примерах движение осуществляется относительно статичного человека. В большинстве случаев контекст свидетельствует о том, что подобные действия оцениваются говорящим негативно (как несвоевременные, ограничивающие человека).

Наступление старости – последнего жизненного периода может быть расценено как неожиданное для человека событие, что передается глаголом *застать*: *У меня какое детство было, такая старость застала. Одна, вот вы можете представить, дома днём и ночью я одна.* Глагол *застать* называет действие над объектом (человеком), находящимся в каком-либо состоянии (в данном случае – в состоянии одиночества), не предполагающем появления постороннего (субъекта). Названное событие происходит без учета желания человека и не может быть отклонено.

Своеобразным «контролером» в жизни человека выступают его *годы (года)*, которые называют преклонный возраст и в метафорическом высказывании приравниваются к старо-

²⁴ Сами эти жизненные этапы отражают для говорящего течение *времени*, поскольку движение времени вообще человеку свойственно воспринимать в первую очередь в тесной связи с событиями собственной жизни.

сти и напоминают о приближении смерти: *Дядя Гриша, он войну прошёл фельдшером там, на фронте. И тут он тоже всё время работал. Так и умер – года подошли; Ой, щас только вспоминаешь, как было. Да и мои уже года подошли. Уже и того...* В представлении диалектоносителя возраст человека ограничивает его возможности. При этом многие пожилые люди, говоря о прожитой жизни, спокойно принимают то, что ни в настоящем, ни в будущем у них уже не будет того, что присутствовало в их жизни раньше: *Мне это (плащ) не надо уже, куда я пойду. Я уговорю, вон до бани дойду у кухваечке (фуфаечке) тёпленькой, и всё, ничёу уже не надо, дети, уже всё ушло. Уже радости нет...* Говорящий пассивно принимает смену жизненных событий и приближение старости: *Жалко, конечно, жалко. Ничё не поделать, значит, нас уже, ну, годы подошли. Я уже самый старший в Михайловке; А чё делать? Вот как старость-то подойдёт – чё делать?*

Метафоры, называющие разные периоды жизни – детство, молодость, старость и выраженные глаголами перемещения, ориентированного относительно какого-либо конечного пункта (*подойти, прийти*), промежуточного пункта (*пройти, проскочить*) или исходного пункта (*отойти, уйти*), передают интерпретацию жизни в целом как множества субъектов («этапов» жизни), которые приходят в пространство бытования человека, проходят через него и удаляются. Сложившийся как личность человек обычно мыслит себя цельным, статичным в меняющемся мире (с точки зрения психологии это объяснимо стремлением человека иметь прикрепленность к чему-то статичному, постоянному). Поскольку мир непостоянен, он воспринимает относительно статичным себя; в противоположность этому жизнь – и как неподконтрольная человеку сущность, и как естественная смена одних периодов другими – наделяется способностью перемещаться именно мимо человека.

Жизнь как активный субъект может оказывать физическое или психологическое негативное воздействие на человека, принуждать поступать каким-либо образом, в результате чего он начинает по-иному воспринимать действительность: *И свинаркой работала, и дояркой работала. Жись всё заставит, девчаты, всё заставит; В церкву ходить, молиться я не умею. А так вот... Щас-то, видишь, жизнь заставляет.* Негативное воздействие на волевою сферу человека интерпретируется как негативные действия субъекта – жизни.

Деструктивное же воздействие жизненных событий на человека осознается как деструктивное воздействие на предмет, т.е. сама жизнь как действующий в отношении человека субъект может оказывать на него разрушающее воздействие: *Жизнь надолбёт – всё ценить станешь; Меня жиз(н)ь срубила. Коуда мой внук вот первый в Афганистане был, ой-ёй-ёй! Я получила первое письмо, плакала, как не знаю хто!*

Третьей по продуктивности в диалектном дискурсе является модель жизни как объекта, который обладает (или не обладает) целостностью и может быть передан человеку или изменен в результате чьих-либо деструктивных действий.

Посредством предметных метафорических образов жизнь моделируется как объект, которым человек наделяется, причем речь идет о действии, «выполненном» не по воле говорящего, а вынужденно: *Нам уже чё, нам уже досталась своя жизнь, как жизнь досталась – ничего, не обижайся, чё теперь.* Синонимичной по отношению к жизни в подобных высказываниях выступает человеческая судьба: *А-а, плохое детство. И судьба такая попалась плохая. Муж фронтовик, умер рано, пийсят шесть, ну чё это?* Акцентируемый метафорами

мотив случайности выбора обусловлен пассивным отношением говорящего к событиям своей жизни.

В представлении говорящего жизнь может быть уподоблена материальному объекту, состоящему из нескольких частей, – чему-то, что в состоянии готовности должно быть сложено определенным образом; метафорически это передается глаголом соединения: *Ну, вот Людочка эта щас в Барнауле живёт. Ну, щас она замужняя, конечно, деточки у неё есть. Щас уже здесь двое. Сын на путях работает, дочка на «Десятке» бухгалтер. Так жись складывается; Ну так одна она и жила вот. Не сложились личная жизнь; Вот у меня такая жись сложилась. Вот у меня сестёр мноуо. Три ещё живые.* Несмотря на то, что в создании собственной жизни человек как будто принимает непосредственное участие, результат мало зависит от него самого, о чем также свидетельствует глагольный постфикс -ся (-сь)²⁵.

В создании человеком жизни-вещи есть определенное завершающее изготовление этой вещи действие, после чего она принимает окончательный, «сделанный» вид; метафорически это интерпретируется выражением *жизнь сделана*. В метафорическом образе жизни-вещи таким «завершающим» действием выступает создание семьи – после этого жизнь обретает «готовый», окончательный вид, изменить который человек уже не может: *И жанили еуо (отца). И знаете, вот его девушка, в которую он влюбился, а у деда под окном колодец, раньше ж колодцы, колодцы. Вот она, та девушка, придёт за водой, он бросает кушать и глядит. «Хоть наглядеться». А та, Аннушка её звали, што женился, глядит на него, говорит: «Пройдёт». Вот как-то не злились и не ругались, вот щас бы так поругались, верно? «Да щё ты глаза пялишь?! Жизнь сделана!». А она тогда говорит: «Пройдёт».*

Кардинальные изменения в жизни обозначаются метафорой *перевернуть*: *Этот случай мне всю жизнь перевернул*. В исходном значении актуализируется признак «измененное положение», что, как следствие, меняет установленную для данного объекта норму, т.е. полностью изменяет его. Жизнь человека может *сломаться*, что является следствием каких-либо первопричин, например, развода: *Его жизнь же сломалась: он разошёлся с женой*.

Таким образом, метафорические единицы диалектного дискурса представляют жизнь-норму как нечто единое, цельное, слаженное, но непостоянное, непрочное, качество чего может быть изменено внешним воздействием. При такой интерпретации жизни человек осознаёт себя живым до тех пор, пока он ощущает жизнь-вещь, прикасается к ней, *держится* за нее: *Я и щас люблю жить, вот. Кто живёт, уготовится это, к похоронам, там чё-то другое... Нет, я хочу жить. И я держусь за жизнь двумя руками. Я люблю жить*.

Развернутая во времени (а в метафорической интерпретации – и в пространстве), жизнь может быть концептуализирована в образе нити или верёвки, тянущейся или натянутой. В основании такой метафоры лежит сопоставление длительности жизни и протяженности нити (верёвки): *Мы мало пожили всего, а тут война началась, так... всё оборвалось*. Обрыв чего-либо натянутого в пространстве (нити, веревки), таким образом, отражает резкое изменение в жизни.

²⁵ Постфикс -ся (-сь) в одном из грамматических значений характерен для глаголов характеризующего качества, называющих действие как характерную для субъекта склонность или способность подвергаться какому-либо воздействию [8, т.1, с. 618]: *такая жись сложилась, так жись складывается*.

Конечно, оценки, которые диалектоносители дают прожитой жизни, различны, но в большинстве высказываний жизнь воспринимается как данное и не поддающееся изменениям со стороны человека (*Как жись суждена какой быть, и всё*). Собственно оценочная характеристика в этих метафорах отсутствует, как нам представляется, по той же причине невозможности изменять происходящее, вынужденности принимать жизнь такой, какая она есть.

Как показал проведенный анализ диалектного материала, метафоры *жизни*, отмеченные нами в диалектном дискурсе, отражают пассивность как одну из основных особенностей мироощущения человека. Данная идея выражается в интерпретации жизненных событий, жизненных этапов как активных субъектов, а человека как пассивного субъекта, что и свидетельствует о признании невозможности контролировать собственную жизнь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 387–416.
2. Демьянков В.З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. Вып. 2. Методы анализа текстов // Всесоюзный центр переводов. Тетради новых терминов. М., 1982.
3. Гольдин В.Е. Доминанты традиционной сельской культуры речевого общения // Аванесовский сборник: К 100-летию со дня рождения чл.-кор. Р.И.Аванесова / Отв. ред. Н.Н. Пшеничнова; Ин-т рус. яз. им. В.В.Виноградова РАН. М.: Наука, 2002. С. 58-64.
4. Караулов Ю.Н. Языковое сознание как процесс (Теоретические предпосылки одного эксперимента), цит. по: Николова А. Категория пространства, ее языковая репрезентация и лингвистическое описание [электронный ресурс] // Balkan Rusistics // URL: <http://www.russian.slavica.org/printout113.html>. (дата обращения: 07.09.2010).
5. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая; пер. с англ. А.Д. Шмелева; под ред. Т.В. Булыгиной. М.: Языки русской культуры, 1999.
6. Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006.
7. Вежбицкая А. Русский язык // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. С. 33–88.
8. Русская грамматика. Т. 1. М., 1980.

ЯЗЫК ФОЛЬКЛОРА

В разделе представлено систематизированное собрание текстов различных жанров: лирических песен, частушек, заговоров, оберегов, примет, пословиц, поговорок, дразнилок, гаданий, записанных во время фольклорно-диалектологических экспедиций 2008 – 2009 гг. в села Амурской области.

Один из самых распространенных фольклорных жанров народной поэзии в Приамурье – лирические песни. Главное назначение лирических песен – раскрывать мироощущение народа, его мысли, чувства, впечатления, настроения, поэтому и тематическое наполнение этого жанра довольно разнообразно. Широко представлены любовные песни, отражающие переживания влюбленных девушек, военные песни, посвященные подвигу солдат во время Великой Отечественной войны. Отмечены песни, описывающие особенности деревенского быта, и шуточные песни, отражающие такие социально значимые проблемы, как пьянство, свобода нравов, бесхозяйственность. Зафиксированы также единичные случаи семейных, тюремных (лагерных) и обрядовых песен.

В настоящем издании представлены не только фольклорные, но и авторские лирические песни. Включение этих песен в альманах можно считать оправданным, так как они приобрели статус народных, передаваясь из уст в уста из поколения в поколение, и претерпели изменения, вызванные как индивидуальными особенностями исполнителя, так и общими языковыми особенностями, характерными для того или иного типа говора.

Живым откликом на разнообразные жизненные явления остается частушка, поэтому и тематическое наполнение данного жанра также разнообразно. В этом выпуске альманаха представлены частушки игровой, любовной и социальной тематики.

Продолжается публикация текстов лечебных и хозяйственных заговоров, житейских оберегов, записанных от жителей сел Новоивановка и Костюковка Свободненского района Амурской области Ратушкиной П.П., Суриной Л.М. и Сидоровой В.И. В разделе содержатся заговоры от сглаза, запоя, ран, бессонницы, на достаток, от злого человека. Отмечено и функционирование новых заговоров и оберегов: «Чтобы с работы не сократили», «На удачу на экзамене» и т.п. В данном случае наблюдается вполне закономерное явление, когда новые жизненные ситуации вписываются в каноны существующих жанров.

Приметы, опубликованные в разделе, собраны в селах Новоивановка, Костюковка, Сычевка, Загорная Селитьба Свободненского района и Комиссаровка Белогорского района от Ратушкиной П.П., Игнатьевой Е.В., Бабкина В.Д., Филоновой А.П., Рудаковой Е.И., Сидоровой В.И., Кравченко Т.А. и Мосалевой К.И. Записаны и представлены в альманахе новогодние, святочные гадания на замужество, достаток, исполнение желаний.

Пословицы, поговорки, дразнилки записаны от жителей сел Загорная Селитьба, Костюковка, Новоивановка Свободненского района Амурской области Штаниной Е.В., Королевой В.Е., Ратушкиной П.П., Сидоровой В.И., Кравченко Т.А., Леминько Н.И. Публикуются как общерусские пословицы, так и пословицы, характерные для данной местности. Это способствует более полному раскрытию этических ориентиров, нравственных ценностей, присущих старожилам Амурских сел.

В конце раздела представлены произведения, условно названные нами «Народные стихи». Они написаны жительницей села Дим Михайловского района Е.Н. Кавардиной. Это современное творчество также представляет интерес для исследований, поскольку бытует в деревенской среде подобно собственно фольклорным жанрам, сближаясь с фольклорными произведениями по тематике и проблематике, по образности и жанровой природе (песня). Своеобразно и языковое наполнение подобных текстов, в которых присутствует диалектная лексика, разговорно-просторечные формы слов, называющих реалии современной жизни.

Все тексты раздела даются в современной орфографической записи с указанием ярких диалектных черт. В заговорах, приметах, гаданиях мы постарались максимально сохранить особенности спонтанной речи информантов, присущую им манеру изложения, ритм и ритмику высказываний. Особо отметим то, что современный фольклор остается богатым источником диалектной лексики. Именно в фольклорных текстах сохраняются уходящие из разговорной речи диалектоносителей местные слова и выражения. Функционирование диалектных единиц в различных жанрах устного народного творчества, с одной стороны, позволяет воссоздать соответствующий предметно-бытовой фон данной местности, особенности природной и этнографической среды, способствует воссозданию диалектной картины мира, присущей данной языковой общности; с другой стороны – раскрывает синтагматические и парадигматические отношения, которые характерны для определенной диалектной лексемы, ее грамматическое бытование.

А.В.Блохинская

ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

Любовные песни

1.

С одной горы ветер веет,
А с другой горы повивает.
А мать сына уговаривает:
«Ай, сыночек же ты мой,
Слушай слово,
Да не ехай гулять, а ночуй дома».
А сын матери не послушал,
Оседлал коня, сел поехал.
Оседлал коня, сел поехал
Той долиною, да широкою.
А как в той долине крыниченька.
А в той крынице водиченька,
А в той крынице водиченька.
А там девка воду брала,
А воду брала да приговаривала:
«А кому ж моя да коса русая,

Да кому ж она да достанется:

Или старому, или малому,
Или молодцу разудалому?».

М.А. Волобуева, с. Зиговка

Свободненского р-на

2.

Солдат любит ложно,
Немедленно я в молодого солдата²⁶
Была влюблена.
Однажды на танцах
Веселой была,
Хорошо танцевала
И всех завела.
Ко мне подходила
Подруга моя.
Она мне говорила:

²⁶ Вариант: чекиста.

«У него слова два.
Зачем так танцуешь?
Зачем так поешь?
Младому солдату измену даешь».
А кончились танцы,
Я ему ручку дала
И, склонивши головку, по залу прошла.
<...>

Все двери закрыты.
Одна отперта.
Подруга моя,
На ней бело платье,
Берет голубой,
А у ней на коленях
Сидел милый мой.
Подруга, подруга,
Соперница моя,
Ты сумела отбить друга.

Т.А. Обухова, с. Сычевка
Свободненского р-на

3.

Ой, там на горе,
Ой, там на крутой,
Сидела пара
Сизых голубей.
Они сидели выдавались,
Сизыми крыльями обнимались.
<...> (*Охотник убил голубя*)
Принес до дому <...>
Налил водицы,
Насыпал пшеницы <...>
Голубка ни пьет,
Все на гору смотрит,
Все плакать идет.
«Голубка моя сизокрылая,
Чего ж ты такая молчаливая?»
«Ох, как мне не быть молчаливою.
Была у нас пара,
Осталась одна».
«Ой, там на горе
Семьсот голубей,
Лети, выбирай,

Который милей».
«Ох, я уже летала,
Ох, я выбирала.
Кого я любила,
Того не нашла».

Т.А. Обухова, с. Сычевка
Свободненского р-на

4.

Растет, цветет черемушка
В зеленом саду.
Не так тонка, как высока,
Листьями широка.
Нельзя, нельзя черемушку неспелую рвать,
Нельзя, нельзя девчоночку не сватанную
брать,
Не сватану, не венчану, незарученную.
Кохал, кохал девчоночку, кохал да и не
взял.

Досталась девчоночка не брату и не мне,
Досталась девчоночка чужой стороне.

М.А. Волобуева, с. Зиговка
Свободненского р-на

5.

Вдоль по берегу крутому
Там красавица идет.
«Здравствуй, девка,
Здравствуй, красна!
Ты узнала ли меня?»
«Я узнать тебя узнала,
А теперь я не твоя.
Мой родитель, злой мучитель,
За другого отдает.
Свадьба вся моя готова,
И священник в церкви ждет».
«Если хочешь, будь моею,
Садись в лодочку ко мне».
Девка в лодочку садилась
На колени моряку.
Моряк сильно был взволнован,
Сбросил девицу в реку.
Сильно девка трепеталась

Своей русою косой,
Она билась и кричала:
«Прощай, милый, дорогой!»

А.С. Коновалова, с. Зеленый Бор
Михайловского р-на

6.

Як у нас под окном
Расцветала сирень,
Расцветала сирень голубая,
А на сердце моем
Пробудилась любовь,
Пробудилась любовь молодая.
Я всю ночь не спала,
Тебя, милый, ждала.²⁷
Почему ж ты вчера
Не пришел до меня?
Потому что у тебя есть другая.²⁸
Так тады ж ты ее
Не целуй горячо,
Наслаждайся ее красотой.
А меня позабудь,
Позабудь навсегда.
А тебя я забуду нескоро.

Л.Д. Семановская, с. Зеленый Бор
Михайловского р-на

7.^{*29}

«И калина, ты малина,
В речке талая вода.
Ты скажи, скажи, калина,
Как попала ты сюда?
Ты скажи, скажи, калина,
Как попала ты сюда?»
«Ранней, раннею весною
Добрый парень проезжал,
Долго мною любовался,
А потом с собою взял.
Обещал меня, калину,
Посадить в своем саду.

²⁷ Вариант: в эту темную ночь роковую

²⁸ Вариант: потому что ты любишь другую.

²⁹ * — обозначены авторские песни, бытующие как народные

Потом бросил в чистом поле,
Думал, вовсе пропаду.
Потом бросил в чистом поле,
Думал, вовсе пропаду.
Я за землю ухватилась,
Стала корни распускать
И навеки здесь осталась
Одинокою стоять.
И навеки здесь осталась
Одинокою стоять.
Трактористы, комбайнеры
Каждый день бывают тут,
Моих веток не ломают,
Цвет калины берегут.
Моих веток не ломают,
Цвет калины берегут».
«Ой, расти, расти, калина,
Не кручинься ты за мной.
Ты свети, свети, калина,
Ты свети сама собой.
Ты свети, свети, калина,
Ты свети сама собой».

А.С. Коновалова, с. Зеленый Бор
Михайловского р-на

8.*

Называют меня некрасивой,
Так зачем же он ходит за мной
И в осеннюю пору дождливую
Провожает с работы домой?
И в осеннюю пору дождливую
Провожает с работы домой?
Ох, куда не пойду, обязательно
Повстречаю его на пути.
Он посмотрит в глаза мне внимательно,
Скажет: «Лучше тебя не найти».
А вчера, расставаясь вечером,
Не хотел уходить ни за что;
Чтобы я не озябла, на плечи мне
Осторожно накинул пальто.
Чтобы я не озябла, на плечи мне
Осторожно накинул пальто.
От того я такая счастливая,

Улыбаюсь везде и всему.
Если скажут, что я некрасивая,
Не поверю теперь никому.
А если скажут, что я некрасивая,
Не поверю теперь никому.

А.С. Коновалова, *с. Зеленый Бор
Михайловского р-на*

9.

Ой, посеяла ярочки
Близко над водою,
Буду ходить поливати
Длинною слезою.
Буду ходить поливати
Длинною слезою.
Уродились ярочки
Четыре листочка.
Не бачила миленького
Четыре годочка.
Не бачила миленького
Четыре годочка.
А на пятый побачила,
Как через Даная.
Не посмела сказать: «Здравствуй».
Дома ты стояла.

М.А. Щукина, *с. Зеленый Бор
Михайловского р-на*

10.*

Опустился снова летний вечерок,
Шепчется с березкой молодой дубок,
И поют девчата, и зовет куда-то
Чей-то задушевный звонкий голосок.
У калитки снова я одна стою.
Видно, не умолкнуть в роще соловью.
Над рекою вьется, в сердце отзовется
Молодая песня про любовь мою.
Как мы расставались никому не зная.
Но любовь девичью нелегко унять.
Приезжай, хороший, нет тебя дороже.
Я тебя, любимый, не устану ждать.

Л.Д. Семановская, *с. Зеленый Бор
Михайловского р-на*

11.

Ой, дубо мой,
Зеленый дубочек.
Что на том дубе
Два голуба,
А третий голубка
Сидит и воркочет:
Люби, парень, девку,
Вспокинути хочет.
Хотит да не кидает.
«Плакать я не буду.
Ох, я молодая
Без пары не буду.
Найдется мне пара,
Любовь дорогая.
Откроется сердце
На четверть мою».

Л.Д. Семановская, *с. Зеленый Бор
Михайловского р-на*

12.*

Никто нас в церкви не венчал,
А вся душа горит в огне.
Зачем, казак, ты в степь умчал
На вороном своем коне?
Зачем ты встретился со мной,
Когда в Дону коня поил?
Зачем, чубатый, красотой
Казачке сердце подарил?
Ах, судьба моя, судьба, ох, судьба.
Ах, судьба моя, скажи, почему.
Ах, судьба моя, разлука, судьба.

Е.Н. Помозова, *с. Костюковка
Свободненского р-на*

13.*

Ой, васильки, васильки,
Сколько пестреет вас в поле.
Близко у самой реки
Мы собирали их с Олей.
Близко у самой реки
Мы собирали их с Олей.
Оля сорвет василек,

Близко головку наклонит.
«Милый, смотри, василек
Мой поплывет, не утонет».
Оля любила реку,
Даже ее не боялась.
Часто по целым ночам
С милым на лодке каталась.
Часто по целым ночам
С милым на лодке каталась.

М.А. Щукина, с. Зеленый Бор
Михайловского р-на

14.

В огороде верба рясна,
В огороде верба рясна.
Там стояла девка красна.
Она, красна, еще красива,
Она, красна, еще красива,
Ее доля несчастлива,
Ее доля несчастлива.
Нема того, что любила,
Нема того, что любила.
Разгромили злые люди,
Разгромили злые люди,
Чтоб мы в пару не ходили.
А мы в пару ходить будем,
А мы в пару ходить будем
И друг друга любить будем.

М.А. Щукина, с. Зеленый Бор
Михайловского р-на

15.

Вот скрылось солнце за горою,
Стоит казачка у дверей,
И в дальний путь
Она глядит с тоскою,
И слезы льются из очей.
И в дальний путь
Она глядит с тоскою,
И слезы льются из очей.
«О чем, казачка, о чем плачешь?
Зачем, красавица, грустишь?»
«А на груди моей печаль-кручина,

Велят мне милого забыть.
Вот скоро к нам приедут сваты,
Не милый едет, а другой.
Возьмет богатый, старый да постылый,
И станет звать меня женой.
Расчешет косу мне густую,
Проводит с песней под венец.
Скажи, зачем, зачем он молодую
В чужой дом отдал?»

А.С. Коновалова, с. Зеленый Бор
Михайловского р-на

16.*

Я в садочек вышла
На закате дня.
Вишенка, вишня,
Приласкай меня.
Расскажи, родная,
Как грустила ты,
Как весной роняла
Белые цветы.
Звал меня парнишка
В тихий летний час.
Вишенка, вишня,
Ты встречала нас.
Оба мы мечтали
Под твоей листвой,
Тайны доверяли
Лишь тебе одной.
Я в садочек вышла
И одна брожу.
Вишенка, вишня,
Все тебе скажу.
Не заходит милый
Вечерком за мной,
Он проходит мимо
К вишенке с другой.

А.С. Коновалова, с. Зеленый Бор
Михайловского р-на

17.

Марусенька благородная,
Не люби ты дворянина.

Будешь добра.
Дворянин же поздно ходит,
А он нашу Марусеньку
С ума сводит.
А свевши с ума,
Он сел на коня.
Оставайся, Марусенька,
Ты теперь одна.
«Не одна я оставайся».
Оставайся, Марусенька,
Лежит малютка на руках.

Л.Д. Семановская, с. Зеленый Бор
Михайловского р-на

18.*

Маленькая деревенька за горой,
Мы туда с тобой поедem, милый мой!
Никогда не будем ссориться с тобой,
Все печали мы оставим за горой.

Е.Н. Помозова, с. Костюковка
Свободненского р-на

Семейные песни

1.

«Мамочка, мамочка,
Пусти меня гулять.
Я люблю моряка, моряка
Люблю я, и он меня любит,
Никогда не бросит меня.
<...> Прими, маменька родна,
Семейка небольшая <...>
Матросенок будет звать:
«Бабушка родная» <...>
«Иди, доченька, туда,
С кем совет имела,
Ты совета моего
Слушать не хотела» <...>
«Пойдем, сына, мы туда,
Здесь нас не принимают.
Сине море глубоко
Там нас ожидает.
Сине море раздвоит

На две половины.
Прими меня, молодую, и моего сына».

Е.В. Игнатьева, с. Костюковка
Свободненского р-на

2.

Глазенки темно-карие
Похожи на отца.
Ребенок, ты ребенок,
Куда ж тебя девать?
На милого своего
Хочу я в суд подать.
Ребята, вы ребята,
Холодные сердца.
Вы любите словами,
А сердцем – никогда.

А.С.Коновалова, с. Зеленый Бор
Михайловского р-на

3. Концовка песни:

А теперь послушайте, ребятушки,
Не влюбляйтесь в девок ранних лет,
Слушайте советы родных матерей,
Берегите свой авторитет.

Т.А. Обухова, с. Сычевка
Свободненского р-на

Военные песни

1.

Прощался со мной миленький
И руку мне пожал,
И на прощанье звездочку
На небе показал:
«Когда я буду, милая,
На фронте бить врага,
Смотри на эту звездочку
И вспоминай меня».
И та девчонка гордая,
Что у станка стоит,
А вечерами лунными
На звездочку глядит.
Глядит она на звездочку,

Ворчит старушка-мать:
«Чего глядишь на звездочку
Ей с неба не упасть».
И той девчонке гордой
Пришел с фронта пакет.
А в том пакете
Карточка и фронтовой привет.
Ничем не изменился он,
Такой как был всегда,
А на груди у сокола
Горит ярка звезда,

А.С. Коновалова, с. Зеленый Бор
Михайловского р-на

2.*

За фабричной заставой,
Где закаты в дыму,
Жил парнишка кудрявый,
Лет семнадцать ему.
Рядом с девушкой верной
Был и тих, и не смел,
И любви своей первой
Объяснить не успел.
И любви своей первой
Объяснить не успел.
И она не успела
Даже слова сказать,
За рабочее дело
Он ушел воевать.
За рабочее дело
Он ушел воевать.
И порубленный саблей,
Он на землю упал,
Отдал крови до капли,
Умирая, сказал:
«Умираю, но знаю,
Скоро солнце взойдет».
Шел парнишке в ту пору
Восемнадцатый год.
Шел парнишке в ту пору
Восемнадцатый год.

А.С. Коновалова, с. Зеленый Бор
Михайловского р-на

3.

На опушке леса
Старый дуб стоит,
А под этим дубом
Партизан лежит.
А под этим дубом
Партизан лежит.
Он лежит не дышит
И как будто спит.
Перед ним старушка,
Мать его стоит <...>
«Ой, сыну, ты сыну,
Что ты рано лег,
Маленьких детишек
Оставил горевать...»

М.А. Щукина, с. Зеленый Бор
Михайловского р-на

Трудовые песни

1.*

За горою у колодца,
Где студеная вода,
Вслед за жнейкою вязала
Снопы дева молодая.
Вслед за жнейкою вязала
Снопы дева молодая.
Она за <...> говорила,
Что на свете любо жить,
Если честно дело делать,
Если труд свой полюбить.
А вокруг хлеба шумели,
Говорили ей о том,
Что колхозные богатства
Смело входят в каждый дом.
Ох, могуча наша сила,
Хороши у нас поля.
Изобилием родная
Наша русская земля.
Изобилием родная
Наша русская земля.

А.С. Коновалова, с. Зеленый Бор
Михайловского р-на

Шуточные песни

1.

Коломлэ накрэненына
Там цвэла калына.
Захотэла в саду спаты
Молода дывчына.
Ой, с кем же захотэла,
С трэмя казаками.
Ой, гдэ же захотэла,
Мэжду яблоньками.

Н.В. Гребенщикова, с. *Загорная Селитьба Свободненского р-на*

2.

Ехали казаки от Дона до дому!
Пидманулы Галю, забрали с собой.
Везуть, везуть Галю темными лесами,
Привязали Галю до сосны косами,
Подпалилы сосну <...>
Сосна догораеть, Галя промовляеть:
«Я в поле ночую, с далека почую.
Кто дочек мое нехай научал,
Гулять до рассвету,
Пускай – не пускай».

Т.А. Кравченко, с. *Костюковка Свободненского р-на*

3.

Ой, верба, моя вербовая,
На тебе кора дубовая.
Говорят люди, мой муж не пьет.
А он, сукин сын, он коня пропил.
Он коня пропил вороного,
Посылал меня по другого,
Чтоб другого привела.
Посылал меня по другого:
«Иди приведи хоть гнедого.
А иди приведи хоть гнедого.
Выручай меня, молодого».

М.А. Щукина, с. *Зеленый Бор Михайловского р-на*

Тюремные (лагерные) песни

1.

Север, север,
Холодная стужа.
Север, север,
Глухая тайга.
А кто не был на севере диком,
Тот не знает ни горя, ни зла.
А кто не был на севере диком,
Тот не знает ни горя, ни зла.
Рано-рано с родными рассталась,
Потеряла родимую мать.
А с судьбой повстречалась я рано,
Научила судьба горевать.

М.А.Щукина, с. *Зеленый Бор Михайловского р-на*

ОБРЯДОВЫЕ ПЕСНИ

Колядки

1.

Христе боже нас!
Сияй на Руси!
Дай разума, небыли.
Звездой в лучах освети.
Кланяйся солнцу правдой,
И тебя видеть с высоты востока!
Здравствуй, хозяину, хозяйюшка!
Открывайте сундучки,
Доставайте пяточки.

В.Е. Астроманова, с. *Сычевка Свободненского р-на*

2.

«Ох, ты козохна!
Ох ты, матухна!
Где ж ты ходила?
Где ж ты бродила?»
«Ходила я по темных лесах,
Во добрых дворах».
«Как же тебя, козочка, с леса не убили?»

«Не боюсь я не стрельцов-бойцов,
Одного ж я боюсь деда.
А того деда <...>
Он меня сколит,
Он меня спорит».
«Ну, встань, козухна... развеселимся.
Старшему пану в ноги поклонимся,
Чтоб панка кусок сала дал <...>
Наверх колбаса».

Н.И. Леминько, с. Костюковка
Свободненского р-на

Хороводная песня

Вы, подруженьки, попойте,
Красавицы, попляшите!
Ой, ля-ли, ля-ли, ля-ли!
Красавицы, попляшите!
Попляшите, да не спешите,
На меня, младу, не глядите.
Ой, ля-ли, ля-ли, ля-ли!
На меня, младу, не глядите.
У меня, молодой, муж ревнивый,

Старикашка хлопотливый.
Ой, ля-ли, ля-ли, ля-ли!
Старикашка хлопотливый.
Сам на улицу не ходит
Да мне младу не пускает.
Ой, ля-ли, ля-ли, ля-ли!
Да мне, младу, не пускает.
Пойду, млада, за водой,
Возьму старого с собой.
Ой, ля-ли, ля-ли, ля-ли!
Возьму старого с собой,
Возьму старого с собой
Да сброшу в речку головой.
Ой, ля-ли, ля-ли, ля-ли!
Брошу в речку головой,
Брошу в речку головой,
Оставайся, шут с тобой.
Ой, ля-ли, ля-ли, ля-ли!
Оставайся, шут с тобой.

А.С. Коновалова, с. Зеленый Бор
Михайловского р-на

ЧАСТУШКИ

Игровые частушки на гулянии

Не смотрите на меня –
Глазки поломаете.
Я не с вашего села,
Вы меня не знаете.

Сычевских ребят
Можно издали узнать:
Руки, ноги колесом,
Две сосульки под носом.

Ты играй, играй, гармошка,
Пока есть у нас картошка.
Как картошку доедим
И гармошку продадим.

Меня мать рожала –
Вся деревня дрожала.
Отец бегаёт орёт:
«Какого черта бог даёт?!»

Я кончаю петь частушку
В половину вечера.
Я хожу, а вы останьтесь,
Кому делать нечего.

Девяносто лет старушке,
Физкультурой занялась.
Встала утром на рассвете,
На березу забралась.

Ох, кузькина мать,
Все хотела помирать.
Умирать не умерла,
Только время провела.

Милый и милая

Ко мне милый приходил
И подарки приносил:
Чечевицы с виною.
Наклевалась чечевицы
И сажу чирикаю.

Ох, яблочко, да на тарелочке,
Целовал меня милый на коленочке.
Целовал, целовал, да нацеловался,
А в кустах соловей щебетался.

Ой, миленький мой,
Тебя в болото головой,
В самую болотеньку.
Зачем завлек молоденьку?

Измена. Соперник и соперница

Полюбила лейтенанта,
Лейтенант меня любил.
Корова бросила доиться –
Лейтенант меня забыл.

А ты зачем меня любила,
Когда я тебе не мил?
Ты бы с осени сказала –
Я бы осень не ходил.

Внешность и характер

Взял бы замуж я тебя,
Меня тебе жалко.
Я – молоден, как пенек,
А ты – суха, как палка.

Полюбила я такого,
Он молчит, и я не слова.
Любовались на нас –
Вот так пара собралась.

Говорят, что пьяная –
Такая я румяная.
Говорят, что напилась,
А я такая родилась.

Разлука и тоска

Подружка моя,
Какая ты веселая!
А меня одолевает
Думушка тяжелая!

Ой, подруга дорогая!
Желты цветики не рви.
Желты цветики к разлуке,
Ты их в руки не бери.

Девичество и сватовство

Приезжали меня сватать,
В огород заехали,
Взяли бочку разлили,
Всю капусту полили.

Приезжали меня сватать,
Мама забузила:
«Ты какая, дочь моя?
Ты сено не косила».

Моя мамка гулила,
В поле цветик сорвала.
Красоту мою сгубила,
Младу замуж отдала.

Ой, любила, уважала,
У кого сынок один.
А золовушки – неважно,
Мы их замуж раздадим.

Быт, трудовая и повседневная жизнь

Урожай растет богатый,
Убирать его пора.
Сейчас поля не всходят,
Чем заправим трактора?

Создадим кооператив,
Много петель мы дадим.
Будем петь частушечки
По тысячи со штучечки.

Теща курицу варила
И забыла посолить,
А за это преступление
Тещу надо посадить.

За сухой закон спасибо:
Нету водки, нету пива.
Одеколон, была треска,
Выпить нечего пока.

Куда я долетела?
Все поля, поля, поля.
Незнакомая деревня!
Девочки, пропала я.

Ох, куда я залетела?
Не доехать, не дойти.
Только белая бумажечка
В конверте долетит.

Пошла б я плясать,
Да дома нечего кусать –
Сухари да корки.
На ногах опорки.

Одна нога топотит,
А другая не хочет.
А я тую да на тую,
Да другую раздратую.

Путин пенсию добавит,
А про цены ни гу-гу.
Цены сразу вырастают,
Ясно даже дураку.

Пенсию, пенсию
С задержкой, но дают,
А зарплаты нам
Не дожидаться тут.

А теперь сидите
С бабкой на печи,
Ешьте калачи,
С чаем пироги.

Припаду, понюхаю –
Пахнет затирухою!

ЗАГОВОРЫ

От ран (чтобы не было заражения)

1. Вот эту водичку нужно брать, как говорится, нетронутую. Вот если с вечера наливаешь, поставил, ну, стоит в банке или в чем-нибудь эта водичка. Вот утром взять туда покрошить хлебушка, а хлеб надо только целой булки и туда и говорить: «Рана не гори, не боли, не с кровью, не с гноем, очисти, хлеб божий, тело раба божьего». Облить рану эту, промыть. Ни заражения никакого, ничего не будет. Только вот надо именно этой водой, а хорошо, когда есть еще святая, вот на Крещение, то вот этой водички и туда хлеб, только чтоб булка была целая. Только именно чтобы с целой булки, не с начатой, вот так.

От запоя

2. Так вот если свинья, если муж где-то есть, родственники, от запоя, вот где спала, эта ... спит свинья, то нужно взять, вот если пьет и пьет жених, там или что, то нужно, значит, взять вот это место, где лежит чушка, это (...) и туда пива или там что-нибудь, и положить на ночь эту бутылку туда, в это место, а утром, вот когда на похмелье ему надо, или что-нибудь

<...> Да, принесите, ага, и с этой бутылки ему дать попить. Вот чтобы ... и говорить: «Свинья и то водку не пьет, а помой только жрет, так и ты раб (ну, там как зовут) водку не пей, через нее не болей». И с этой бутылки пусть выпьет. И потом не будет хотеть пить.

В.И.Сидорова, с. Костюковка Свободненского р-на

От порчи

3. Да вот эту калитку (деревянную), в калитку вбить осинный кол, и когда вот это (...) «С утицы – водица (...) с утицы – водица, с (имя) – лиховица... лиховица (...) лиховица, от кого взялось (...) от кого взялось тому передалось». Эту молитву читаешь три раза. Напиши. Вот это вот наливаешь в таз воды, я тебе потом ... сейчас это самое расскажу, читаешь три раза в этой воде, что ты это самое, умылась. Ага, а потом ну (...) в этой воде ополаскиваешь трусик, маечку, лифчик (...) трусик, маечку, лифчик. Ополоснулась, потом дальше молитва идет: «Твое – тебе (...) твоё – тебе, мое – мне (...) твоё – тебе, мое – мне». Тоже читаешь три раза, когда вот в этой воде ты помылся, с тазика только: «С утицы – водица, с (имя) – лиховица, от кого взялось, тому передалось». Три раза ты почитала. Трусики, лифчик ополоснула, берешь с этим тазиком идешь к это, к калитке, где ты вбила осинный кол, и тако выливаешь этим тремя хлопками: «Твое – тебе, мое – мне». Чтоб воду три раза вылить на этот кол: «Твое – тебе, мое – мне». Чтоб на этот кол вылить три раза. <...> вот как калитка, вот калитка, вот в уголочек, в уголок калитки, вот как, где калитку открываешь, вот в уголок. Ну, вот калитку открываешь, там кол, ну, вот сюда этот колышек вбиваешь. <...> Вот такусенький, вот такой маленький, вот так вобьешь, вот так вот чтоб он в землю вошел, осинный кол.

Л.М.Сурина, с. Костюковка Свободненского р-на

От бессонницы

4. Ну, бывает бессонница, ходишь то, мучаешься вечером. Вечером прежде снимите рубашку или, ну, что там есть, трижды и снять, и переодеть. Тапки поставить в разные углы, или там в чем пришли, и сказать: «Вам в этих углах стоять, а мне до зари проспать, не просыпаться. Аминь».

На здоровье

5. «Корни в земле, а твои ветви над землей, мои горести у твоих корней, а мои радости у твоих ветвей. Я твоё тело берегу, а ты мое благослови». Чем больше деревья, тем больше здоровья.

От беды

6. А ну вот, чтобы в быстрые такие дни не случилось беды, вот когда огород, хоть грядки садишь, хоть что, только, только что туда пусть не огороды там, дача или что. И это вот только дорожку сделал, семена туда посыпать, то нужно песочку туда посыпать, ну маку то не у всех есть, а сказать: «Когда песок взойдет, тогда в мой дом беда придет».

В.И.Сидорова, с. Костюковка Свободненского р-на

От злого человека

7. Возьмите иголку, переверните ее и воткните ее востряком. Вденьте нитку. Воткните ее в сучок на двери. Плохой человек не выйдет.

П.П.Ратушкина, с. Новоивановка Свободненского р-на

От неприятного или надоедливого человека

8. А так вот уже донял, когда который человек, то что-нибудь, то это ... взять листок чистый, нарисовать этого человека и потом вот так вот ножиком поколоть. (...) Прямо в этом. «Твой страх, твой испуг порву, заколю и сожгу». Затем подожгите лист и пусть, смотреть на этот лист, а это сгорит и пустить по ветру. Это вот если отделаться. Ну, если кто-то преследует тебя, или вообще неприятный тебе человек.

Чтобы с работы не сократили

9. Чтоб с работы не сократили сейчас, если много сокращают с работы, вот чтоб с работы. Нужно взять водички, ну, такой, как пенициллиновый пузыречек там, или что-нибудь, налить этой водички, и вот кровать стоит, где у головы, вот к ножке поставить этот пузыречек на ночь. Когда пришел на работу, ну вот туфли там или что, ну, в чем одета, обувь эта есть, обмыть и сказать: «Как мои ноги сюда ходили, так и будут всегда ходить». И умыться этим. Других сократят, вас не сократят.

На достаток

10. Когда месяц нарождается, вот новолуние, первый день, налить стакан воды, полный, и поставить за шторкой у головы, где спишь, и сказать: «Месяц, как ты был худ и стал полон, так чтоб и у меня всего хватало, и всего было полно». А когда уже сходочек, он там испаряется вода, высыхает, умыться, а водичку вылить под пяточку у двери, под пятку вылить.

К богатству

11. купишь какую-нибудь посуду, кастрюльку там, кружку, даже хоть что-нибудь, что-нибудь купишь, и это сразу говори: «Кастрюле (свой вариант) полной быть, а мне всякую бедность забыть».

На главенство женщины в семье

12. Чтобы была жена в доме хозяйка, ну, чтобы муж подчинялся тебе, вот ложитесь когда, ну, свадьба и ложитесь в первую ночь спать, с мужем ложитесь спать. Ложитесь всегда с краю, вот, а он пусть у стенки ложится. Лег у стенки, ну, а когда уже это, перед тем как будет это, то: «Ой, я испугалась». Надо перелезть через него к стенке. <...> Да через него. Перелезть к стенке, ну, а там дальше, что получится. ... В общем, чтобы любовь была, надо сразу перелезти через него к стеночке. А когда утром встаешь: «Ой, там, Вань, подай-ка халатик мне. Дай мне одеться, халат там». Или в чем одеваешься. Чтобы он подал, и все будешь – хозяйка в доме.

В.И.Сидорова, с. Костюковка Свободненского р-на

ЖИТЕЙСКИЕ ОБЕРЕГИ

Во время беременности

13. Так, беременная не должна задерживаться на пороге, не останавливаться никогда.

От беды

14. К нам влетел голубь или воробей, то это беда! Нужно сказать: «Как влетел, так вылетел». Надо выгнать его.

15. Так, воеет собака, поднимает морду кверху, это значит, к пожару или смерти соседей, опустит голову – к покойнику из хозяев, ну, в общем, их хозяев. Так, или лежа, то к сво-

ей смерти, собака. Ну что собака – это точно. (...) Выйти и сказать: «Иди беда не в эти ворота, а иди – в соседские».

На удачу на экзамене

16. Вот идти на экзамены нужно так: трижды вот что одеваешь утром надо это потрясти, потрясти, а потом только одевать: «Господи, пошли мне удачу в учении во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь».

Когда выходишь из дома

17. Вот вы ходите когда-нибудь утром, ну, идете на какие-нибудь дела или что всегда, просите благословения: «Господи, благослови». Вот так выходишь из дому, всегда идешь, говори: «Господи, благослови во имя Отца и Сына и Святого духа. Аминь».

На достаток и здоровье

18. На Новый год постучите топором по порогу и скажите: «Жизнь, здоровье, хлеб, чтоб было у вас».

От проклятия

19. Если в ссоре вас проклинаят, нужно тихонечко про себя сказать: «У меня двенадцать сил, у тебя пять».

В.И.Сидорова, с. *Костюковка Свободненского р-на*

ПРИМЕТЫ

Хозяйство

1. До Петрова дня не сей гречку, не стриги овечку.

П.П.Ратушкина, с. *Новоивановка Свободненского р-на*

2. Перед Рождеством, когда небо ясное и много звезд, значит, куры будут несушки нести хорошо, а коровы плохо будут доиться. Если звезд мало на небе, значит, коровы будут дойные, а куры не будут нестись.

Т.А.Кравченко, с. *Костюковка Свободненского р-на*

Дом, семья

3. Ну, мне так и сказали: «Ты замуж выходишь на одном коне, значит, ты останешься вдовой скоро». Так оно и получилось.

Е.В.Игнатьева, с. *Костюковка Свободненского р-на*

4. На свадьбе в босоножках нельзя, чтобы не было в жизни нигде дырок.

В.И.Сидорова, с. *Костюковка Свободненского р-на*

5. В последнее время, когда ребенок зашевелится, и если на кого смотришь, то такой ребенок и будет.

К.И.Мосалева, с. *Комиссаровка Белогорского р-на*

6. Кукует кукушка. Если взад кукует кукушка, значит будет (...) дом. Сегодня неприятность. Если сбоку, если молода, скоро замуж выйдешь.

А.П.Филонова, с. *Сычевка Свободненского р-на*

7. Стол обеденный, стол. Это, что алтарь в церкви. Метешь хату, поднимать веник выше стола, нельзя. Садиться, вот некоторые так вот где смотришь, раз и жопой сел на этот стол, нельзя садиться! Это святое место! И только что для стола такое вот, ну вот для еды, для такого положить можно, а вот то, что не касается обеда или там что-то, нельзя положить.

В.И.Сидорова, с. *Костюковка Свободненского р-на*

Погода

8. Лягушки квакают – быть хорошей погоде.

В.Д.Бабкин, с. *Загорная Селитьба* Свободненского р-на

9. Заря горит – всё, это завтра будет дождь. <...> Видишь, как солнце ясно горит, завтра будет дождь. Заря закатывается красна.

А.П.Филонова, с. *Сычевка* Свободненского р-на

10. Перед Троицей стелют траву, ветки. Если ветки засохли на второй день, сухим, значит, лето будет; дождливое, если ветки не засохли – влажное лето, дождливое.

Т.А.Кравченко, с. *Костюковка* Свободненского р-на

11. Если ветер дует с юга – всё, жди снега.

В.И.Сидорова, с. *Костюковка* Свободненского р-на

К деньгам

12. Веник метелкой вверх стоит, чтобы деньги водились.

Е.И.Рудакова, с. *Костюковка* Свободненского р-на

13. Вот что-то новое покупаешь, там что-то платье, хоть любую одежду, если есть карман, обязательно, прежде чем одевать, надо туда положить денежку.

14. Берите деньги левой рукой, а отдавайте – правой, так будут водиться.

15. А вот в чистый четверг пересчитать все деньги три раза, чтоб весь год водились.

16. Чтобы покупки были удачными, носите денежную купюру любого достоинства, которую никогда не меняйте и не тратьте, в кошелек просто положите и все. Храните отдельно от всех денег и не сгибайте пополам.

К беде

17. Вот птичка бывает в дверь, вот как у нас в другой раз воробей или что-нибудь залетит, то это всегда к плохому.

18. Во вторник никогда ни у кого не проси ничего, ни денег не занимай и никогда долг не отдавай во вторник, во вторник, всегда только во вторник, не отдавай и не занимай. Займешь – значит, будешь вечно просить.

19. Не ешьте, не пейте перед зеркалом – съешь всю красоту и здоровье.

20. Если в магазине покупал продукты, хлеб там, еще что-нибудь, и сдачу дали с этих с продуктов, не бери, потому что у тебя у самого будет не хватать. Ну, на пропитание. Вот там что-нибудь такое, ну с вещей, там со всего, только не с хлеба, с хлеба нельзя давать.

21. Так седьмого апреля Благовещение, никому ничего не давай в этот день.

Если вернулся

22. Что-то из дому пошел забыл, вот забыл и вернуться, вернуться, и надо обязательно посмотреться в зеркало.

В.И.Сидорова, с. *Костюковка* Свободненского р-на

ГАДАНИЯ

Любовные

1. Если валенок через крышу перебросишь, а то должны, жених должен, если он твой жених, он подхватит этот валенок и унесет, а потом отдаст вот так вот этот.

Е.В.Игнатьева, с. *Костюковка* Свободненского р-на

2. Под Новый год девки калоши брали, снимали каждый свою и бросали в ворота, через ворота. Куда нос ляжет, туда замуж выйдешь.

Н.И.Леминько, с. *Костюковка Свободненского р-на*

3. Кидали через забор, крышу унты. Кто возьмет, тот жених.

Н.В.Гребенщикова, с. *Загорная Селитьба Свободненского р-на*

4. А потом мои дети пояса кидали через крышу. Куда пояс упадет, там и жених твой.

М.П.Попова, с. *Зеленый бор Михайловского р-на*

5. На этот раз давайте с хаты валенки кидать. Куда носик ляжет, туда мы и замуж пойдем.

Е.И.Небогатых, с. *Зеленый бор Михайловского р-на*

6. На Иван Купала кидали венки в воду, в какую сторону поплывет, туда и замуж выйдет.

В.Е.Астроманова, с. *Сычевка Свободненского р-на*

7. После ужина собирают со стола ложки. Выходят на улицу и стучат по калитке. С какой стороны собака залает, туда и замуж уйдешь.

М.А.Волобуева, с. *Зиговка Свободненского р-на*

8. По дороге ходили с лучиной. Где собака залает, там и замуж выйдешь.

А.С.Коновалова, с. *Зеленый бор Михайловского р-на*

9. Ну, а где собака загавкает, сидишь тихо-тихо, вот в той стороне мой мужик. Собака там загавкала, то там загавкает. Ну, говорю, вот и бегай по всей деревне.

Е.И.Небогатых, с. *Зеленый бор Михайловского р-на*

10. Зажигашь бумажку на блюдечке. Куда огонь повернет, туда и замуж пойдешь.

Л.Д.Семановская, с. *Зеленый бор Михайловского р-на*

11. В корыто клали, каждый платок свой скрутит и клали в корыто, и трепали. Чей платок первым упадет – та, значит, в этом году замуж выйдет.

Н.И.Леминько, с. *Костюковка Свободненского р-на*

12. Носовые платки связывали узелками и в корыто. Трясешь, пока не выпадет. Чей первый упал, та и замуж первой выйдет.

Л.Д.Семановская, с. *Зеленый бор Михайловского р-на*

13. В окна стучали: «Тетка, скажи, какой жених?»

А.С.Коновалова, с. *Зеленый бор Михайловского р-на*

14. Ходили под окнами, стоишь, слушаешь, какое имя назовут в доме. Жених такой будет по имени.

Т.А.Кравченко, с. *Костюковка Свободненского р-на*

15. Знаете, в окошко постучишь. Это в какой день забыла. «Мам, как звать жениха?» - «Алексей». Дальше бежишь.

М.П.Попова, с. *Зеленый бор Михайловского р-на*

16. Под подушку деревянные палочки ложили мостиком. Кто тебе переведет через мостик, ляжешь и загадаешь: «Кто меня через этот мостик переведет, тот со мной и в жизнь выйдет». И приходит, и переводит.

Е.Н.Кавардина, с. *Дим Михайловского р-на*

17. На перекресток так надо выйти, где четыре дороги, ну, пересекаются, и послушать. Если от сердца, то замуж скоро выйдешь. Если от права, то сильно будешь работать всю жизнь, это слушаешь звуки, где, в какой это, а если прямо, и не дай бог, будет, как доска ляпнет, умрешь скоро.

Е.Н.Кавардина, *с. Дим Михайловского р-на*

18. Потом пошли к брату в сарай. Ну, тогда свету не было. Темно (...) Ничего не видеть, со спичками, а соломы настлано много, боишься – зажжем. А потом опять я говорю: «Я поймала барануху, сейчас замечу». Заметила. Она поймала барануху, тоже заметила. Утром пришли, она говорит: «Ну, кучерявый у тебя будет жених, а у меня нет». (*Это потому что один кучерявый был баран, а другой нет?*) Да, а другой нет. Вот у ней не кучерявый, а у меня кучерявый. У ней некучерявый был.

М.П.Попова, *с. Зеленый бор Михайловского р-на*

19. Ляжешь, как стоишь, ровненько. Назавтра смотрим: если насечена будет тень эта, значит, мужик драться будет, если нет – хороший.

Т.А.Кравченко, *с. Костюковка Свободненского р-на*

20. Насыплешь зерна и воду поставишь. Петуха пустишь. Если зерно клюет, значит, мужик хороший, если к воде – пьяница.

Т.А.Кравченко, *с. Костюковка Свободненского р-на*

21. Ну, на курей гадали. Вот ловили курей, кто – черную, кто – белую. Сыпали день-ги, пшено, ставили воду. Если курица, которая будет воду пить, мужик будет пьяница. У которой мужик хозяйственный, будет пшено есть. У которой уже богат будет, значит, курица будет в деньгах копаться.

Е.И.Небогатых, *с. Зеленый бор Михайловского р-на*

22. Вот эти иголки взять маргарином или маслом, маргарином лучше, маслом тонут. Иголки вот так хорошо, чтобы на иголке было масло <...> Значит, если с мужем: ну, вот если они, иголки, сойдутся вот вместе, то всегда, до конца своих дней. А вот на работе: если потонут, если потонула иголка, значит, не будет дружбы никакой, всё, не будешь контактировать с этим человеком. А если будут просто плавать, ну, значит, будешь жить в этом коллективе, ну, ни себе ни людям.

В.И.Сидорова, *с. Костюковка Свободненского р-на*

На свекровь

23. Под окнами слушали. Тихо – свекровь тихая, если говорят – бурчливая.

Л.Д.Семановская, *с. Зеленый бор Михайловского р-на*

24. Заходили задом в баню. Брали три камня. Затем бросали их в воду. Если камень зашипит, свекруха худая. Если нет – нормальная.

А.С.Коновалова, *с. Зеленый бор Михайловского р-на*

25. Камни в колодец кидали. Если забурлит, свекровь бурчать будет.

Л.Д.Семановская, *с. Зеленый бор Михайловского р-на*

26. И гадали на курей. Вот на курей, я запомнила, лучше всего гадать. Вот ставишь корм, воду, зеркалу. Ну, и глаза завязывают тебе, иловишь кого там поймашь. Вот подруга поймала курицу, она ест зерно, воду пьет. Ну, твоя свекровка будет модница и прожорливая. Она: «Ко-ко-ко-ко-ко». Вот ну уж модница так модница будет, прожорливая. А другая по-

друга поймала, она у ней ест, ест и спит, ест, ест и спит. Ну, какая-то будет твоя свекровка засоня. Я поймала петуха. Вот он корм поест, водички попьет, в зеркало посмотрит. Ну, твой жених будет модник. И действительно, на работу идет – перед зеркалом, с работы приходит – перед зеркалом. Вот так гадали мы всегда.

М.П.Попова, *с. Зеленый бор Михайловского р-на*

Как жить будешь

27. А вот зайдешь в сарай и потрогаешься, света-то нет. Потрогаешься: если на рога, не дай бог, рукой наткнешься – бедной будешь всю жизнь. Если за середок, за спинку возьмешь корову – средне будешь жить. Если за задницу – вообще плохо-плохо будет.

Е.Н.Кавардина, *с. Дим Михайловского р-на*

28. Вот это тетка рассказывала моя. Пошли, собрались они погадать на овечек, кто какую поймает: кто – черную, кто – белую. Если чернуюймаешь, то будешь богато жить, а белую – значит бедно жить. Ловишь овечку. Если белую овечку поймал, будешь бедно жить, если черную – богато.

Е.И.Небогатых, *с. Зеленый бор Михайловского р-на*

На желание

29. Ложите в такое блюдо рис, рисинки. Вот рисинки, только один раз загадал, два раза не делается. Один раз загадал, вот что ты хочешь узнать, кинула рисинку. Она вот плавает тоже. Если упала туда, всё, конец. А еще близенько они, рисинки, не соединяются, как иголки, а только так. Если утонула, значит, не сбудется. (*Сколько кидать?*) По одной. Вот, допустим, одно желание, нет вот это я – это моя рисинка, а еще что загадала – другая рисинка, а еще третья что-нибудь, только другой, еще рисинку брось.

В.И.Сидорова, *с. Костюковка Свободненского р-на*

ПОСЛОВИЦЫ, ПРИГОВОРКИ, ДРАЗНИЛКИ

Любишь кататься – люби и саночки возить.

Жизнь прожить – не поле перейти.

Семь человек одну овечку тащат – не дотащат.

Что хранишь, то пропало; что отдал, то твое.

Богатство – на крюку, а змея – под порогом.

Кошки – с котятами, все парни и все девчата да с ребятами.

Златая слеза не выкатится – лучше петь будет.

Или грудь будет в крестах, или голова – в кустах.

Дите встало, и все дела встали.

Война – к войне, любовь – к любви.

Как по рубель.

У вас кошка в лапше окатилась.

НАРОДНЫЕ СТИХИ

Стихи записаны от Евгении Никифоровны Кавардиной, 1938 г.р., в с. Дим Михайловского района в 2008 г.

– *Я лучше Вам песню расскажу, какую я вот написала песню, могу и какой-нибудь рассказик, но только не долго. Вот песню я написала:*

Журавли прилетели
Из какой-то дали,
Я стою у калитки
Вся в слезах и печали.
Уж пять лет пролетело,
А вот тех журавлей
Не забуду вовек я
И с ним разлуки своей.
На Чечню уходил ты
По тропинке во ржи,
Самый лучший на свете,
Ты надолго ль, скажи?

Слезы вечной печали
Закрывают мой свет,
Я стою на коленях
И целую твой след.
Счастье было коротким,
А вот горе навек.
Ты погиб героем,
Мой родной человек.
Журавли улетают,
Они мимо летят над селом.
Может быть, в этом клине
Ты мне машешь крылом.

– *И вот эту песню написала и хотела послать Долиной. Ну, я рассказы пишу. Вот они такие длинные, но я хоть немножко расскажу. Вот я пишу, значит, про внука и деда.*

В скором поезде я еду
На деревню в гости к деду.
Будем пить с дедом коньяк
И покуривать табак.
Дед расскажет о былом,
О здоровье о своем,
Как он сотню лет прожил,
Даже с Лениным дружил.
«Приезжал он как-то к нам
По государственным делам».
Это дед говорит внуку.
«Свет деревни подключил,
А лучину потушил.
Мы с бабулею молились
На победы Ильича,
А сейчас сидим без свету,
Проклинаем жизнь вот эту.
На кого молиться нам,
Бедным больным старикам?
Телик включим, а с экрана

Так и сыплется реклама.
Приходите, все берите.
А за какие, за шиши,
У нас остались только вши».
(Концовка)
Внук говорит:
«Ты мой дедушка родной,
Я заберу тебя с собой.
Будем пить с тобой какао,
Чтобы жизнь получше стала».
Посмотрел дедуля уныло
И сказал внуку так мило:
«Нет, внучок, не уеду я.
Здесь прошла вся жизнь моя»,
Рано утром до вокзала
Вся деревня провожала.
Впереди шел старичок
И высокий с ним внучок.
Скорый поезд простучал
И внучка с собой умчал.

<...> Говорят, да что там
Наши мужики,
Рюмочку ему налей,
Будет петь как соловей,
Аль жену будет гонять,
Пусть нальет ему опять.
Да ладно мужики,
Вот наши бабенки
Словно лошаденки.
Утром варит и стирает,
Детей в школу собирает
И трусцой в поле бежит,
А мужик еще лежит.

Ой, глава семейной стаи.
Вот какие они стали мужики.

<...> «Папочка от нас ушел.
Он себе красивую жену нашел».
Так сказала мать.
«А где же нам теперь его искать?»
Дети маленькие говорят:
«Папочка, родненький мой,
Я прошу тебя, вернись домой.
У нас сломалась входная дверь.
Кто ж ее починит нам теперь».

Раздел «Школа» в данном выпуске альманаха необычный: он включает разнообразные методические материалы, связанные с преподаванием не только русского, но и иного языка и иной культуры. В приграничном регионе это становится чрезвычайно актуальным, поскольку межнациональное и межъязыковое взаимодействие на таких территориях – обыденная реальность. Три направления, которые можно обозначить как «Региональный компонент в преподавании», «Русский язык как иностранный», «Китайский язык как иностранный», представлены в разделе.

Вниманию учителей средних школ и гимназий мы предлагаем урок на тему «Открытие Китая» для sixth классов, разработанный нашим постоянным автором – учителем высшей квалификационной категории Ириной Викторовной Корольковой.

О необходимости учитывать национальные особенности при изучении иностранного языка – методические материалы Нины Петровны Шенкевец, много лет успешно преподающей русский язык китайским студентам в России и являющейся автором ряда оригинальных методических пособий по русскому языку для иностранцев.

И, наконец, целый блок материалов по методике преподавания китайского языка русским учащимся, которые мы публикуем с уверенностью в их востребованности.

Региональный компонент в преподавании

И.В. Королькова

ОТКРЫТИЕ КИТАЯ (ПЕРВЫЙ УРОК ИЗ ЦИКЛА УРОКОВ «КУЛЬТУРА ДРЕВНЕГО КИТАЯ»)

Цель урока: приступить к изучению культуры Китая, обратившись к словесным древним памятникам; развивать и поддерживать интерес к данной теме; воспитывать уважительное отношение к национальной культуре другой страны.

Вступительное слово учителя.

Начать наш разговор я бы хотела с одной древней легенды.

«Один рыбак решил попытать счастья далеко от одной деревни. Он плыл и плыл по извилистой реке и скоро заблудился в речных рукавах и протоках. Река, на которую он попал, всё суживалась. На её берегах появились персиковые деревья, усыпанные цветами. Лепестки всё плотнее устилали поверхность реки. Всё прекрасней становился путь рыбака. Вдруг вдалеке блеснул яркий сноп света. Подъехал рыбак поближе и увидел, что свет этот исходит из расщелины в горе. Там путешественник нашел незнакомую страну, в которой мирно и счастливо жили люди».

Вопрос: *Как вы думаете, о какой стране идет речь?* (ученикам дается возможность предположить, о какой стране идет речь).

Я познакомила вас с древней легендой о «Персиковом источнике», пересказанной Тао Юань-мином – удивительным и очень созвучным нашему времени поэтом, жившим полторы

тысячи лет назад. Он воспел в этой легенде свою страну и свой народ, создавший ещё в древности удивительную и самобытную культуру.

Мы начинаем цикл уроков, посвященных культуре Китая. Может сложиться мнение, что культуру этой страны вы знаете неплохо. Конечно, большинство из вас имели и имеют возможность часто посещать Китай. Вы бывали в разных городах, в разных провинциях. У вас есть собственный опыт открытия Китая. Но говорить о глубоком знании и понимании данной национальной культуры преждевременно. Наша задача заключается в следующем:

1. Расширить и углубить представления о китайской культуре, обратив пристальное внимание на ее уникальность и самобытность.
2. Познакомиться с главными особенностями художественной культуры Китая.
3. Попытаться постичь логику развития художественной системы Китая.
4. Формировать интерес к китайской культуре.

II. Великие мировые изобретения древнего Китая.

Китаю принадлежат великие мировые изобретения. Попробуйте в тетради записать научные открытия, изобретения, родиной которых является древний Китай. *(Самостоятельная работа на 5 минут).*

Далее ученики обмениваются собранной информацией, делая записи в тетради. Учитель дополняет информацию учеников.

Зонтик, шёлк, фарфор, порох, бумага, чай, рис, книгопечатание, сейсмограф, первая в мире ежедневная печатная газета, водяные часы, чудесные повозки, снабженные механизмом, указывающим пройденное расстояние (такая повозка существовала в Китае уже 1600 лет назад) или имеющие прибор, все время указывающий на юг и служащий компасом (нач. III века). Это все изобретения древних китайцев. Китайцы очень давно знали магнит: уже в III веке до н.э. было известно, что магнит притягивает железо. Ими был изобретен магнитный компас.

Были китайцы и великими астрономами. Со II-го тысячелетия до н.э. они пользовались лунно-солнечным календарем, определили дни летнего и зимнего солнцестояния, весеннего и осеннего равноденствия. Со II-го века до н.э. китайские ученые стали заниматься предсказанием лунных и солнечных затмений, уже в 43 году до н.э. были сделаны записи о солнечных пятнах (в то время как в Европе пятна на Солнце впервые были зарегистрированы в 807 году).

III. Открытие Китая Европой.

Вопрос: *Когда и какими путями узнали о Китае европейцы?*

Выступление ученика:

На Западе давным-давно, ещё до нашей эры, слышали, что где-то далеко на Востоке есть обширная, богатая страна, куда путь лежит через море, и что живёт там какой-то народ «син». Где находится эта страна, никто не знал. Знаменитый греческий географ Птоломей (I век до н.э.) в своём географическом описании упоминал о народе «син», указывал, что в эту страну можно добраться водным путём, через Эрифрейское море (т.е. Индийский океан).

Римская империя вела обширную торговлю со многими странами. Перекупщики часто привозили в Рим китайский шёлк, который имел громадный спрос. Торговлей шёлка завладели парфяне. Они покупали шелк у китайцев, доставлявших его в Парфию, а затем приво-

зили в Рим, где и продавали втридорога. Шёлк в Риме назывался «серикум», а народ, который его изготавливал, – «серес». Но где живет этот народ, никто толком не знал. Никому в голову и не приходило, что «син» и «серес» – это одно и то же.

Эта далёкая неизвестная страна для европейцев была диковиной, краем удивительных «шёлковых людей», где правили мудрые правители, все подданные были послушны, люди одевались только в шелка, имели особенные обычаи и верили в каких-то своих богов.

Постепенно в Европе совсем забыли о Китае. Но VII – VIII веках через купцов и монахов, распространявших христианство на Востоке, вновь стали проникать слухи об этой стране. И если в VII веке Европа переживала ещё темный период средневековья, то Китай в это же время вступил в ту эпоху, которую называют «золотым веком» его культуры.

IV. Этимология топонима «Китай».

Интересна этимология топонима «Китай». Вопрос: Что вам об этом известно?

Выступление подготовленного ученика.

Русское наименование «Китай» произошло от названия группы монгольских племен «киданей» («китаи»), покоривших в средние века Северный Китай и образовавших государство Ляо (X – XI века). Сами же китайцы называют свою страну Чжунго («Срединное государство»). В европейские языки это слово первоначально пришло как Catai – это название Китаю дал Марко Поло во время своего путешествия Азию, Им он обозначил северный Китай. Южный Китай, который к тому времени монголы во главе с Хубилай-ханом тоже завоевали, он назвал Manji (кит. «южные варвары»). В европейских странах принято название Хина, Кина, Чина; в Индии Китай называли Махачина. Всё это искажённое произношение слова «Цинь» – название древней династии Цинь, правившей в Китае в III веке до н.э. В «Хождении за три моря» Афанасий Никитин (1470-ые гг.) название Чина (Мачина) использует для Южного Китая, а Кита(й) – для северного.

Интересна история слова «Китай» и в связи с городом Москва. Китай-город – исторический район Москвы внутри Китай-городской крепостной стены, построенной в 1538 г. Сегодня сохранились лишь отдельные её участки. К Китаю это название не имеет никакого отношения. Согласно распространённой версии, название района происходит от старого слова «кита», т.е. связка жердей, которые применялись при постройке укрепления. Согласно «Словарю русского языка XI – XVII вв.», слово «кита» означает нечто плетёное, связанное в пучок, в косу. Согласно второй версии, наименование «Китай» пришло из тюркского языка, где это слово означает «стена», в монгольском также «китай» – «стена».

Вопрос: *Как вы думаете, какие жанры искусства Китая были самыми древними?* (Как и в другой любой культуре первоначально рождалось словесное искусство).

Вопрос: *Какие жанры в связи с этим следует вспомнить?* (Это мифология, которая позволяла людям объяснить происхождение мира и человека).

V. Китайская мифология.

Слово учителя (или подготовленного ученика).

Территория Китая считается одним из возможных мест исхода первобытного человека, его расселения по всему миру. В самые далёкие времена народ уже создавал подлинные сокровища слова, мифы, сказания. Миф отвечал древнему человеку, как произошла земля, откуда появились люди, как научились они говорить, петь, сеять, жать, добывать огонь и строить жилище.

В незапамятные времена был хаос. В хаосе самозародился великан Пань-Гу. Он вышел из яйцеобразного хаоса, и всё, что было в хаосе легким, устремилось вверх, а всё тяжелое опустилось вниз. Легким стало небом, тяжёлое – землёй. Между небом и землёй поднялся великан Пань-Гу, держа небо на голове. Но всё смертно. Умер и Пань-Гу. Голова его превратилась в горы, правый глаз – в солнце, левый – в луну. Волосы стали травой, кровь – водой, кости – металлами, горными породами, камнями, дыхание – ветром. Откуда взялись люди? Их создали бог света и бог мрака из тех остатков хаоса, что не пошли на сотворение земли и неба.

Есть и другой ответ, откуда появились люди. Богиня Нюй-ва проходила однажды над миром. Она смотрела на горы, реки, леса, что лежали под ней, и чувствовала себя одинокой: в мире не было живых существ. Нюй-ва опустилась на землю, подумала, затем взяла с земли комок желтой глины, размочила его и слепила куколку. Куклолка ожила, закричала и запрыгала от радости. Это был человек. Человеку было чему радоваться – хотя он был маловат, но зато во многом походил на богов и отличался от тварей.

Нюй-ва понравилось её создание, и она налепила ещё множество человечков, которые разбрелись по земле. Нюй-ва больше не скучала, не томилась и не чувствовала себя одинокой. Оставалось сделать немного: научить людей жить семьями. И это сделала Нюй-ва, после чего много лет отдыхала. На помощь людям пришёл её брат Фу Си. Он научил их варить пищу, строить дома, вязать рыболовные сети. Люди стали жить лучше и достойнее. Но однажды великая опасность нависла над землёй. На небе начали войну бог воды Гун и бог огня Чжун Юн. Злой Гун Гун был побеждён. От стыда он решил покончить с собой и ударился головой о гору Бучжоушань. От удара суша перекосилась, столб, поддерживающий небо, сломался, в небе образовался провал. В горных лесах вспыхнули пожары, на поверхность хлынули подземные воды, волны их доходили до самого неба. Людей пожирали спустившиеся с гор чудовища. Нюй-ва устремилась на помощь людям. Она взяла разноцветные камни, переплавил их и заделала промоину в небе. Чтобы укрепить небо, богиня поставила его на четыре столба – столбами послужили ей ноги огромной черепахи. Нюй-ва прогнала диких зверей и хищных птиц, убила чёрного дракона, свирепствовавшего на равнине.

Но мир, как искусно ни чинила его Нюй-ва, прежнего вида себе не вернул: на западе, где была гора Бучжоушань, опустилась земля. Вы спросите, почему реки Китая текут на восток. Древнему китайцу это совершенно ясно: потому что из-за Гун Гуна на востоке опустилась земля. Почему светила движутся на запад? Потому что из-за Гун Гуна на западе опустилось небо.

После всего того, что сделала Нюй-ва, на земле началась радостная жизнь. Весна, лето, осень и зима чередовались в установленном порядке, и когда должна была быть жара, то была жара, а когда должен был быть холод, был холод. Все хищные звери погибли. Боги и люди жили совместно. Природа снабжала людей своими дарами. Детей клали в птичьи гнёзда, и ветер баюкал их. Люди не знали страха и жили в совершенном счастье. Чтобы жизнь людей стала ещё прекрасней, Нюй-ва подарила своим детям необыкновенную свирель и научила их музыке, самому необходимому из того, что питает духовную жизнь. После своих трудов она погрузилась в вечный отдых, который люди называют смертью...

VI. Особенности культуры Китая.

Чтобы понять культуру Китая, следует проникнуть в психологию нации. Здесь своя, самобытная логика развития художественной системы.

Проведем эксперимент. Поднимем две ладони и соединим их резко вместе. Что мы произвели? Что такое две ладони?

Да, вы правы, две ладони – это хлопок. А одна ладонь? (ребята дают варианты ответа). А ответ очень прост: две ладони – это хлопок, а одна ладонь – это тишина.

Как мы смогли заметить, подходы к решению простейшей задачи абсолютно разные. Мы тяготеем к европейскому миропониманию, где все логично, все рационально, все подвержено мыслительным операциям, математическим измерениям. А для китайцев главное – естественность, невозможность человека вмешиваться в вечный порядок вещей, умение слушать и слышать окружающий тебя мир, умение и стремление «вписаться» в этот мир, наполненный гармонией, найти своё место в нём. Исходя из этого и будет развиваться китайская культура, с особенностями которой мы продолжим знакомство на следующих занятиях. И как всегда попытаемся понять логику развития этой национальной художественной системы.

VII. Заключительное слово учителя.

Кто-то вывел следующую формулу: Man of logic is good, but it's not the best. В переводе это звучит так: «Человек логики – это хорошо, но это не есть лучшее».

Вот и мы, начиная цикл уроков, посвященных изучению традиционной культуры древнего и средневекового Китая, должны об этом всегда помнить.

Для народов Востока Китай всегда являлся средоточием могучей цивилизации. Для многих стран древней Азии он был таким же светочем, каким были Афины для античного мира. Философию, литературу, искусство и науку, созданную Китаем, знали в Индии и Японии, в Индонезии и Бирме, в Индокитае и Средней Азии.

Но старого Китая уже нет – есть новый Китай, с новой жизнью и культурой. Стоит ли сейчас совершать такое сложное и далёкое «путешествие» – знакомиться с культурой древнего Китая?

Новый Китай родился из Китая старого. «Не поняв того, что было, не поймёшь того, что есть» – гласит старая китайская пословица. И ещё говорят в Китае: «Не забывай прошлое: оно учитель будущего».

И наши уроки должны поспособствовать пониманию культуры «людей хань», как называют себя китайцы. Шаг за шагом мы попытаемся проникнуть в мир этой самобытной культуры, как когда-то рыбак – путешественник в незнакомую страну.

Домашнее задание: сочинение-миниатюра «Моё открытие Китая», «Что поразило меня во время пребывания в Китае», «Самобытная культура Китая» (по выбору).

ЛИТЕРАТУРА

1. Страна Хань. Очерки о культуре древнего Китая / под ред. Б.И. Панкратова. Ленинград: гос. изд-во дет. лит-ры мин-ва Просвещения РСФСР, 1959.

2. Ивлёв С.А.. Художественная культура Древнего Востока. Материалы для учителя МХК. Москва: ООО «Фирма МХК», 2001.

3. <http://ru.wikipedia.org/wiki>

**ТЕМА КИТАЯ НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ В 5 КЛАССЕ:
МЕТОДИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ К УРОКУ
ПО СКАЗКЕ Г.Х. АНДЕРСЕНА «СОЛОВЕЙ»**

Цели урока:

- выявить идейное содержание сказки Г.Х. Андерсена «Соловей»;
- развивать умения и навыки анализа литературного произведения;
- воспитывать чувство прекрасного, видение истинной красоты в природе, любовь к искусству;
- формировать уважение к культуре другой страны.

Ход урока

Учитель:

– Здравствуйте, дорогие ребята! Сегодня на уроке мы обращаемся к творчеству великого сказочника Ганса Христиана Андерсена, со сказками которого вы знакомы с детства.

Более ста лет тому назад в небольшом городке Дании – Оденсе, на острове Фюн, происходили необычайные события. Тихие, чуть сонные улицы Оденсе внезапно огласили звуки музыки. Процессия ремесленников с факелами и знаменами прошествовала мимо ярко освещенной старинной ратуши, приветствуя высокого голубоглазого человека, стоявшего у окна. В честь кого же жители Оденсе зажгли свои огни в сентябре 1869 года?

То был Ганс Христиан Андерсен, избранный почетным гражданином родного города. Чествуя Андерсена, земляки славили лучшего сказочника мира. Когда 4 августа 1875 года писателя не стало, в Дании был объявлен национальный траур. Прошли годы, и в Королевском саду в Копенгагене был установлен памятник Андерсену с надписью: «Воздвигнут датским народом».

Прошло более ста лет со дня его смерти, а сказки и истории датского писателя продолжают издаваться во всех странах мира.

По-разному приходит Андерсен к вам, ребята. То он тихонько прокрадывается в комнату и навевает вам, словно добрый волшебник Оле-Лукойе, чудесные сны. То сказка приплывает вместе с Дюймовочкой на листе кувшинки. Вас навсегда пленит любовь мужественной и нежной Русалочки. Но чаще всего сказка Андерсена смело и весело врывается в мир вашего детства: «Шел солдат по дороге: раз-два! раз-два!»

А сегодня к нам на урок сказка прилетит на крыльях маленькой птицы, соловья.

«Дело было давно, конечно, но потому-то и стоит послушать эту историю, пока она совсем не забудется!» - писал Андерсен.

- Почему, ребята, для автора так важно, чтобы эта история не забылась? Давайте же с вами перенесемся в мир сказки, которая так и называется – «Соловей».
- Где происходит действие сказки? (В Древнем Китае, в чудесном дворце императора).
- А что же было самым чудесным, чудом из чудес в его владениях? (Соловей)
- Знал ли император, что в его владениях живет соловей? (Нет)
- А кто во дворце знал об этом? (Бедная девочка-кухарка)
- Ребята, как же так получилось, что весь мир знал о соловье, о нем даже писали в кни-

гах, а император не знал? Не кажется ли вам, что соловей и обитатели дворца живут в каких-то разных мирах?

Давайте разделимся на группы. 1 группа нам расскажет о том, где живет соловей, а 2 группа расскажет об императоре и его придворных. (Ученикам предлагается таблица, которую они должны будут заполнить, пользуясь текстом сказки)

	Соловей	Император и его придворные
Где живут?	Густой лес	Чудесный дворец
Что видят?	Глубокие озера, берег синего моря, корабли, бедные рыбаки	Хрупкий дворец, до которого страшно дотронуться, стены и пол из драгоценного фарфора
Что слышат?	Шум моря, плеск волн, шелест листьев	Звон колокольчиков, привязанных к цветам

– Давайте подведем итог. Чем отличается окружающий мир соловья от мира императора? (Естественной красотой живой природы и искусственной красотой дворца).

– Итак, ребята, нетрудно догадаться, почему только бедная девочка знала, где живет соловей. Давайте прочитаем эпизод поиска соловья по ролям (Со слов «И вот все отправились в лес...» до слов «Он будет иметь огромный успех при дворе»).

– Как воспринял император пение соловья? Найдите ответ на вопрос в тексте сказки (Император был очень доволен, у него выступили слезы на глазах).

– Почему соловей отказался от награды? Подтвердите ответ текстом сказки («Я видел на глазах императора слезы – какой еще награды желать мне!»).

– Почему слезы на глазах императора дороже любого подарка? Кто еще плакал от пения соловья? (Бедная девочка: «Слезы так и текут у меня из глаз, а на душе становится так радостно, словно матушка целует меня»).

– Ребята, почему пение соловья вызывает слезы? Что такое пение? (Настоящее, красивое пение – это искусство, оно воздействует на человека и вызывает у него различные чувства. «Слезы – вот драгоценнейшая награда для сердца певца», - говорит соловей).

– Вспомните, как придворные дамы пели, подражая соловью. (Набирали в рот воды, чтобы она булькала у них в горле). Такое пение способно вызвать слезы?

– Однажды императору доставили большой пакет с надписью «Соловей». Так в сказке появляется еще один соловей. Что же это была за птица? Давайте каждому образу дадим характеристику, а потом сравним их.

(Учитель может сам заранее подготовить карточки с характеристикой птиц, которые ребята распределят по колонкам и сделают вывод. Это можно сделать у доски).

– Ребята, теперь давайте сравним, кто красивее? Кто лучше поет? Какие чувства вызывает у людей своим пением? Так чем же отличается живой соловей от искусственного? (Живой соловей внешне не красив, а красив внутренне. Живой соловей – это творение природы, а живой голос – это настоящее искусство. Искусственный соловей красив только внешне, внутри у него механизм, он – творение человеческих рук, подражание природе, истинному искусству).

– Мы выяснили, что же такое настоящее искусство? А сейчас давайте подумаем, в чем

заключается его сила? На что способно истинное искусство? (Механический соловей сломался, и император заболел. А живой соловей своей песней спас его от смерти).

– А мог ли искусственный соловей сделать это? (Нет, потому что только настоящее пение живого соловья способно победить смерть и даже те злые силы, которые живут в душе человека. Настоящее искусство делает человека лучше, чище, красивее).

– Как изменился император? (Он позволил соловью жить в лесу, позволил прилетать и петь песни, только тогда, когда сам соловей этого пожелает).

Игра – путешествие

1. Беседа:

– Какой строительный материал использовался в Китае? (фарфор);

– Назовите единицы измерения длины, какие названы в сказке? (далеко).

2. Изображение маршрута прогулки по саду императора (один ученик цветными мелками рисует на доске).

3. Проверка учеником-консультантом маршрутов.

4. Доказать, что сказка «Соловей» – это произведение о пользе чтения книг.

5. Найти в сказке строчки о том: а) каким видом спорта поневоле пришлось заниматься приближённому; б) кто самый правдивый человек по мнению китайского императора.

6. «Звуковое задание»: изобразить, как бы «пел» соловей во дворце, если бы его пошли искать молодые придворные без девочки-кухарочки? (мычание, кваканье)

7. Лексическое задание: на доске – четыре слова: *поза, бронза, брынза, бонза*. Записать их в тетрадь, объяснить значение слов и сказать, какое из них есть в сказке (*бонза*) – обращение к толковому словарю.

8. Изобразить восторг по-китайски.

9. Назвать полный титул искусственного соловья.

10. Конкурс на лучший мини-рассказ «Болезнь и чудесное исцеление императора» (3 – 5 предложений).

– Вот и закончилась сказка. Соловей спас от смерти императора, пообещал прилетать к нему и рассказывать о той настоящей живой жизни, которую не увидеть из стен дворца и которую не заменят никакие цветы с хрустальными колокольчиками. А дома я попрошу вас поразмышлять над темой урока и написать эссе на тему «В чем же заключается дивная сила искусства?» Подводя итог, давайте еще раз поразмышляем, почему Андерсен просил нас не забывать эту сказку? (Потому что эта сказка очень интересна и поучительна. Лишенный блеска соловей оказывается сильнее и свободней самого императора. А основная идея сказки заключается в бессмертии подлинного искусства и невозможности его замены механизмом).

ЛИТЕРАТУРА

1. Андерсен Х.К. Сказки. Истории: Пер. с дат./Вступ. ст. К. Паустовского. Сост., коммент. Л.Ю. Брауде. М.: Просвещение, 1988.

2. Кутузов А.Г. Как войти в мир литературы. 5 кл.: Методическое пособие / А.Г. Кутузов, А.Г. Гутов, Л.В. Колосс; Под ред. А.Г. Кутузова. 6-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2002.

3. Моисеев М.В. Путеводитель в мире литературы. 5 класс: Метод. пособие. М.: Дрофа, 2004.

**ОБУЧЕНИЕ ИНОЯЗЫЧНОМУ ОБЩЕНИЮ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР
(ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ С КИТАЙСКИМИ СТУДЕНТАМИ)**

Культура во всем многообразии значений этого слова является целью и содержанием обучения иностранных студентов. Предметом иноязычного учебного общения становится изучение духовной и материальной культуры страны изучаемого языка как части мировой культуры, культуры взаимодействия индивида и государства, общества и природы, культуры общения как инструмента достижения взаимопонимания между людьми.

Обучение иноязычному общению в контексте диалога культур предполагает, что коммуникативное развитие студентов средствами иностранного языка способствует формированию у них коммуникабельности, речевого такта, непредвзятости в мнениях и оценках, готовности к совместной деятельности с людьми различных взглядов независимо от их этнической, расовой и социальной принадлежности. Оно создает предпосылки для изучения культуры народа – носителя языка.

Принцип обучения иноязычному общению в контексте диалога культур создает условия для изучения культуры страны и человека изучаемого языка с опорой на мировую культуру.

Введенный в образовательный стандарт курс лингвострановедения выполняет не только коммуникативную, познавательную, нормативную и информационную функцию, но и гуманистическую, направленную на формирование личности обучаемого. Курс лингвострановедения позволяет проводить практические занятия с использованием активных форм обучения. Остановимся на одной наиболее интересной, как показал наш опыт работы на международном факультете Благовещенского государственного педагогического университета, форме занятий – проведение «круглого стола» при изучении курса лингвострановедения.

Тема занятия: «Характер русского и китайского народов»

Участники круглого стола – студенты 3 -го курса международного факультета

Цели занятия:

1. Методические:

- а) развитие навыков общения студентов-иностранцев при обсуждении интересной, доступной и необходимой для них темы;
- б) отработка некоторых приемов сотрудничества со студентами на таком типе занятия;
- в) определение уровня их подготовки и степени владения свободной незатрудненной речью.

2. Воспитательные:

- а) привитие уважительного отношения к русским и России, в которой они получают знания;
- б) воспитание толерантности как необходимой черты во взаимоотношениях между народами в современном мире;

- в) обучение этике дискуссионного общения и этике взаимодействия с людьми, придерживающимися различных взглядов и принадлежащими к различным вероисповеданиям;
- г) коммуникативное и социокультурное развитие личности обучаемого, подготовка его к межкультурному общению.

Виды организационной деятельности:

- предварительное написание студентами работ по определению национальных черт характера китайского народа;
- работа с текстовым материалом по учебному пособию А.К. Перевозниковой «Лингвострановедение. Россия: страна и люди. Учебное пособие для изучающих русский язык как иностранный» (М., 2006);
- подготовка мультимедийных презентаций по теме и демонстрация их на занятиях.

Важным является расположение студентов и преподавателя в аудитории за круглым столом, что позволяет студентам видеть друг друга, вести беседы глаза в глаза.

Виды речевой деятельности: чтение, говорение, аудирование.

Рефлексия: свободное использование пословиц по изучаемой теме, новой лексики, перевод ее из пассивного в активный запас.

Подготовка к проведению круглого стола велась в течение нескольких занятий. На предыдущих двух занятиях студенты изучали тему «Загадочная русская душа». По толковым словарям они познакомились со значением слова **душа** и устойчивыми сочетаниями с этим компонентом. Они выявили, что душа – это:

- 1) внутренний, психический мир человека, его переживания, настроения, чувства. Он *открыл мне свою душу. У него щедрая душа.*
- 2) Совокупность характерных свойств, черт, присущих личности; характер человека, народа, нации.
- 3) Перен. Вдохновитель чего-нибудь, главное лицо. Он – *душа общества.*
- 4) О человеке (обычно в устойчивых сочетаниях при указании на количество). *В доме ни души.*
- 5) Основное, главное, суть чего-либо. *Он умел передать душу песни.*
- 6) В старину: крепостной крестьянин. *У помещика было около двухсот душ.*
- 7) Дружеское, фамильярное обращение. *Душа моя, спой еще!*

Студенты осмыслили новое слово **менталитет** в значении «определенный уровень и способ мышления, мировосприятия и связанный с ним комплекс жизненных ценностей, культуры, поведения». Им стали понятны словосочетания **национальный менталитет, менталитет русского народа, менталитет китайского народа** и т.д. Используя учебное пособие А.К. Перевозниковой, студенты дома изучили тексты известных русских философов XX в. Н.О. Лосского, Н. Бердяева, историка И. Ильина, ответили на вопросы, выполнили предтекстовые и послетекстовые задания.

Ход занятия

Задание 1. Вспомним определение слова «душа». Как вы понимаете слова Михаила Пришвина: «Душа – это внутренний мир человека, это то, что он сам знает о себе. С точки зрения философа я бы сказал, что душа есть совокупность знаний человека о себе, душа – некая сущность, обитающая в теле»? В каком значении употребил Пришвин слово душа?

Задание 2. Экспресс-опрос. Определите значение пословиц со словом **душа**. Подберите к ним синонимы. *(Один студент называет в быстром темпе устойчивое сочетание со словом **душа**, другой толкует его путем подбора однословного синонима).*

Душа ушла в пятки – испугался.

Душа не на месте – волнуется.

Душа не лежит – не нравится.

Делает с душой – с большим желанием.

Взял грех на душу – совершил преступление.

Поговорить по душам – откровенно.

Душа нараспашку – открытая. С этим человеком легко общаться, у него душа нараспашку

Отдал Богу душу – умер.

Живут мои родители душа в душу – в согласии и дружбе.

Он влез в мою душу – пытался узнать тайну.

Задание 3. Студент Му Санье назовет ситуации, когда русские используют устойчивые сочетания со словом **душа**. Назовите эти устойчивые сочетания. *(От студентов требуется быстрый ответ, так как это повторение материала и подготовка группы для активного дальнейшего общения).*

1. Когда поступки человека непонятны, русские говорят... (**чужая душа – потёмки**).

2. Если русский делает что-то с большим желанием, вдохновением, значит он... (**делает с душой**).

3. Если русский делает что-то без желания, без воодушевления, без подъёма, значит он... (**делает без души**).

4. О человеке хорошо, отзывчиво говорят... (**душа – человек**).

Задание 4. Преподаватель: Сегодня у нас заключительное занятие, на котором мы будем говорить о характере русского и китайского народов. Дома вы работали над текстами выдающихся русских ученых, общественных деятелей, которые определяли основные черты характера русского народа. Вы выписали эти черты. Давайте вспомним и ответим на следующие вопросы:

1. О каких чертах характера говорят русские философы XX в. Н.О. Лосский и Н. Бердяев, историк И. Ильин, учёный Д. Лихачев?

(Далее идёт компьютерная презентация на экране, которая помогает студентам осмыслить рассуждения выдающихся людей. Два студента работают у доски, попеременно читая текст).

У каждой нации, государства, народа есть душа. **Русский народ:**

1. Трудолюбив и одарён. Природная смекалка, изобретательность, чуткое восприятие красоты и артистичность.

2. Любовь к свободе, постоянное стремление к поиску правды и справедливости. Весь тысячелетний путь исторического развития России отмечен непрерывной борьбой русского народа за свое социальное освобождение и независимость. **Но другая сторона** свободы – склонность к **анархии**.

3. Могучая сила воли, смелость и мужество. Всепоглощающая страстность, рискуют собственной жизнью в имя высокой цели. Примеры – героизм в годы Великой Отечественной войны.

4. Религиозность и искание абсолютного добра. Отсюда доброта, жертвенность, бескорыстие, благожелательность, смирение, великое терпение.

5. Доброта и гуманность, душевная мягкость. Доброта русских свободна от какой-либо корысти, от сентиментальности, непосредственное участие в чужом горе. Эту черту характера Достоевский назвал «всемирной отзывчивостью».

Но – вследствие поиска правды иногда русским трудно договориться. В организациях, партиях легко возникают расколы.

6. Противоречивость и впадение в крайности, небрежность и леность – отрицательные черты русского народа.

Н. Бердяев, русский философ XX в.: «Русский народ есть высшей степени поляризованный народ, он есть совмещение противоположностей. Им можно очароваться и разочароваться...». В России сталкиваются два потока мировой истории – Восток и Запад. Русский народ не есть чисто европейский и не чисто азиатский. Он соединяет в себе два мира Востока-Запад. Отсюда противоречивые черты характера: доброта и склонность к насилию, мягкость и национализм, искание Бога и воинствующее безбожие

И. Ильин, русский историк: «Даровит русский народ. Может из ничего создать чудесное. Не ценит русский человек своего дара, не любит напряжения, проматывает свое состояние».

Д. Лихачёв: ...Безотчетное стремление отдавать всего себя какому-либо святому делу...

Задание 5. Объясните, как вы поняли следующие фразы. Выразите свое согласие или несогласие с данными утверждениями, используя речевые обороты:

Это не совсем так...

Это совершенно верно...

Действительно...

1. «Русский народ есть в высшей степени поляризованный народ, он есть совмещение противоположностей, им можно очароваться и разочароваться».

2. «Религиозность и искание абсолютного добра. Отсюда доброта, жертвенность, бескорыстие, благожелательность, смирение, великое терпение».

3. «Всемирная отзывчивость» русского народа.

4. «Талантливость и изобретательность, теоретический и практический ум русского народа проявляется как в повседневной жизни, так и в создании высоких образцов культуры».

Задание 6. Закончите предложения, используя информационный текст:

1. Русскому народу свойственны...

2. Исторический путь России отмечен упорной и непрерывной борьбой русского народа за...

3. Многие черты русского народа формировались под влиянием...

4. Доброта русского человека выражается в...

5. Умение понять другого человека и прийти ему на помощь называется....

6. Русскому человеку присущи такие отрицательные черты характера, как...

Задание 7. Прочитайте выдержки из статьи китайского журналиста, проработавшего в Москве более 10 лет в годы так называемой «перестройки» **«10 признаков россиянина»** (АИФ, 2000). *(Презентация. Экран. Читают два студента по очереди).*

Ван Сяньцзюй (китайский журналист):

1. Мощный творческий потенциал. Истории цивилизации России, насчитывающая 1300 лет, отмечена появлением множества высоко одаренных людей. Среди них М.В. Ломоносов, Д.И. Менделеев, открывший периодический закон химических элементов, «отец» ракеты Циолковский, корифей литературы Л.Н. Толстой, композитор П.И. Чайковский и другие

2. Мужество, стремление к победе. Их противниками были татаро-монголы и турки, французы и немцы, шведы и японцы, и во всех войнах русские побеждали.

3. Стремление к лидерству в мире.

4. Небрежность в малых делах и собранность – в больших. В обычное время кажется, что русские излишне беспечны. Однако, когда решается судьба страны, они смело вступают в борьбу, проявляя бесстрашие. Эта нация имеет огромную силу внутреннего сцепления, способна одолеть любого врага.

5. Повышенная возбудимость, необдуманная поспешность в действиях.

«Какой же русский не любит быстрой езды?» – эту фразу Гоголя любят повторять русские, сидя за рулем. Россияне всегда спешат решить свои проблемы. Они не любят вести трудные длительные переговоры.

6. Однобокий способ мышления. Если они отрицают Сталина, то полностью. Если отрицают социализм, то не хотят видеть в нем ничего хорошего, всё только в мрачном свете.

7. Любовь к крайностям и противоречивость. Представитель этой нации может восхитить своей образованностью, интеллектом, и он же может вызвать глубокое разочарование ленью, любовью к выпивке, беспечным отношением к своим обязанностям.

8. Чувство юмора. Встретятся два человека и сразу же начинают анекдоты рассказывать. Чувство юмора связано с их романтическим характером, высокой степенью образования и культуры воспитания.

9. Чувство собственного достоинства. Русский не даст себя в обиду никогда. Этому народу не свойственно преклоняться перед иностранщиной, он не раболепствует.

10. Освобождение от гнёта. После распада Советского Союза произошли резкие изменения в характере россиянина. Главное желание в настоящее время – собраться с силами и вновь начать готовиться к созданию могучего государства. Развитие рыночной экономики, завоевание свободы освободили их сознание от предрассудков.

Задание 8. Ответьте на вопросы: *(В это время обе презентации на экране)*

1. Что общего в характеристике черт характера русского народа у китайского журналиста и русских ученых?

2. Что нового о русском характере, русской душе, русском менталитете вы узнали из статьи китайского журналиста?

3. Почему возникли различия в характеристике черт характера у русских философов и у китайского журналиста? С чем вы согласны и что вызывает ваше сомнение?

Задание 9. Преподаватель: Давайте познакомимся для сравнения с основными чертами характера китайского народа. Что у нас общего и что различает эти два великих народа? Китайцы сами о себе расскажут. *(Студенты рассказывают (не читают!) свои домашние сочинения. Стил ь и лексика их рассуждений в основном сохранены. Взгляд молодых китайцев на свой народ разный, и это, пожалуй, самое ценное и интересное).*

Лю И (Илья) подготовил компьютерную презентацию, рассказывает с опорой на экран.

Китай имеет длительную историю своего развития. Он пережил расцвет и падение. Многовековая история Китая сформировала национальный характер китайского народа.

1. Главная черта у китайского народа – **трудолюбие**.

Именно **трудолюбие** позволило создать древнюю цивилизацию

2. Другая черта – **любовь к своей родине и милосердие**. Когда три года назад случилось землетрясение, все люди активно участвовали в спасении пострадавших и восстановлении города.

3. Самое важное для китайцев – **семья**. В Китае младшие не просто уважают старших, а относятся с глубоким почтением. Супруги должны советоваться друг с другом, поддерживать друг друга. Супруг, как правило, обеспечивает семью материально, а жена воспитывает детей. Китайцы считают: счастливая семья приносит пользу работе и профессии.

4. Китайцы очень **терпеливые** люди, поэтому **терпение** тоже можно отнести к свойствам характера. Конфуций предлагал идею гармонии, это значит, что люди должны понимать друг друга. Сейчас в Китае наблюдаются гармоничные отношения, а без терпения невозможно установить гармонию.

5. **Изобретательность**. Китайцы уделят внимание открытиям в области науки, экономики, политики.

6. Нельзя не отметить и такую черту у китайцев, как **хитрость**. Иностранцы считают, что китайцы очень хитрые люди. И это ставится им в минус. Мне кажется, что хитрость имеет положительное и отрицательное значение. Всё зависит от совести. Если человек получает успех в области профессии с помощью ума и хитрости, его успех не разрушает прибыль другого человека, то это положительное качество. А если человек хитростью обманывает другого человека, нанося ему вред, это отрицательное качество.

Мы вошли в XXI век. Наша жизнь изменяется. Меняется и характер китайцев. Поэтому мы должны анализировать характер, исходя из современной ситуации.

У Ли (Лина) высказывает свои мысли без опоры на текст.

У каждой нации, государства, народа есть душа. Характер такой души отличается от характера другого народа. Пытаясь дать характеристику китайских людей, приходится говорить о тех общих свойствах, которые чаще всего встречаются у китайцев.

1. Прежде всего, китайский народ очень **трудолюбив и одарён**. Он обладает множеством талантов и способностей во всех областях жизни. Ему свойственны **природная смекалка, изобретательность, творчество, чуткое восприятие красоты и артистичность**. Трудом и талантом китайского народа в процессе его исторической деятельности были изобретены компас, порох, бумага, полиграфия.

2. К числу первичных свойств китайского народа относится **любовь к родине, к справедливости и любовь к семье**. Об этом говорят пословицы: **мирная семья всегда будет процветающей. Семья для китайцев – важнейшее дело. Устроить семью – построить дело, т. е. построить положение в обществе.**

3. Наиболее глубинная черта китайского народа – **его аккумулятивное, стремление к накоплению**. Китайцы любят аккумулятивировать. Это связано с традициями: родители должны копить для имущества детей. Это передается из поколения в поколение.

4. С другой стороны, китайский народ не всегда **умеет наслаждаться жизнью, красотой природы, не испытывает радость жизни**, потому что постоянно трудится, стремится к накоплению богатства.

5. Для китайского народа характерно также **соблюдение этикета. Уважение к старости воспитывают с детства**. Это связано с учением Конфуция: строгая социальная иерархия и моральные правила. Конфуций считал, что в основе общества должно лежать пять отношений: между правителем и сановником, отцом и сыном, мужем и женой, старшим и младшим, родственниками и друзьями. Во всех случаях младший должен слушаться старших. Конечно, сейчас уже не так строго соблюдаются эти правила. Это хорошо, когда есть порядок в жизни. Однако жесткие правила тормозят развитие мышления: трудно отступить от этих правил, вырваться из этих рамок.

6. Можно назвать еще одну черту: **загадочность китайца**. Они часто разговаривают загадками, т.е. не прямо говорят, что хотят высказать, а косвенно. На самом деле это глубокое учение, элемент культуры китайского народа.

7. Для китайского народа характерна ещё **взвешенность в принятии решений, они стремятся четко выделять, что важно, что второстепенно**. Есть китайская пословица: **три раза подумай, а потом сделай**. Это позволяет повысить успех в делах. (Лина)

Му Сань (Юра):

Я бы хотел отметить такие общие черты характера китайского народа:

1. Китайцев **отличает обостренное чувство собственного достоинства** в отношениях с иностранцами. Они должны любой ценой сохранить «свое лицо» и избежать публичного признания своей неправоты. Любая негативная реплика иностранца, обращенная к китайцу, может быть воспринята как желание унижить его. При ведении полемики, спора с китайцами не надо ставить его в неловкое или безвыходное положение и не загонять в тупик. В такой ситуации он теряет «свое лицо» и постарается прервать с вами любые отношения.

2. Китаец **высоко ценит уважение иностранцем китайских традиций**, интерес к истории, культуре и языку. Даже умение иностранца пользоваться палочками для еды вызывает у китайцев положительные эмоции.

3. В Китае **существует обычай обязательно спрашивать мнение гостя о работе, изделиях хозяев или осмотренном объекте**. В буквальном переводе с китайского языка такое выражение означает просьбу высказать своё «драгоценное мнение». Оно относится к традиционному ритуалу. Демонстрация вежливости и уважение имеет формальный характер. Попытка иностранца прокомментировать увиденное и услышанное критически, по китайским понятиям, является дурным тоном, проявлением невоспитанности.

Ян Су (Яна):

Хочу добавить к тому, что сказала Лина. Да, китайский народ **трудолюбив и одарён**. В настоящее время китайцы современны и модны, шагают в ногу со временем. Мы любим друг друга, помогаем друг другу. Высокие свойства китайского народа – **чуткость и смелость**.

В Китае традиционно с глубоким уважением относятся к старикам, очень любят детей.

Еще одна черта китайского народа – **скромность**.

В настоящее время в Китае появляются новые традиции и новые черты характера. Это еще надо изучать.

Фэн Или (Миша):

Китай имеет богатую историю. И за все это время **народ Китая был трудолюбивым и гордым**.

Китайский народ любит мир, люди живут в мире общения в середине.

Это из китайского даосизма: быть в середине, где-то выиграть, а где проиграть. Сейчас люди больше хотят выиграть, и в этом плане отходят от мышления даосизма

Ван Ли (Лена):

1. Характер китайца **эгоистичный, занятия с ними недоступны**. Например: каждый год в Ханчжоу устраивается шествие: многие студенты ходят вокруг озера, в результате получают заторы на дорогах. Я иду на работу, пройти этот маршрут трудно, я опаздываю на работу, с меня удерживают заработную плату. С другой стороны, что мы делаем, как я живу, всем все равно.

2. Опportunистический, как везение, нравится испытывать свою удачу. Частный предприниматель как опportunист, как подлог, как лазейка, чтобы уйти от налогов. Так, много торговцев заинтересованы в не вполне законной торговле, азартных играх, лотерее удачи и не думают о других практических способах заработать деньги.

3. В сельской местности: если ты не построил дом, теряешь свое лицо, тебя начинают презирать.

4. Родительский авторитет, авторитет старейшин, учителя, лидера.

5. Терпеливость во многих делах

Юань Вэньчао (Олег):

1. **Традиция** стала основной частью структуры национального характера, национальной психологии китайца. Традиция стала моделью нашего поведения, вошла в плоть и кровь китайца.

2. Главной чертой национального характера считают **рационализм**. Ключевыми словами для китайца во все времена было слово **польза**. Это объясняется тем, что в традиционных китайских учениях отсутствовало религиозное начало. В единении природы и человека не было мистического поклонения природе, а была необходимая, естественная разумная связь, соотношение друг с другом. Человек сам может изменить себя, с **пользой** устроить, употребить свои возможности, знания, способности и по отношению к себе и по отношению к природе и обществу. Мудрецы, а за ними и все остальные рассуждали не о том, что есть истина и ложь, что есть Мир, а о том, как их **использовать** в человеческих отношениях, как воздействовать на Правителя и его политику. Современный китайский философ Ли пишет: «китайцы более конкретны, более реально относятся к миру и людям. Они не верят в Бога, загробную жизнь. Они контролируют чувства мыслью». Отсюда сугубый **прагматизм** китайцев. Они решают практические, конкретные проблемы.

Зоя (Чжан Минюэ):

В последнее время мы много слышим о достижении Китая в развитии экономики, техники и науки.

Как известно, в Китае вместо привычного алфавита используют иероглифы. **Благодаря этому население изолировало себя от вторжения иностранной культуры.** Все чужеземные слова китайцы переводят своими иероглифами, придавая свой характерный окрас.

Основная часть истории Китая была скрыта от нас. Но это не помешало британским ученым выделить и объяснить особенности характера китайцев, а именно: **терпение, сплоченность, патриотизм, щедрость друг к другу, дисциплинированность, коллективизм, настойчивость.** Простые китайцы в давнее время жили большими общинами на маленьком клочке земли, что требовало удовлетворить в первую очередь интересы коллектива, а потом свои личные.

Еще у китайцев есть такая черта, как **завышенная самооценка.** Они считают себя самой развитой нацией, высшей над остальными, мотивируя это тем, что их история и жизненный опыт насчитывает более 7000 лет. Хотя историки это опровергают. Тем не менее, эта черта характера позволила воспитать в каждом жителе нашей страны любовь в родине, настоящий патриотизм.

Вера (Ли Кунь):

Китайская народная Республика – великая страна. В Китае живет 56 национальностей. Характер китайцев: они **добрые, дружные, смелые, трудолюбивые, сильные, умные.**

Семён (Чжан Цзяньфэй):

Что такое характер? Это черты, способы действия, говорения и размышления. А что такое национальный характер? Это черты, принадлежащие всему народу, отличают одну нацию от другой, похожей на вид. Черты одной нации должны быть безраздельными и монополярными. Говорят, что китаец трудолюбивый, а разве русский ленивый? Говорят, что китаец хитрый, а русский тупой?

Это мораль. Что вы хотите узнать о национальном характере китайца? Вы лучше сами ищите ответ. Купите карту и наблюдайте. Секреты прячутся в реках, под землей, в горах. Это вам подсказка. Китаец уважает закон Природы.

Рома (Ля Сюй):

Здравствуй Н. П. Шенкевец! Слышал, что поедете в Китай. Когда вы на самолете встретите людей с черными волосами, желтой кожей, не очень высокого роста, это не обязательно китаец. Он может быть японцем или корейцем. Россиянину трудно различить. Я сейчас объясню, как различить: среди трех народов желтой расы самый богатый – это японец, самый красивый – это кореец, самый умный – это китаец.

Что китаец больше всего любит? По-моему, землю и квартиру. Он считает, что человек зарабатывает на жизнь. Китаец любит копить деньги, передает их своему сыну, потом внукам и т. д. своим трудом.

Задание 10. Познакомьтесь с мнением русских людей о китайском характере. (*Презентация. Экран. Работают два студента*).

Русские отмечают:

1. Трудолюбие китайского народа.

Однако в настоящее время есть немало представителей среди китайской молодежи, которые не любят и не хотят трудиться, а живут за счет своих родителей. Прежде всего это относится к студенчеству.

2. **Предприимчивость.** Китайцы найдут выход из любой ситуации. Однако предприимчивость зачастую связана с присвоением чужих открытий, результатов чужого труда.

3. **Доброжелательность и гостеприимство.** Если они встречают друга, то выкладываются полностью.

4. **Неопрятность, нечистоплотность.** Они могут оставлять после себя мусор, плевать где угодно, не соблюдать элементарные правила порядка.

5. **Законопослушность** в своей стране и несоблюдение или игнорирование законов другой страны, в которой проживают временно.

6. **Склонность к обману, иногда и ненужному.** Главное – перехитрить, обмануть партнёра по бизнесу.

7. **Навязчивость и бесцеремонность в общении с иностранцами**

Особенно это проявляется в городах, где много иностранных туристов. В роли «помогаек» готовы выступить многие.

8. **Умение быть благодарными.** Если они знают, что человек сделал для них многое, то обязательно отблагодарят.

9. **Предупредительность и милосердие.** Китайцы хорошо чувствует настроение другого человека, умеют вовремя его поддержать морально и материально.

10. **Иногда полное равнодушие к своим соотечественникам** (из наблюдений за общением студентов, предпринимателей, живущих в другой стране).

11. **Закрытость, неоткровенность.** Никогда не узнаешь, что замышляет китаец, каковы его мысли.

(Мы произвели опрос россиян, общающихся с китайцами: студентов, преподавателей, работающих с китайскими студентами, предпринимателей, так называемых «кирпичей», туристов и др. Это их суммированное мнение. Китайцы неоднозначно приняли мнение русских. Но в целом согласились).

Задание 11. Выскажите своё мнение:

1. В чём вы можете согласиться с мнением русских о чертах китайского народа?
2. Какие формулировки вызывают ваше сомнение?
3. С чем вы абсолютно согласны или не согласны?

Задание 12. Посмотрите мультимедийную презентацию, самостоятельно подготовленную Ван Ли (Леной), о чертах русского и китайского народов в сопоставлении. Выскажите своё мнение об этой презентации, её содержании.

Ван Ли подготовила хорошо иллюстрированную презентацию. Каждый слайд сопровождался цветными фотодокументами. Она выделила такие общие черты русского и китайского народов, как любовь к родине, изобретательность, любовь к детям, гостеприимство, преодоление трудностей (показала фотодокументы – взрыв в московском метро и землетрясение в Китае), уважение к женщине, уважение к старшим. Ван Ли назвала и отличительные, по ее мнению, черты: эгоизм китайцев, отношение к чужому; китайцы любопытны, россияне не всегда; не сравнимы жители сельской местности в России и в Китае.

Китайцы обязательно строят дома, даже в долг, иначе они потеряют своё лицо, россияне не всегда это делают.

Задание 13. Студенты подготовили стихи по теме нашего занятия. Подумайте, чем отличаются высказывания философов и историков от высказываний поэтов? Какая главная черта реализуется в стихотворении А.К. Толстого?

Читает Цао Дзяньфэй (Женя)

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнут, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж сплеча!
Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль простить, так все душой,
Коли пир, так пир горой. (А. К. Толстой)

Читает Ян Су (Яна)

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить,
У ней особенная стать,
В Россию можно только верить. (Ф. Тютчев)

Таким образом, на занятии, проведенном в форме круглого стола, были реализованы все задачи, поставленные нами. Занятие было открытым, присутствовало восемь преподавателей, которые высказали одобрение подобной форме работы с иностранными студентами, а сами студенты уже после занятия сказали: «Давайте чаще проводить такие занятия. Мы очень хорошо работали и узнали много нового». Большой текстовый материал и упражнения были полностью реализованы в ходе работы, благодаря компьютерным презентациям, которые готовили сами студенты.

Методика преподавания китайского языка

Н.В. Добровольская

РОЛЬ ИГРЫ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

Как сделать занятие интересным, увлекательным и добиться того, чтобы оно развивало познавательный интерес, творческую и мыслительную активность студентов? Среди разнообразных приемов организации занятий наибольший интерес у студентов вызывают игры, игровые ситуации. Игра является действительным инструментом преподавания, который активизирует мыслительную деятельность обучаемых, позволяет сделать учебный процесс привлекательным и интересным. Это мощный стимул к овладению языком.

Об обучающих возможностях игр известно давно. В любой игре проявляются полно и неожиданно способности человека. Игра – особо организованное занятие и всегда предполагает принятие решения – как поступить, что сказать, как выиграть? Это увлекательное заня-

тие привлекает многих – преподавателей и их студентов. Порой «слабые» студенты становятся увлечёнными в процессе игры, активно проявляют себя, своё индивидуальное «Я».

Игра – это один из методов совершенствования умений общаться на иностранном языке. Игру можно рассматривать с различных точек зрения, в зависимости от ее конечной цели. Игра активизирует стремление ребят к контакту друг с другом и преподавателем, создает условие равенства в речевом партнерстве. Важно также, чтобы преподаватель умел увлечь, заразить студентов игрой. Место игр на занятии и отводимое им время зависят от ряда факторов: подготовки студентов, изучаемого материала, конкретных целей, условий и т. д. Индивидуальные и тихие игры можно выполнить в любой момент занятия. Коллективные желательно проводить в конце занятия, поскольку в них ярче выражен элемент состязательности, они требуют подвижности и т.д. Что касается фиксации ошибок во время игры, то желательно, чтобы преподаватель делал это, не отвлекая студентов, осуществляя анализ после окончания игры. Подбадривание учащихся, поощрение их деятельности необходимы для устного протекания игры, создания правильных межличностных отношений в коллективе.

Кроме того, игры способствуют выполнению важных **методических задач**:

- 1) созданию психологической готовности студентов к речевому общению;
- 2) обеспечению естественной необходимости многократного повторения ими языкового материала;
- 3) тренировке выбора нужного речевого варианта, что является подготовкой к ситуации спонтанности речи вообще.

Игры подразделяются на грамматические, лексические, фонетические и орфографические, которые способствуют формированию речевых навыков. Овладение грамматическим материалом, прежде всего, создает возможность для перехода к активной речи студентов. Известно, что тренировка учащихся в употреблении грамматических структур, требующая многократного их повторения, утомляет ребят своим однообразием, а затрачиваемые усилия не приносят быстрого удовлетворения. Игры помогут сделать скучную работу более интересной и увлекательной. За грамматическими следуют лексические игры, логически продолжающие «строить» фундамент речи. Фонетические игры, предназначены для корректировки произношения на этапе формирования речевых навыков и умений. А формированию и развитию лексических и произносительных навыков в какой-то степени способствуют орфографические игры, основная цель которых освоение правописания изученной лексики.

Необходимо учитывать, что игровые ситуации должны соответствовать следующим критериям:

- новизне;
- близости к естественному общению;
- интересу;
- познавательности;
- практической направленности.

На начальном этапе игровые ситуации выполняются на элементарном уровне, что дает возможность студентам проявить свои знания, проверить свои возможности во время беседы (тематика «Знакомство», «Приветствие», «Семья», «Друзья» и т. д.). Эти темы расширяются при изучении их в вузе с постепенным усложнением задачи стимулируя, таким образом, речевое общение на более высоком уровне, формируя мотивацию и повышая интерес к изучению китайского языка. На втором этапе игровые ситуации выполняются уже на продвинутом уровне, с привлечением лексического материала, связанного со специальностью студента,

что также является дополнительным стимулом изучения этого языка (рассказ через «переводчика» о своем вузе, учебе, о своей будущей профессии, составление маршрута путешествия).

На третьем этапе игровые ситуации выполняются на профессиональном уровне (прием делегации, проведение конференции, заключение договора и т. д.). На этом этапе студенты, используя все полученные знания, ведут деловую беседу с деловыми партнерами. Это особенно интересно для студентов старших курсов.

Рассмотрим несколько игр на совместную речевую деятельность и коммуникативное взаимодействие, которые применяются автором в процессе обучения китайскому языку у студентов экономического факультета специальности «Социально-культурный сервис и туризм» Амурского государственного университета. Так, например, при изучении темы «Путешествие» можно использовать следующие игры:

1. Выходные. Цель: активизация навыков и умений дискутирования, обсуждения, аргументирования, объяснения на китайском языке. Ход игры: участники игры разрабатывают маршрут за город и план проведения выходного дня. Каждая группа обсуждает и представляет свой план, при этом учитываются различные условия (места посещения, сумма денег, выбор транспорта и т. п.).

2. План города. Цель: активизация навыков и умений вопросно-ответного взаимодействия. Ход игры: участники образуют пары. Каждый из играющих получает вариант плана города, на котором недостает каких-либо названий или не указаны какие-либо достопримечательности. Задавая друг другу вопросы, играющие устанавливают названия улиц, местоположение достопримечательностей. Они также должны описать дорогу к этим местам от заданной исходной точки.

3. Один день в Пекине. Цель: активизация монологической речи в предлагаемой ситуации и практика порождения связного развернутого высказывания. Ход игры: играющим задается ситуация: экскурсия по городу. Каждому студенту или группе предлагается сначала назвать достопримечательности города, затем выбрать те из них, которые они хотели бы посмотреть в течение одного дня, а также объяснить свой выбор.

Подготовленные игровые ситуации:

- 1) обучают умению слушать и слышать;
- 2) обучают адекватно реагировать на речь собеседника;
- 3) позволяют свободно оперировать изученными речевыми клише;
- 4) носят естественный характер, устраняя напряженность в процессе высказывания;
- 5) развивают интерес к изучению и практическому применению китайского языка.

Таким образом, роль игры в процессе обучения китайскому языку студентов неязыкового вуза очень важна. Игровые ситуации способствуют не только развитию умения и навыков студентов ведения диалогов на разную тематику с разными партнерами, но и позволяют сделать простые повседневные занятия более интересными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Высшее образование в России. М. №12. 2007.
2. Маслыко Е.А. Настольная книга преподавателя иностранного языка. Мн.: Выш. шк., 2001.
3. Методика преподавания иностранных языков в вузе. Сборник статей. МГПИИЯ, 1998.

ФОРМИРОВАНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ У УЧАЩИХСЯ СТАРШИХ КЛАССОВ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Существование в современном мире отличается многообразием, противоречивостью и вместе с тем взаимозависимостью процессов и явлений. Этим определяется актуальность и высокая востребованность толерантности в отношениях между людьми, которая жизненно важна во всех составляющих современного общества. Проблемы толерантности становятся наиболее актуальными в наши дни, с одной стороны, в связи с интенсивностью интеграции России в мировое сообщество, значительным расширением масштабов межкультурного взаимодействия, динамичным ростом социального запроса на деятельную, открытую личность, проявляющую ценностное отношение к другим людям и их взглядам; и, с другой стороны, в связи с сохранением в обществе негативных проявлений националистических настроений, ксенофобии.

Система образования, обладая уникальными возможностями по расширению знаний о других, непохожих на нас людях, их взглядах, культуре, в качестве одной из важнейших задач выдвигает проблему формирования толерантности у подрастающего поколения.

Особая роль в этом отводится школе, где складываются взгляды на мир и ценностные ориентации молодых поколений, накапливается личный опыт общения. В связи с этим перед современной школой сегодня стоят непростые задачи – это, во-первых, максимальное использование потенциала учебных дисциплин, имеющих в базовом школьном курсе, во-вторых, внедрение в реальную школьную практику программ, направленных на формирование у учащихся толерантности как важного свойства личности будущего выпускника, способного достойно представлять свою страну и проявлять уважение к другим народам в процессе межкультурного взаимодействия.

Однако существующая система школьного образования не обеспечивает в полной мере ее формирования. Поэтому проблема формирования толерантности у школьников остается одной из важнейших задач современного образования.

Анализ философских, психолого-педагогических, социологических трудов показывает, что исследование педагогических аспектов проблемы толерантности и ее формирования значительно расширилось в последние годы, но недостаточно разработаны вопросы формирования толерантности в условиях школьного языкового образования, а специфика предмета «Иностранный язык» включает необходимость подготовки учащихся к преодолению взаимного непонимания между людьми, обусловленного различиями языков и культур, превратив языковой барьер в источник широкого диалога-сотрудничества.

Принимая во внимание, что особенность предметов гуманитарного цикла, к которым относится и китайский язык, заключается в преимущественной ориентации на метод презентации учебного знания, возможности этого знания быть представленным именно таким образом и наличие таких личностных механизмов у ученика, которые бы «резонировали» учебному материалу и деятельности по его поводу [1], мы сочли необходимым использование потенциала предмета «китайский язык» для отбора учебных материалов, затрагивающих проблемы духовных, культурных, интеллектуальных, материальных ценностей по поводу фактов, явлений, имеющих неоднозначную трактовку, и способных вызвать у учащихся но-

вые эмоции, чувства, новое видение ситуации. Поэтому для учителя очень важно продумать содержание раздела или темы учебной программы, задаваясь вопросами: «Что является основным в содержании раздела?», «Что наиболее значимо для детей?» Именно поиск отражения в новой информации своих личных проблем придает процессу обучения важность и личностный смысл [2, с.88].

В качестве одного из условий эффективного формирования толерантности у учащихся старших классов средствами китайского языка мы рассматриваем следующее: отбор речевого содержания обучения на основе материалов, апеллирующих к личному опыту учащихся, их чувствам и эмоциям с последующей организацией на их основе проблемно-диалогового общения.

По мнению М. Липмана, у учащихся должно быть гораздо больше практики по овладению способами разрешения эмоциональной напряженности, проявлению терпимости и нахождению разумных компромиссов, а это будет возможно, только если они с самого начала сталкиваются с проблемами, непосредственно их затрагивающими и действительно нерешенными. Задача педагога – обозначить проблемное поле, стимулировать и организовывать поиск [3].

Толерантность как фактор, стабилизирующий систему (личность) изнутри, а также и извне, фактор, направляющий межличностные отношения в обществе в мирное русло, отмечает М. Мириманова, очень важен сегодня [4].

Автор предлагает, занимаясь проблемами воспитания толерантности в обществе, обращать внимание на оба ее аспекта: внешнюю толерантность (к другим) и внутреннюю толерантность (к неопределенности).

Внешняя толерантность способствует выработке убеждения в том, что человек может иметь свою позицию, способен видеть вещи с иных (разных) точек зрения, с учетом разных факторов; внутренняя толерантность позволяет выработать способность к принятию решений и размышлению над проблемой, даже если не известны все факты и возможные последствия.

Н.Ю. Кудзиева рассматривает толерантность как особую форму выражения субъектами образовательного процесса своего отношения к окружающему миру в единстве всех его проявлений, предполагающую ту или иную форму согласия, основанного на всестороннем многоплановом анализе сущностных связей и отношений зависимости между объектами, процессами и явлениями [5].

О взаимосвязи процесса формирования толерантности с необходимостью обращения к личностным смыслам, возникающим у учащихся в процессе обучения и воспитания, говорил В. Франкл. Образование, по его мнению, не должно ограничиваться и удовлетворяться передачей традиций и знаний, оно должно «совершенствовать способность человека находить те уникальные смыслы, которые не задеты распадом универсальных ценностей» [6]. Задаваясь вопросом можно ли учить ценностям, автор утверждал, что ценностям учить нельзя, но при этом добавлял, что их нужно проживать. Нельзя также, по его мнению, и передать смысл. Учитель может дать своим ученикам не смысл, а личный пример.

Идеи В. Франкла тесно переплетаются с идеями гуманистической педагогики, педагогики ненасилия, базирующихся на следующих базовых принципах: свободы; создания ненасильственной развивающей социально-педагогической среды; насыщения жизнедеятельности образовательного учреждения ненасильственным содержанием, личностного подхода ко

всем участникам образовательного процесса (Ш.А. Амонашвили, О.С. Газман, В.А. Ситаров, В.Г. Маралов, Е.Ю. Клепцова).

Каждый предмет должен выходить на нравственные категории. Именно при таком условии «главным моментом педагогического процесса, – пишет В.В.Давыдов, – становится личностное общение учащихся с педагогом и организуемое им общение, в котором педагог не выступает в качестве транслятора изучаемого предмета (что характерно для технологического обучения учащихся), а сам предмет превращается в посредника, в средство общения [7, с. 80].

Реализуя это условие формирования толерантности у учащихся старших классов средствами китайского языка были раскрыты возможности переработки программного материала в проблемы рассматриваемого плана; были уточнены позиции учителя и учащихся в ходе работы над проблемой; описаны особенности организации проблемно-диалогового общения на уроках китайского языка; при организации проблемно-диалогового общения опирались на принцип контрастивно-сопоставительного соизучения культур и цивилизаций в контексте их непосредственного и опосредованного взаимовлияния, использовали метод открытых вопросов, логико-смысловые карты проблемы.

Проанализировав учебный материал учебников китайского языка, по которым обучаются учащиеся 10, 11 классов, мы пришли к выводу, что он содержит немалый потенциал к преобразованию его в проблемы рассматриваемого плана, несмотря на то, что он достаточно упрощен, чтобы стать для старшеклассника активным стимулом.

Темы, выбранные для предполагаемого проблемно-диалогового общения должны отвечать ряду требований:

- соответствие дидактическим задачам;
- значимость для всех членов общества;
- доступность для понимания затронутой проблемы старшеклассниками;
- эмоциональная окрашенность, способная вызвать эмоциональный отклик у учащихся;
- наличие проблемы, неоднозначно трактуемой разными членами общества;
- многозначность, обозначенных в теме позиций.

Отобранный таким образом материал исключает упрощенный подход к его пониманию, предполагает серьезное к нему отношение, обеспечивая предпосылки для развертывания диалога через небезразличие учащихся к содержанию, к тем жизненным реалиям, которые за ним скрываются, что способствует восприятию его как личностно значимого для учащихся.

Очень важно, чтобы и материал, отобранный учителем, и сам процесс проблемно-диалогового общения апеллировал к чувствам учащихся, их жизненному опыту. Не секрет, что значительную часть информации, на основе которой складываются жизненные ценности учащихся, они получают из телевидения, кино, Интернета, а также из общения со своими ровесниками.

Личный опыт учащихся часто характеризуется неупорядоченностью впечатлений, противоречивостью полученной информации, неоднозначностью точек зрения, что заставляет их принимать за истину очень субъективные мнения, характерные для окружающего их социума.

Опираясь на исследования субъект-субъектных отношений в процессе обучения и воспитания, мы уделяем особое внимание процессуальной стороне проблемно-диалогового общения.

Следует уточнить позиции учителя и учащихся в ходе работы над проблемой. Учащиеся выступают на равных с учителем: они могут свободно высказывать свое мнение и не одно, они могут соглашаться или нет с учителем, учитель же ни в коем случае не навязывает своего мнения детям, он точно также как и дети может его высказать, привести аргументы в его пользу.

Учащийся воспринимается учителем таким, каков он есть, со всеми его плюсами и минусами, с неоднозначными ценностными ориентациями. Учитель также обязан предстать перед старшеклассниками в открытой позиции. В открытой – как человек, готовый поделиться со всеми своими эмоциями, чувствами, мыслями по поводу неоднозначных вопросов, и, возможно, закрытой – как учитель, не спешащий диктовать свои условия, навязывать собственные истины, отвергать не соответствующие его взглядам мнения учащихся.

Организация проблемно-диалогового общения должна отвечать ряду требований:

- 1) побуждать учащихся формулировать имеющиеся у них идеи и представления, высказывать их в явном виде;
- 2) сталкивать учащихся с явлениями, которые входят в противоречие с имеющимися у них представлениями;
- 3) побуждать учащихся выдвигать альтернативные объяснения, предположения, догадки;
- 4) давать возможность учащимся исследовать в свободной и ненапряженной обстановке, особенно, путем обсуждения в малых группах;
- 5) давать учащимся возможность применять новые представления к широкому кругу явлений, ситуаций – так, чтобы они могли оценить их прикладное значение.

Все эти требования, объединенные субъект-субъектными отношениями ученика и учителя, подразумевают ориентацию на активное освоение человеком способов познания действительности, адаптацию познавательных интересов к запросам и потребностям личности, ориентацию обучения на личность учащегося, обеспечение возможностей его самораскрытия.

Проблемно-диалоговое общение может заключаться в столкновении разнохарактерных суждений, в преобразовании, переосмыслении внутренних феноменов проблемы, а может предполагать на основе столкновения многих мнений порождение собственных более глубоких смыслов, ориентированных на гуманные принципы бытия человека.

Как уже отмечалось, особенно приветствуется множественность высказываемых мнений, которые в процессе обсуждения проблемы трансформируются, преобразуются во встречные вопросы и учителю, и одноклассникам. Таким образом, диалог со стороны учащихся представляет собой гибкую кооперированную деятельность, где каждый из участников вносит свою лепту в решение проблемы. Весь процесс общения должен быть подчинен одной цели – поиску объективных или субъективных истин.

В ходе проблемно-диалогового общения, учитель может использовать метод открытых вопросов [8, с.58]. Среди них выделяются следующие: гипотетические, которые помогают ученикам вообразить те или иные ситуации, стимулирующие мыслительный процесс («Что

бы вы сделали / подумали бы...?»); побуждающие к размышлениям («Как бы мы могли помочь решить эту проблему?»); поощряющие / поддерживающие («Это интересно, а что случилось дальше?») – они помогают ученикам делиться собственным опытом и взглядами; выявляющие мнения («Что вы думаете или чувствуете по поводу...?») – такие вопросы показывают ученикам, что их мнение для учителя важно и интересно; зондирующие («Почему вы так думаете?») – такие вопросы помогают учащимся задуматься и объяснить или проанализировать свое мнение; разъясняющие / обобщающие («Буду ли я права, если скажу, что вы думаете...?»).

Еще одной важной особенностью организации проблемно-диалогового общения является анализ обсуждаемой проблемы с точки зрения разных культур. Очевидным является тот факт, что в темах, предложенных для организации проблемно-диалогового общения будут раскрываться те или иные ценности, присущие как русскому, так и китайскому народу, и задача учителя состоит в том, чтобы, размышляя о возможных культурных различиях двух народов, отраженных в учебных текстах, дополнительных материалах для обсуждения попытаться подвести детей к тому общему, что уже выходит из ранга национальных ценностей и переходит в ранг общечеловеческих.

Важным фактом, который необходимо учитывать при организации проблемно-диалогового общения, является то, что обсуждение проблемы ведется на китайском языке. Хотя учащиеся уже имеют достаточный уровень владения языком, но иногда даже этот уровень оказывается не всегда достаточным при ведении дискуссии на иностранном языке, поскольку участие в дискуссии представляет собой сложный вид деятельности даже на родном языке учащихся. Поэтому в процессе подготовки необходимо уделять внимание овладению языковыми средствами, позволяющими оформлять содержательную сторону высказывания.

Во избежание возможных трудностей языкового плана непосредственно в процессе проблемно-диалогового общения мы использовали логико-смысловые карты проблемы (ЛСКП) [9, с.167].

Использование ЛСКП в ходе проблемно-диалогового общения имеет много положительных моментов:

- получив такую карту перед обсуждением проблемы, учащийся сможет охватить ее целиком, как бы с птичьего полета, увидеть ее логическое развитие и предметное содержание, ознакомиться с различными точками зрения. Все это дает учащимся необходимый психологический настрой;
- карта помогает высказаться аргументировано, и высказывания будут связаны с решением задач проблемного характера;
- карта создает условия для богатства ассоциаций и тем самым обеспечивает развитие качества продуктивности речевого умения старшеклассников;
- полнота сведений по проблеме способствует не только повышению коммуникативной мотивации, но и более глубокому и правильному пониманию проблемы, следовательно, процесс обучения в целом будет иметь целенаправленный воспитательный характер;
- карта является одним из средств повышения логичности высказывания.

В верхней части карты располагается смысловой тезис, а заключает карту ключевой тезис. В нем должен быть представлен логический вывод, основная идея проблемы, возможный ключ к ее решению. Но это должен быть один из возможных путей, который вовсе не

обязателен для всех. Все слова и словосочетания, представленные в вертикальных столбцах, призваны служить смысловыми опорами для возможных высказываний, а их последовательность – логической опорой. При этом, мнения, представленные в крайних вертикальных столбцах, являют собой противоположные точки зрения, а промежуточные имеют смысловые и логические связи с ними и служат переходными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев Н.А. Личностно-ориентированное обучение: Вопросы теории и практики. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1996.
2. Белухин Д.А. Личностно-ориентированная педагогика: Учебное пособие. М.: РАО МПСИ, 2005.
3. Липман М. Обучение с целью уменьшения насилия и развития миролюбия // Вопросы философии. 1995. №2. С.110-121.
4. Мириманова М. Толерантность как проблема воспитания // Развитие личности. 2002. №2. С.104-116.
5. Кудзиева Н.А. Формирование толерантности у субъектов высшего профессионального образования: дис. ... канд. пед. наук (13.00.08). Москва: Московская медицинская академия им. И.А. Сеченова, 2003.
6. Франкл В. Человек в поисках смысла : сборник / Пер. с англ.и нем. // общ.ред. Л.Я. Газмана и Д.А. Леонтьева; вст. ст.Д.А Леонтьева. М.: Прогресс, 1990.
7. Давыдов В.В. Философско-психологические проблемы развития образования. М.:ИНТОР, 1994.
8. Миротворская И.В. Формирование толерантности у учащихся старших классов общеобразовательных школ в процессе правового образования: дис. ...канд. пед. наук (13.00.01). Чебоксары, 2004.
9. Пассов Е.И. Концепция коммуникативного иноязычного образования (теория и ее реализация). Методическое пособие. СПб.: «Златоуст», 2007.

Н.С. Стародубцева

РАБОТА С ИЕРОГЛИФИЧЕСКИМ ТЕКСТОМ СО СТУДЕНТАМИ ВТОРОГО ГОДА ОБУЧЕНИЯ

Иероглифический текст – основа обучения всем видам речевой деятельности на китайском языке: слушанию, говорению, чтению и письму. Работу с текстом как основой обучения всем видам речевой деятельности (РД) со студентами второго года обучения рекомендуется начинать с формирования такого вида РД как чтение. «Чтение – процесс восприятия и активной переработки информации, графически закодированной по системе того или иного языка, представляет собой сложную аналитико-синтетическую деятельность, складывающуюся из восприятия и понимания текста, причем самое совершенное (зрелое) чтение характеризуется слиянием этих двух процессов и концентрацией внимания на смысловой стороне содержания» [1, с.224].

«В зависимости от целевой установки различают просмотровое, ознакомительное, изучающее и поисковое чтение» [2, с.94]. При работе со студентами второго года обучения чаще

всего имеют дело с изучающим чтением. «Изучающее чтение предполагает достижение детального/полного (100%) и точного уровня понимания основных и второстепенных фактов, содержащихся в тексте. Изучающее чтение целесообразно проводить на текстах, обладающих познавательной ценностью и информативной значимостью, достаточно трудных в языковом отношении» [3, с.235]. Как говорится в справочном пособии «Настольная книга преподавателя иностранного языка» «объектом «изучения» при изучающим чтении является информация, содержащаяся в тексте, но никак не языковой материал» [4, с. 96]. Нами при работе со студентами второго года обучения чаще всего используется изучающее чтение в комплексе с анализом языкового материала, что способствует овладению новым лексическим материалом: запоминание значения и произношения слова через анализ составляющих его иероглифов и их образующих графем (фонограмм и идеограмм), через анализ словообразовательных связей. Например: 危机 wēijī – кризис: 危 – «опасность», 机 – «возможность» – в каждой проблемной ситуации заложено не только разрушение старого, но и созидание нового; 多神教 duōshénjiào – язычество – «религия, исповедующая веру во множество духов» и т.п.

Как уже отмечалось, «при зрелом чтении «многие мыслительные операции (вычленение опознавательных признаков, установление связей в тексте и др.) протекают в свернутом виде» [5, с.232]. Но чтобы сформировать навыки зрелого чтения необходимо сначала научить студентов, а потом регулярно заниматься выполнением этих мыслительных операций. «Анализ, как справедливо отмечает С.К. Фоломкина, при чтении выполняет вспомогательную роль. Языковая форма текста содержит много ориентиров и подсказок, используя которые учащийся может в дальнейшем самостоятельно преодолевать языковые трудности» [цит. по 5, с. 235]. Поэтому при анализе текста необходимо научить студентов видеть эти ориентиры и подсказки: знаки препинания, грамматические формы, средства синтаксической связи, рамочные конструкции (以。。。为。。。; 当。。。时 и др.), оформление суффиксами и т.п.

«Хотя в реальном чтении процессы восприятия и понимания тесно взаимосвязаны, умения и навыки, обеспечивающие данные процессы, принято делить на две группы: а) умения и навыки смысловой переработки воспринимаемой информации; б) технические навыки чтения» [5, с.228]. На этапе смысловой переработки воспринимаемой информации рекомендуется выполнять следующие действия:

1. Знакомство с предложением – чтение предложения про себя (проговаривание во внутренней речи).
2. Анализ грамматических, пунктуационных информативных признаков, средств синтаксической связи и др. с целью понимания его смысла. Например:
 - 1) определить тип предложения и функции всех его составляющих по внешним признакам;
 - 2) первоначально выделить главные члены предложения, затем – второстепенные;
 - 3) выделить служебные слова для членения предложения на смысловые группы;
 - 4) определить какой частью речи являются слова.

После осуществления смысловой переработки воспринимаемой информации наступает время работы над формированием технических навыков чтения. Данный этап состоит из

подготовительного этапа и этапа непосредственного чтения вслух. Подготовительный этап содержит такие виды работы как:

- 1) выделение имен собственных, которые традиционно вызывают трудность при чтении;
- 2) перевод с русского языка на китайский словосочетаний, используя эквиваленты из текста;
- 3) интонационная разметка предложения.

Отбирая материал для работы над формированием такого вида РД как чтение необходимо помнить и о познавательной значимости текстов. «В действительности на уроках иностранного языка используется большое количество учебных текстов, роль которых заключается в вводе и закреплении лексического и грамматического материала. Как правило, они не отличаются привлекательностью для студентов, поскольку являются малоинтересными и малоинформативными»[6]. Осознавая эту проблему, мы серьезное внимание уделяем отбору текстов, имеющих познавательную значимость с точки зрения страноведения и будущей профессиональной деятельности. Нами совместно с преподавателями-носителями языка были подготовлены учебно-справочные пособия на китайском языке: «Достопримечательности Пекина» [7] и «Очерки по истории России» [8]. Цель данных пособий – сформировать умение читать тексты и вести беседу на данные темы. Пособия могут быть рекомендованы в качестве справочных пособий для экскурсоводов-переводчиков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика: учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2006.
2. Настольная книга преподавателя иностранного языка: Справ. пособие / Е.А. Маслыко, П.К. Бабинская, А.Ф. Будько, С.И. Петрова. 5-е изд., стереотип. Мн.: Высш. шк., 1999.
3. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика: учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений. 3-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2006.
4. Настольная книга преподавателя иностранного языка: Справ. пособие / Е.А. Маслыко, П.К. Бабинская, А.Ф. Будько, С.И. Петрова. 5-е изд., стереотип. Мн.: Высш. шк., 1999.
5. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика: учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений. 3-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2006.
6. Гвоздева О.Л. Аутентичные литературные тексты в преподавании иностранного языка: новый подход // Актуальные проблемы методики преподавания иностранных языков: Материалы межвузовского семинара. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. С. 25
7. Стародубцева Н.С., Чжан Сяоли. Достопримечательности Пекина: учебно-справочное пособие. М.: Муравей, 2004.
8. Е Лиин, Стародубцева Н.С. Очерки по истории России: учебно-справочное пособие на китайском языке. Изд-во АмГУ, 2007.

ОБУЧЕНИЕ ЛЕКСИКЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В ВУЗЕ

Ни для кого не секрет, что китайский язык и Китай становятся все более и более популярными в России, а проведение Года русского языка в Китае и Года китайского языка в России являются прямым тому подтверждением. Дополнительную актуальность развитию российско-китайских отношений придают географическая близость наших стран и традиционные дружеские отношения. Растет и потребность в специалистах, владеющих китайским языком, заметим, именно в специалистах, а не просто в людях, умеющих сносно общаться по-китайски. В России количество желающих изучать китайский язык растет столь стремительно, что вузы и центры, где уже ведется преподавание китайского языка, часто не в состоянии справиться с таким наплывом желающих, еще сложнее обеспечить качество преподавания.

Оценивая коммуникативные способности российских студентов, изучающих китайский язык, или людей, которые полагают, что они этим языком владеют, носители китайского языка в ряду прочего очень часто отмечают скудость словарного запаса коммуникантов, независимо от уровня их языковой подготовки. Основных причин тому видится две: недостаточный объем активного лексического запаса и несформированность лексических навыков словоупотребления и словопорождения по усвоенным словообразовательным моделям. И та и другая причины упираются в проблему преподавания и усвоения лексического минимума.

Прежде, чем говорить об обучении лексической стороне языка, нужно привести определение слова «лексика». По образному выражению Л.В. Щербы, лексика – это живая материя языка. Она служит для предметного содержания мысли, т.е. для называния. Но более известно другое определение лексики. Лексика – совокупность слов и сходных с ними по функциям объединений, образующих определённую систему. Системность лексики проявляется в том, что все её единицы на основе своих свойств входят в определённые лексические объединения (семантические поля, группы, синонимические и цепочки, антонимические противопоставления, словообразовательные модели) [1].

В системе работы над лексикой выделяют три основных этапа: 1) семантизацию или предъявление новой лексики; 2) активизацию (закрепление) лексического материала; 3) практику обучаемых в употреблении лексических единиц.

Под семантизацией мы подразумеваем процесс и результат сообщения необходимых сведений о содержательной стороне языковой единицы. Способы семантизации делятся на две группы: а) **беспереvodные** способы; б) **переводные** способы:

Беспереvodные способы семантизации традиционно включают: использование наглядности, контекст, словообразовательный анализ, использование синонимов и антонимов.

Переводные способы включают однословный перевод и толкование на родном языке.

Ниже мы подробно рассмотрим наиболее эффективные беспереvodные способы предъявления иноязычной лексики.

1. Использование наглядности.

Мы считаем эффективным объяснение многих новых слов на начальном этапе обучения с помощью рисунков, фотографий, таблиц, так как «различные виды наглядности воздействуют на эмоциональную сферу учащихся, активизируя волевые процессы, обостряя память» [1]. Однако для семантизации абстрактных понятий способ зрительной наглядности непригоден.

2. Семантизация с помощью контекста.

Нередко преподаватели представляют новую лексику в контексте, что, по нашему мнению, также является целесообразным. Это может быть а) рассказ с элементами беседы, когда учитель с новой лексикой составляет рассказ. Дойдя до нового слова, учитель выделяет его голосом, останавливается и помогает учащимся догадаться о значении слова (или переводит, или использует картинку). Пр: 今天晚上他用电脑 上网。 После этого идёт работа над формами (как слово читается, пишется и произносится). Учащиеся смотрят на слово, слушают учителя и повторяют его за учителем. Далее следует первичное закрепление слов с помощью разного рода вопросов: а) имитативного (вопрос, в котором есть все слова для ответа) Пр: 他用电脑上网吗? (где 上网 – новое слово). 谁用电脑上网? б) альтернативного (из двух выбрать один вариант). Пр: 他用电脑上网还是写字? в) репродуктивного (на проверку запоминания), где в вопросе нет слов для ответа. Пр: 他用电脑做什么?

Далее учитель, повторяя предложение на котором остановился, продолжает рассказ до следующего нового слова. По окончании рассказа подводится итог работы, составляется список новых лексических единиц. Если новые слова трудно соединить в один рассказ, то учитель составляет несколько небольших рассказов, включая в каждый по три четыре новых слова. В ходе рассказа раскрываются только значения новых слов, закрепление слов в упражнениях происходит после окончания рассказов.

Предъявление новой лексики может происходить и в процессе чтения текста. Здесь тоже можно прибегнуть к нескольким моделям: а) учащиеся читают текст самостоятельно и, встретив незнакомое слово, задают учителю вопросы; б) учитель читает текст, новые слова выделяет голосом, учащиеся задают ему вопросы; в) ученики читают текст, самостоятельно находят слова в словаре, записывают их значения (учитель проверяет работу).

3. Словообразовательный анализ.

Мы считаем целесообразным после семантизации новых слов построение преподавателем словообразовательной цепочки из однокоренных слов: Пр: 课 – 上课 – 下课 – 课文 – 课本, 孩子 – 孩儿 – 小孩儿

При семантизации имен существительных, на наш взгляд, преподавателю необходимо привести форму единственного и множественного чисел.

4. Использование синонимов и антонимов.

Преподаватели иностранных языков при введении новой лексики часто используют синонимы и антонимы. Как правило, антонимичные пары легче усваиваются: 大 – 小, 多 – 少, 开 – 关

Что касается перевода иноязычной лексики на родной язык, то большинство исследователей считают, что к этому способу семантизации следует обращаться лишь в том случае, если применение других способов невозможно. В.Г. Костомаров и О.Д. Митрофанова констатируют: «Перевод слова, сообщение эквивалента в родном языке при всей кажущейся

простоте, экономичности и естественности малоэффективен в обучении: он не способствует обычно запоминанию» [2]. Однако, как показывает анализ отечественных учебников китайского языка, переводный способ семантизации лексики широко применяется на практике. Так, во всех используемых в настоящее время российских учебниках перевод новой лексики приводится либо после каждого учебного текста, либо в конце учебника. Но если позволяет время, то и переводной способ можно превратить в проблемный. Назовем его – предъявление новой лексики отдельным списком слов. Задача этого пути – научить учащихся работать со словарём. Учитель ставит задачу выучить новые слова по теме, научиться работать со словарём. Он рассказывает им об устройстве словаря, раскрывает основные обозначения и указывает на форму записи в словаре. Учащиеся прочитав весь список слов за учителем, самостоятельно осуществляют поиск новой лексики в словаре.

Вторым этапом работы над лексикой является ее первичная тренировка с целью запечатлеть новый материал в памяти обучаемых. Её цель – активизация лексики. Студенты выполняют множество упражнений, в которых активизируемая лексика должна включаться в системные связи: семантические, ассоциативные, словообразовательные, типологические. «Только будучи включённой в связи с другими словами, лексическая единица имеет шанс закрепиться в памяти учащегося» [3]. Многие обращают внимание на необходимость заучивания обучаемыми не отдельных слов, а словосочетаний. Для лучшего запоминания слов можно пользоваться рифмовками, песнями, содержащими новые слова. Следует также мобилизовать специальные приемы запоминания слов: проговаривание с различной громкостью, ритмическое проговаривание на какой-либо знакомый мотив. Такие приемы успешно используются преподавателями интенсивных методов.

Г.В. Рогова предлагает свою систему упражнений для тренировки лексики. Тренировка учащихся в усвоении слов реализуется при помощи упражнений, упрочивающих семантику новых слов и словосочетаний, образованных на основе смысловой совместимости. Все лексические упражнения делятся в соответствии с этим на две категории, направленные во-первых, на запоминание слова, его семантики в единстве с произносительной и грамматической формой, во-вторых, на формирование сочетаний слов смыслового характера.

К первой категории можно отнести следующие упражнения: а) назвать изображенные на картинке предметы; б) выбрать из ряда слов одно, соответствующее данной ситуации; в) исключить из ряда слов слово, не соответствующее данной ситуации (теме); г) образовать с выделенным словом другие предложения по образцу; д) дополнить предложение (или заполнить пропуски в предложении) подходящими словами (слова даны под чертой или приводятся учащимися по памяти); е) употребить в данном предложении синоним к выделенному слову; ж) придать предложению противоположный смысл, употребив вместо выделенного слова антоним; з) ответить на вопрос, употребив новое слово и т.д.

К этим упражнениям примыкают разнообразные «игры в слова». Например, игры с элементами кроссворда (кто назовет больше слов на тему ...).

Вторую категорию тренировочных лексических упражнений составляют упражнения в построении сочетаний. «Для развития речи построение сочетаний – важнейший промежуточный шаг, в языке нет одиноких слов» [4]. Характер сочетаний определяется в каждом от-

дельном случае образом будущего высказывания учащихся. Сочетания выстраиваются по законам смысловой совместимости в тесном взаимодействии с грамматическими нормами.

К данному виду можно отнести следующие упражнения: а) подберите дополнения к глаголам; б) соотнесите слова в колонках, чтобы получились словосочетания; в) составьте сочетания из «разбросанных» слов; г) распространите предложение за счет определений к выделенным существительным; д) постройте сочетания, означающие принадлежность данных предметов членам вашей семьи, вашим друзьям и т. д.

И, наконец, третьим этапом работы над лексикой является обильная речевая практика, способствующая окончательному формированию лексических навыков. Здесь от учащихся требуется использовать новые слова в высказываниях, как в диалогической так и монологической форме, понимать текст при аудировании, узнавать новые слова при чтении текста.

Следует заметить, что по нашему мнению, владение словом иностранного языка в значительной степени зависит как от характера закрепления и речевой практики, так и от способа введения новых лексических единиц. При обучении лексике нужно уделять равноценное внимание всем трем представленным этапам этого важного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Орлова Ю.В. Индивидуально-дифференцированный подход к учащимся при формировании лексических понятий: Дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2001.
2. Костомаров В.Г., Митрофанова О.Д. Методическое руководство для преподавателей русского языка иностранцам. М., 1988.
3. Ворожцова И.Б. Интенсивный курс французского языка «Bon voyage» для средней школы. (Концепция основного этапа обучения). //Иностр. языки в школе. 1988. №1. С. 45 – 49.
4. Кричевская К.С. К вопросу о содержании лексических правил в обучении иностранному языку // Иностр. языки в школе. 1998. №4. С. 23 – 29.

И.Е. Яценко

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ СОДЕРЖАНИЯ ОБУЧЕНИЯ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ

В последнее время в связи с гуманизацией и демократизацией школьного образования большое внимание уделяется поиску оптимальных путей учебно-воспитательного процесса, рациональных вариантов содержания обучения.

При этом центральными проблемами перестройки преподавания иностранного языка в школе являются вопросы определения целей, а также содержания обучения, адекватного им, при разработке которых наиболее эффективными представляются идеи об обучении не просто языку, а иноязычной культуре [1]. Речь идет о реализации социокультурного компонента – фактора, обуславливающего использование языка в определенных социальных и культурных ситуациях. Данный компонент свою очередь является одним из важных условий формирования компетенций учеников.

Социокультурное образование – это неотъемлемая часть обучения иностранному языку. Оно направлено на формирование готовности личности к интеграции в культурно-образовательное пространство современного общества, на развитие коммуникативной куль-

туры обучающихся, их способности к межличностному взаимодействию с представителями различных народов и культур в социально-бытовой, профессиональной и культурной сферах общения [2].

Содержание социокультурного компонента обучения иностранному языку развивается по трем направлениям, как средства социокоммуникации, национальной ментальности и национального достояния.

В термин социокоммуникация вкладывается совокупность приемов и средств устной и письменной передачи информации представителями определенной культуры или субкультуры. К средствам социокоммуникации также можно отнести язык жестов и невербального общения. Так, например, китайцы показывают цифры определенным положением пальцев, отличающимся от обычной формы.

Национальная ментальность – это способ мышления представителей определенной культуры или субкультуры, который определяет их поведение и ожидание подобного со стороны других. В соответствии с исследованиями в области ментальности, она рассматривается в трех измерениях: общем, ситуативном и культурном самоопределении. К общим характеристикам ментальности относятся: знания, поведение и отношения. Яркими примерами данных компонентов будут праздники, обряды и ритуалы носителей языка. Ситуативные характеристики ментальности могут включать установку ментальности, восприятие и выражение [3]. Для китайской ментальности мы выделяем такие критерии установки, как чувство коллективизма, умение быстро учиться и перенимать опыт, почитание традиций.

Говоря о ментальности, необходимо отметить еще один элемент – культурное самоопределение, которое может включать в себя вышеупомянутые общие и ситуативные характеристики. В обществе люди обычно «группируются» по определенным признакам: по интересам, общим ценностям, политическим взглядам.

По каждому из приведенных признаков легко определить, к какому групповому образованию принадлежит человек. Поэтому учащиеся могут быть ознакомлены с различными культурными группами, объединенными национальными нормами.

Под частью национального достояния подразумеваются такие культурные направления, как наука и искусство, история и религия, национальные парки, исторические заповедники и другие места туристического паломничества.

Однако целью социокультурного образования средствами иностранного языка будет ознакомление учащихся с той частью национального достояния, которую знает и которой гордится каждый носитель языка; необходимо также показывать культуроведческую ценность национального достояния.

Национальная ментальность, социокоммуникация и национальное достояние связаны между собой. Культура также является «живой» категорией, чье развитие непосредственно связано с развитием общества. В связи с этим содержание социокультурного компонента будет постоянно меняться и обогащаться новым наполнением [3].

При обучении важно не только достижение качественных результатов в овладении иноязычным общением, но и поиск реального выхода в иную культуру его носителей. Речь идет не просто о знании языка, а об умении использовать его в реальном общении, т.е. о практическом владении языком и, следовательно, о развитии межкультурной компетенции. Данная компетенция состоит из 1) знаний, которые будут формироваться по трем направлениям: социокоммуникации, национальной ментальности и национального достояния; 2) опыта общения и 3) опыта применения. Формирование коммуникативной компетенции нераз-

рывно связано с социокультурными и страноведческими знаниями. Без знания социокультурного фона нельзя сформировать коммуникативную компетенцию даже в ограниченных пределах. Только культура в различных ее проявлениях содействует формированию личности человека [1].

В качестве путей и средств реализации социокультурного компонента мы предлагаем введение в обучение китайскому языку социокультурного материала, основанного на дополнительных текстах, которые повествуют о прямом значении китайских идиом (см. приложение). Нами также был разработан комплекс упражнений, направленных на запоминание и активизацию данных единиц в речи:

- Соедините картинку и дословный перевод с китайским толкованием идиомы.

闻鸡起舞

比喻那些见识短浅的人。

愚公移山

比喻只了解局部，不了解整体。

井底之蛙

比喻及时奋发。

叶公好龙

比喻做事有顽强的毅力，不怕困难。

盲人摸象

比喻表面爱好某种事物，实际上并不真正爱好。

- Найдите эквивалент идиомы в русском языке.
- Объясните значение чэньюя.
- Один ученик дает толкование идиомы, другой – называет чэньюй.
- Составьте идиомы из предложенных иероглифов:

象	井	叶	蛙	摸	鸡	盲	之	龙	移
愚	起	公	舞	好	底	公	闻	山	人

- Впишите в предложения подходящие по смыслу чэньюи.

1. 每天早上有很多事要做。。。
2. 如果人没有知识 就像。。。
3. 我们要有。。。的精神 做事要有恒心。
4. 我对他的看法用四个字形容- 那就是。。。
5. 做事不能像。。。那样。

ЛИТЕРАТУРА

1. Пассов Е.И., Кузовлев В.П., Коростелев В.С. Цель обучения иностранному языку на современном этапе развития общества // Иностранный язык в школе. 1987. №6
2. Дроздова О.В. Формирование профессионально-направленной социокультурной компетенции в процессе обучения иностранному языку // Иностранный язык в школе. 2006. №8. С.76
3. Сысоев П.В. Язык и культура в поисках нового направления в преподавании культуры страны изучаемого языка // Иностранный язык в школе. 2001. №4. С.13-14.

Приложение Тексты для чтения

井底之蛙

井里的青蛙对海鳖说：“我的家乡多么宽阔，住在里面多么快乐，小虫、螃蟹和蝌蚪，谁能比得上我？”海鳖想进去看看，可是左脚还没完全伸进去，右脚就被井栏绊住了。他只好后退几步告诉青蛙：“你见过我住的大海吗？它无边无际，深不可测。持续的洪灾、旱灾都不会使它受到丝毫影响，住在那儿才是真正的快乐。”青蛙听后既惊讶，又惭愧。

盲人摸象

有几个盲人围着一头大象，争辩不休。摸到象牙的盲人说：“大象好似一个又粗又长的萝卜。”摸到象腿的说：“大象和柱子一样。”摸到象脚的说：“大象和舂米的石臼一样。”摸到象背的说：“大象好似一张床。”摸到象尾巴的说：“你们说的全不对，大象原来跟绳子一样。”

愚公移山

传说很早以前，有一位叫愚公的老汉，他家的大门对着太行山、王屋山，两座大山挡了他家的路。愚公决心移走它们，就带领全家老小挖山。他们奋力苦战，并准备世世代代都挖下去。天帝被愚公的精神感动了，就派两个大力神下凡，把两座大山背走了。

叶公好龙

古代有个叶公，非常喜欢龙，在他家里到处都见到龙的图案。武器上、墙壁上画着龙，家具上、柱子上雕刻着龙。天上的真龙听说叶公那么喜欢龙，有一天就来到他的家里，龙把头伸进窗户探望。叶公看见真龙，吓得失魂落魄，面如白纸，转身就跑。

闻鸡起舞

西晋有一个名叫祖逖(tì)的青年，面对腐朽黑暗的社会现实，无限忧虑和悲愤。

一天夜里，祖逖翻来覆去总是睡不着。听到鸡叫的声音，他受到了启发，决心抓紧时间，练一身过硬本领，报效国家，于是起床到院子里练习武艺。从此以后，一听到鸡叫，他就立刻起身练武。终于练就了高强的武艺，当上了奋威将军，打了不少胜仗。

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ СТРАНИЦА

Продолжаем публикацию своеобразных публичных отчетов нашей кафедры о работе, проделанной нами вместе со студентами во время научных фольклорно-диалектологических экспедиций.

Лапшевники из Рязанской губернии

Справка

Диалектная лексика – слова, употребление которых свойственно людям, живущим в определенной местности. Диалект – это устная разговорно-бытовая речь жителей сельской местности. Местные названия вещей и понятий, распространенные в данной местности, называются этнографизмы

Что называют *праником* или *каталкой* и кто такой *саёныш*? Об этом можно узнать на кафедре русского языка Амурского государственного университета. Каждое лето вот уже 10 лет подряд преподаватели и студенты филологического факультета выезжают в районы нашей области, где собирают фольклор и записывают речь старожилов. Просто диву даешься, насколько богат русский язык! Мы забываем простые названия окружающих нас предметов. А ведь в каждой местности есть свой говорок, складывавшийся годами и даже столетиями. В лексике говоров оказывается отраженной наша история, в том числе история нашего края. Конечно, мы должны идти в ногу с прогрессом, но при этом все же необходимо помнить и хранить свой язык, свою культуру, свою историю. Замечательно, что еще сохранились старинные слова. От них веет теплотой, тем, что мы называем нашим, русским, родным. Наши бабушки употребляют еще диковинные словечки, которые мы сами произносим только в шутку. Амурская область очень пестрая по составу переселенцев. Здесь собрались носители многих говоров, приехавшие из разных мест. Люди, волей судеб оказавшиеся в амурских селах, говорили порой на разных диалектах, а в процессе общения перенимали слова друг у друга слова или создавали новые. Так, переселенцев из Рязанской губернии у нас в области называли *лапшевниками*. Как появилось такое название? Оказывается, в отличие от других жителей села они искусно делали очень тонкую лапшу. Были также *тамбоши* – переселенцы из-под Тамбова, а украинцев именовали *галушниками* за их любовь к галушкам.

Сохранить диалектную речь в современной деревне невозможно: сильно влияние литературного языка. А вот записать ее для исследователей, а также для тех, кого интересуют история и культура края, можно и нужно. Это кладезь народной культуры, народной мудрости. В рассказах на немудреные темы просыпается вдруг душа человека. Живя вдали от цивилизации, простые люди очень ценят и с благодарностью воспринимают интерес к своей жизни и своей судьбе, а это дорогого стоит.

Саён и саёныш

Отнюдь не каждый знает кто такой *саён*, а уж *саёныш* тем более. Но разгадать такую загадку можно очень просто. Во многих амурских селах слово *саён* широко известно. Это название дикого козла. Его детеныш тоже должен как-то называться: вот и получилось не

что иное, как *саёныш*. Такие слова подтверждают большие возможности русского языка, его живость и гибкость.

Амурские диалектологи пытаются сохранить совершенно необычные для нашего уха слова. В АмГУ фольклорно-диалектологическая практика проходит с 2000 года. В этом году она десятая – юбилейная. В первую очередь диалектологов интересует речь первопоселенцев амурских сел и их потомков. До сих пор они записывают много лексики, неизвестной носителю литературного языка. Каждый год студенты вместе с преподавателями посещают и обследуют новые районы области. В этом году они были в Свободненском районе. Как оказалось, в этих местах диалектологи уже работали, но в других селах. Этим летом студенты побывали в селах Зиговка, Гуран, Костюковка, Загорная Селитьба, Сычевка, Новоивановка, Серебрянка. На практику ездила довольно большая группа: 21 студент и 6 преподавателей. Деревянная изба, русская печь – словно шаг в прошлое совершают диалектологи. Студенты едут на практику с интересом, несмотря на бытовую неустроенность, которая, конечно, присутствует.

Собранный во время экспедиций материал будет представлен в фольклорно-диалектологическом альманахе «Слово». Это наиболее интересные рассказы старожилов, их речевые портреты, песни, частушки, заговоры, детский фольклор. Уже вышло 6 выпусков альманаха. Первый альманах – в 2003 году, он содержал только фольклорные произведения, записанные в 2000-2002 гг. в Амурской области. Последующие выпуски «Слово» перестали быть сугубо фольклорным: в них представлены главным образом материалы, связанные с диалектной речью. Альманах «Слово» знают не только у нас в области. Исследователи из Германии, Норвегии, Австрии, США знакомы с нашим «Словом», ждут его, а в обмен в АмГУ приходят из-за океана свежие номера «Палеославики», выпускаемые Кембриджским университетом.

Фольклорно-диалектологическая практика – необычная. Она не только учебная и научно-исследовательская, она возвращает к истокам и основам жизни. Нам, горожанам, уже не знаком запах свежескошенного сена. Мы не знаем, как с утра пораньше голоса петухи и мычат коровы. А жаль...

Мнение

Елена Оглезнева,

зав.кафедрой русского языка АмГУ, доцент:

– *Как проходит работа на практике?*

– В администрациях сел, а также в школьных музеях мы узнаем о старожилах, которые проживают в селах, идем целенаправленно к ним и работаем, «вооружившись» диктофонами. После записи происходит обработка материалов: студенты составляют дневники, в которых представлены расшифровки записанных диалектных текстов и фольклора. Диалектная лексика расписывается на карточки для последующего включения в словарь амурских говоров, работа над которым ведется в лаборатории региональной лингвистики АмГУ. Частично словарь опубликован в альманахе «Слово». Дневники и кассеты с записями речи хранятся в лаборатории. На каждой кассете указывается год и место записи, данные об информанте.

– *Как проходит разговор с собеседником?*

– В селе люди очень открытые и отзывчивые. Встречают доброжелательно, охотно рассказывают о своей жизни и истории своего села. Единицы тех, кто отказывается беседовать по причине нездоровья или занятости. Конечно, студентам бывает непросто беседовать с человеком, который намного старше их и прожил нелегкую жизнь. Но наши студенты оказались нравственно готовы к таким беседам. В этом году была удивительная группа: ребята любопытные, знающие, очень хорошо работали. Кроме того, обнаружилось, что они – великолепные артисты. Так, в Зиговке они устроили импровизированный концерт для местных жителей, которые были в восторге и говорили, что у них давно так никто не выступал. Я говорю о группе 797 филологического факультета АмГУ.

– *Что интересного нашли в этом году?*

– Записали диалектные слова, не фиксировавшиеся ранее в диалектных словарях. Это своего рода находки. Записали речь женщины с хорошо сохранившимся материнским говором в селе Новоивановка. Каждая экспедиция имеет свои изюминки.

– *Жители всегда могут объяснить значение слов?*

– Элементарно объяснить всегда могут, дают тексты, которые поясняют значение слова и обязательно еще что-нибудь интересное рассказывают. Часто за бытовыми темами вдруг открывается душа человека, его представление о мире, о ценностях. Например, мужчина в с. Костюковка рассказывал о пчеловодстве и вспомнил, как когда-то давно в тяжелое для него время пчелы вернули его к жизни.

– *Насколько эффективно прошла практика?*

– Мы записали более 110 часов звучащей речи. На этом материале студенты-филологи пишут курсовые и дипломные работы. Наши альманахи тоже выпускаются на собранном нами диалектном и фольклорном материалах.

– *Какое осталось впечатление после поездки?*

– В первый день после возвращения чувствуешь пустоту: не хватает студентов, с которыми очень весело, интересно. И каждый год от поездок в наши амурские села остается чувство большой печали. Люди там живут в основном очень бедно и плохо. Это парадоксально – в условиях богатого по своим ресурсам и возможностям края.

Многие наши сельчане говорят, что в советское время жили лучше. Конечно, они имеют в виду 70-е годы. На вопрос, почему же было лучше, отвечают: была надежда. Надеялись на лучшее, на светлое. Была работа. Засеивали поля, убирали их, зарабатывали деньги. Стабильность – не только заслуга социализма, а составляющая нормально устроенного мира. Молодежь сейчас уезжает из деревни. Хотя студентам понравились люди, живущие в деревне, красота природы, но жить все же хочется хорошо, хочется иметь возможность дать образование детям. А современная деревня к сожалению, к этому не располагает. Она находится в запустелом, полуразрушенном состоянии. Работы нет. Сельская интеллигенция осталась в тех селах, где есть школы.

Хотелось бы пожелать лучшей доли старикам и селянам, так как они этого заслуживают.

Ирина Маркина
«Деловое Приамурье». № 27, 2009. С. 36-37

**Воспоминания о практике-2006:
что не вошло в научные отчеты**

Анна Скрябина,
выпуск «русских филологов» 2008 г

Ну вот и решилась я сесть и написать несколько слов о ФДП³⁰-2006 – событии, которого мы ждали целый год ...

Итак, экспедиция-2006. Действующие лица:

Нин Геннадьна – тов. куратор группы 397, руководитель экспедиции, «Мисс инквизиторский взгляд-2005».

Дарь Николавна – тов. замкуратора группы 397, завкассетами и завбатареями, фотоохотница.

Владимир Степаныч – тов. водитель «Весёлого амгушного автобуса».

Вячеслав Пардабаевич – тов. охранник-воспитатель, подполковник в отставке, и швец, и жнец, и на дуде игрец.

Далее:

Лариссонька, Аська, Люся, Мисанька, Наська, Ленка, Марыська, Хлебzzzz, Машка, Лелька.

Вот такие они – эти загадочные **МЫ**.

Собирались мы почти по тому же сценарию, что и в 2005 году.

Погрузились – сели – поехали. До места назначения добирались около пяти (!) часов. В Никольском, где нас изначально планировалось поселить, были плохие условия, и мы поехали в Ключи Белогорского района, в клуб.

Первое впечатление: зачуханная комнатёнка, огромная зала, библиотека и зал со сценой. Часа через два упорного отмывания, разгребания, двигания и перетаскивания вещей мы улыбнулись, отряхнули руки и, улыбаясь, сказали друг другу: «Да не так уж и плохо, жить можно».

Зачуханная комнатёнка отмылась, обросла шторами, покрылась спальными местами, заставилась игрушками и всевозможными баночками, тюбиками, бутылками и стала очень даже ничего. Огромную залу заставили столами, стульями, продуктами, и она превратилась в шикарную столовую с элементами кухни. В этой зале стены были увешаны картинами, причём рамы являлись частью настенной лепнины, что придавало помещению какой-то величественный вид.

Любишь купаться – люби Владимира Степановича толкать

Поехали купаться. Взяли с собой местных ребятишек, чтобы они показали место с песчаным берегом. Показать-то показали, только мелкое оказалось место – максимум по грудь. Если на спине лежать. Решили поехать туда, где плюхались днём раньше. Погрузились, но тронуться не получилось: увязли. Под дружный хохоток (приключение, всё-таки) раскопали колёса... потом ещё раз... и ещё... Автобус закапывался всё глубже...

³⁰ ФДП – фольклорно-диалектологическая практика.

После советов и обсуждений был дан старт, и филологи-397 стали... увлечённо наблюдать, как кандидат филологических наук и почти кандидат филологических наук сосредоточенно разгребали песок, используя тапки в качестве лопаток.

Шутка, конечно. Рыли все, причём с каким-то нездоровым азартом. План сработал, и мы, гордые-гордые, поехали на старое место.

В тот памятный день и родилась паремийка, вынесенная в заглавие эпизода.

Иван Купала: традиции сохранились

Последний день практики по совместительству оказался днём Ивана Купалы. После завтрака мы поехали в Андреевку. Вдруг откуда-то взялись местные на мотоцикле и облили автобус. «Слава Богу, что мы в автобусе», – думали мы.

Обратно некоторые товарищи (я, Махухоль, Хлебчик и Нин Геннадьна) решили пойти пешком (там недалеко, около двух километров). Шли спокойно и весело, пока впереди не замаячил подозрительный грузовичок с шестью молодыми людьми в плавках и в кузове. Заметив баки с водой, мы резво убежали в лес. Молодые люди не менее резво похватили вёдра и ринулись за нами. Путём длительных переговоров корректной Нин Геннадьне и злым Маше и Оле удалось убедить парней не обливаться нас. На прощание добрые обливальщики предупредили, что по деревне ездят мужики – они не пожалеют. Кое-как найдя дорогу, мы вошли в деревню и через некоторое время были облиты теми самыми безжалостными мужиками. Потом мимо проехали уже знакомые молодые люди в плавках и со словами «вы всё равно мокрые» поддержали традицию. На протяжении всего пути до клуба, нам в больших количествах встречались лужи и влажные люди всех полов, возрастов и национальностей. Оказалось, что никто не избежал мокрой участи.

Без названия. Обрывки воспоминаний

Про тётку Катю, у которой мы брали воду, люди в деревне говорили, что ссориться с бабенькой не стоит. Как-то раз с вёдрами в руках потопали мы по знакомому адресу. Смотрим – она по улице идёт. Мы заулыбались, руками замахали: «Здрасьте, тётка Катя, а мы к Вам за водой». Та вдруг ка-а-ак рявкнет грозно: «Нельзя за водой ходить!». У меня чуть сердце не остановилось, думаю: наверное, нечаянно ей грядки потоптали. А она видит, как мы оторопели, и давай смеяться: «Вы чё, девчонки, за водой нельзя ходить – нужно ходить ПО воду».

* * *

В спальне было очень сыро, а окна не открывались. Страшно отсырели подушки. Надо было что-то делать. Думали-думали и, наконец, придумали.

В течение целого дня жители села (или деревни – до сих пор не разбираюсь) могли наблюдать презабавнейшую картину под названием «Стая подушек, мирно греющаяся на со-сенках». Не знаю, как местные, но мы смеялись до истерики.

«К@жура», 2010. № 3(12).

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА О СЕЛАХ*

АМУРСКАЯ ОБЛАСТЬ

АРХАРИНСКИЙ РАЙОН

Село Грибовка

Основано в 1898 г. переселенцами из Могилёвской губернии и названо в честь землеустроителя Грибского. Расположено в 26 км к северо-востоку от п.Архара на правом берегу реки Архары. В настоящее время в селе проживает около 360 человек. Сохранилась здесь и небольшая община староверов, прадеды которых в числе первых осваивали эту территорию в конце XIX в.

Село Иннокентьевка

Основано в 1857 г. Расположено на левом берегу реки Амур в 35 км от п.Архара. Первоначально названо станицей Нижнебуреинской. Название «Иннокентьевская» станица получила в честь Иннокентия Вениаминова – архиепископа Камчатской епархии, который, спускаясь по Амуру летом 1862 г., освятил построенную здесь церковь. Первые поселенцы (семьи Масич, Муромцевых, Чеушевых) – забайкальские казаки, прибывшие на Амур с целью освоения дальневосточных земель. Вторая волна переселенцев – жители западных областей России, белорусы, украинцы. В настоящее время в селе проживает около 500 человек.

Село Касаткино

Образовано в 1852 г. как село Халтан (Халтанская станица) казаками-переселенцами. В 1857 г. переименовано по фамилии доктора И.А.Касаткина, участника экспедиции, организованной Н.А.Муравьевым-Амурским в 1854 году. По рассказам старожилов, тонувший в Амуре доктор был спасён казаками. В благодарность он воздвиг на берегу реки часовню, названную Касаткинской. Такое же название получила и станица.

В числе первых поселенцев – семьи Вырупаевых, Рукавишниковых.

Село Касаткино расположено на левом берегу Амура в 70 км от п.Архара. В настоящее время здесь проживает 558 человек около 19 национальностей: русские, белорусы, украинцы, мордовцы, татары и другие. Среди старожилов села есть потомки гуранов – первопоселенцев из Забайкалья

Село Красный Луч

Основано в 1926 г. переселенцами из Брянской области. Расположено в долине реки Амур в 47 км к юго-западу от п.Архара. В настоящее время в селе проживает около 200 человек.

Село Могилёвка

Основано в 1899 г. Расположено в долине реки Архары в 31 км к северо-востоку от п.Архара. Большинство первопоселенцев, приехавших по решению правительства в конце XIX в. на плодородные земли Дальнего Востока, были родом из Могилёвской губернии. Первыми в Могилёвку переселились семьи Куриловских, Кирсановых, Мурашкиных, Исайкиных, Хортовых. Позже сюда приезжали из Воронежской, Калужской областей, из соседних распавшихся деревень – Дыдов и Гилёвки.

Село Сагибово

Основано в 1859 г. Расположено в 95 км к юго-востоку от п.Архара на левом берегу Амура. Среди старожилов села есть потомки гуранов – первопоселенцев из Забайкалья.

* Использованы данные «Топонимического словаря Амурской области» Е.В.Сутурина (Благовещенск, 2000), книги «Амурская область. Опыт энциклопедического словаря» Н.К.Шульмана (Благовещенск, 1989), репринтного издания 1994 г. «Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей» А.Кириллова (Благовещенск, 1894), а также материалы научных экспедиций в села.

БЕЛОГОРСКИЙ РАЙОН

Село Великокнязевка

Основано в 1910 г. по официальной версии. По мнению жителей села, год образования – 1898. Первое название – Великая Княжевка, названо в честь великого князя Константина Александровича Романова, который разрешил поселиться здесь переселенцам из Украины.

Расположено в долине реки Зея.

Село Киселеозёрка

Основано в 1913 г. Первоначальное название – Киселёво-Озёрское. Названо в честь семьи переселенцев Киселёвых и потому, что вокруг села много озёр.

Расположено на левом берегу реки Томь.

Село Ключи

Основано в 1862 г. старообрядцами, переселенцами из Пермской губернии.

Село расположено на левом берегу реки Томь.

В настоящее время в селе проживает около 150 человек.

Село Комиссаровка

Образовано в 1886 г. переселенцами из Екатеринославской губернии. Первоначально называлось Колягино. В начале XX в. село было самым большим в Белогорском районе (1926 г. – 1 345 человек). В селе проживают потомки переселенцев из Рязанской и Московской областей, из Украины.

Село расположено в долине реки Зея, на правом берегу реки Белая.

В настоящее время в селе проживает около 200 человек.

Село Лохвицы

Основано в 1896 г. переселенцами из села Лохвицы Полтавской губернии.

В настоящее время в селе проживает около 990 человек.

Село Никольское

Основано в 1860 г. переселенцами из Пермской губернии, в том числе и старообрядцами. Расположено на левом берегу реки Томь в 15 км от Белогорска. С 1974 г. в селе действует птицефабрика.

Село Новоандреевка

Основано в 1886 г. старообрядцами из Забайкальской области. Расположено на левом берегу реки Зея в 70 км от Белогорска. Первоначально располагалось тремя километрами ниже по течению реки Зея, перенесено на более высокий берег после наводнения.

В настоящее время в селе проживает около 200 человек.

Село Светиловка

Первые 28 семей переселились из Украины в 1895 г., из Полтавской губернии Кременчугского уезда. В числе переселенцев – семьи Логиновых, Ёловых, Киселёвых. Село было зарегистрировано в 1896 г., названо в честь украинского села Светиловка, из которого выехали переселенцы. В селе проживают потомки переселенцев из Рязанской области и Поволжья.

Село расположено на левом берегу реки Томь.

Численность населения в настоящее время около 500 человек.

Село Успеновка

Основано в 1890 г. Село названо в честь праздника Успения Богородицы. Первые поселенцы прибыли из Полтавской и Киевской губерний. В настоящее время в селе проживают потомки переселенцев из Украины, из западных областей России и из различных регионов Дальнего Востока.

Село находится в 51 километре к юго-западу г. Белогорск. Численность населения – около 580 человек.

КОНСТАНТИНОВСКИЙ РАЙОН

Село Верхний Уртуй

Основано в 1890 г., хотя первые заимки появились раньше: по одним данным, в 1880 г. (основатели – семьи Радченко и Кечиных), по другим – в 1883 г. (основатели – семьи братьев Саяпиных). Село населяли крестьяне молоканской веры из Тамбовской и Самарской губерний. С 1935 г. в село переезжали крестьяне из западных районов России и из Украины.

В 2005 г. население составляло около 500 человек.

МИХАЙЛОВСКИЙ РАЙОН

Село Дим

Димский казачий хутор был образован в 1867 году забайкальскими казаками из Минусинского округа Енисейской губернии. В 1869 году в километре от него пятнадцатью переселенцами из Украины было образовано село Дим. В 1891 году его объединили с Димским хутором.

Расположено на правом берегу р. Дим.

На 2010 г. в с.Дим проживает около 900 человек.

Село Зелёный Бор

Основано в 1920 году как центральная усадьба Завитинского совхоза, до 1968 года собственного названия не имело. Современное название дано по сосновому бору, посаженному первыми жителями села.

В настоящее время в состав Зеленоборского сельсовета входят три населенных пункта: Зелёный Бор, Черемисино, Красный Яр.

На 2010 г. на территории сельсовета проживает около 1000 человек.

Село Красный Яр

Основано в 1864 году на берегу реки Завитой. Первопоселенцы – выходцы из Воронежской губернии: Носовы, Коваленковы, Турчаниновы.

В годы гражданской войны и интервенции село было сожжено, жители успели уйти в другие деревни. Село было восстановлено в 20-е годы 20 века.

Село Черемисино

Основано в 1923 году. До 1966 г. являлось одной из усадеб Завитинского (сегодня – Зеленоборского) совхоза и собственного имени не имело. Современное название дано в честь жителя с. Красный Яр, командира партизанского отряда И.Н.Черемисина, возглавлявшего повстанческую группу в годы гражданской войны и интервенции.

Село расположено на левом берегу р. Завитой.

СВОБОДНЕНСКИЙ РАЙОН

Село Гашенка

Село основано в 1906 году. Расположено в 28 км от г.Свободного, в долине реки Зеи. На 2004 г. население села – около 160 человек.

Село Гуран

Основано в 1883 г. старообрядцами из Забайкалья. В числе первых поселенцев были семьи Ерофеевых, Рытовых, Кушнарёвых, Тихоновых, Баланевых. Выходцы из Забайкалья назывались «гуранами» (эвенкийское – “горный козел”), это прозвище и дало название селу.

Расположено на берегу р. Гуран.

На 2009 г. в селе проживает около 230 человек.

Село Дмитриевка

Село основано в 1907 г. До 1911 г. – д.Захватная. Село расположено на берегу р.Большая Пёра в 13 км. от Свободного.

Село Желтоярово

Село основано в 1900 году. Первые поселенцы – семьи Оленниковых, Баланёвых, Титовых. Село является бывшей центральной усадьбой совхоза «Желтояровский», объединявшего сёла Желтоярово, Гащенко, Заган и Новоникольск Свободненского района.

Расположено в 44 км от г.Свободного, на правом берегу реки Зеи.

Село Заган

Село основано в 1906 году. Первоначальное название – Майориха. Село расположено в 40 км от г.Свободного, на правом берегу реки Зеи.

Село Загорная Селитьба

Основано в 1891 г. как казачья станица.

На 2009 г. в селе проживает около 940 человек.

Село Зиговка

Основано в 1910 г. переселенцами из южных областей России.

Расположено в верховьях р. Голубой.

На 2009 г. в селе проживает около 200 человек.

Село Костюковка

Основано в 1901 г. переселенцами из Могилёвской губернии (Белоруссия). Первыми поселенцами были семьи Банных, Конталёвых, Симаковых.

Расположено в верховьях р. Голубой.

На 2009 г. в селе проживает около 690 человек.

Село Москвитино

Село основано в 1864 г. Расположено в 40 км. от райцентра по обоим берегам р.Голубой. Село названо именем землепроходца И.Ю.Москвитина.

Село Разливное (Разливная)

Село основано в 1911 г. Располагается в 36 км от г.Свободный рядом с домом отдыха «Бузули».

Название отражает положение села в месте, где разливается река во время наводнения.

Первыми жителями села были переселенцы из Украины и Белоруссии.

Село Серебрянка

Основано в 1905 г. белорусскими поляками.

Расположено в верховьях р. Голубой.

На 2009 г. в селе проживает около 170 человек.

Село Сычёвка

Основано в 1907 г. До 1917 г. село было казачьей станицей. Названо в честь атамана Сычёва.

На 2009 г. в селе проживает около 640 человек.

Село Черновка

Село основано в 1911 г. Первоначально – разъезд Черновский. Название дано в честь инженера Чернова, руководившего строительством железной дороги на этом участке Транссиба.

Село названо по имени первых поселенцев – Черновых.

Село располагается в 30 км от г.Свободный на правом берегу реки Большая Пёра. В селе имеется действующий керамический завод, железнодорожная станция.

Первыми жителями села были переселенцы из Украины и Белоруссии (семьи Кабановых, Пчельниковых, Андрияшко).

Село Чембары

Первые поселенцы появились в 1904-05 гг., но само село было основано в 1909 г.

Первое название села – Степановка – по имени одного из первых переселенцев Степана Алексеенко. Название «Чембары» село получило позднее – в честь геолога Чембарова, который занимался

поисками железной руды и железного колчедана на месте расположения села. Чембаров был влиятельным человеком в г.Алексеевске (ныне г.Свободный) и настоял на переименовании села в свою честь. Это вызвало недовольство у жителей села, тем не менее, название Чембары было утверждено официально.

По другой версии, село основано в 1910 г. Название происходит от эвенкийского «чэмбэрэ» – «прилипшая глина» (почвы в окрестностях села являются глинистыми).

Село располагается в 32 км от г.Свободный, на левом берегу реки Большая Пёра.

Первыми жителями села были переселенцы из Украины и Белоруссии.

Поселок Юхта

Поселок основан в 1926 г. Располагается в 17 км от г.Свободный.

Название эвенкийского происхождения – от слова «юктэ» со значением «ручей, источник».

ТАМБОВСКИЙ РАЙОН

Село Гильчин

Основано в 1869 г. переселенцами из Тамбовской и Самарской губерний – семьями молокан Ланкиных, Мясниковых, Розвезевых, Аистовых, Хлыстовых, Лиштаевых. После 1890 г. в Гильчине появилась и община баптистов.

До 30-х гг. XX в. в селе проживали китайцы и корейцы.

В настоящее время численность населения – около 500 человек.

Село Косицыно

Основано в 1867 г. молоканами из Тамбовской и Самарской губерний. По словам старожилов, село получило название по фамилии первопоселенцев Косицыных.

Село Раздольное

Образовано в 1910 г. Первопоселенцы – семья Хлыстова Дмитрия Прокопьевича, сосланная за молоканскую веру. С 1913 г. село стали заселять другие молоканские семьи Болотовых, Лиштаевых, Саяпиных, Кондрашевых, Розвезевых. В село переселялись и баптисты. В конце 30-х гг. XX в. село пополнилось переселенцами из Украины и Белоруссии.

Расположенное на широкой равнине, среди лугов и полей, село получило название Раздольное. С 1930 г. здесь существует совхоз «Партизан» (ныне агрофирма), поэтому неофициальное название села – Партизан.

На 2005 г. численность населения – 2359 человек.

Село Рощино

Основано в 1920 г. как отделение совхоза «Партизан». Село образовано на месте заимки молокан Саяпиных, первоначально поселившихся в расположенном рядом с.Раздольное.

В настоящее время численность населения – 195 человек.

Село Толстовка

Образовано в 1884 г. молоканами из Самарской и Тамбовской губерний. Названо в честь первых поселенцев – братьев Романа Дмитриевича и Семёна Дмитриевича Толстовых.

ШИМАНОВСКИЙ РАЙОН

Село Кухтерин Луг

Село основано в 1909 г. Расположено на правом берегу реки Зея в 86 км от г. Шимановска. В советское время в селе располагался лесозаготовительный участок Зейского леспромхоза, завод по изготовлению шпал. Неофициальные названия: Кухтерино, Кухтерин. По другим данным, название дано в честь главы города Благовещенска того времени, когда было образовано село. По данным старожилов села, оно так названо в честь купца Кухтерина. Родина первопоселенцев – Белоруссия, Украина, Центральная Россия.

Село Ураловка

Село образовано в 1912 г. Располагается в 90 км от г.Шимановска на левом берегу реки Зеи. В советское время в селе находился лесопункт Зейского леспромхоза.

Первыми поселенцами были семьи Пискуновых, Власовых, Соколовых, Иванниковых, Бушмакиных, Дмитрюк, Сидорюк. Родина первопоселенцев – Белоруссия, Украина, центральная Россия. Название согласно одной из версий дано по имени речного судна «Урал», которое простояло около села две недели из-за убытия воды в реке.

Село Чагоян

Село основано в 1910 г. на месте стойбища манегров (тунгусо-язычного племени). Раннее название – Михайловское; современное – Чагоян – дано селу в 1912 г. (монгольское «цаган» – «белый»; в том месте, где расположено село, берега Зеи сложены белым известняком). По другим версиям, название села происходит от китайских слов «чага» (известь) и «ян» (есть) или от имени китайского купца-промышленника Ча Го Яна. Расположено в 45 км от г.Шимановска на берегу реки Зеи, где находится каменный карьер по разработке известняка. Первые поселенцы – семьи Кухлиных, Нетунаевых, Мищенко.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ИНФОРМАНТАХ

Астроманова Валентина Егоровна, 1921 г.р. Родилась в с. Поперечном Кожевнинского района Томской обл. В 1948 г. переехала в с. Источный Свободненского района. Проживает в с. Сычевка Свободненского района Амурской области.

Бабкин Владимир Дмитриевич, 1935 г.р. Родился и проживает в с. Загорная Селитьба Свободненского района Амурской области. Родители приехали на Дальний Восток из с. Балаково Балаковского района Саратовской области.

Белоусова Валентина Васильевна, 1936 г.р. Родилась в с. Чугуевка Чугуевского района Приморского края. Мать Белоусова Е.Л. приехала в Приморский край из Полтавской губернии в 1905 г. Отец Чан-ун-Чан В., китаец, 1880 г.р. В 193(?) г. семья была депортирована в п.Февральск Селемджинского района Амурской области. Белоусова В.В. с 194(?) г. по 2008 г. жила в с.Климоуцы Свободненского района Амурской области. С 2008 г. проживает в г. Благовещенске.

Борисова Нина Максимовна, 1931 г.р. Родилась в с.Татакан Архаринского (?) района Амурской области. С 1981 г. проживает в с.Грибовка Архаринского района. Родители переселились на Дальний Восток из Белоруссии.

Волобуева Мария Антоновна, 1935 г. р. Родилась и проживает в с. Зиговка Свободненского района Амурской области. Мать и бабушка приехали из Украины, отец – из Сибири.

Галицкая Мария Степановна, 1934 г.р. Родилась в Брянской области. С 1955 г. проживает в с.Черновка Свободненского района Амурской области.

Гребенщикова Нина Васильевна, 1926 г. р. Родилась в с. Коломенское Леворасошанского района Воронежской обл. С 1939 г. проживает в с. Загорная Селитьба Свободненского района Амурской области.

Ерофеева Фекла Гурьяновна, 1925 г.р. Родилась и проживает в с. Заган Свободненского района. Родители приехали в Амурскую область из Забайкалья (деревня Кунгалей).

Игнатьева Евгения Васильевна, 1922 г.р. Родилась в с. Маргаритовка Мазановского района Амурской области. Проживает в с. Костюковка Свободненского района Амурской области. Родители переселились на Дальний Восток из Молдавии.

Игнатьева Евгения Васильевна, 1922 г.р. Родилась в с. Маргаритовка Мазановского района Амурской области. Проживает в с. Костюковка Свободненского района Амурской области. Родители переселились на Дальний Восток из Молдавии.

Кавардина Евгения Никифоровна, 1938 г.р. Родилась в с.Рожны Клинцовского района Брянской области. В 1959 г. переселилась в с.Слава Михайловского района Амурской области. С 1969 г. проживает в с. Дим Михайловского района Амурской области.

Коновалова Агафья Степановна, 1932 г. р. Родилась в с. Урлук Красночикойского района Читинской обл. С 1984 г.проживает в с. Зеленый Бор Михайловского района Амурской области.

Кравченко Елена Андреевна, 1931 г.р. Родилась и проживает в с. Костюковка Свободненского района Амурской области.

Корнева Полина Тимофеевна, 1922 г.р. Родилась в г. Москве (?). Проживает в с.Иннокентьевка Архаринского района. Родители родом из Брянска.

Королева Валентина Емельяновна, 1935 г. р. Родилась в Белоруссии в с.Нижние Савинки. Проживает в с. Костюковка Свободненского района.

Леминько Нина Игоревна, 1935 г. р. Родилась в Брянской области. Проживает в с. Костюковка Свободненского района Амурской области.

Лощенко Валентина Епифановна, 1937 г.р. Родилась и проживает в с.Новоандреевка Белогорского района Амурской области. Родители отца переселились в село из Забайкалья. Мать родилась в с.Натальино Благовещенского района.

Мосалёва Клавдия Ивановна, 1922 г.р. Родилась и проживает в с. Комиссаровка Белогорского района Амурской области.

Небогатых Екатерина Иосифовна, 1924 г.р. Родилась в Курской области. С 1951 г. проживает в с. Зеленый Бор Михайловского района Амурской области.

Обухова Тамара Архиповна, 1934 г. р. Родилась в г. Воронеже. С 1941 г. проживает в с. Сычевка Свободненского района Амурской области.

Петрова Мария Ефимовна, 1930 г.р. Родилась и проживает в с.Новоандреевка Белогорского района Амурской области. Мать родилась в с.Натальино Благовещенского района Амурской области, её родители переселились из Забайкалья, родители отца также приехали в Новоандреевку из Забайкалья.

Помозова Елена Николаевна, 1947 г. р. Родилась и проживает в с. Костюковка Свободненского района Амурской области. Отец приехал из Молдавии.

Попова Мария Петровна, 1928 г.р. Родилась в с.Красный Восток Михайловского района Амурской области. Проживает в с.Зеленый Бор Михайловского района амурской области. Родители переселились на Дальний Восток из Рязанской области.

Ратушкина Пелагея Петровна, 1921 г.р. Родилась в с. Красное Знамя Рязанской области. С 1939 г. проживает в с. Новоивановка Свободненского района Амурской области.

Рудакова Елена Ивановна, 1938 г.р. Родилась и проживает в с. Костюковка Свободненского района Амурской области. Родители приехали на Дальний Восток из Забайкалья.

Савосько Иван Евсеевич, 1926 г.р. Родился и проживает в с.Куропатино Тамбовского района Амурской области. Родители матери переселилась в Амурскую области с Северного Кавказа в 1903 г. Отец родился на Полтавщине, со своими родителями переселился в с.Куропатино в 1909 г.

Савосько Полина Александровна, 192(?) г.р. Родилась и проживает в с.Куропатино Тамбовского района Амурской области. Мать переселилась в Амурскую области из г.Смоленска, отец – из Украины.

Сакалис Мария Федоровна, 1927 г.р. Родилась и проживает в с.Гуран Свободненского района Амурской области.

Семановская Лидия Даниловна, 1929 г.р. Родилась в г.Брянске Брянской области. Проживает в с.Зелёный бор Михайловского района Амурской области.

Сидорова Валентина Ивановна, 1937 г.р. Родилась в г. Свободном Амурской обл. Проживает в с. Зиговка Свободненского района Амурской области.

Сурина Любовь Михайловна, 1950 г.р. Родилась в с. Старый Быков Бобровицкого района Черниговской области (Украина). С 1970 г. проживает в с. Костюковка Свободненского района Амурской области.

Филонова Анна Порфирьевна, 1940 г.р. Родилась в с. Покровка Ивановского района Амурской области. С 1952 г. проживает в с. Сычевка Свободненского района.

Хлыстов Михаил Власович, 1923 г.р. Родился в с.Казанка Серышевского района Амурской области. Проживает в с. Черновка Свободненского района. Родители приехали в Амурскую область из Белоруссии в 1909 г..

Чжао Минся, 1969 г.р. Родилась в уезде Хума провинции Хэйлуньцзян (КНР). С 1992(?) г. проживает в г. Благовещенске.

Штанина Екатерина Владимировна, 1936 г.р. Родилась в с.Большой Невер Сковородинского района. Проживает в с.Загорная Селитьба Свободненского района.

Щукина Мария Андреевна, 1931 г.р. Родилась в Брянской области. В 1950 г. переселилась в с.Красный Восток Михайловского района Амурской области. С 1953 г. проживает в с.Зеленый Бор Михайловского района Амурской области.

Юдина Пелагея Григорьевна, 1930 г.р. Родилась в г.Курске. С 195(?) г. проживает в с.Великокнязевка Белогорского района Амурской области.

СОБИРАТЕЛИ ДИАЛЕКТНОГО И ФОЛЬКЛОРНОГО МАТЕРИАЛА

2000

Руководитель:

Оглезнева Елена Александровна

Преподаватели и студенты:

Акуленко Ольга

Дементьева Олеся

Дьяченко Наталья

Иванова Наталья Владимировна

Капустина Лариса

Моргунова Людмила

Попович Раиса

Старновская Татьяна

Тахаева Зинаида Ивановна

Туякова Анастасия

Ющенко Делина

2001

Руководители:

Оглезнева Елена Александровна

Архипова Нина Геннадьевна

Преподаватели и студенты:

Белуха Наталья

Гирько Ирина

Грибкова Елена Викторовна

Зайцева Диана

Зенкова Оксана

Иванова Оксана Сергеевна

Кузнецова Ирина

Мальцева Елена

Мельникова Оксана

Назаренко Ольга

Назарова Татьяна

Нифонтова Евгения

Оглых Ирина

Федотова Марина

Хакимова Лариса

Хорош Наталья

2002

Руководители:

Оглезнева Елена Александровна

Архипова Нина Геннадьевна

Преподаватели и студенты:

Аркатова Татьяна

Волегов Сергей Владимирович

Галимова Дарья Николаевна

Зверева Оксана

Игнатенко Светлана

Ляшенко Мария

Пасемина Екатерина

Поздняк Елена

Полищук Татьяна

Полякова Яна

Радкевич Наталья

Степанова Ирина

Суховей Екатерина

Фомичева Татьяна

2003

Руководители:

Оглезнева Елена Александровна

Архипова Нина Геннадьевна

Преподаватели и студенты:

Базарова Светлана

Волгузова Татьяна

Волошина Екатерина

Галимова Дарья Николаевна

Земерс Нелли

Калачева Александра

Лоцилина Юлия

Павлова Анастасия

Семенов Максим

Сиротина Евгения

Шакун Татьяна

Шеина Надежда

2004

Руководитель:

Архипова Нина Геннадьевна

Преподаватели и студенты:

Абрамкина Анна

Алферова Ирина

Галимова Дарья Николаевна

Гордеева Светлана

Гребенникова Екатерина

Краснощёка Ольга

Павлова Анастасия

Пушкарёва Ксения

Русанова Ольги

Сибеева Наталья

Собка Вероника

Степанова Юлия

Филина Анастасия

Хромов Максим

Шакун Татьяна

2005

Руководитель:

Архипова Нина Геннадьевна

Преподаватели и студенты:

Галимова Дарья Николаевна

Горлова Лариса

Губерштро Людмила
Зими́на Алена
Крыжанская Ксения
Мисак Анна
Павлова Анастасия
Радченко Оксана
Скрябина Анна
Трунова Мария
Хлебникова Ольга

2006

Руководители:

Архипова Нина Геннадьевна
Оглезнева Елена Александровна

Преподаватели и студенты:

Бибик Евгения
Ватуля Татьяна
Галимова Дарья Николаевна
Горлова Лариса
Губерштро Людмила
Жаркова Елена
Казакбаева Наталья
Капшук Елена
Кривенко Ксения
Курсакова Светлана
Мисак Анна
Павлова Анастасия
Рачко Елена Евгеньевна
Сидорова Евгения
Силантьева Светлана
Скрябина Анна
Старыгина Галина Михайловна
Степанова Ирина
Трунова Мария
Хлебникова Ольга
Ширяева Светлана

2007

Руководитель:

Архипова Нина Геннадьевна

Преподаватели и студенты:

Башмакова Татьяна
Иванова (Егоренко) Ольга
Ковалёва Анастасия
Котова Олеся
Крюкова Дарья
Лагута Нина Владимировна
Максимова Татьяна
Павловская Светлана
Рачко Елена Евгеньевна
Старыгина Галина Михайловна

Фролова Кристина
Хисматуллин Алексей
Цирульников Екатерина
Чапайкина Нина
Шевченко Александр

2008

Руководители:

Старыгина Галина Михайловна
Рачко Елена Евгеньевна

Студенты:

Грищенко Ирина
Дорофеевская Валерия
Коваленко Анна
Кострыба Юлия
Лушникова Дарья
Перова Надежда
Прядкина Наталья
Феньева Дарья
Ямщикова Татьяна

2009

Руководители:

Архипова Нина Геннадьевна
Галимова Дарья Николаевна
Лагута Нина Владимировна
Оглезнева Елена Александровна
Рачко Елена Евгеньевна
Старыгина Галина Михайловна

Студенты:

Андреева Екатерина
Безнигаева Марина
Белоусова Евгения
Волкова Дарья
Гавриленко Ольга
Девочкин Артем
Зубарева Регина
Зуева Анна
Колосова Анастасия
Кугай Евгения
Лавриченко Мария
Мишун Екатерина
Недзельская Юлия
Неупокоева Евгения
Омарова Валентина
Попова Татьяна
Пудова Мария
Сазонова Юлия
Трошина Валентина
Тушканова Валерия
Юрьева Анна

АВТОРЫ

АЛЕКСЕЕВА ГАЛИНА КУЗЬМИНИЧНА, учитель русского языка и литературы МОУ СПОШ № 2 г.Благовещенска. Имеет высшую квалификационную категорию, звания «Отличник народного просвещения», «Заслуженный учитель школы Российской Федерации», является победителем конкурса грантов Президента Российской Федерации в области образования и науки, ее имя внесено в книгу «Лучшие люди России».

Е-mail: charli71@mail.ru

АРХИПОВА НИНА ГЕННАДЬЕВНА, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка АмГУ, старший научный сотрудник лаборатории региональной лингвистики.

Е-mail: charli71@mail.ru

БЕЛОУСОВА ЕВГЕНИЯ ВАЛЕРЬЕВНА, студентка 4 курса филологического факультета АмГУ, занимается в научном семинаре Н.Г. Архиповой.

БЛОХИНСКАЯ АЛЁНА ВЛАДИМИРОВНА, ассистент кафедры русского языка АмГУ, сотрудник лаборатории региональной лингвистики, аспирант АмГУ.

Е-mail: alyonushka06@mail.ru

БОРОДАТОВ АРТЁМ ВАСИЛЬЕВИЧ, технический сотрудник отдела по связям с общественностью АмГУ, технический сотрудник лаборатории региональной лингвистики.

Е-mail: borodatov_artem@mail.ru

ВАСИЛЬЕВ ВАСИЛИЙ ПЕТРОВИЧ, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков Кемеровского государственного университета.

Е-mail: wwpetrovich@rambler.ru

ВАСИЛЬЕВА ЭЛЛА ВАСИЛЬЕВНА, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков Кемеровского государственного университета

Е-mail: wwpetrovich@rambler.ru

ГАЛИМОВА ДАРЬЯ НИКОЛАЕВНА, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка АмГУ, младший научный сотрудник лаборатории региональной лингвистики.

Е-mail: darja_galimova@mail.ru

ГАЛУЗА ОЛЬГА ЮРЬЕВНА, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Благовещенского государственного педуниверситета.

ДОБРОВОЛЬСКАЯ НАДЕЖДА ВЛАДИМИРОВНА, ассистент кафедры китаеведения АмГУ, аспирант Дальневосточной государственной социально-гуманитарной академии (г. Биробиджан).

Е-mail: nadya-bell@rambler.ru

ИГНАТОВИЧ ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского, руководитель научно-исследовательской лаборатории «Лингвистическое краеведение Забайкалья».

Е-mail: ignatovich_chita@mail.ru

ИНЮТИНА ЛЮДМИЛА АЛЕКСАНДРОВНА, кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры древних языков Новосибирского государственного университета.

Е-mail: ljudina@yandex.ru

КЕЙДУН ИРИНА БОРИСОВНА, кандидат исторических наук, доцент, завкафедрой китаеведения АмГУ.

Е-mail: ikeidun@mail.ru

КИРПИКОВА ЛИДИЯ ВАСИЛЬЕВНА, кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания Благовещенского государственного педуниверситета.

КОЛОМЕНСКАЯ ВАЛЕНТИНА ВЛАДИМИРОВНА, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологического образования Благовещенского государственного педуниверситета.

КОРОЛЬКОВА ИРИНА ВИКТОРОВНА, учитель русского языка и литературы МОУ СПОШ № 2 г. Благовещенска. Имеет высшую квалификационную категорию, «Заслуженный учитель школы Российской Федерации», победитель национального конкурса лучших учителей России (в рамках национального проекта «Образование»).

КУНГУШЕВА ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка АмГУ.

Е-mail: kunguseva@mail.ru

ЛАГУТА НИНА ВЛАДИМИРОВНА, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка АмГУ, научный сотрудник лаборатории региональной лингвистики.

Е-mail: nlaguta@mail.ru

МАЙОРОВ АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и исторического языкознания Бурятского государственного университета (г. Улан-Удэ).

Е-mail: map1955@mail.ru

МАСЛОВЕЦ ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА, кандидат педагогических наук, доцент кафедры китаеведения Благовещенского государственного педуниверситета.

Е-mail: maslovets73@mail.ru

ОГЛЕЗНЕВА ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА, доктор филологических наук, завкафедрой русского языка АмГУ, руководитель лаборатории региональной лингвистики.

Е-mail: eoglezneva@yandex.ru

ПЛЯСКИНА ЕЛЕНА ИВАНОВНА, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания. Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского.

Е-mail: PlyaskinaEI@mail.ru

ПРОЩЕНКОВА НАТАЛИЯ ВАСИЛЬЕВНА, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологического образования Благовещенского государственного педуниверситета.

Е-mail: p-senavax@mail.ru

РАЧКО ЕЛЕНА ЕВГЕНЬЕВНА, старший преподаватель кафедры русского языка АмГУ, сотрудник лаборатории региональной лингвистики.

Е-mail: slovoamgu@yandex.ru

СКРЯБИНА АННА СЕРГЕЕВНА, корректор ООО «Журналистская инициатива» (г. Благовещенск), выпускница АмГУ 2008 г.

Е-mail: anka_skriabina@mail.ru

СОСИНА НАТАЛЬЯ АНАТОЛЬЕВНА, старший преподаватель кафедры русского языка АмГУ, внештатный сотрудник лаборатории региональной лингвистики.

Е-mail: slovoamgu@yandex.ru

СТАРОДУБЦЕВА НАТАЛИЯ СЕРГЕЕВНА, кандидат педагогических наук, доцент кафедры китаеведения АмГУ.

Е-mail: nstarodubceva@yandex.ru

СТАРЫГИНА ГАЛИНА МИХАЙЛОВНА, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка АмГУ, научный сотрудник лаборатории региональной лингвистики.

Е-mail: starygina36@mail.ru

СУХИНА ЮЛИЯ СЕРГЕЕВНА, старший преподаватель кафедры китаеведения АмГУ, аспирант Дальневосточного федерального университета.

Е-mail: suhina-25@mail.ru

ШАТРАВКА АННА ВЛАДИСЛАВОВНА, кандидат филологических наук, доцент кафедры китаеведения АмГУ.

Е-mail: ashatravka@mail.ru

ШЕНКЕВЕЦ НИНА ПЕТРОВНА, кандидат филологических наук, профессор кафедры филологического образования Благовещенского государственного педагогического университета.

Е-mail: shenina@mail.ru

ШИПАНОВСКАЯ ЛЮДМИЛА МИХАЙЛОВНА, кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка АмГУ.

Е-mail: slovoamgu@yandex.ru

ЯЦЕНКО ИНЕССА ЕВГЕНЬЕВНА, преподаватель языковой школы «АНДОРА» (г.Благовещенск).

Е-mail: nstarodubceva@yandex.ru

**Научная хроника
кафедры русского языка
Амурского государственного университета**

2010 г.

5 февраля состоялись V Кирилло-Мефодиевские чтения. Основная тема чтений – «Россия и Китай в аспекте языкового взаимодействия». Это не случайно: 2010 год объявлен Годом китайского языка в России. На чтениях выступили с докладами преподаватели кафедры русского языка АмГУ доц. Н.Г. Архипова, проф. Л.М. Шипановская, доц. Е.А. Оглезнева, асс. Д.Н. Галимова и др., преподаватели кафедры китаеведения АмГУ доценты И.Б. Кейдун, А.В. Шатравка, Ю.Г. Лемешко, Н.С. Стародубцева, а также наши коллеги из Благовещенского государственного педуниверситета проф. Л.В. Кирпикова, доц. О.Ю. Галуза.

В рамках V Кирилло-Мефодиевских чтений прошла презентация монографии Е.А. Оглезневой «Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине)». Автором были озвучены основные идеи книги, которая явилась результатом нескольких лет работы над материалом как в полевых условиях – в общении с последними представителями русской диаспоры в Харбине, так и в архивах и библиотеках. Монография получила высокую оценку коллег.

17 марта в Томском государственном университете состоялась защита диссертации Дарьи Николаевны Галимовой на тему «Метафорическая картина мира русских говоров Амурской области (структурный и функциональный аспект)», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык (научный руководитель доктор филологических наук, профессор, зав.кафедрой общего, славяно-русского языкознания и классической филологии ТГУ З.И. Резанова).

31 марта 2010 г. в АмГУ состоялась презентация 7 выпуска альманаха «Слово». Презентация прошла с участием студентов, преподавателей, представителей местных средств массовой информации. Каждый имел возможность выразить свое мнение об издании и пожелать авторам успеха в изучении языка родного края.

В июле 2010 г. студенты филологического факультета в количестве 18 человек под руководством Е.А. Оглезневой, Д.Н. Галимовой и А.В. Блохинской собирали диалектный и фольклорный материал в селах Октябрьского и Тамбовского районов Амурской области. Было обследовано 7 сел: Максимовка, Николо-Александровка, Покровка, Кутилово, Борисоглебка, Песчаноозерка, Козьмодемьяновка. Был записан исключительно хорошо сохранившийся говор украинского происхождения, а также собраны языковые факты, иллюстрирующие междиалектное взаимодействие в Амурской области.

Работали с использованием современной цифровой техники, что позволило уже на месте создать электронный архив записанных от информантов речевых произведений. Руководила этой работой Д.Н. Галимова. Следующий выпуск фольклорно-диалектологического альманаха планируется сделать полностью по материалам экспедиции нынешнего лета.

В журнале «Известия Российской академии наук» (Серия литературы и языка, т.69, № 2 за 2010 г.) опубликована рецензия на монографию Е.А. Оглезневой «Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине)» (Благовещенск, 2009). Рецензия написана доктором филологических наук Л.П. Крысиным и доктором филологических наук Р.И. Розиной. Отметив достоинства и недостатки монографического исследования, Л.П. Крысин и Р.И. Розина делают заключение о том, что «книга представляет собой значительный шаг на пути изучения русского языка зарубежья».

С 3 по 5 июля в Благовещенске на Международной выставке-ярмарке «АмурЭкспоФорум – 2010» впервые была представлена номинация «Краеведение».

Двумя золотыми медалями «За труд и качество» была награждена кафедра русского языка АмГУ. В конкурсе участвовали два издания: фольклорно-диалектологический альманах «Слово» (вып. 7) и монография зав.кафедрой русского языка, доктора филологических наук Е.А. Оглезневой «Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине)».

С 29 сентября по 1 октября во Владивостоке проходила 14 Дальневосточная выставка-ярмарка «Печатный двор - 2010».

На этот книжный форум собрались ведущие книгоиздатели и полиграфисты со всего Дальнего Востока. Среди участников «Печатного двора-2010» были представители много-

численных издательских коллективов Амурской, Магаданской и Сахалинской областей, Камчатского, Красноярского и Хабаровского краев, в том числе представители вузовского книгоиздания, а также иностранные гости.

Традиционно в рамках выставки состоялись конкурсы изданий и полиграфической продукции: «Лучшая научная книга», «Лучшая учебная книга», «Лучшее краеведческое издание», «Лучшее электронное издание», «Литературный конкурс» и «Лучшее полиграфическое исполнение».

По итогам конкурса «Лучшая научная книга» Амурский государственный университет получил две награды: бронзовую медаль и диплом в номинации «Монография», за книгу Е.А. Оглезневой «Русский язык в восточном зарубежье» и диплом в номинации «Сборник научных трудов» за фольклорно-диалектологический альманах «Слово»: материалы научных экспедиций. Вып.7.

21-22 октября 2010 г. в Амурском государственном университете прошла Международная научная конференция «Проблемы региональной лингвистики», организованная кафедрой русского языка. В конференции приняли участие ученые из Улан-Удэ, Читы, Петропавловска-Камчатского, Благовещенска, Хабаровска, Саратова и других городов, а также молодые китайские исследователи русского языка.

В рамках конференции работали секции «Русские говоры и просторечие как варианты русского национального языка», «Русские говоры в аспекте отражения региональной картины мира», «Проблемы межъязыкового взаимодействия в дальневосточном регионе», «Региональная специфика в языке и речи». Завершилась конференция поездкой в Хэйхэ, где была возможность послушать живой русско-китайский пиджин, познакомиться с его носителями и в дружеской обстановке обсудить интересующие проблемы и ощутить ту самую языковую специфику региона, которой и была посвящена конференция.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов.....	3
--------------------	---

Современные лингвистические исследования

Межъязыковое взаимодействие

<i>Оглезнева Е.А. (Благовещенск)</i> Русско-китайское взаимодействие на дальневосточных территориях России: историко-лингвистический очерк	6
<i>Кунгушева И.А. (Благовещенск)</i> Китай и китайцы в языковом сознании амурчан	25
<i>Коломенская В.В. (Благовещенск)</i> Китайская реклама на русском языке: к вопросу о языковой специфике (на материале русских вывесок в г.Хэйхэ, КНР).....	31
<i>Архипова Н.Г. (Благовещенск)</i> Тема исхода в Китай в рассказах старообрядцев (семейских) Амурской области.....	37
<i>Прощенкова Н.В. (Благовещенск)</i> Русско-украинское языковое взаимодействие на приграничных территориях	40

Русская диалектология

<i>Инютина Л.А. (Новосибирск)</i> Пространственные лексические парадигмы в сибирских фольклорных текстах XVII-XVIII вв.	43
<i>Майоров А.П. (Улан-Удэ)</i> Термины животноводства в «Словаре русского языка XVIII в.: Восточная Сибирь. Забайкалье»	51
<i>Кирпикова Л.В. (Благовещенск)</i> Лингвистическое источниковедение Приамурья. Марк Азатовский	66
<i>Игнатович Т.Ю. (Чита)</i> Аффрикаты /ц/ и /ч/ и их реализация в русских говорах севернорусского происхождения на территории Восточного Забайкалья	72
<i>Галуза О.Ю. (Благовещенск)</i> К вопросу об изучении функционирования вариантных лексических единиц в говорах	81
<i>Пляскина Е.И. (Чита)</i> Названия домашних животных в одном из говоров Забайкалья	86
<i>Васильев В.П., Васильева Э.В.</i> Словарь притомских говоров Кузбасса.....	93

Китайская филология

<i>Кейдун И.Б. (Благовещенск)</i> Текст «Ли Цзи» как историко-культурный феномен китайской цивилизации.....	101
<i>Сухина Ю.С. (Благовещенск)</i> Особенности интеграции буквенных слов в китайскую языковую систему.....	104
<i>Шатравка А.В. (Благовещенск)</i> Проблема перевода китайских имен собственных в произведениях современных китайских писателей (на примере произведений Лао Шэ)	108

Научные проекты

<i>Шипановская Л.М. (Благовещенск)</i> О проекте коллективной монографии «Лингвистический портрет Приамурья», посвященной проблемам региональной лингвистики.....	112
---	-----

Речевые портреты

<i>Архипова Н.Г., Оглезнева Е.А.</i> Чжао Минся – китаянка с русской душой (из опыта речевого портретирования потомков от смешанных русско-китайских браков)	118
Тексты и комментарии.....	120

<i>Архипова Н.Г., Белоусова Е.В. Соединение славянской и восточной культур в одной языковой личности (на примере речи жительницы русского Дальнего Востока Валентины Васильевны Белоусовой)</i>	130
Тексты и комментарии.....	132

Речевые жанры

<i>Лагута Н.В. Жизненный путь амурского старожила в языковом воплощении (на материале автобиографических рассказов)</i>	137
Автобиографический рассказ	
«Ты запиши! Через два солнца тебе принесу!	142
Воспоминания о войне	
«Не дай бог такой войны и такого голоду!...»	145
«Да живо-ой я пришёл, мама, я живой!».....	149
«Ну, всё равно выжили!»	154
«Завтра ли, може сёдня карательный отряд приеде, шо нам буде?!...»	155

Словарь

Л (<i>Сост. Г.М. Старыгина, Н.А. Сосина</i>)	158
--	-----

Лингвогеография

Результаты обследования сел Зеленый Бор, Дим, Красный Яр Михайловского района Амурской области в 2008 г. по вопросам «Программы собирания сведений для диалектологического атласа русского языка» (таблица и комментарии) (<i>Сост. Е.Е. Рачко</i>).....	172
Результаты обследования сел Костюковка, Загорная Селитьба, Сычёвка, Зиговка Свободненского района Амурской области в 2008 г. по вопросам «Программы собирания сведений для диалектологического атласа русского языка» (таблица и комментарии) (<i>Сост. Е.Е. Рачко</i>)	178

Когнитивная диалектология

<i>Галимова Д.Н. Неконтролируемость жизни как одна из ключевых характеристик диалектной картины мира</i>	184
--	-----

Язык фольклора

Фольклорные тексты (<i>Сост. А.В. Блохинская</i>)	196
<i>Лирические песни</i>	197
Любовные.....	197
Семейные.....	202
Военные.....	202
Трудовые	203
Шуточные.....	204
Тюремная (лагерная)	204
<i>Обрядовые песни</i>	204
Колядки	204

Хороводная песня	205
Частушки	205
Заговоры	207
Житейские обереги	209
Приметы	210
Гадания	211
Пословицы, приговорки, дразнилки.....	214
Народные стихи	215

Школа

Региональный компонент в преподавании

<i>Королькова И.В.</i> Открытие Китая (первый урок из цикла уроков «Культура Древнего Китая»)	217
<i>Алексеева Г.К.</i> Тема Китая на уроках литературы в 5 классе: методические разработки к уроку по сказке Г.Х.Андерсена «Соловей»	222

Методика преподавания русского языка как иностранного

<i>Шенкевец Н.П.</i> Обучение иноязычному общению в контексте диалога культур (из опыта работы с китайскими студентами).....	225
--	-----

Методика преподавания китайского языка

<i>Добровольская Н.В.</i> Роль игры в процессе обучения китайскому языку в неязыковом вузе	235
<i>Масловец О.А.</i> Формирование толерантности у учащихся старших классов в процессе изучения китайского языка.....	238
<i>Стародубцева Н.С.</i> Работа с иероглифическим текстом со студентами второго года обучения	243
<i>Сухина Ю.С.</i> Обучение лексике китайского языка в вузе	246
<i>Яценко И.Е.</i> Социально-культурный компонент содержания обучения китайскому языку	249

Публицистическая страница

Лапшевники из Рязанской губернии	255
Саён и саёныш.....	255
Мнение	256
Воспоминания о практике-2006: что не вошло в научные отчеты	258
Историческая справка о сёлах.....	260
Краткие сведения об информантах	266
Собиратели диалектного и фольклорного материала.....	268
Авторы.....	270
Научная хроника	272

**Амурский государственный университет
Кафедра русского языка
Лаборатория региональной лингвистики**

Адрес: 675027, Амурская обл., Благовещенск,
Игнатьевское шоссе, 21

Тел.: (4162)394583;
(4162)394588

Факс: (4162)367353

E-mail: slovoamqu@yandex.ru

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас принять участие в фольклорно-диалектологическом альманахе «Слово», посвященном проблемам русской диалектологии, лингвофольклористики и этнолингвистики. Альманах «Слово» – это продолжающееся научное издание кафедры русского языка Амурского государственного университета.

В альманахе публикуются статьи и материалы следующей тематики:

- ✎ *История формирования русских народных говоров*
- ✎ *Русские говоры на рубеже XX-XXI веков*
- ✎ *Язык традиционного и современного фольклора*
- ✎ *Лингвогеографический аспект изучения русских народных говоров*
- ✎ *Русские говоры в условиях языкового контакта*
- ✎ *Диалектная лексикография*

Альманах будет сопровожден звуковым приложением на компакт-диске.

Требования к публикации

Объем статьи — до 0,5 п.л. (12 стр. по 1800 знаков в каждой), шрифт Time New Roman, формат – RTF, кегль – 14, интервал 1,5.

Сведения об авторе: Ф.И.О. полностью, должность, ученая степень, ученое звание, полное название организации, адрес, телефон, e-mail.

Для отражения особенностей диалектной речи используйте следующий набор символов:

знак	звук	шрифт
Ү ү	г фрикативный	Symbol
ӱ	в билабиальный	Times New Roman
W w	в губно-губной	Times New Roman
ə	средний гласный	Tahoma

Для отображения ударных гласных используйте шрифт **Times New Roman Cyrillic Accent** Все указанные символы вставляйте в текст командой (*вставка > символ*).

Иллюстрации и диаграммы вставляйте в текст в виде предварительно подготовленных изображений (*вставка > рисунок > из файла*), а не создавайте средствами MS Word.

Требования обусловлены особенностями электронной версии альманаха, верстка которой осуществляется в формате **html**.

При наличии звукового фрагмента к статье присылайте его на компакт-диске (параметры аудиозаписи: **.mp3** [минимум 44kHz, 192kbps] или **.wav**) или укажите адрес в Интернет, откуда может производиться копирование Вашего звукового фрагмента.

Статьи присылайте до 1 сентября по адресу: Благовещенск Амурской обл., 675027, Игнатьевское шоссе, 21, кафедра русского языка, Архиповой Нине Геннадьевне или по электронной почте: slovoamgu@yandex.ru; charli71@mail.ru
Авторские экземпляры будут высылаться бесплатно.

Желающие приобрести уже вышедшие из печати выпуски, а также другие издания кафедры могут сделать заказ по адресу: 675027, Амурской обл., Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21, кафедра русского языка
или по электронному адресу: slovoamgu@yandex.ru

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 1. Фольклор. 2003 (стоимость – 100.00 руб.); ISBN 5-93493-037-0;

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 3. Формы существования современного русского языка. Сборник научных статей. 2005 (стоимость – 100.00 руб.)

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 4. Амурское старообрядчество: речевые портреты. Речевые жанры. Словарь. Язык фольклора. 2006 (стоимость – 150.00 руб.); ISBN 5-93493-068-0;

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 6, специальный. Русское слово в восточном зарубежье. 2008 (стоимость – 200.00 руб.); ISBN 5-93493-125-5;

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 7. Речевой портрет семьи. Речевые жанры. Лингвогеография. Словарь. Язык фольклора. 2009 (стоимость – 200.00 руб.); ISBN 5-93493-125-5;

Оглезнева Е.А. Русско-китайский пиджин: опыт социолингвистического описания. Благовещенск: АмГУ, 2007. 264 с. ISBN 978-5-93493-070-2 (стоимость – 200.00 руб.)

Оглезнева Е.А. Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине). Благовещенск: АмГУ, 2009. 352 с. ISBN 978-5-93493-122-4 (стоимость – 250.00 руб.)

Издания высылаются наложенным платежом (+ почтовые расходы), авторские экземпляры – бесплатно.

По желанию можно заказать компакт-диск, содержащий электронную версию альманаха, а также фото, видео и аудиофайлы (для выпусков 1, 2, 3, 4, 5, 7)

Стоимость компакт-диска – 50 руб.

Вып. 2. Речевые портреты и жанры. Словарь. Язык фольклора (2005) и

Вып. 5. Амурские молокане: речевые портреты. Речевые жанры. Лингвогеография. Словарь. Язык фольклора (2007) существуют только в электронном формате.

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Выпуск 8. Научное издание.

Изд-во АмГУ. Подписано к печати 27.12.10. Формат 60х84/8. Усл.-печ.л. 32,55.

Тираж 1000. Заказ 184.

Отпечатано в типографии АмГУ.